

АНДРЕЙ ДИКИЙ

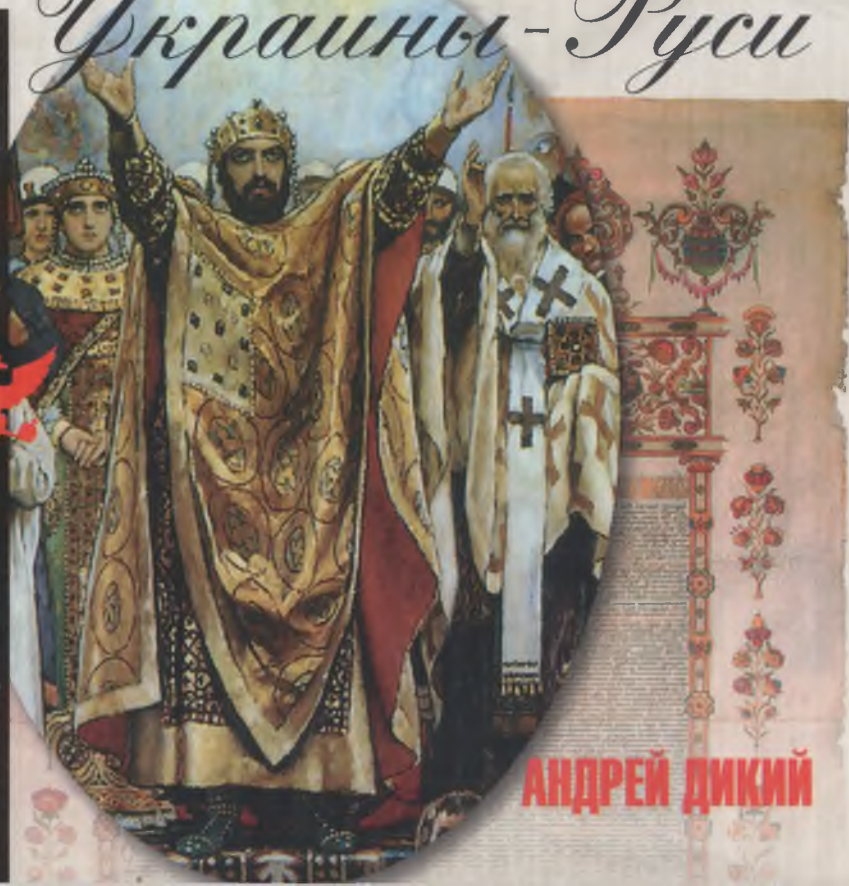
ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

*Неизвращенная
история
Украины-Руси*

НЕИЗВРАЩЕННАЯ
ИСТОРИЯ УКРАИНЫ-РУСИ

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Исторический триллер

АНДРЕЙ ДИКИЙ

Исторический Триллер

АНДРЕЙ ДИКИЙ

ИПРОПАВШАЯ ГРАМОТА
*Неизвращенная
история
Украины-Руси*
ОТ АНТОВ ДО ЗАПОРОЖЦЕВ

АЛГОРИТМ

Москва, 2008

УДК 94(4)
ББК 63.3
Д 45

Д 45 **Дикий А.** Пропавшая грамота. Неизвращенная история Украины-Руси / Андрей Дикий. — М.: Алгоритм, 2008. — 448 с. — (Исторический триллер).

ISBN 978-5-9265-0449-8

Цель этой книги — дать правдивую историю Руси-Украины и тем опровергнуть все извращения этой истории, которыми обилует украинская сепаратистическая историография.

Поэтому было неизбежно, параллельно с изложением неоспоримых исторических фактов, делать отступления для изложения тех извращений или умолчаний, к которым прибегает сепаратистическая историография. Отступления эти вносят в книгу элемент полемический. Но зато они дают всякому объективному читателю ясную картину, насколько далеко зашло извращение истории Украины, которая является фундаментом для всего построения русоненавистнической пропаганды на Украине.

Книга максимально сжато рассказывает об истории Украины начиная с древнейших времен и заканчивая гибелью Запорожской Сечи.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0449-8

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

К ЧИТАТЕЛЯМ

История Украины — Руси имеет особенности, которых не имеет история ни одного другого народа.

Во-первых, ее считают своей историей или частью своей истории (особенно древнейшего и древнего периода) не только украинская, но и русская историография, и, в значительной степени, и белорусская. Все ведут свое начало от предисторического периода и Киевской Руси, считая только себя наследниками ее культуры и государственности. Князя Владимира считают своим князем и русские (великороссы), и украинцы (малороссы), и белорусы, часто называющие себя «кривичами».

Казалось бы, естественно, что три народа, имеющие одного общего предка и один общий исток культуры и государственности, должны вывести логическое заключение о своем единстве. Однако мы наблюдаем совсем другое. Только русская (общероссийская) историография признает это единство. Украинцы предъявляют монопольные права на единое наследие культуры и государственности Киевской Руси и отрицают за великороссами какие бы то ни было на это права. Им вторит и достаточно убогая историография «кривичей» — белорусов-сепаратистов.

Этот «спор за наследство» кладет свой отпечаток на сепаратистскую историографию и лишает ее той объективности, которая является непременным условием для серьезного исторического труда.

Во-вторых, первоначально историю Руси писали иностранцы — приглашенные в XVIII веке в Россию немцы, которые создали целую историческую теорию происхождения Руси и русской государственности, так называемую «норманнскую школу», весьма далекую от объективной исторической правды. Более полутора столетия эта норманнская школа была генеральной линией российской историографии. Сепаратисты, украинские и белорусские, чья историография появилась значительно позднее, тоже исходили из этой «норманнской теории». Но обращались с ней весьма бесцеремонно и, синхронизируя ее со своими политическими целями, многое искажали, извращали или просто замалчивали. Создавались свои «извращенные» украинская и белорусская истории, авторы которых больше старались доказать, что их народы не имеют ничего общего с русскими (великороссами), чем дать правдивую историческую картину. Сознательно, или в результате шовинистических настроений, создавались исторические мифы, выгодные для доказательства правоты своих политических установок, но губительные для исторической правды. В результате истории русских (общероссийских) историков и историков-сепаратистов все больше и больше расходились между собою, создавая предпосылки для взаимного отчуждения этих двух братских и единокровных народов или, точнее, ветвей одного народа — Руси.

Имея тему: «Неизвращенная история Украины-Руси», перед нами стоит нелегкая задача вылущить историческую правду из шелухи исторических мифов, предвзятых мнений, сознательных и несознательных искажений и извращений, которыми изобилует украинская сепаратистская историография.

Задача нелегкая, особенно в эмигрантских условиях, но совершенно необходимая. Пришли крайние сроки начать исторической правдой разбивать сепаратистские измышления, которые являются фундаментом для пропаганды расчленения России.

Если «Неизвращенная история Украины-Руси» вызовет пересмотр политических позиций у тех, кто был введен в заблуждение украинской сепаратистской историографией и новые исторические исследования по вопросам, затронутым в книге, — ее цель будет достигнута.

Принося искреннюю благодарность всем тем, кто в той или иной форме помог выходу «Неизвращенной Истории Украины-Руси», считаю долгом отметить ценную и жертвенную работу П.Л. Сенчи-Залесского, который полностью подготовил материал для большого периода, начиная с древнейших времен до захвата Украины-Руси Литвой.

Андрей Дикий

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Предыстория. Создание государства Киевской Руси. Расцвет и падение Киевской Руси. Создание северо-восточного и юго-западного центров: Галицко-Волынського и Московского. Русско-литовское государство

ПРЕДЫСТОРИЯ РУСИ (ДО ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА)

НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ

Первая попытка систематически изложить русскую историю относится к XVIII столетию. Приглашенные из-за границы немецкие профессора-историки со Шлецером во главе, на основании немногих известных тогда летописей и исторических документов, написали русскую историю и создали так называемую «норманнскую теорию» происхождения русского государства.

Теория эта очень простая и сводится к тому, что иностранцы-норманны, выходцы из Скандинавии, пришли и организовали огромное государство славян, простиравшееся от Балтийского до Черного моря и от Карпат до Волги. Пришли они, согласно этой теории, по просьбе самих славян, убедившихся в своей неспособности организовать государство и «призвавших» для этого варягов, которые и распределили между собою северные области: Рюрик стал княжить в Новгороде; Синеус, его брат, — в Белозерске; Трувор, третий брат, — в Изборске. Впоследствии сын Рюрика —

Игорь, совместно со своим опекуном Олегом, распространил свою власть на юг и положил начало объединению под своей властью всех славянских племен в одно Киевское государство (в начале X века). При его сыне Святославе, за которого во время малолетства и походов правила его мать Ольга, и внуке — Владимире Святославовиче, крестившем в 988 году Русь, Киевское государство достигло огромного могущества и было не только самым сильным, но и самым культурным государством тогдашней Европы.

Схема очень простая и история несложная: за неспособностью наших предков создать свое государство — сделали это «варяги». О том же, что представляли наши предки до прихода варягов, Шлецер пишет: «Конечно, люди тут были, Бог знает с каких пор и откуда. Но люди без правления (организации), подобно зверям и птицам, которые наполняют леса».

А известный поэт А.К. Толстой в своей шутливой «Истории» говорит:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам;
Пускай придут княжить...»

Такого самоунижения, признания своей неполноценности, не знает история ни одного народа.

Только иностранцы, писавшие нашу историю, могли создать такую унижающую национальное достоинство теорию, которая сделалась господствующей в русской историографии на полтора столетия. Надо помнить, что создавалась эта теория в эпоху, когда вся Россия после революционных перемен Петра перестраивалась по немецким образцам и когда немцы были непререкаемым авторитетом в науке и всюду занимали ключевые позиции, а в России только что воцарилась немецкая Гольштейн-Готторпская династия. (Карл Петр-Ульрих, герцог Гольштинский, женатый на принцессе Ангальт-Цербстской — Петр III.)

Взгляд Европы на Россию тогда был, как на землю если не совсем дикарей, то как на землю полудикарей, некультурных азиатов — «москвитов». Пришельцы с Запада принесли этот взгляд с собой, и, когда они, в качестве российских академиков и профессоров, стали писать русскую историю, то и изобразили ее как историю дикарей, которых организовали в государство пришедшие с Запада «варяги».

Первоисточники же, которыми располагали творцы «норманнской теории», как уже сказано, были очень скромные и неполные. Языкознание тогда не началось, научная археология и другие вспомогательные отрасли исторической науки отсутствовали. Образованных историков русского происхождения не было. Опровергнуть эту унижающую национальное достоинство теорию было некому.

Оспаривать эту генеральную линию было не легко, ибо всякое сомнение в ее правильности рассматривалось как отрицание авторитета российских академиков-немцев, создавших «норманнскую теорию», которой придерживалась до самой революции и Императорская Академия наук, и Министерство народного просвещения.

Однако, несмотря на все приведенные выше обстоятельства, сразу же после своего появления «норманнская теория» встретила отрицательное и критическое к себе отношение. Русские люди не могли мириться с этой самоунижающей теорией. Уже Ломоносов восстал против нее, но ничего не мог сделать против всемогущих тогда немцев.

В XIX веке, особенно в конце его, голоса противников норманнской теории начинают звучать все громче, убедительнее и доказательнее. Быстрое развитие вспомогательных исторических наук, нахождение новых исторических памятников, систематическое изучение первоисточников и иностранных архивов — дали богатейший материал противникам норманнской теории для полного ее опровержения. Все русские историки XIX века (кроме «норманнца» Погодина) в той или иной степени содействовали опровержению теории о «призвании варягов». Об этом «призвании» Ключевский говорит: «призвать-то призвали, но в качестве кого?» И объясняет, что славяне, культура которых в IX веке была неизмеримо выше культуры скандинавов-«варягов», действительно призывали иногда отряды варягов для охраны порядка и увеличения своих сил в борьбе с соседями. Бывало, говорит Ключевский, что ватаги варягов появлялись и без всякого призыва с целью грабежа и наживы и задерживались подолгу. Бывало, что призванные на службу варяги захватывали власть. Но все это не имеет ничего общего с тем объяснением появления небольших отрядов варягов, (чего никто не оспаривает), которое дает норманнская теория.

В течение последних десятилетий текущего столетия почти все выдающиеся историки в России и многочисленные авторитетные русские историки в эмиграции единодушны в своем отрицании норманнской теории и в свете новых фактов и открытий исторической и вспомогательных наук, дают документированные данные о том периоде жизни наших предков, в который, по словам Шлецера, они жили «как звери и птицы, которые наполняют леса» — о периоде, предшествовавшем созданию Киевского государства.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Огромная территория будущего Киевского государства никогда не была незаселенной. Уже за тысячу и больше лет до нашей эры греческие историки упоминают о много-

численных племенах и народах, населявших обширные пространства на север от Черного моря и северо-восток от Дуная. Греки, имевшие колонии на берегах Черного моря, поддерживали отношения с этими племенами и вели с ними торговлю. Такие же данные о населенности великой Русской равнины мы находим у историков византийских, римских, арабских, готских первого тысячелетия нашей эры.

Будучи единодушны в утверждении наличия и многочисленности населения великой Русской равнины (территории Киевского государства), все древние историки в разные эпохи называют это население разными именами: киммерийцами, скифами, сарматами, актами, славянами. Это обстоятельство дало основание для создания теории о замене одного народа другим, причем неизменной оставалась только территория. По данным этих историков, за 1000—700 лет до нашей эры (до Р.Х.) эту территорию заселяли киммерийцы; и от 700 до 200 года до Р.Х. — скифы; 200 до и 200 после Р.Х. — сарматы; после 200 года от Р.Х. — анты и славяне.

Новейшие данные исторической науки дают объяснение этому непонятному исчезновению на одной и той же территории одних народов и появлению других.

Согласно этому объяснению многочисленные племена в разные эпохи делали попытки создания государственных образований, причем эти государственные образования именовались по имени того племени, которое в данный момент было руководящим. Никаких полных исчезновений или уничтожений отдельных племен и народов не происходило, хотя Геродот и передает, что весь киммерийский народ покончил самоубийством из страха перед скифами. На самом деле, надо полагать, он слился с ними, предоставив им руководящую роль. И тогда иностранцы все население, все племена, вместо киммерийцев начали называть скифами. Несколько веков спустя то же самое произошло с сарматами, а еще через несколько веков — с антами-славянами. Сведения, которыми мы располагаем о киммерийцах, очень скудны, но уже об их наследниках — скифах мы знаем гораздо больше. В V веке до Р.Х. существовало скифское госу-

дарственное объединение в Приазовье и на Таманском полуострове, а около III века мы находим сильное скифское государство в Крыму. Раскопки в окрестностях Симферополя открыли столицу этого государства — город Неаполь (Новгород) с мощными каменными стенами, богатыми гробницами и обширными зернохранилищами.

В союзы скифских, а позднее скифо-сарматских племен, в качестве союзников или побежденных входили и племена славян, которые постепенно перемещались с северо-запада под давлением германских племен. В этих союзах славяно-русский элемент получил преобладание, а славянский язык вышел победителем при соприкосновении с языками потомков скифов и сарматов.

Так постепенно к первой половине первого тысячелетия после Р.Х. население южной, средней и северо-западной части великой Русской равнины приобретает славянский, русский характер. Иностранцы — античные историки — называют их склафинами и антами. Северо-западные племена — склафинами (славянами), а юго-восточные — антами. Византийский историк Прокопий сообщает, что склафины и анты говорят на одном и том же языке. Это же самое подтверждает и готский историк Иордан и говорит, что это «великий народ», состоящий из «бесчисленных племен».

Об антах академик А.А. Шахматов пишет: «Славяне и Анты — это две отрасли некогда единого племени. Анты — восточная часть этого распавшегося племени. Все, что мы знаем об антах с совершенной ясностью ведет нас к признанию их восточными славянами, следовательно, предками русских».

По словам академика Грекова, «от истории антов к истории Киевского государства идет непрерывная линия развития. Это одна и та же этническая масса, говорившая на одном языке, веровавшая в Перуна, плававшая на однодревках, сжигавшая рабынь на могиле князя».

Академик Державин пишет: «Анты не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Пред-

шественниками Олега и Игоря были антские князья: Межамир, Издачич, Хвалибуд и неизвестные владельцы приднепровских кладов».

Археологические раскопки последних десятилетий дали неопровержимые доказательства наличия славянских поселений на всей территории великой Русской равнины уже в первые века нашей эры. Окрестности Киева, верховья Дона, Волги и Западной Двины, Галиция, Закарпатье, Псков были местами расселения славян, общего происхождения, языка и культуры, что неопровержимо подтверждается тщательным изучением археологических, исторических и лингвистических данных.

Эти данные дают нам право утверждать, что за много веков до «призвания варягов» наши предки имели свою культуру и организовали свою жизнь без постороннего руководства. А это утверждение является в то же время и опровержением «норманнской теории».

Кроме того, теперь установлено, что задолго до «Руси» Рюрика существовали государственные образования, военно-политические союзы наших предков-антов. Например, объединение волынян с князьями Межамиром и Издаром, боровшихся с аварами. Или объединение племен, живших на реке Рось (правый приток Днепра), под руководством князя Божа, боровшихся с готами. Существует мнение, что именно это объединение послужило ядром древнерусской народности.

Легендарные Кий, Щек и Хорив — основатели Киева, по видимому, были антско-славянскими князьями, а самое основание Киева некоторые историки относят к 430 году. Все эти данные, число которых непрерывно растет в результате научных исследований, неопровержимо свидетельствуют о существовании организованной жизни наших предков задолго до призвания варягов и о наличии у них своей самобытной культуры. Останавливаться на них подробно не позволяют размеры намеченного труда, а потому все данные о предистории Руси даются в максимально сжатом виде.

Переходя к жизни наших непосредственных предков, антов-славян, сумевших ассимилировать еще в до-киевский период скифские и сарматские этнические группы, прежде всего надо сказать, что они с незапамятных времен были жителями Европы, как теперь установили новейшие исторические исследования, и ни откуда они в Европу не приходили. Северно-западная группа славянских племен называлась словенами, и их поселения распространились далеко в глубь средней Европы, до Эльбы и даже западнее, а также до побережья Немецкого моря и на остров Рюген.

Юго-восточная группа славянских племен была известна под общим названием антов и распространялась до Приазовья и берегов Черного моря.

Обе группы славянских племен в середине первого тысячелетия нашей эры выдержали тяжелую борьбу за свое национальное существование. Анты — с готами, гунами, аварами и византийцами, стремившимися распространить свое влияние на земли антов. Словены — с германскими племенами.

Антам удалось выйти из борьбы победителями, отстоять свою национальность и самобытность и остаться хозяевами на своей территории — юге и юго-востоке Русской равнины.

Другая группа — словены — была частично вытеснена со своих земель агрессивными германскими племенами, частично ими уничтожена или порабощена и национально обезличена. Уцелевшие части этих племен переселились на восток в пределы будущего Киевского государства, основавши здесь новые города и поселения. Так, например, словенское племя, пришедшее из Полабии (района Эльбы) и основавшее там город Любец (Любек в Германии), поселилось у устья реки Десны, при ее впадении в Днепр и основало и тут город Любец (позднее Любеч).

11
17

Интересные данные о том, что представляли собою славяне периода, предшествовавшего созданию Киевского государства, дает известный немецкий историк Гердер. Он пишет: «Славяне с любовью возделывали землю, занимались разными домашними искусствами и ремеслами, повсеместно открывали полезную торговлю произведениями своей страны, плодами своего трудолюбия. Они построили на берегах Балтийского моря, начиная с Любека, города. Между ними Винета была славянским Амстердамом. На Днепре они воздвигли Киев, на Волхове — Новгород, вскоре сделавшиеся цветущими торговыми городами. Они соединяли Черное море с Балтийским и снабжали северную и западную Европу произведениями Востока. В нынешней Германии они разрабатывали рудники, умели плавить и лить металлы, приготовляли соль, ткали полотно, варили мед, разводили плодовые деревья и вели по своему вкусу веселую музыкальную жизнь. Они были щедры, гостеприимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вместе с тем они были покорны и послушны — враги разбоя и грабежа. Все это не избавило их от притеснений со стороны соседей, напротив — способствовало тому. Так как они не стремились к владычеству над миром, не имели жаждущих войн наследственных государей и охотно делались данниками, если только этим можно было купить спокойствие своей страны, то народы, в особенности принадлежащие к германскому племени, сильно погрестили против них. Уже при Карле Великом начались жестокие войны, которые, очевидно, имели целью приобретение торговых выгод и велись под предлогом распространения христианства. Храбрые франки, конечно, находили более удобным, обратив в рабство прилежный земледельческий и торговый народ, пользоваться его трудами, чем изучать земледелие, торговлю и самим трудиться. То, что начали франки, довершили саксы. В целых областях славяне были истреблены или обращены в крепостных, а земли их разделялись между христианскими епископами и дворя-

нами. Их торговлю на Балтийском море уничтожили северные германцы, Винета была разрушена датчанами, а остатки славян в Германии походят на то, что испанцы сделали из природных жителей Перу...»

По свидетельству объективных немецких историков — славяне были щедро одарены эстетическим вкусом, музыкальными и художественными способностями, были они сравнительно высококультурны и глубоко нравственны, хотя и не исповедовали христианской религии. Среди них отсутствовала ложь. Они относились к ближнему с истинно христианской любовью. Пленные у них считались наравне с домочадцами и после некоторого времени обязательно выпускались на свободу.

Сейчас, на основании новейших исследований, можно утверждать, что наши предки имели и свою письменность, так называемые «руська письма». С ними ознакомились св. Кирилл (Константин Философ) во время своего пребывания в Крыму, и, надо полагать, что именно эти «руська письма» были впоследствии святыми Кириллом и Мефодием положены в основу их алфавитов — «глаголицы» и «кириллицы».

РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН И ИХ ИМЕНА

Все славянские племена (анты и словены) уже к VIII веку прочно расселились по всей территории будущего Киевского государства. Хотя они еще и не были формально объединены в одно государство и жили отдельными племенами, однако, наличие одного языка и общей культуры и религии создавали все предпосылки для государственного объединения этих разрозненных племен. А борьба с инородческими соседями или этническими группами, вкрапленными на занятых славянами землях, делала это объединение настоятельно необходимым и логически, неизбежным. Не име-

* До этого не было необходимости!

ли все славянские племена и какого-нибудь общего имени, но слово «русы», «рось», «русь» встречаются у многих иностранных историков эпохи предшествовавшей созданию Киевского государства. Агатемер (215 год) говорит, что Волга тогда называлась «Рось»; арабские летописцы под 713 годом пишут о «Руси» поволжской; готский историк Иордан пишет о «росомонах»; византийские, арабские и персидские авторы свидетельствуют о существовании южной «Руси» вокруг города «Росия», который был на устье Дона и исчез после захвата его готами, гуннами и хазарами. В конце VIII века «Русь» (племя или народ) напали на город Сурож (Судак в Крыму), о чем рассказывают византийские летописцы.

На севере, на Валдайской возвышенности, задолго до призвания варягов, были известны славянские племена, называвшиеся «борусь» (от слова «бор»), и жили они в лесах. А также «рисколане» или «руськолуне» — это те, что жили в круглых городищах (коло — круг). Существуют данные, что племена, жившие в предгорьях Карпат называли себя «Русью». «Росью» называли себя жившие на берегах реки Роси анты-славяне.

Имя «русь» мы встречаем в разных частях великой Русской равнины, иногда одновременно, пока оно не стало общим именем всех племен, объединенных в Киевской державе. Ко времени создания этого государства, создавшие его племена размещались следующим образом: 1. Поляне — по среднему течению Днепра; 2. Древляне — на север от полян, в Полесье; 3. Дреговичи — между реками Припятью и Двиной; 4. Уличи или Угличи — часть в районе Карпат, другая отделившаяся часть — в Лесной Руси (Великороссии); 5. Тиверцы — по Днестру; 6. Дулебы — по южному Бугу; 7. Белые хорваты — у Карпатских гор; 8. Северяне — по рекам Десне и Суле, до Днепра; 9. Радимичи — по реке Сож; 10. Вятичи — по реке Оке; 11. Кривичи с их ветвью — полочанами — в верховьях Днепра, Двины и Волги; 12. Ильменские или Новгородские славяне — вокруг озера Ильменя.

Во всем мире в все времена народы не объединялись в государства, там где 18 не было врагов.

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ИСТОЧНИКИ

Первые сведения о державе Киевская Русь мы имеем из летописей. Принято считать, что первоначальной летописью была так называемая «Начальная летопись», написанная иноком Киево-Печерской Лавры Нестором. Но это не совсем точно, в первоначальном виде она до нас не дошла.

То, чем располагает русская историческая наука как древнейшим источником, есть летописный свод, составленный на основе «Начальной летописи» Нестора игуменом Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром.

Изучение этого свода приводит нас к заключению, что игумен Сильвестр в своем своде объединил и отредактировал целый ряд первоначальных источников: устные народные предания, письменные повествования, в том числе всю летопись Нестора, и собственные наблюдения. Составляя свой свод, Сильвестр, надо полагать, сознательно подчеркивал как единство Руси, так и объединяющую роль правящей княжеской династии и ее заслуги в создании государства.

Есть предположение, что Сильвестр сознательно не коснулся периода до создания Киевского государства, чтобы подчеркнуть роль династии и христианства в его создании.

Период же до ее прихода к власти обрисовал как неорганизованную жизнь первобытных людей.

Первоначальная, подлинная летопись инок Нестора была увезена вместе с другими историческими документами в Польшу в 1018—1019 годах, когда в Киеве распоряжался польский король Болеслав вместе со своим союзником и зятем — Святополком Окаянным. Значительная же часть уцелевших древнейших летописей погибла в 1812 году при пожаре Москвы во время вторжения в Россию французов.

Увезенными Болеславом русскими историческими документами имели возможность воспользоваться ранние польские историки (Стрыйковский, Богухвал, Длугаш и др.) и из их трудов, на основании приводимых ими цитат и данных, можно до известной степени восстановить содержание первоначальных киевских летописей. В частности, есть основание полагать, что эти летописи содержали немало данных об организованной жизни славянских племен задолго до «призвания варягов», а основание Киева, как уже упомянуто, надо отнести к 430 году, что подтверждается археологическими раскопками последних лет.

По версии норманнской школы — сын Рюрика (варяга, княжившего в Новгороде) — Игорь, за которого по малолетству правил его дядя-опекун Олег («Вещий»), подчинил себе группу южных славянских племен, создав, таким образом, единое огромное государство и сделал Киев его столицей. Так образовалось великое Киевское государство.

Совсем иначе описывают создание этого государства противники норманнской исторической теории. На основании новейших исторических данных Игорь вовсе не был сыном Рюрика и варягом, а одним из антских князей, равно как и Олег.

Одна весьма древняя новгородская летопись говорит, что новгородцы послали послов «к Руси, к морю Панетскому, еже славеть Рускому» (Черному) за помощью против творивших насилия варяжских «находников», которые, по словам летописца, «то ли насилье дѣяху Руси, Славенам, Кривичам и Мерям».

Если сопоставить данные этой летописи с данными о том, что Олег занял Киев, войдя в него с юга, то более чем вероятным надо считать, что Олег — не варяг, а ант-славянин, по просьбе новгородцев двинулся освободить их от варягов-насильников, которые уже успели проникнуть до Киева, где правили варяги Аскольд и Дир.

Олег изгоняет из Киева варягов-«находников» (пришельцев), без боя занимает Любечь, Чернигов, Смоленск.

Святослав — Волга — 20

Олег — ... (Волга?)

С боем освобождает Новгород и тем завершает объединение под своей властью всех славянских племен: северной группы — «словен» и южной — «антов».

Зная все это, мы неизбежно приходим к заключению, что Киевская княжеская династия была вовсе не варяжского, а славянского происхождения, родоначальником которой надо считать отпрыска одного из антских княжеских родов — Игоря.

Вопрос не Олега?

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ОЛЕГА

Завершивши объединение славянских племен и освобождение их от варягов-«находников», Олег предпринял ряд успешных походов для обеспечения границ от воинственных соседей. Он победоносно воюет с сильными тогда хазарами, которые постоянно угрожали восточным славянским племенам и заставляли их платить дань.

Через Дон и Волгу он совершает поход к берегам Каспийского моря, наконец, в 907 году с многочисленным войском победно подходит к стенам столицы Византии — Константинополю, и, заключивши с Византией очень выгодный мир, по преданию, «прибивает свой щит на воротах Цареграда» (Константинополя).

Победа Олега, несомненно, необычайно подняла престиж нового огромного государства и отбила охоту у соседей к каким-либо враждебным против него действиям.

Объединяя отдельные племена, Олег оставлял управлять ими тех вождей и князей, которые раньше правили этими племенами, но налагал на них целый ряд обязательств в пользу единого государства. Не только дань, которая в те времена бралась с покоренных народов, но и обязательство принимать участие в походах и войнах. Так постепенно отдельные племена втягивались в общегосударственную жизнь и ближе узнавали друг друга во время совместных походов. Как сообщает летопись, в походе 907 года на Византию участвовали отряды не только славянских племен,

но также и финских, вкрапленных на севере в территорию Киевской Руси.

Постепенно, овладевая бассейном реки Днепра, южные славяне и анты овладевали и побережьем Черного моря, которое греческие писатели издавна называли «Русским морем».

Согласно новейшим исследованиям, основным ядром новосозданного государства были поляне, жившие на реке Рось и называвшие себя «Русью». Другие племена, объединяясь около этой «Руси», постепенно принимали вместо своих племенных названий, название этого ведущего племени, и вскоре все славянские (и антские) племена на территории Киевского государства начали называть себя «Русью» и «русскими».

Археологические раскопки в бассейне реки Рось дали богатейший материал, доказывающий, что в этом районе, в IV—VII столетиях жило племя, которое имело своих князей, серебряные княжеские знаки которые были найдены при раскопках.

ИГОРЬ

После смерти Олега (912 или 914 год) власть перешла к его преемнику Игорю, князю довольно бесцветному и, по преданию, весьма алчному, который погиб от руки древлян, возмущенных его попыткой дважды получить с них дань (945 г.). По другой версии, Игорь погиб от руки вождя группы полабских славян Никсина, которые пришли с запада и обосновались на территории древлян. Об этом говорит польский летописец Длугаш, а самое убийство Игоря во всех подробностях описывает византийский историк Лев Дьякон.

Есть в исторических материалах намеки на то, что к убийству Игоря причастна Византия, которая была обеспокоена быстрым ростом Киевского государства и хорошо помнила поход Олега.

Хотя Игорь особенных дарований не проявил и блистательных успехов в походах и войнах не имел, но он был символом единства Руси и потенциальным врагом Византии. Поэтому она и содействовала его преждевременной смерти, тем более, что он не имел взрослого наследника, который бы мог твердой рукой управлять огромным государством.

ПРАВЛЕНИЕ ОЛЬГИ

После смерти Игоря осталась его вдова — Ольга с малолетним сыном Святославом. Принявши всю власть, Ольга проявила исключительные государственные способности и огромную энергию и твердой рукой управляла молодым, только что созданным государством. Она вела войны и приводила к покорности отдельные племена, много путешествовала и основывала по всей стране так называемые «погосты» — нечто вроде постоянных гарнизонов из верных людей, определяла количество повинностей в пользу центральной власти — «устави оброка и дани», как говорит летописец.

Происходя, по словам Иоакимовой летописи, из древнего княжества славянского рода Гостомысла, владевшего Новгородом и Псковом, Ольга, (до замужества «Прекрасная») была «мудрейшею из всех человек» и «как бы зарею пред восходом солнца».

Сохранилась легенда, как благодаря ее мудрости были побеждены древляне, отказавшиеся ей повиноваться. Подойдя с войском к их столице она предложила им дать от каждого двора по паре воробьев или голубей. Обрадованные такой данью, древляне доставили Ольге требуемую птицу, а она приказала к каждой птице привязать тряпку, напитанную смолою, зажечь ее и выпустить птиц на волю. Птицы устремились к своим гнездам и подожгли город, а его жители вынуждены были покориться.

Богато одаренная натура Ольги не находила удовлетворения в примитивных языческих верованиях, и когда

она познакомилась с христианским учением, то стала ревностной христианкой, приняла крещение и всемерно содействовала распространению христианства среди своего окружения. Данных о том, насколько сильно оно распространялось — не имеется, но, судя по тому, что и ее сын — Святослав и его дети остались язычниками, надо полагать, что во времена правления Ольги проповедь христианства еще не имела большого успеха.

СВЯТОСЛАВ

Сын Игоря и Ольги — Святослав был блестящим и неутомимым воином и все свое время проводил в походах, предоставляя матери за него управлять государством. Он разбил и уничтожил могущественное царство хазар, которому, покупая свой покой, ему платило дань самое восточное славянское племя — вятичи. Разгромив хазар и разрушив их главные города Итиль, Белую Вежу и Семендер, Святослав победил и обложил данью волжских болгар, северо-кавказские племена ясов (осетин) и кософов (черкесов) и подчинил приазовскую область с городом Тмутаракань.

Закончив походы на восток, Святослав двинулся на юго-запад. По призыву Византии, которую беспокоили сильные тогда задунайские (балканские) болгары, Святослав вторгся на Балканский полуостров и победил болгар, взявши богатую военную добычу. Но на Дунае ему так понравилось, что он решил перенести туда столицу и обосноваться прочно, к неудовольствию Византии, не предвидевшей такого конца сотрудничества со Святославом.

Неожиданная смерть Святослава разрушила этот план. Погиб он при столкновении с кочевниками на своем пути из Киева на Дунай. Смерть его была очень на руку Византии и потому некоторые историки высказывают предположение, что дело не обошлось без интриг Византии.

Когда Святослав уходил из Киева в свой последний поход на Дунай, его мать, княгиня Ольга уже умерла, а поэто-

му он поделил для управления во время его отсутствия все государство между своими тремя малолетними сыновьями, приставив к каждому по опекуна: в Киеве — Ярополка; в Турове (у древлян) — Олега; в Новгороде — самого младшего — Владимира.

Вскоре, после смерти Святослава, опекуны малолетних князей перессорились между собою, и началась междоусобная борьба (972—980). Сначала Ярополк с опекуном Свенельдом овладевает Новгородом, из которого бежит в изгнание князь Владимир со своим дядей (братом матери) и опекуном Добрыней.

Но через несколько лет Добрыня, поддержанный новгородцами, начинает борьбу за права своего подопечного князя Владимира. В этой борьбе погибает — сначала Олег (бывший на стороне Ярополка), а потом, в 980 году и сам Ярополк.

17-летним юношей Владимир становится князем всея Руси. *г.о. Владимир — братоубийца*

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

ВЛАДИМИР

Первым шагом Владимира было возвращение земель, утраченных в годы междоусобицы. Прежде всего, он отбирает у поляков захваченные ими территории Киевского государства, а затем расширяет границы на запад до реки Сан, этнографической границы Руси. В ряде боев с поляками наносит жестокие поражения под Краковом их князю Болеславу Храброму.

На востоке возвращает в подчинение Киеву отколовшихся было вятичей и радомичей, успешно воюет с болгарами на Волге, на северо-западе, после побед над литовцами, овладевает верхним и средним течением Немана с городом Гродек (Гродно). *Городок*

Через шесть лет, к 986 году, под властью Владимира объединяются все земли восточных славян в одно огромное государство — Киевскую Русь с политическим центром — столицей в Киеве. Побережье финского залива, Карпаты и Сан, Неман и Ока составляют границы этого государства. Только на юго-востоке эти границы были открыты, а вблизи их кочевали воинственные печенеги.

Чтобы обезопасить свою территорию от их набегов, Владимир строит ряд укреплений по рекам Двине, Трубежу, Суле, поселяя в них «лучших» (храбрейших) людей из новгородских славян, кривичей, чуди и вятичей, а также плененных.

Отдельные племена, входившие в состав Киевского Государства во времена начала правления Владимира, еще имели своих наследственных или выборных вождей и князей, но Владимир, проводя централистическую политику, постепенно заменяет их своими ставленниками, в большинстве — надежными дружинниками-воинами. А позднее когда подросли его многочисленные сыновья, он садит их на «княжение» в отдельные области, сохраняя верховную власть над всем государством за собою. В Новгороде стал княжить его сын Ярослав; в Галиции (Плескове) — Судислав; в Полоцке — Изяслав; в Смоленске — Станислав; в Турове (нынешняя Белоруссия) — Святополк («Окаянный»); во Владимире Волынском — Всеволод; в Тмутаракани — Мстислав («Удалой»); в Ростове (на верхней Волге) — Борис; в Муроме (на Оке) — Глеб. Сам Владимир задержал для себя княжество Киевское.

Это создание «удельных» княжеств впоследствии повело к раздроблению Руси, многовластию и ее гибели под напором татар.

Уже при жизни своей Владимир ощутил отрицательные стороны делания единого государства на «уделы»: его сын Святополк, женатый на дочери польского короля Болеслава Храброго, ярой католичке, составил заговор для свержения князя Владимира. В заговоре были замешаны как Византия, страшившаяся усиления Руси, так и католическая церковь,

стремившаяся распространить свое влияние в Киевском государстве. Желая ослабить Русь, обе эти силы вели интриги против Владимира, избравши своим орудием Святополка, который, как утверждают некоторые историки, не был родным сыном Владимира, а его племянником. После гибели брата князя Владимира — Ярополка — осталось два малолетних сына, Святополк и Ярослав (впоследствии Ярослав Мудрый), которых князь Владимир воспитывал со своими родными сыновьями и дал им уделы, посадив княжить в Белоруссии Святополка, а в Новгороде Ярослава.

Внушая Святополку что он, как сын старшего сына Святослава — Ярополка, имеет больше прав на Киевское княжество, чем князь Владимир, его советники подговорили его начать восстание. Душой этого заговора был католический епископ Рейнборн, духовник жены Святополка. План восстания был раскрыт агентами Византии, недовольными тем, что заговор имел целью подчинение Киевской Руси католической церкви. Не ожидая начала восстания, князь Владимир заточил в тюрьму главных заговорщиков: Святополка с женой и епископа Рейнборна. Рейнборн в тюрьме и умер, а Святополк с женой через год был выпущен и послан на жительство в Вышгород, где он находился под наблюдением. Произошло это событие в 1012 году, и о нем весьма подробно пишет в своей «хронике» саксонец Дитмар Мерзебургский.

Год спустя, в 1013 году, Святополк возобновил свои попытки захватить великокняжеский престол в Киеве. На этот раз в заговоре с ним был также и Ярослав, княживший в Новгороде.

Заговор удался. Святополк со своим тестем — польским королем Болеславом и Ярослав вышли из борьбы с князем Владимиром победителями. В этой борьбе погибли сам князь Владимир и три его сына — Святослав, Борис и Глеб. Остальные сыновья князя Владимира — Мстислав и Судислав уцелели потому что они находились далеко от происходивших событий: первый был в Тмутаракани, а второй — в Галиции.

Доде брат-убийца

По официальной версии князь Владимир умер своей смертью 15 июля 1015 года в селе Берестове, где он находился для организации борьбы против восставшего Ярослава и его союзников — печенегов. Но существует и другая версия. Некоторые историки сообщают, что в 1638 году киевский митрополит Петр Могила, производя раскопки разрушенной татарами Десятинной церкви в Киеве, наткнулся на мраморный саркофаг князя Владимира. При вскрытии саркофага установлено, что некоторые кости скелета изрублены, что дает основание утверждать, что князь Владимир умер насильственной смертью.

Со смертью князя Владимира, которого украинская историография называет «Великим», а русская «Святым», закончилось не только его 35-летнее княжение, но и период глубочайших изменений жизни всего Киевского государства вызванных крещением Руси и превратившем ее в централизованное, передовое, по тому времени, огромное государство.

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Олег, Игорь, Святослав и Ольга объединили Русь силой меча, механически, и создали из многочисленных отдельных племен обширное государство. Между этими племенами, несмотря на общность происхождения, несомненно, были и немалые диалектические и бытовые различия. Общность интересов всех племен — желание создать условия для спокойной и мирной жизни, продиктовали им необходимость создания единого государства, ибо только при его наличии можно было защищаться от агрессивных соседей и создать предпосылки для спокойного, уверенного в завтрашнем дне существования. Постоянные совместные войны и походы, в которых принимали участие все племена, их сближали и знакомили, а кровь, пролитая в борьбе за отстаивание и создание единого государства, как цемент скрепляла это сближение.

Но подлинное, всестороннее слияние всех племен Руси произошло только с созданием общего для всей Руси древнерусского литературного языка и культуры, вызванных к жизни принятием и распространением христианства.

Языческие верования наших предков сводились к мистическому обожествлению сил природы и почитанию предков. Они, в основном, были одинаковыми у всех племен, поклонявшихся главному богу — Перуну и ряду других второстепенных богов.

Отдельного жреческого сословия, как у многих других народов, не было; видимо, не было и какого-нибудь общегоразработанного религиозного ритуала, хотя существовали волхвы, кудесники, руководившие религиозной стороной жизни.

Эти сравнительно примитивные верования не удовлетворяли князя Владимира и, когда он ознакомился с идеями христианства, они полностью овладели им и привели к тому, что он не только крестился сам, но крестил всю Русь в 988 году. Принятие христианства явилось величайшим переломным моментом в историческом развитии русского народа. Принятое им византийское христианство очень скоро укореняется на Руси, «обрусевает» и становится в будущем неотъемлемой и руководящей частью его культурного существования.

Основанная в Киеве митрополия для «всей Руси» и ее централистическая организация становится могучим средством для создания и укрепления народного единства всего Русского государства. С принятием христианства сразу же началось исключительно важное и плодотворное просветительное и культурное влияние церкви, которое распространяется на политическую деятельность, охватывает все стороны жизни, направляя ее в общенациональное русло. Строятся церкви, основываются монастыри, а при них открываются школы, создаются книгохранилища, вырастает и оформляется единый для всей Руси литературный древнерусский язык.

Забываясь о объединении своего огромного государства, князь Владимир очень часто организовывал встречи старейших и наиболее влиятельных людей из разных племен и из самых отдаленных частей страны. Церковные торжества, ознаменование важных государственных событий, служили предлогами для таких встреч, на которых происходил обмен мнениями о нуждах и задачах государства, о способах его укрепления и усиления. Участники этих встреч, говоря на одном языке, присутствуя на богослужениях по обрядам одной, общей для всех православной веры, убеждались и укреплялись в сознании народного единства всей Руси. Общительный характер князя, его участие в торжественных пирах, на которых сидели рядом и новгородцы, и жители далекого Мурома, и люди из Прикарпатья и тмутараканцы с побережья Азовского моря, много содействовали сближению самых отдаленных племен народа — Руси и необычайной популярности князя Владимира, которого народ называл «Красное Солнышко».

Народ создал богатейший былинный эпос, который воспевал князя Владимира, описывал его пиры, рассказывал о его доброте, справедливости, заботе о народе.

Любопытно и достопримечательно, что былины эти сохранились в народе на севере и совершенно отсутствуют в местности, непосредственно прилегающей к Киеву, то есть, на территории нынешней Украины, хотя события, о которых рассказывают былины, происходили в Киеве.

Нахождение былин на севере находится в противоречии с утверждением украинской сепаратистской историографии о том, что украинцы являются прямыми и единственными наследниками Киевской Руси и ее культуры, и с великороссами ничего общего не имеют.

Почему же, спрашивается, былины о Киеве и об «украинском» князе Владимире (так его называют сепаратисты) не сохранились в украинском народе, а найдены и записаны у великороссов? На Украине, как известно, народный эпос — «казацкие думы», событий до образования казачества, то есть, до начала XVI века, не вспоминают. Не логично ли будет сделать вывод, что именно великороссы являются потомками того населения, которое жило вокруг Киева во времена князя Владимира, а украинцы — нынешнее население — появилось позднее, из отдаленных окраин мало знавших о тех событиях, которые воспеваются в былинах? Справедливость этого вывода будет подтверждена в дальнейшем изложении судеб Руси.

МОНОЛИТНОСТЬ ВСЕЙ РУСИ

От Владимира Святого Русь делается национально монолитной, и притом эта монолитность проявляет такую исключительную силу и крепость, что отдельные ее части даже после многих столетий иностранного владычества и усилий их денационализировать, сохраняют сознание своего национального единства с остальной Русью. Так, например, Прикарпатская Русь, или «Прикарпатская Украина», как ее называют сепаратисты, после многих столетий пребывания под венгерским владычеством, как только развалилась Австро-Венгрия (в 1918 г.), единодушно высказалась за воссоединение с Россией. А в 1937 году, несмотря на 20-летнюю усиленную пропаганду украинских шовинистов, на плебисците о языке преподавания в школах 86% населения высказались не за украинский, а за русский язык.

Это ощущение в глубинах народных масс единства всей Руси привело также к полному поражению украинских сепаратистов в годы гражданской войны на Украине (1917—1920 гг.).

И это несмотря на их принадлежность к западно-русской цивилизации. Ведь Русь — самодельна!

КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

культура Киевской Руси стояла по тогдашнему времени очень высоко, значительно превосходя культуру многих европейских стран. По этому вопросу известный ученый М. И. Ростовцев пишет: «Киевская Русь была наследником серии государств, которые заменялись одно другим с незапамятных времен в степях южной России. Киевская Русь в первый период ее эволюции, естественно, унаследовала все особенности ее предшественников. Подобно им, она стремилась занять берега Черного моря и ее политическая и культурная жизнь была направлена лицом к югу и востоку, а не на запад, к западному миру. Естественно, что вследствие этого, цивилизация Киевской Руси была южной цивилизацией, отпрыском культуры в греческо-восточном аспекте, которая была характерна для Византии и Византийской империи».

Культура эта, по словам исследователя русской культуры В. А. Рязанского, в основном носила не подражательный, а преемственный характер. Уже в VI—VII веках она перерабатывала чужие влияния и развивала свои национальные особенности, превращаясь в особую национальную культуру. Эта культура не только превосходила культуру скандинавских стран, но, в некотором отношении, и стран Центральной Европы.

БЫТ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК КИЕВСКОЙ РУСИ

Разбросанные по необъятной Русской равнине отдельные племена Руси должны были, прежде всего, приспособить условия своей жизни и весь свой быт к окружающей обстановке. В лесах главным занятием и источником средств и существования было звероловство и бортничество (добывание меда и воска диких пчел); по берегам рек

и озер — рыболовство; в областях степных — скотоводство и земледелие. Характер местности определял также и характер поселений. Если в лесах можно было жить обособленно отдельными семьями или группами семей, то в местностях, открытых для возможных нападений, особенно в пограничье, сама жизнь диктовала необходимость и более крупных поселений, и более тесной их связи, и создания укрепленных городов, в которых можно бы укрыться при нападении.

Необходимость обмена добываемыми продуктами вела к созданию мест их обмена, каковыми являлись города, обычно по берегам судоходных рек.

Первоначально у наших предков, как и у всех народов, господствовал патриархально-родовой быт с абсолютной властью главы разросшейся семьи — рода. Необходимость совместных действий, прежде всего защиты от врагов, приводит к объединению нескольких или многих родов под властью выборного вождя или князя. Власть эта нередко из выборной вырождалась в наследственную, так что к эпохе создания Киевского государства мы уже находим у всех племен их выборных или наследственных правителей — князей, которые постепенно заменялись представителями династии, объединявшей племена в одно государство

Социальное расслоение в те времена весьма незначительно. Никому не было необходимости для поддержания своего существования ни продавать свой труд, ни подчиняться экономически. Каждый мог захватить земли или леса «сколько захватит топор или коса». Рабства, столь распространенного в античном мире, наши предки не знали, и пленных, которые попадали в положение рабов, по обычаю, вскоре отпускали на волю.

Только с ростом городов, развитием торговли и созданием административного аппарата, профессиональных воинов-«дружинников» князя и духовного сословия начало появляться и социальное расслоение — возникли классы, которые делают все более обособленными и отчетливыми.

И уже во времена Владимира Святого в быстро растущем и пышно расцветающем Киеве мы находим и богатые терема и палаты княжеских приближенных с многочисленными слугами, и крупных купцов, торговавших с заграницей, с их штатом своих служащих и обслуживающих. Меха, мед, воск, смолу, кожу, зерно, они вывозили по великому водному пути «из варяг в греки», ввозя с юга, главным образом из Византии, ее произведения.

КНЯЖЕСКИЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЛАДИМИРА

После смерти Владимира начался период кровавых междоусобиц между его сыновьями Святополком, Ярославом и Мстиславом, (об активном участии в них четвертого сына — Судислава сведений не имеется). Длилась она 20 лет и закончилась только в 1036 году, когда под властью Ярослава (Мудрого) была объединена вся Русь, кроме захваченных за время междоусобицы венграми — Закарпатье и поляками — части галицких городов. (С тех пор до 1945 года Закарпатье было под венгерским владычеством.) 907 105

В этой борьбе принимали участие также поляки, венгры, печенеги, которых призывали на помощь борющиеся между собою претенденты на киевский великокняжеский престол. Особенно тяжелым периодом были годы, когда одержал верх и на несколько лет захватил Киев Святополк со своим тестем — польским королем Болеславом, которые ввели на Русь жестокое правление, как в завоеванной стране, и всячески содействовали проникновению на Русь католицизма. Фактически время правления Святополка (1018—1024 гг.) было временем польской оккупации, во время которой Киев и многие другие города были ограблены и даже вывезены из Киева в Польшу древнейшие русские летописи.

Но вскоре, соединенными усилиями помирившихся между собою Мстислава и Ярослава, Святополк и поляки были

изгнаны и власть разделила между собой Мстислав (Удалой), севший на Киевском престоле, и Ярослав, задержавшийся на Севере, в Новгороде, вплоть до смерти Мстислава (1036), не оставившего после себя мужского потомства.

Только после смерти Мстислава на Руси опять восстановилось единовластие, и Ярослав сделался правителем всей огромной Киевской Руси. Своего брата Судислава Ярослав лишил власти над его уделом и посадил в тюрьму, в которой тот просидел 24 года и был выпущен из нее и пострижен в монахи только сыновьями Ярослава после его смерти.

С 1036 года началось правление талантливого Ярослава Владимировича, прозванного народом «Ярославом Мудрым».

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Ярослав Мудрый талантливо и успешно продолжал дело Владимира Святого — строительство русского государства.

Еще будучи Новгородским князем, Ярослав совершил успешный поход в Прибалтику, в землю прибалтийской «чуди» и построил к западу от Чудского озера город Юрьев (Дерпт). Город назван был Юрьевым в честь христианского имени Ярослава Мудрого — Юрий-Георгий. Позже Ярослав построил на берегу Волги город, который назвал по своему княжескому имени Ярославлем. Во время войн с поляками за город Червонной Руси (Галичину) Ярослав заложил в Галицкой Руси над рекой Саном — г. Ярослав.

В 1043 г. Ярослав совершил последний поход на Византию, но этот поход был неудачным. Зато Ярослав с полным успехом закончил борьбу с печенегами. На месте, где под самым Киевом было нанесено печенегам решительное поражение, Ярослав Мудрый построил «Золотые ворота» с церковью Благовещения. Еще в годы своей борьбы со Святополком Окаянным, во период временного владения Киевом, Ярослав Мудрый заложил в Киеве кафедральный собор Св. Софии; в последующие годы княжения Ярослава заканчивалось строительство этого храма.

Ярослав Мудрый вызывал мастеров из Византии, основывал монастыри, заботился об укреплении Православной Церкви, способствовал распространению и укреплению христианства на обширных просторах русского государства. Ярослав укрепил Киев сооружением каменных стен вокруг города.

При Ярославе Мудром Киев стал одним из самых богатых и красивых городов Европы. Иностранец — Адам Бременский — называет Киев «соперником Константинополя и славнейшим украшением православного Востока». Киев поражал своей красотой, видом и культурой не только русских людей, но и приезжих иностранцев. Не много было в XI веке в Европе таких больших, богатых, культурных и хорошо украшенных городов, как Киев, с каменными и деревянными храмами, монастырями, с палатами князей, с теремами и хоромами бояр и зажиточных людей с чудной архитектурой и живописью, со школами, с книгохранилищами рукописных книг, с художественными ремесленными мастерскими и с оживленной внешней и внутренней торговлей. По свидетельству иностранцев, Киев имел свыше 100 000 населения, свыше 400 церквей и восемь рынков.

Русь того времени в Западной Европе называли «страной городов», она поражала иностранцев большим числом населенных городов, среди которых кроме Киева, было много других значительных торговых и культурных центров, как например — Новгород, Псков, Владимир-на-Клязьме, Суздаль, Ростов, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Галич, Полоцк, Витебск, Рязань, Ярославль, Тмутаракань и т. д. Киевская держава в XI веке была самым обширным и самым культурным государством Европы.

Европейские династии искали родства с Ярославом Мудрым — русские княжны выходили замуж за королей и принцев Западной Европы, русские князья женились на европейских принцессах. Дочери Ярослава Мудрого были замужем — одна за французским королем Генрихом I, дру-

гая — за норвежским королем Гарольдом Смелым, третья — за королем венгерским Андреем, внучка — Евпраксия Всеволодовна, вышла замуж за сына германского императора Генриха IV, сам Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Инигерде (Ирине).

Русь времен Ярослава Мудрого поддерживала торговые, культурные и политические отношения с Чехией, Польшей, Венгрией, Болгарией, Византией, Германией, Норвегией, Швецией, вступала также в сношения с Францией и Англией. Купеческие обозы и караваны приходили на Русь из Регенсбурга, из Праги, Кракова, Любека, Старграда, Сигтуны, Византии и из арабских стран. В Киев приезжали купцы из разных стран Европы и Азии. Русские купцы имели свои дворы в крупнейших центрах мировой торговли (в Константинополе, на острове Готланде и в городах Западной Европы).

Ярослав Мудрый стремился к независимости Русской Церкви от Константинопольского патриарха и при нем был созван собор епископов, на котором был избран митрополитом впервые не грек, а россиянин, выдающийся церковный писатель, проповедник и подвижник Иларион. До избрания митрополитом он вел подвижническую жизнь в выкопанной им пещере, на месте которой вскоре возникла Киево-Печерская Лавра.

Ярослав заботился о народном просвещении и ввел обязательное обучение для боярских детей. История Ярославу приписывает начало сборника законов русского обычного права — «Русской Правды».

При Ярославе чеканились золотые и серебряные монеты с изображением св. Георгия с надписью «Георгия-Ярослава»; на другой стороне монеты был знак князей Киевской династии, — знак русского единства — тризуб.

Однако, при огромных заслугах Ярослава Мудрого в устройении Русской Земли, современная и близкая ему по времени народная Русь относилась к нему с заметной сдержанностью, как бы с некоторой неприязнью. Ярослав Мудрый

не был воспет народом в песнях подобно Мстиславу Владимировичу Удалому, он не был восславлен народом в былинах, подобно князю Владимиру Святому. В этом можно видеть как бы подтверждение соучастия Ярослава в заговоре против князя Владимира. Русь того времени очевидно знала, помнила, осуждала и не могла простить Ярославу Мудрому его соучастие в злодеянии Святополка Окаянного.

Ярослав стремился создать защиту Руси против степных кочевников путем постройки укреплений на границах и колонизации ее степных окраин. На реке Роси Ярослав основывает ряд укрепленных городов, строит земляные укрепления в степи и усиленно заселяет эти места.

Русская территория во время Ярослава простиралась от Ладожского озера до устьев рек Роси, Ворсклы и Пела; с востока на запад она шла от нижнего течения реки Оки и от устьев реки Клязьмы, на которой, при Владимире Мономахе, возник город Владимир (Залесский), до области верховьев Западного Буга, где раньше, при Владимире Святом, возник другой город Владимир (Волинский).

РАЗДЕЛ РУСИ НА УДЕЛЫ

Еще при жизни Ярослав заблаговременно, желая предупредить возможность возникновения борьбы за власть между наследниками — своими сыновьями, разделил между ними свои обширные владения. Но, чтобы все же сохранить политическое единство Руси, Ярослав Мудрый установил такой порядок наследования княжеской власти: вся княжеская семья, весь род владеет сообща Русской землей. Каждый князь получает в управление ~~область~~ ~~волость~~». Старший садится в Киеве на великокняжеском столе, а младшие по старшинству сидят в своих «волостях», подчиняясь во всем великому князю. Когда великий князь умирает, ему наследует следующий по старшинству его брат, а прочие по старшинству переходят из волости в волость, на одну волость «ближе» к Киеву. После княжение переходит по стар-

во (до-од) лость - во р(л)остъ - в рост
38

шинству к племянникам. Если кто из князей умирает, не достигнув великого княжения, его сыновья становятся «изгоями» и «нет им части в Русской земле».

Этот лестничный (ступенчатый) порядок родового княжения, по мнению Ярослава Мудрого, должен был обеспечить целостность Русской земли, т.к. князья являлись лишь временными правителями областей.

Но род княжеский быстро разрастался, отношения родства в нем стали запутываться, начали появляться все в большем числе энергичные, воинственные князья, не желавшие считаться с родовым старшинством, силой захватывавшие великокняжеский стол, княжеские волости, начался рост княжеских междоусобиц, началось распадение Руси на земли, уделы, отчины отдельных ветвей княжеского рода.

СМЕРТЬ ЯРОСЛАВА МУДРОГО. КНЯЖЕСКИЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ

Великий князь Ярослав Мудрый умер в 1054 году. Старший его сын Изяслав стал после отца великим князем в Киеве. 14 лет после смерти Ярослава его сыновья жили в полном согласии, совместно вели борьбу с дикими кочевниками и совместно решали вопросы внутреннего устройства Руси.

Вместо разбитых еще в 1036 году печенегов, внезапно появилась немногочисленная, но очень воинственная орда — торков. В 1060 году Ярославичи общими силами разбили торков, остатки которых добровольно подчинились Руси и были расселены русскими князьями на южных киевских и переяславских рубежах. Но торки были как бы авангардом другой азиатской орды — половцев, которая появилась, следуя за торками, в причерноморских степях и стала грозным соседом Руси, с которым пришлось ей 150 лет вести неустанную, тяжелую и изнурительную борьбу. Изяслав со Святославом и Всеволодом попытался их разбить в 1068 году,

но вместо этого половцы на реке Альте нанесли Ярославичам тяжелое поражение.

После этого поражения между сыновьями Ярослава начались споры и несогласие. Наступил длительный период тяжелых и изнурительных княжеских междоусобиц, во время которых на Киевском престоле перебивало много князей, нередко прибегавших к помощи половцев для борьбы со своими соперниками.

Доведенное до истощения и отчаяния население пыталось поднимать бунты против князей и на несправедливости притеснения отвечать силой. Так, например, в княжение в Киеве внука Ярослава Мудрого алчного и несправедливого Святослава Изяславовича, киевляне разграбили двор «тысяцкого», еврейскую часть города и угрожали погромом боярских домов и даже монастырей. Только смерть Святослава и появление нового князя положили конец этим волнениям.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ. СЪЕЗДЫ КНЯЗЕЙ

Во время этих междоусобиц между разросшимся потомством Ярослава Мудрого, которые длились 45 лет (1068—1113 гг.) выделялся своим умом и образованием его внук Владимир, сын Всеволода Ярославовича. Понимая всю гибельность междоусобиц, Владимир был инициатором съездов князей, на которых делались попытки полюбовно уладить все несогласия и организовать совместную защиту Руси от ее внешних врагов, в первую очередь, от агрессивных половцев. На съездах в Любече, Витичеве, Долобоке, князья целовали крест, что больше не будут участвовать в междоусобицах и даже обязывались совместно бороться против нарушителей согласия. Но вскоре это забывалось и опять начинались вооруженные столкновения между отдельными князьями.

Только один раз (в 1111 году) все князья объединились для борьбы с половцами и под руководством Владимира на-

несли им в Задонских степях, на реке Сал, страшное поражение, после которого половцы больше 20 лет не осмеливались нападать на Русь.

Слава и авторитет Владимира, сидевшего на княжении в Переяславе, росла и ширилась, как между князьями, так и в народных массах. И когда в 1113 году встал вопрос о замещении великокняжеского престола в Киеве, то его занял Владимир, хотя он и происходил от младшей ветви Ярославовичей.

Ставши великим князем, Владимир быстро водворил порядок на Руси и в его двенадцатилетнее правление (1113—1125 гг.) восстановилось былое величие и слава Киевской Руси. «И бысть тишина великая», — говорит об этом летопись.

Обеспечивши надолго спокойствие восточных и юго-восточных границ победой над половцами еще до принятия великокняжеского престола, Владимир победоносно боролся на Западе с начавшей крепнуть Польшей, а на северо-востоке его младший сын Юрий Долгорукий (основатель Москвы) не менее победоносно воевал с волжскими болгарами. На северо-западе, заботясь о связи со Скандинавией и северной Европой, Владимир обращал особое внимание на укрепление русских владений по реке Неману.

С Византией во времена Владимира существовали особенно дружеские отношения, скрепленные еще и родственными связями. Его мать происходила из византийской императорской династии Мономахов (поэтому его и называли Владимиром Мономахом), а внучка была замужем за сыном византийского императора. Из Византии получил Владимир и знаки своего «царского» (великокняжеского) достоинства «шапку Мономаха» и «бармы» (наплечники).

Эта шапка Мономаха сохранилась до настоящего времени и находится в Москве. В споре между украинской и русской историографией о преемственности культуры и государственности Киевской Руси она служит одним из доказательств того, что Москва является преемником Киевской

государственности. Шапку Мономаха никто не украл и не увез насильственно — с перемещением центра Руси из Киева на север, подобно былинам, она была законными ее владельцами перемещена в новый государственный центр — Москву.

Не только высококультурный, но и весьма гуманный по своему характеру — Владимир Мономах за короткое время своего правления сделал очень многое для Руси. Без всякого кровопролития, силой своего авторитета он поднял престиж великокняжеской власти на ту высоту, на которой она была во времена Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Государство при нем было единым не только номинально, но и фактически.

Внутренний мир и спокойствие дали возможность быстро восстановиться нарушенным междоусобицей хозяйственной и культурной жизни Киевской Руси. При Владимире Мономахе они снова пошли по пути дальнейшего развития.

Чрезвычайно интересны и характерны дошедшие до нас данные об отдельных мероприятиях Мономаха. Введением новых законов он значительно расширил «Русскую Правду» Ярослава Мудрого в направлении гуманности и социальной справедливости. Так, например, он категорически запретил смертную казнь, ввел ограничения процентов по займам для облегчения положения низших слоев населения, страдавших от ростовщических процентов и кабальных договоров. Он лично контролировал справедливость судебных решений и действия администрации. Всячески заботился о расширении образования, поддерживая его центры — монастыри. Находясь в родстве с могущественнейшими династиями в Европе: византийской, французской (его тетка Анна была французской королевой), английской (жена Владимира — дочь английского короля Гарольда), Владимир Мономах поддерживал с государствами Европы самые дружественные отношения и престиж его государства стоял очень высоко.

Умирая, Владимир написал свое знаменитое «Поучение детям», которое свидетельствует, как о высоком уровне древнерусского языка (общего истока нынешних великорусского, украинского и белорусского языков), так и о моральных качествах автора «Поучения», который смотрел на свою власть как на служение своему народу, как на деятельность проникнутую высоким нравственным учением христианства.

Но «Поучение» и все мудрые советы и указания, содержащиеся в нем, не смогли предотвратить княжескую междоусобицу после смерти Владимира Мономаха. Только семь лет при его старшем сыне Мстиславе, наследовавшем великокняжеский престол, на Руси продержался порядок и восстановленный Владимиром Мономахом престиж великого князя. Вскоре опять начались междоусобицы, которые повели к полному упадку Киева. Сложная «удельная система», детально разработанная Ярославом Мудрым, оказалась порочной и вместо сохранения порядка и поддержания иерархии между князьями, привела к междоусобице, княжеской анархии и распадению единого государства.

Взгляд на Русь как на вотчину, собственность династии, высказанный Ярославом Мудрым, создал предпосылки для распоряжения этой вотчиной, по своему усмотрению и для ее распределения и дробления по соображениям семейным, а не государственным. «Поучение» Владимира Мономаха, написанное после почти полувековой междоусобицы (как результата «удельной системы» Ярослава Мудрого), несмотря на все его высокие моральные качества, не находит в себе силы для категорического отрицания этой губительной системы, а носит характер благонамеренных советов. В нем больше христианской морали и прекраснодушия, чем государственной прозорливости и понимания необходимости подчинить интересы семейные и личные интересам общегосударственным. А, между тем, в те времена в особенности, для обеспечения единства государства необходимо было и обеспечить возможность фактического единовла-

!
А что же — князь Мономах!

стия с применением, в случае надобности, принудительных мер для его сохранения

Ни «удельная система» Ярослава, ни «Поучение» Владимира этого вопроса не касаются. По каким причинам — неизвестно. Но что отсутствие указания на способы сохранения единства государства и неразрывно связанного с ним единовластия великого князя, в директивах на будущее, каковыми являются, по существу, «удельная система» и «Поучение», создало предпосылки для распада Руси — это вряд ли можно оспаривать.

В результате, уже к концу первой половины XII века Киевское государство находилось на пути к полному распаду.

Хотя формально еще существовал Киевский великокняжеский престол и подчинение ему всех удельных князей, сидевших в своих «волостях» и «отчинах», в действительности, господствовала княжеская анархия и непрерывные кровавые междоусобицы. Это превращало сильное государство в легкую добычу внешних врагов, как кочевников с юго-востока, так и соседей с запада.

КНЯЖЕСКАЯ АНАРХИЯ. НАШЕСТВИЕ ТАТАР

Начавшаяся после смерти сына Владимира Мономаха Мстислава (1132 г.) княжеская анархия длилась целое столетие и закончилась сначала поражением Руси на реке Калке (1223 г.), а затем разорением Киева и подчинением Руси татарам (1240—1242 гг.).

За это время на Киевском великокняжеском престоле сменилось 48 князей, которые нередко для захвата Киева прибегали к помощи иностранцев, в частности, половцев, которые появлялись на Руси в качестве союзников какого-либо из князей-претендентов на великокняжеский престол и при этом жестоко грабили население. А, кроме того, половцы чуть не ежегодно самостоятельно делали нападения и производили опустошения сел и городов Приднепровья.

Как и следовало

так, например, летопись сообщает, что большие набега⁴ были и в 1150, 1153, 1155, 1159, 1161, 1164, 1167, 1168 годах

Не хуже половцев расправлялись с населением и князья за время своих междоусобных войн, особенно при занятии Киева. Особенной жестокостью и разрушением сопровождалось взятие Киева в 1169 году Андреем Боголюбским, внуком Владимира Мономаха (сыном Юрия Долгорукого) — князем Суздальским.

Украинская историография, описывая нападение Андрея Боголюбского на Киев, объясняет эту агрессию «москалей» против «украинцев». О том же, что Андрей Боголюбский был родным внуком «украинского» князя Владимира Мономаха, следовательно, украинцем, скромно умалчивается.

Умалчивается также и тот неоспоримый факт, что нападение на Киев и его разграбление совершил не один суздальский князь Андрей Боголюбский, а соединенные силы 11 князей, составивших коалицию против княжившего в Киеве Мстислава Изяславовича. И при этом не только князей северно-русских, но и «украинских»: волынские Ростиславовичи, черниговские Олеговичи, переяславский князь Глеб — были активными участниками этой коалиции, которую возглавлял Андрей Боголюбский.

Зная этот неоспоримый факт, конечно, трудно согласиться с утверждением украинской историографии, представляющей разгром Киева в 1169 году, как нападение «москалей» на «украинцев».

Захвативши Киев — великокняжескую столицу, Андрей Боголюбский провозгласил себя великим князем, но жить в Киеве не остался. Он вернулся в свое княжество, в город Владимир, а в Киеве оставил княжить своего младшего брата — Глеба.

Это решение Боголюбского объясняется тем, кто Киев тогда уже потерял свое прежнее значение. Княжеская анархия и постоянные набеги половцев сделали жизнь в среднем Приднепровье невыносимой. Спасая свою жизнь, насе-

ление потянулось на северо-восток, где оно было защищено непроходимыми лесами и где жизнь была спокойнее и безопаснее. Ростово-Суздальская, северо-восточная область начала быстро заселяться, а области, прилегавшие к Киеву — пустеть. Окрестное население исчезло, а торговый путь по Днепру стал не безопасен, благодаря царившей княжеской анархии и нападению половцев.

Киев стал быстро хиреть, чему не мало способствовали и его разгромы, подобные разгрому 1169 года, произведенные в 1203 году смоленскими и черниговскими князьями, в союзе с половцами и в 1235 году черниговским князем опять совместно с половцами. Кроме того Киев потерял значение и как торговый центр, стоящий на водном пути «из варяг в греки». Византия на рубеже XII и XIII столетий была захвачена крестоносцами, которые создали «Латинскую империю» и торговля пошла иными путями.

Киевом, как столицей, уже перестали интересоваться, захватывавшие его в период «княжеской анархии» отдельные князья. Не только Андрей Боголюбский не пожелал остаться в Киеве, но и волынско-галицкие князья, захватывавшие Киев, хотя и провозглашали себя великими князьями, но княжить в Киеве не оставались.

Оставаясь формально одним государством, вся огромная территория Киевской Руси к началу XIII века представляла собой населенную территорию со множеством соперничающих между собою князей и княжеств, но, фактически, без центральной государственной власти. Это соперничество усложнялось еще и тем обстоятельством, что все князья были родственниками между собою, не были прочно связаны только с одним определенным княжеством и часто меняли их, то основываясь на праве старшинства, то просто на собственной силе и желании, то на желании населения княжества. Не надо забывать, что в те времена бывали случаи, когда народ, недовольный князем, просил его уйти, что князь обычно и исполнял. Или бывали случаи, когда народ,

не считаясь ни с каким старшинством, приглашал на княжение желательного ему князя, о чем есть немало свидетельств в летописях.

В результате всех этих неурядиц, длившихся почти целое столетие (от смерти сына Владимира Мономаха — Мстислава в 1132 г.), Киевская Русь пришла в полный упадок. И, когда появились новые кочевники — татары, она не смогла успешно с ними бороться. В 1223 году татары нанесли страшное поражение русским князьям на р. Калке.

А 17 лет спустя они заняли Киев (в 1240 году) и тем формально прекратилось существование Киевской Руси, как единого, независимого государства.

Страница истории была перевернута. Почти четырехстолетний период истории Руси был закончен. Длился он с 862 года (основания государства) до 1240 года (взятие Киева Батыем).

Весь этот период и русская (великорусская, общероссийская) историография и сепаратистская украинская считают периодом своей истории и, исходя из этого, претендуют быть единственными наследниками культуры и государственности Киевской Руси.

Решение по этому спору дает объективное и беспристрастное изучение исторических событий последовавших после падения Киевской Руси.

Здесь же, заканчивая наше краткое изложение истории Киевского Государства, уместно будет подвести некоторые итоги и выделить отдельные периоды этой истории.

Период первый — создание государства и его организация. Длился он почти целое столетие, от основания государства в 862 году до прихода к власти князя Владимира Святославовича (Святого) в 980 году. Олег, Игорь, Ольга, Святослав неуклонно, твердой рукой превращали разрозненные славянские племена Великой Русской равнины в организованное и централизованное единое государство. Кроме сравнительно краткой княжеской междоусобицы после

смерти Святослава, весь этот период можно назвать периодам объединительным.

Период второй — это блестящий период расцвета и славы Киевской Руси, длившийся полтора столетия (980—1132 гг.) и давший таких князей как Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах. Если в первый период Русь была объединена силой меча, то в этот, второй, период, она превратилась в единый народ, с единой верой, единой культурой, единым древнерусским литературным языком (это не значит, что не было диалектических различий в народном языке отдельных племен). Единство это оказалось не только прочным, но и вечным, и выдержало тягчайшие испытания, посланные ему историей. Даже многие столетия иностранного владычества над отдельными частями Руси не смогли сломить ощущения этого единства. Оно всегда жило в глубине народной души и, в конце концов, привело к воссоединению всех ее оторванных частей.

Правда, период этот омрачился княжескими междоусобицами после смерти Владимира Святого и Ярослава Мудрого, но все же они не отразились на стремительном развитии всех сторон жизни Киевской Руси.

Период третий — это более чем столетний период «княжеской анархии» после Владимира Мономаха, приведшей к полному падению государства.

Но в процессе этого постепенного падения великого государства все же нашлись в народе живые силы и государственный инстинкт для сопротивления. Правда, они не могли оздоровить все государство, а вынуждены были ограничиться созданием здоровых и жизнеспособных центров голько в отдельных частях, имевших для этого, как геополитические предпосылки, так и сильных, волевых людей на княжеских престолах.

На северо-востоке, защищенном лесами от набегов степных кочевников и имевшем способных князей — потомков сына Владимира Мономаха — Юрия Долгорукого, в этот пе-

риод общей разрухи и падения начало расти и крепнуть ядро будущего Московского государства.

На юго-западе под защитой лесов предгорий Карпат, под твердым руководством галицко-волынских князей быстро начало расти и крепнуть Галицко-Волынское княжество.

Вместо одного центра — Киева, создались два центра, из которых каждый был потенциальным кандидатом в объединители всей Руси.

И, начиная с конца XII века, жизнь северо-восточной и юго-западной Руси пошла раздельными путями.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

- 862 г. — Основание государства.
- 907 г. — Поход Олега на Константинополь.
- 912 г. — Смерть Олега. Князь Игорь.
- 945 г. — Смерть Игоря — правление Ольги.
- 957—972 гг. — Святослав.
- 972—980 гг. — Первая княжеская междоусобица.
- 980 г. — Начало княжения Владимира.
- 988 г. — Крещение Руси.
- 1015 г. — Смерть Владимира.
- 1016—1036 гг. — Вторая княжеская междоусобица.
- 1036—1054 гг. — Ярослав Мудрый.
- 1068—1112 гг. — Третья княжеская междоусобица.
- 1113—1125 гг. — Владимир Мономах.
- 1125—1132 гг. — Мстислав Владимирович.
- 1169 г. — Разорение Киева Андреем Боголюбским.
- 1223 г. — Поражение Руси на реке Калке.
- 1240 г. — Взятие Киева татарами.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

С древнейших времен область Галицко-Волынской Руси известна под общим названием «Червенских городов». Это собственно Галиция с городами: Перемышлем, Звенигородом, Требовлем, Галичем, Берладь и другими, а также Волынь с городами: Владимиром-Волынским, Луцком, Брестом, Белзом, Дорогочином и другими.

На «Червенские города» еще во время Владимира Святого претендовали поляки, и они находились под постоянной угрозой захвата или вторжения со стороны Польши.

При разделении Руси на уделы Ярослав Мудрый отделил галицкие «Червенские города» от волыньских и отдал их в удел своему внуку Ростиславу — сыну умершего еще при жизни Ярослава его сына Владимира.

Во время княжеской междоусобицы, после смерти Ярослава Мудрого, Ростислав был изгнан из Галиции и умер в изгнании в Крыму, оставивши трех сыновей, которым только в 1087 году удалось вернуться на княжение в Галицкую Русь.

На съезде князей в Любече в 1097 году Галицкая Русь была признана «вотчиной», то есть, наследственным владением потомков Ростислава, которые и сохранили над ней власть в течение целого столетия, давши двух выдающихся князей: Владимира I и Ярослава (Осмомысла), его сына.

В правление этих двух князей, длившееся 62 года (1125—1187) Галицкая Русь росла и крепла экономически и политически и туда устремлялись много переселенцев из Приднепровья, страдавшего от постоянных княжеских междоусобиц и набегов половцев. Под влиянием западных соседей — Венгрии и Польши, с которыми Галицкая Русь находилась в тесных торговых и культурных сношениях, там сложился социальный строй, во многом отличный от остальной Руси. Характерной чертой этого строя было очень сильное значение боярства, бравшего пример с западноев-

ропейских феодалов и стремившегося ограничить власть князя и влиять на государственные дела. Борьбу с этими стремлениями бояр и Владимир I и Ярослав Осмомысл вели довольно успешно и твердой рукой правили своим княжеством, имея всегда поддержку от начинавшей усиливаться Северо-Западной Руси, Владимиро-Суздальского княжества. Ярослав Осмомысл был женат на дочери Суздальского князя Юрия Долгорукого.

Умирая, Ярослав Осмомысл разделил свое княжество между двумя сыновьями: законным — Владимиром (II) и внебрачным — Олегом. Между ними вскоре началась борьба, из которой при поддержке бояр победителем вышел Владимир, изгнавший Олега.

Но вскоре самому Владимиру II пришлось бежать от самовольных бояр. Бежал он за помощью к венгерскому королю Беле III. Вместо помощи Бела III посадил Владимира в тюрьму, вторгся в Галицкую Русь и посадил там на княжение своего сына Андрея, предоставив боярам огромные права. Население, как передает летопись, страдало от жупантов венгров и самоволия бояр, но было бессильно свергнуть их власть.

Только через два года, в 1189 году, удалось бежавшему из Венгрии Владимиру вернуться на княжение. Польща, недовольная тем, что Галицкая Русь фактически превратилась в венгерскую провинцию, вторглась туда, изгнала венгра Андрея и вернула престол Владимиру, который и княжил там до своей смерти (1198 г.). Владимир II умер бездетным. С ним прекратилась династическая ветвь Ростиславовичей и встал вопрос о занятии княжеского престола Галицкой Руси.

Претендентом на него являлся князь соседней Волыни — Роман Мстиславович, тоже прямой потомок Мономаха, как и вымершая ветвь Ростиславовичей. Но против него была сильная оппозиция галицкого боярства, боявшегося, что этот волевой, твердого характера князь урежет их права, как это было в Волынском княжестве. Только при под-

держке поляков, боявшихся что Галицкая Русь опять попадет к венграм, Роману Мстиславовичу удалось занять Галицкий престол и тем положить начало объединению Галицкой и Волынской Руси в одно большое государство с наследственной властью Романовичей.

Имея в своем распоряжении верные ему и надежные силы Волыни, Роман мог не считаться с оппозицией боярства и твердой рукой взять бразды правления объединенными княжествами. Сразу же ему пришлось столкнуться со своим собственным тестем, киевским князем Рюриком, недовольным объединением двух княжеств. В вооруженном столкновении Рюрик был разбит и бежал к половцам, с помощью которых ему удалось захватить в 1203 году Киев и произвести в нем страшные опустошения и резню. Однако скоро он и его союзники-половцы были разбиты войсками Романа Мстиславовича, после чего Рюрик был насильственно пострижен в монахи. Характерно, что Роман не пожелал занять и киевский престол, а вернулся в свое объединенное княжество. Притягательность для князей Киева, как великокняжеской столицы, тогда уже потеряла свою силу, а владение им, не принося никаких выгод, налагало обязательство защиты Киевского княжества от постоянных набегов кочевников.

В результате объединения двух густо населенных княжеств, куда к тому же непрерывно прибывали новые переселенцы с востока, и успешной борьбы с Киевом, князь Роман стал сильнейшим князем на Руси. Польский историк В. Кадлубек пишет: «Князь Роман поднялся так высоко, что правил почти всеми землями и князьями Руси». А новгородская летопись называет его «Государем всея Руси».

Начало правления Романа совпало с крупнейшими историческими событиями в Европе. На рубеже XII и XIII столетий под натиском крестоносцев, вдохновляемых папой римским, пала Византия и в 1204 году вместо нее была создана «Латинская империя», просуществовавшая более полувека (до 1261 г.) Добившись успеха в борьбе с Византией, бывшем оплотом православия, католицизм не остановился на

этом. Его внимание привлекала православная Русь, которую он стремился уже тогда (как и теперь) окатоличить. Первым препятствием в его продвижении на восток была православная Галицко-Волынская Русь, соседями которой были сугубо католические Польша и Венгрия.

Стремительное усиление государства Романа Мстиславовича порождало надежды, что оно сможет стать не только самым воинственным и авторитетным княжеством Руси, но и формальным ее объединителем, как некогда Киев. Если бы это случилось — католицизм бы потерял всякую надежду распространиться на восток, а Польша и Венгрия получили бы могущественного, во много раз сильнее их соседа в лице объединенной Руси. Государственные интересы Венгрии и Польши и интересы католицизма диктовали всячески препятствовать как объединению всей Руси, так и усилению ее Галицко-Волынской части. Ибо только разединенная и ослабленная огромная Русь могла стать их добычей. Учитывая это, Рим и Польша с Венгрией обращают особое внимание на сильное государство князя Романа и планомерно начинают против него агрессию. С одной стороны — подстрекаемая Римом, Польша ведет против Романа вооруженную борьбу; с другой — римский папа предлагает Роману королевскую корону, принятие которой было бы символическим признанием власти папы. Рим и Польша имели надежных союзников в лице части галицкого боярства, сильно тяготевшего к Западу с его феодальным строем, дававшим огромные права боярам.

Считая почву для «сотрудничества» с Римом подготовленной, папа присылает в 1206 году в Галич особое посольство с предложением князю Роману признать главенство папы, обещая за это королевскую корону и «помощь меча св. Петра», как сказали римские послы. Князь Роман не только категорически, но и очень резко отклонил это предложение.

Летописец делает предположение, что гибель князя Романа есть результат измены бояр, недовольных твердым курсом князя в вопросах внутренней и внешней политики, а также в вопросе религиозном.

СМУТА ПОСЛЕ СМЕРТИ КНЯЗЯ РОМАНА

После смерти князя Романа формально власть переходит к его вдове, как опекунше над малолетними детьми. Фактически же все захватывает кучка боярской олигархии, во главе с знатным боярским родом Кормиличей. Чувствуя себя беспомощной перед алчной и властной боярской кликой, вдова князя Романа обращается за покровительством к королю Венгрии, который охотно на это соглашается и с 1206 года вводит в свой титул: «Король Галича и Владимира». Последствия этого добавления к титулу сказались много столетий спустя: в 1772 году, при разделе Польского государства между Австрией, Пруссией и Россией, Австрия получила Галицию. Австрийский император тогда был «король Венгрии» и как таковой был признан Россией и Пруссией «законным» наследником Галицкой Руси.

Но покровительство венгерского короля не смогло обуздать самоволия галицких бояр, которые вынудили вдову князя Романа бежать с детьми в Венгрию, а на освободившийся княжеский престол пригласили Северских князей — трех братьев Игоревичей, рассчитывая, что они не будут посягать на «боярские свободы». В своем расчете бояре жестоко ошиблись. Игоревичи, привыкшие у себя в Северском княжестве смотреть на бояр как на послушных сотрудников, не потерпели своеволия галицких бояр и беспощадно с ними расправлялись: более 500 бояр было казнено, их дочери выданы замуж за простолюдинов (как говорит летопись, «рабов»), а остальные приведены в повиновение или бежали в Венгрию.

Король венгерский опять вмешивается в дела Галицкой Руси, приходит туда с войском и восстанавливает власть детей Романа Мстиславовича. В 1211 году девятилетний его старший сын Даниил провозглашается князем, а его мать-регентшей. Игоревичи были повешены. Уцелевших бояр такое решение вопроса не удовлетворяет, и вскоре они разны-

ми интригами и склоками вынуждают вдову князя Романа с детьми снова бежать, а князем провозглашают вождя боярской партии — Кормилича. Это был единственный случай в истории Руси, когда на престол село лицо, не принадлежащее к правящей с основания государства династии.

Обеспокоенные боярской анархией в Галицкой Руси, Польша и Венгрия стовариваются насчет ее дальнейшей судьбы. Малолетнего сына венгерского короля Коломана сочетают браком с малолетней же дочерью польского короля — Саломеей и провозглашают их королем и королевой Галицкой Руси, которая, таким образом, подпадает под влияние агрессивного католицизма с одной стороны и нарождающегося польского шовинизма с другой. Галицкой Руси грозит полное поглощение католицизмом и польским национализмом, то есть исчезновение ее как составной части Великой Руси, хотя и раздираемой княжеской анархией, но все же сохранившей верность единству Руси и, неразрывно связанному с Русью, — православию.

В ее дела вмешивается далекий новгородский князь Мстислав, выдавший свою дочь замуж за изгнанного боярами князя Даниила. При поддержке всего населения Галицкой Руси Мстислав изгоняет «короля и королеву» Коломана и Саломею, и в 1221 году сам себя провозглашает Галицким князем и кончает 16-летнюю смуту. После его смерти (1228 г.) молодой князь Даниил Романович занимает княжеский престол и открывает новую страницу истории Галицко-Волынского княжества.

КНЯЗЬ ДАНИИЛ И ЕГО КНЯЖЕНИЕ

Как уже упомянуто, в первой половине XIII столетия произошли события исключительной важности и исторического значения. Падение мощной Византии под двойным ударом крестоносцев и мусульманской агрессии; полный упадок величайшего в Европе государства — Киевской Руси; татарское нашествие, проникшее далеко в Европу; особая ак-

тивность католической церкви, инспирировавшей как Крестовые походы на Византию, так и агрессию на Востоке Европы. Все эти события произошли в первое полу столетие XIII века и в корне изменили соотношение сил. В этом полу столетии пришлось княжить Даниилу Романовичу в Галицко-Волынском княжестве. Он, еще юношей, принимал участие в знаменитой битве на реке Калке в 1223 году, в которой только что появившиеся из Азии татары разгромили соединенные силы многочисленных русских князей. Позднее, в семнадцатилетний период от битвы на реке Калке до нашествия Батыя, Даниил ведет непрерывную борьбу за объединение и восстановление ослабленного во время боярской смуты Галицко-Волынского княжества, отражая поползновения Польши и Венгрии вмешиваться в его дела. Борьба эта заканчивается полным успехом, и к половине 30-х годов Даниил становится таким же сильным и авторитетным князем, каким был его отец — князь Роман. Широкие массы населения всемерно поддерживают Даниила, видя в нем носителя и водворителя порядка и справедливости, защитника от своеволия и бесчинств бояр и иностранцев. В столкновении с Киевом Даниил одерживает решительную победу, но, захвативши захиревший и разоренный Киев, не остается в нем, а назначает своего наместника.

Но Даниилу не удалось ни объединить Русь, к чему он стремился, ни на долгое время оберечь от врагов свое княжество. В 1240 году на южную Русь двинулись полчища татар под предводительством хана Батыя 6 декабря 1240 года, после отчаянного сопротивления, татарами был взят Киев, сожжен, разорен, а почти все население или было вырезано, или взято в рабство. Из Киева Батый двинулся на запад, в Галицко-Волынскую Русь, все опустошая и разоряя на своем пути. Город Галич был разрушен до основания, а население почти поголовно вырезано. Князь Даниил в это время находился в Венгрии, куда он направился в поисках союзников для борьбы с татарами, но никакой реальной помощи на Западе он не получил.

Видя безвыходность положения, после долгих колебаний, Даниил, по примеру других русских князей, отправился в Орду с изъявлением подчинения и покорности хану. Хан отнесся к нему милостиво и дал ярлык на управление Галицким княжеством, что дало ему возможность все свои силы и энергию употребить на восстановление разоренного нашествием края. Оставивши не восстановленной свою столицу Галич, Даниил построил и укрепил новую столицу — Холм, а также восстановил многие разрушенные города и основал новые, в том числе Львов, названный по имени его старшего сына — Льва.

Понимая невозможность собственными силами бороться с татарами, Даниил искал союзников на Западе, прежде всего в Венгрии, Польше и у крестоносцев. Но, вдохновленный католической церковью Запад вместо помощи напал на русские земли с целью распространения католичества и подчинения Риму. Именно в годы татарского нашествия, вероятно не случайно, происходили и нападения Запада на единственно уцелевший от татар Новгород, который, не будь этих нападений, смог бы помочь в борьбе против татар. Только благодаря военному таланту новгородского князя Александра Невского (двоюродного брата Даниила Романовича) и жертвенности новгородцев удалось отбить эти нападения и нанести агрессорам поражения: шведам на Неве, а крестоносцам на льду Чудского озера (Ледовое побоище 1242 года).

Рим понимал тяжелое положение князя Даниила и решил его использовать для распространения своего влияния на его княжество. Ему была обещана всемерная поддержка католических государств и королевский титул, если он согласится принять корону от папы римского. После долгих колебаний Даниил на это согласился. Но, зная отвращение народа к католицизму, Даниил короновался не пышно в своей новой столице — Холме, а тихо и скромно, в небольшом городе Дорогичине.

Даниил, после коронования, в надежде на обещанную помощь Запада, предпринял поход для освобождения от та-

тарских гарнизонов Новгорода-Волынского (Водзвягеля) и Киева, но никакой помощи не получил. Вместо помощи пришлось бороться с литовцами, напавшими на его владения. Поход был прекращен. Но он вызвал быструю реакцию татар: в 1259 г. их многочисленное войско под командой Бурундая вторглось в Галицко-Волынскую Русь и заставило Даниила срыть все укрепленные им города и наложило на него большую контрибуцию.

Ни от папы римского, ни от послушных ему католических соседних государств Даниил никакой помощи не получил и вынужден был беспрекословно подчиниться всем требованиям татар. Возмущенный вероломством Запада, Даниил рвет с ним всякие связи, отказывается от полученного от папы королевского титула и делает ставку на сосуществование с татарами, что ему и удается ценой немалых унижений и материальных жертв.

Надломленный неудачами, Даниил умирает в 1264 году, только на один год переживши своего двоюродного брата — Александра Невского, который так блестяще отразил западную агрессию на Неве и Чудском озере.

После смерти Даниила и его брата Василия, с которым он дружно и совместно управлял Галицко-Волынской Русью, их сыновья Лев и Владимир раздельно, но так же дружно, как их отцы, владели: Лев — Галицкой, а Владимир — Волынской Русью. С татарами они не только не ссорились, но и прибегали иногда к их помощи в борьбе с западными соседями. Так была отбита у Венгрии Прикарпатская Русь а у Польши Люблинская земля

После их смерти вся Галицко-Волынская Русь, без всяких междоусобиц была опять объединена под властью одного князя — Юрия Львовича (сына Льва), который стал называть себя «королем Руси», хотя его дед от этого титула отказался.

Живя между татарским молотом и западно-католической наковальней, отрезанный от остальной Руси, Юрий понимал невозможность какой либо общерусской политики и

старался жить в мире как с татарами, так и с поляками и венграми и заботился о благоустройении своего княжества, куда все больше и больше начинало проникать католическое влияние. Поэтому для укрепления православия он выхлопотал у Константинопольского патриарха посвящение митрополита для Галицко-Волынской Руси (1303 г.).

Киевский митрополит, считавшийся митрополитом «всей Руси» еще в 1299 году, оставил Киев и переселился в отдаленный Владимир-на-Клязьме, в Суздальской Руси. Но, новопоставленный митрополит (галичанин родом — игумен Петр) не задержался долго в своей Галицко-Волынской митрополии и переселился во Владимир Суздальский, а потом в Москву. Этот галичанин был первым московским митрополитом и своим высоким авторитетом много содействовал ее возвышению.

Два сына Юрия Первого — Анрей и Лев Второй, не смогли ладить с татарами и оба погибли в борьбе с ними в 1323 году. С их смертью прекратилась мужская линия Романовичей и встал вопрос о замещении княжеского престола. Согласно установившейся еще со времени Ярослава Мудрого практике, престол должен был перейти к одному из князей — потомков Мономаха, но международная обстановка тогда была такова, что боярской партии удалось посадить на престол полуокруженной сильными Польшей и Литвой Галицко-Волынской Руси поляка, сына Мазовецкого князя Трейдена, женатого на сестре Андрея и Льва II — Марии.

Этот новый князь, по имени Болеслав (Тройденович) при занятии княжеского престола формально перешел в православие и даже переименовал свое имя на Юрий. Но вскоре Юрий II вернулся в католичество и, будучи князем православной русской земли, начал оскорблять религиозные и национальные чувства своих подданных, а себя окружил поляками-католиками. Своим поведением он оттолкнул от себя даже те боярские круги, которые содействовали его призыванию на княжение. Вся Галицко-Волынская Русь возненавидела своего князя. В 1340 году он был отравлен, а по

всему княжеству прокатилась волна антипольских и антикатолических погромов, сопровождавшихся большими жестокостями.

Со смертью Юрия Второго Тройденовича, вернее, с его призыванием к власти, от единой Киевской Руси на многие столетия отрывается ее юго-западная часть, попадая в орбиту агрессоров Запада — католической Польши и Литвы, Галицко-Волынская Русь делается предметом споров и борьбы между предъявлявшими на нее права Венгрией, Польшей и Литвой. 37 лет ведется эта борьба и заканчивается только в 1387 году тем, что Галиция отходит к Польше, Волынь к Литве, а Прикарпатская Русь к Венгрии. С мнением и желанием самого населения разделяемого княжества его расчленители не считались, стараясь только национально обезличить и разными выгодами окатоличить и привлечь на свою сторону его высшие господствующие классы.

Агрессия Запада по отношению к Руси, отбитая Александром Невским на северо-западных ее рубежах, увенчалась успехом на западных и юго-западных границах.

Здесь уместно будет упомянуть, что впоследствии эта агрессия по отношению к Московской части Руси, а позднее по отношению к России неоднократно возобновлялась и закончилась, надо полагать, навсегда только с окончанием Второй мировой войны. Достаточно только вспомнить польско-литовскую агрессию XVII века, когда была занята даже Москва, вторжение шведов в 1708—1709 годах, нашествие французов в 1812 году, нападение англичан и французов в 1854 году и два немецких вторжения в течение текущего столетия.

Объективное изучение взаимоотношений России и Запада дало основание известному историку нашего времени Тойнби сказать: «На протяжении всей своей истории Россия на Запад никогда не нападала, а только от него оборонялась».

На этом мы заканчиваем краткое изложение судеб Галицко-Волынской Руси, начиная от выделения Галицкой

Руси в удел внуку Ярослава Мудрого — Ростиславу (1052 г.), и закрепления этого удела в наследственное владение Ростиславовичей съездом князей в Любече (1097 г.), и кончая разделом Галицко-Волынского княжества между западными агрессорами (1387 г.).

Находясь под татарским игом, раздробленная и разобщенная, остальная Русь не имела возможности отстоять Галицию и Волынь, свои исконные русские земли, а потом постепенно начала ее забывать, занятая другими проблемами: борьбой с татарами, борьбой за выход к Балтийскому и Черному морям и своим распространением на восток.

Но не забыл народ поработанного Галицко-Волынского княжества свое народное единство и сохранил его на протяжении многих веков раздельной жизни. Не дал себя ни окатоличить, ни ополячить, к чему стремилась Польша. Огромную, решающую роль в успехе этого народного сопротивления сыграло православие, ставшее неотделимым от русскости.

И чем сильнее было давление католичества и польского национального шовинизма, тем сильнее становился отпор широких народных масс. В конце XVI века он вылился в вооруженную борьбу, возглавляемую украинским казачеством и приведшую в наше время к национальному освобождению Руси от иностранной власти и водворению Польши, пытавшейся расчленив Русь, в ее этнографические границы. Насколько сильно было стремление к народному единству и насколько было глубоко ощущение у населения отторгнутых частей Руси своей русскости, красноречиво свидетельствуют новейшие данные по этому вопросу. Во время переписи в Польше в 1931 году (производилась она и в Галиции, входившей тогда в состав Польши), на вопрос о национальности 1 196 855 галичан ответили, что они «русские», а 1 675 870 назвали себя «украинцами». Не надо забывать, что «украинцев» тогда фаворизировала польская администрация, а украинские сепаратисты имели в своих руках все ключевые позиции в общественной и культурной жизни непольского

населения Галиции. Приведенные выше данные были опубликованы в статьях С. Медведицкого и карпаторусских газетах в США и никогда самостийниками не были опровергнуты, ибо трудно опровергать факты, взятые из официальных польских данных о переписи.

Второй пример. Как уже упоминалось, в 1937 году в Закарпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии, под влиянием украинской сепаратистской пропаганды встал на очередь вопрос — на каком языке, русском или украинском, вести преподавание в школах. Произведенный плебисцит дал следующие результаты: за преподавание на русском языке — 86%, на украинском — 14%.

Приведенные выше данные красноречиво свидетельствуют о необычайной национальной стойкости населения этой части единой когда-то Киевской Руси. Несмотря на денационализацию и окатоличивание своих высших классов, усиленную польскую колонизацию, принудительное введение унии, несмотря на пропаганду украинского сепаратизма-шовинизма, широкие народные массы сохранили ощущение и своей русскости, и единства с русским народом. Династическое и культурное единство Галицко-Волынской Руси с остальной Русью старательно замалчивается и запутывается украинской сепаратистской историографией, которая имеет чисто политическую цель доказать, что «москали» и «украинцы» — чужие и чуждые народы. Но обмануть можно только или неосведомленных иностранцев, или тех, кто кроме произведений историков «школы Грушевского» ничего не читал и принимает утверждения сепаратистских историков-«парторгов» на веру.

При сколько-нибудь внимательном, вдумчивом и добросовестном отношении к историческим событиям с полной несомненностью можно доказать единство Галицко-Волынской Руси с остальной Русью.

Прежде всего, династическое единство. Не династическое родство или связи, а именно единство, что в те времена значило очень много. Не надо забывать, что удельная систе-

ма существовала, хотя и часто нарушалась. А, согласно этой системе, каждый князь был временным и должен был быть готов к перемещению в связи со смертью кого-либо из князей разросшейся династии. И действительно, мы знаем множество случаев перемещения князей из княжеств северо-западной Руси на княжение в юго-западную Русь и наоборот. И Ярослав Мудрый, и Владимир Мономах, и основатель Галицко-Волынской ветви Роман Мстиславович, прежде чем попасть на юго-запад, княжили на северо-востоке. Меняя княжество, они ехали не в чужую страну, не к чужому народу, а только меняли, так сказать, административные посты на территории одного и того же своего народа. Кроме того, частые браки между дальними родственниками — потомками Игоря, Святослава и Владимира Святого еще больше сближали князей северо- и южно-русских. Даниил Галицкий, например, был двоюродным братом Александра Невского, следовательно, внуком основателя Московской династической линии Всеволода Большое Гнездо и дядей первого московского князя Даниила, отца Ивана Калиты.

Еще большее значение, чем единство династическое, имело единство религии и неотделимой в то время от религии культурной жизни вообще. И северо-западная Русь, и Русь юго-западная были православными, а вся культурная жизнь сосредоточивалась главным образом в православных монастырях и культура распространялась через православное духовенство. На всю Русь был один митрополит — в Киеве, и он носил титул митрополита «всех Руси». И когда в 1299 году Киевский митрополит переехал из захиревшего Киева и Приднепровья в Суздальскую Русь — тем самым туда был перенесен и религиозно-культурный центр всей Руси. Культурный язык — древнерусский язык — был единым и общим для всей Руси, в чем каждый легко может убедиться, читая летописи, которые сохранились до наших дней. Большинство летописей сохранилось на северо-востоке, неизмеримо меньше на юго-западе и совсем не сохранилось в Приднепровье — центре нынешней Украины. Объяснить это явление нетрудно, зная, что Приднепровье к концу

XIII века опустело, юго-запад был под постоянной агрессией католицизма и полонизма, а северо-восток религиозно-культурно развивался совершенно беспрепятственно, ибо татары в дела религиозные не вмешивались.

Единство всей Руси, династическое и религиозно-культурное, а, следовательно, и народное, неопровержимо доказывают совершенно неоспоримые исторические документы, и говорить при их наличии, что «москальи»-великороссы и «украинцы»-малороссы есть чужие и чуждые друг другу народы можно только или совершенно не зная историю Руси, или сознательно ее искажая. В споре о том, кто является наследником государственности и культуры Киевского государства (на что претендуют и великороссы, и украинские сепаратисты), можно отчетливо различать несколько моментов.

Приднепровье — политический и культурный центр бывшего Киевского государства, в настоящее время населяют украинцы, или малороссы, — дело не в названии — и оспаривать это никто не собирается. Но это вовсе не может служить доказательством преемственности культуры и государственности, существовавшей на этой территории до ее заселения теми, кто на ней живет в настоящее время. И, наоборот, великороссы, на территории Украины не живущие, сохранили и былины эпохи Киевского государства, и летописи, и преемственность от Киевской религиозно-культурной иерархии, и преемственность политической власти (династии), включая и ее символ — шапку Мономаха. Всего этого не могут предъявить украинские претенденты, ибо в Приднепровье они являются не возвратившимися беженцами-выселенцами, а новыми беженцами — переселенцами из западных и северо-западных окраин бывшего Киевского государства, никогда в Приднепровье не жившие. Отсюда и оторванность их народного эпоса от Киевской Руси, отсюда и их бытовые и лингвистические различия с великороссами.

Несомненно, что существовавшие диалектические различия в разных частях Киевской Руси за многие столетия

раздельной жизни и внешнего влияния усилились и, в конечном результате, привели к образованию великорусского и украинского языков. Ушедшие на северо-восток жители Приднепровья эпохи Киевской Руси, ассимилируя финские и тюркско-татарские племена, приняли от них немало лингвистических и бытовых особенностей и имели свой самобытный путь развития народного языка и культуры. Пришедшие в Приднепровье несколько веков спустя переселенцы, беженцы с запада и с северо-запада, принесли с собой языковые и культурные особенности тех окраин Киевской Руси, откуда они пришли. А на развитие их народного языка и быта оказал огромное влияние Запад, под властью которого они находились многие столетия, будучи совершенно оторваны от общения с северо-восточной Русью. Но лингвистические и бытовые различия украинцев и великороссов, которые несомненно существуют и наличие которых никто не оспаривает, вовсе не являются доказательством того, что это два народа друг другу «чужие» и «чуждые», как утверждают украинские сепаратисты. История, не извращенная, а добросовестно изучаемая, с полной категоричностью и доказательностью говорит, что это две ветви одного народа, выросшие из общего корня Руси. Ветви эти, близкие теперь, твердо хранящие в глубинах народного сознания ощущение своего единства, были неизмеримо ближе 600 лет тому назад, когда исторические события оторвали юго-западную Русь (Галицко-Волынское княжество) от остальной Руси и отдали ее под власть агрессивного католицизма и польского шовинизма.

Но, как показали последующие события, им не удалось эту часть Руси ни ополячить, ни окатоличить. Как только пали цепи католическо-польского рабства, Галицко-Волынская Русь показала свое общерусское лицо.

Заканчивая на этом краткий очерк трехсотлетнего существования Галицко-Волынского княжества (конец XI — конец XIV веков), мы даем главные хронологические данные этого периода.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ ЗА ТРИ ВЕКА ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1052—1386 гг.)

Ростиславовичи (1054—1198 гг.)

1054 г. — Получение Ростиславом (внуком Ярослава Мудрого) Галицких — «Червенских городов».

1097 г. — Признание съездом князей в Любече Галицкой Руси вотчиной Ростиславовичей.

1125—1153 гг. — Княжение Владимира — объединение всех Галицких уделов.

1153—1187 гг. — Княжение Ярослава Владимировича «Осмомысла». Дальнейшее усиление Галицкой Руси.

1187—1189 гг. — Борьба между сыновьями Ярослава. Вмешательство венгров. Их изгнание.

1189—1198 гг. — Княжение Владимира Второго. Его тесная связь с Владимиро-Суздальской Русью

Романовичи (1199—1323 гг.)

1199 г. — Князь Волынский Роман Мстиславович объединяет Галицкое и Волынское княжества.

1205—1221 гг. — Смерть князя Романа. Начало смут. Вмешательство Венгрии и Польши.

1221—1228 гг. — Княжение Мстислава (Новгородского) с зятем Даниилом Романовичем.

1228 г. — Смерть Мстислава.

1228 — 1264 гг. — Княжение Даниила Романовича. В 1253 г. коронование королем.

1239—1240 гг. — Нашествие татар. Разорение Киева и Галицкой Руси.

1259 г. — Второе нашествие татар. Бурундай.

1264 г. — Смерть Даниила Галицкого.

1264—1301 гг. — Лев I Данилович. Сосуществование с татарами.

1301—1308 гг. — Юрий I, сын Льва I. Учреждение митрополии Галицко-Волынской Руси.

1308—1323 гг. — Княжение сыновей Юрия I, Андрея и Льва II и их гибель в 1323 г.

1323—1340 гг. — Болеслав Тройденевич (Юрий II), сын Мазовецкого князя.

1340—1387 гг. — Смута. Падение и раздел Галицко-Волынской Руси.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ЦЕНТР

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

В период создания государства Киевской Руси северо-восток его территории — земли по Оке и верховьям Волги — был заселен славянами-вятичами и был известен под общим именем «Залесская Русь». Называлась так она потому, что дремучими, непроходимыми лесами была отделена от остальной Руси и ее центра — Киева.

Заселение этого северо-восточного края шло только с запада — из земель Новгородских, а путь из Киева в «Залесскую Русь» шел сначала на север, до верховьев Оки, откуда затем поворачивал на восток. В былинах есть указание, что когда Илья Муромец проехал из Муромы через дремучие леса прямо в Киев, ему не поверили, пока он не показал пойманного им в этих лесах знаменитого Соловья-разбойника.

Однако, несмотря на свою удаленность и трудность сообщения с Киевом, «Залесская Русь» уже во времена Владимира Святого имела города: Суздаль, Ростов, Муром, и начала называться Суздальской Русью. Сыновья Владимира Святого, Борис и Глеб, получили уделы в Суздальской Руси: Борис — Ростов, Глеб — Муром.

Проезд из Киева в этот отдаленный и редко населенный край Киевского государства был настолько трудным, что Владимир Мономах, вообще много путешествовавший

по Руси, в своем «Поучении» детям особо отмечает, что он проехал «скроз вятичи», то есть, прямым путем из Киева в Суздальскую Русь. Но уже его сын Юрий Долгорукий, получивший в удел Суздальскую Русь, водил через леса целые полки во время своих столкновений с Волынью. Отсюда можно заключить, что только в XII веке был установлен путь из Руси Киевской в Русь Суздальскую.

Вскоре, в конце XII — начале XIII века, по этому пути устремляется мощный поток переселенцев из района, захиревшего и разоряемого постоянными набегами кочевников, — из Киева. Переселенцы основывали новые города и села, давали названия рекам. Так на северо-востоке возникают города: Звенигород, Вышгород, Галич, Переславль-Залесский, Переяслав-Рязанский, (нынешняя Рязань) — одноименные с городами юго-запада. Сёлам дают переселенцы названия: Киево, Киевцы, Киевское; рекам — Трубеж, Лыбедь, Почайна, Ирпень, т.е. названия рек Приднепровья.

Уходя на север и северо-восток, население Киевского, Переяславского и соседних с ними княжеств уносило былины — богатый народный эпос, воспевающий эпоху Владимира Святого (Владимира Красное Солнышко, как его называл народ). С удивительной свежестью сохранились эти былины в северо-восточной и северной России, даже в далекой Сибири. Но совершенно исчезли они из народной памяти на юго-западе, на Украине, где народная память не сохранила былин о Киевской Руси, а имеет только казацкие «думы» о событиях XVI—XVII столетий.

Обращая внимание на это явление, известный историк В. О. Ключевский пишет: «Как могло случиться, что народный исторический эпос расцвел там, где не был посеян и пропал там, где вырос? Очевидно, что на далекий север эти политические сказания перешли вместе с тем населением, которое их сложило и запело».

«Главная масса русского народа», — пишет дальше Ключевский, — «отступив перед непосильными внешними опасностями с днепровского юго-запада к Оке и верхней Волге,

там собрала свои разбитые силы, окрепла в лесах центральной России, спасла свою народность и вооружила ее силой сплоченного государства».

Но не сразу создается это сплоченное государство, которое волей исторических событий впоследствии стало ядром будущей России и собирательницей земель Киевской Руси. Долгий и трудный путь пришлось пройти до осуществления конечных целей и задач всей Руси.

СОЗДАНИЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО КНЯЖЕСТВА

К половине XII века Суздальская Русь достается в удел младшему сыну Владимира Мономаха — Юрию (Долгорукому). Умный и энергичный Юрий умелым управлением быстро делает свой удел одним из сильнейших княжеств Руси, куда непрерывно течет поток переселенцев с юга.

Значение Суздальского удела и его столицы Владимира настолько увеличивается, что перевешивает значение великокняжеского Киева. И когда сын Юрия — Андрей Боголюбский в 1169 году берет Киев, он не переезжает туда на княжение, а возвращается в свой Владимир, увозя с собой великокняжеский титул и его символ — шапку Мономаха.

После преждевременной смерти Андрея Боголюбского (убит боярами-заговорщиками в 1174 году) Владимиро-Суздальским князем с титулом великого князя делается его младший брат Всеволод (Большое Гнездо). Не менее волевой и твердый, чем его брат Андрей, Всеволод энергично занимается благоустройством своего княжества, становится сильнейшим князем Руси того времени и прибирает к рукам своевольное боярство, дружину и веча больших городов, превращаясь в абсолютного монарха.

Но после его смерти начинается быстрое падение княжества, благодаря делению его на уделы между многочисленными потомками. Сначала соблюдалось правило удельной системы о перемещении князей по старшинству в роде, но вскоре оно было забыто и каждый князь рассматривает

свой удел, как свою наследственную вотчину, деля ее между сыновьями. Стремительно идет дробление северо-восточной Руси и растет число соперничающих и враждующих между собою князей. От этого страдает все население и постепенно слабеет ощущение единства Руси.

НАШЕСТВИЕ ТАТАР

И когда в 1237 году с юга надвигаются татары, все эти князья и князьки не могут сговориться для совместной защиты и гибнут поодиночке. В это время великим князем во Владимире был Юрий, сын Всеволода Большое Гнездо. На просьбу о помощи Рязани он не отзывается, предоставив ей самой бороться с татарами. В результате, в декабре 1237 года татары берут и разоряют Рязань, в феврале 1238 года — Владимир, а в марте того же года на реке Сить гибнет и сам князь Юрий и все его войско. После этого отдельные татарские отряды рассеялись по всей земле и, по словам летописца, «все люди секуще яко траву, а города и села предают огню». Только наступление весенней распутицы заставило татар вернуться в свои степи, не дойдя всего около ста километров до Великого Новгорода, который тогда был под угрозой вторжения агрессоров с запада — шведов и меченосцев. (Как известно, эта агрессия была отбита новгородцами, пригласившими к себе на княжение внука Всеволода Большое Гнездо, Александра Ярославовича).

После ухода татар исправлять сделанные ими разрушения пришлось младшему сыну Всеволода (брату погибшего Юрия) — Ярославу. Он обосновался в Переславле-Залесском, начал его отстраивать и оттуда управлять разоренной землей, по которой беспрепятственно рыскали татарские «баскаки», облагая население разными повинностями. О борьбе с татарами тогда нечего было и думать — приходилось с ними любой ценою договариваться и ладить.

Ярославу наследовал его сын, знаменитый Александр Невский, который разгромил агрессоров с Запада: шведов

на Неве в 1240 г. и меченосцев на Чудском озере («Ледовое побоище») в 1242 году.

Понимая невозможность борьбы с татарами, имея на западе врагов, которые в любой момент смогут воткнуть нож в спину, Александр Невский поддерживал с татарами хорошие отношения и даже пользовался благосклонностью ханов. За это он получил от них «ярлык» на великое княжение, и, благодаря этому, возможность непосредственно влиять на жизнь всей северо-восточной Руси, раздробленной на множество удельных княжеств.

Огромный личный авторитет Александра Невского, усиленный «ярлыком» на великокняжеский титул, дал ему возможность много сделать для благоустройства всей северо-восточной Руси и возрастания народных сил после татарского разгрома.

СМУТА ПОСЛЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Но после его смерти (в 1263 г.) наступает более чем 60-летний период борьбы и интриг между отдельными князьями за великокняжеский престол, в чем принимают активное участие и татары, поддерживая то одного, то другого князя и давая им «ярлыки» на великое княжение.

Главными претендентами на великокняжеский титул и возглавление северо-восточной Руси в то время были князья рязанские, тверские и князья начинавшей быстро расти Москвы.

Москва, основанная в 1147 году Юрием Долгоруким, благодаря исключительно выгодному географическому положению, обилию рек, густоте населения (здесь оседали пришельцы с юго-запада), даровитости княжеской линии, которой она досталась в удел, быстро превращалась из захудалого удела в одно из ведущих княжеств северо-восточной Руси. После смерти Александра Невского Москва досталась в удел его сыну Даниилу, а при сыне Даниила, Иване (Калите), она уже настолько усилилась, что ее князь начал пре-

тендовать на великокняжеское звание. Усилению Москвы сильно содействовало и то обстоятельство, что в Москву перешел центр религиозной жизни — туда, после разрушения и падения Владимира, переселился митрополит всея Руси, переехавший в 1299 году из Киева после его разорения и захирения в Суздальскую Русь. Митрополиты Московские, считаясь митрополитами «всея Руси», естественно вели централистическую политику, как в вопросах религиозной жизни, так и в неразрывно связанных с ней вопросах русской культуры вообще. Дальнейший естественный шаг митрополитов — сделать Москву центром той «всей Руси», которая находилась в их юрисдикции. Не надо забывать, что в то время Приднепровье уже опустело, а Галицко-Волынская Русь жила своей политической жизнью, обособленная от северо-восточной Руси, и стремилась эту обособленность провести и в жизни церковной (хлопоты об установлении своей митрополии).

Понимая это, Московские митрополиты всячески поддерживали московских князей и всем своим авторитетом содействовали их усилению и возвышению. Татары же, считавшиеся формально владыками Руси, в религиозные дела не вмешивались, чем выгодно отличались от западных агрессоров, стремившихся окатоличить Русь. Татар интересовало только регулярное поступление дани, которой они обложили покорные земли и выкачивали при помощи своих сборщиков дани — «баскаков».

Второму Московскому князю Ивану Калите (в 1328 году) удалось добиться от хана «ярлыка» на великокняжеский титул и одновременно с этим получить полномочия на сбор дани со всей Руси. Он сделался как бы откупщиком, обязавшимся регулярно доставлять татарам то, что они требовали, распределяя по своему усмотрению высоту дани на отдельные княжества его «великого княжества».

Это последнее обстоятельство повело к быстрому обогащению московских князей и усилению их влияния на всех остальных князей, сидевших на своих уделах — «отчинах».

Как дальновидные политики, московские князья и митрополиты умело и умно использовали открывшиеся перед ними возможности и начали «собрание Руси». Действуя, где силой, где авторитетом церкви, где угрозой татарами, а где и деньгами, они стали быстро превращать почти независимые отдельные княжества в интегральные части единого централизованного Московского государства.

Все большее и большее число удельных князей начало переходить на службу к московскому князю, превращаясь в его послушных сотрудников. Быть при дворе московского князя стало и выгодно, и почетно — и туда устремились со всех концов Руси представители ее высших классов — потомки князей и боярства. Некоторые из них приходили со своими уделами («отчинами»); другие бросали старые места и перебирались в Москву.

Вот что пишет об этом Ключевский: «Старые родословные книги московского боярства производят впечатление каталога русского этнографического музея. Вся русская равнина со всеми окраинами была представлена этим боярством во всей пестроте своего разноплеменного состава, со всеми русскими, немецкими, литовскими, даже татарскими и финскими элементами. Важнее всего то, что решительное большинство в этом новом составе боярства принадлежало титулованным княжеским фамилиям, то есть, потомкам независимых или полунезависимых «вотчинников», перешедших на службу к Москве.

Это сосредоточие именитых представителей всех частей Руси вокруг Московского великого князя как бы демонстрировало единство всей Руси, и очень скоро это единство уже было сформулировано, как основная задача Московского государства. Собрание Руси, накопление народных сил для ее освобождения и возрождения отдельных ее частей, стало заветной целью руководителей Московского государства.

С удивительной настойчивостью и необычайной энергией, не жалея никаких средств, иногда проявляя жестокость, неуклонно шли к этой цели все Московские князья. А высшее духовенство в этом их всемерно поддерживало».

Успешному собиранию Руси содействовали все три основных фактора, которые в те времена определяли пути государств и народов: социально-экономический, религиозно-культурный и национальный.

Стремление всех слоев населения к мирной трудовой жизни и экономическому процветанию диктовали необходимость создания твердой центральной власти и расширения территории для хозяйственной деятельности в широком смысле этого слова. Отсюда вытекало сочувствие широких народных масс мероприятиям Московских князей, направленным на обуздание своевольных отдельных князей и установление на всей Руси равноправия экономических возможностей.

Глубокая приверженность всего населения православию, бывшему одновременно и носителем национальной культуры Руси, и объединенному под властью единого митрополита, естественно, по аналогии, толкали мысль на необходимость политического устройства всей Руси по такому же централистическому принципу, по какому была организована Православная церковь. Отсюда поддержка народом «собирания Руси».

Агрессия с востока и с запада поставила под вопрос самое национальное существование Руси. Что единственное спасение в накоплении собственных сил для защиты от агрессоров — понимали все, и потому широкие народные массы, почувствовав в Московских князьях организаторов защиты и подготовителей национального освобождения, потянулись к ним и безропотно и жертвенно несли все тяжести подготовки и борьбы за свое национальное «я».

Ко всему изложенному для правильного понимания причины успеха «собирания Руси» надо еще упомянуть и характер взаимоотношений между Московским князем и

его ближайшим окружением — знатными и титулованными боярами. В то время, как на западе Руси, под влиянием понятий европейского феодализма, бояре были весьма независимы и считали князя «первым между равными», на северо-востоке вместо этих западных влияний примером для князей и бояр служили взаимоотношения татарского князя и его окружения. Они выработали беспрекословное подчинение князю, нередко переходящее в унижительное пресмыкательство. Такие обращения к Московскому князю самых родовитых титулованных бояр, как «твой холоп Ивашка бьет поклон», которые мы постоянно встречаем в документах того времени, красноречиво свидетельствуют о степени этого пресмыкательства, но в то же время и о степени власти Московского князя над своими подданными.

Благодаря всем вышеприведенным факторам и обстоятельствам, Московское государство начало быстро крепнуть и расширяться. Уже с начала XIV века великокняжеский титул был неразрывно связан с Москвой и неизменно, преемственно оставался за потомками Ивана Даниловича Калиты (внука Александра Невского), получившего от хана ярлык на великокняжеское звание в 1328 году.

НАСЛЕДНИКИ ИВАНА КАЛИТЫ

Иван Калита (Московский князь с 1305 года и великий князь с 1328 года) умер в 1340 году, оставив всю власть, без дробления на уделы, своему старшему сыну Симеону. История называет его Симеоном Гордым за его высокомерие и деспотическое отношение ко всем князьям и боярам, с которыми он держал себя как неограниченный властелин, требуя беспрекословного повиновения. Фанатически веря в возрождение Руси и считая себя призванным трудиться для этого возрождения, Симеон Гордый железной рукой правил своим великим княжеством, продолжая собирание и укрепление ядра русской государственности — Москвы. Здесь уместно будет упомянуть, что именно в годы княжения Си-

меона окончательно выявилась неудача попытки Галицко-Волынских князей восстановить традиции Киевской Руси и объединить ее раздробленные части. Под ударами польско-католической агрессии Галицко-Волынская Русь уходила в политическое небытие, превращаясь в колонию западных агрессоров, а Московская Русь выходила на историческую авансцену и брала в твердые руки дальнейшее руководство судьбами нашего народа.

После преждевременной смерти в 1353 году (от чумы) Симеона Гордого ему наследовал его брат Иван II. Полная противоположность Симеону — кроткий и безвольный князь Иван был лицом мало способным продолжать политику своих предшественников. Но ему пришлось на помощь высшее духовенство, во главе которого стоял человек большего ума и воли, митрополит Алексей. Он был душой и главным руководителем дела собирания Руси, умел ладить с татарами, даже добился от них для Ивана II права судить всех князей, что делали раньше сами ханы. Это еще больше усиливало авторитет Московского великого князя.

Так, благодаря энергичному вмешательству Церкви, усиление и рост Московского государства не прекратился и даже не приостановился как за княжение Ивана II (1353—1359 годы), так и за время малолетства его сына Дмитрия — будущего победителя татар на Куликовом Поле.

ДИМИТРИЙ ДОМСКОЙ: КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Богато одаренный, волевой и целеустремленный Дмитрий сразу же по достижению совершеннолетия начал проводить решительную и смелую внутреннюю и внешнюю политику. Имея всемерную поддержку митрополита Алексея и высоко чтимого игумена Троицко-Сергиевской лавры преп. Сергия Радонежского, Дмитрий включил в состав своих непосредственных владений Углич, Галич, Белоозеро и приобрел ряд новых городов с их землями: Калугу, Медынь, Дмитров. Со своими соперниками и претендентами на вели-

кокняжеское звание, князьями тверскими и рязанскими, Димитрий вел успешную борьбу, несмотря на то, что они находились в союзе с усиливающейся тогда Литвой и прибегали к ее помощи. Три раза пришлось Димитрию отбивать войска литовского великого князя Ольгерда, глубоко проникавшего в пределы Московского великого княжества.

Проводя успешно дальнейшее собрание Руси и ее усиление, отбивая агрессора с запада, Димитрий не покладая рук готовился к делу освобождения от татарского ига и неизбежному столкновению с ними. В 1378 году Димитрий разбил и уничтожил на реке Воже большой татарский отряд, грабивший и разорявший Рязанскую землю. После этого обе стороны начали готовиться к войне. Татарский хан Мамай заключил союз с Литвой, которая обязалась ему помочь войсками. А Димитрий обратился за помощью к народу, всемерно поддержанный православной церковью. И он не ошибся. Народ горячо откликнулся на его призыв и начал готовиться к борьбе, получив благословение на эту борьбу от преподобного Сергия Радонежского. Иначе отнеслись к призыву Димитрия некоторые князья, для которых их личное тщеславие и выгоды были выше народного дела. Князь Рязанский открыто готовился стать на сторону Мамаю, князь Тверской занял выжидательную позицию, равно как и некоторые мелкие князья. Такую же позицию занял и богатый и сильный Новгород, которым правила боярско-купеческая олигархия.

В такой обстановке, заранее уверенный в победе, Мамай двинул свои полчища на Русь. Димитрий, к которому присоединились отдельные русские полки даже из далекой юго-западной Руси, двинулся ему навстречу и 8 сентября 1380 года на южных рубежах Московской Руси, на Куликовом поле (нынешняя Тульская область) разбил и обратил в бегство войска Мамаю.

Спешивший ему на помощь литовский великий князь Ягайло к битве опоздал всего на один день и был вынужден поспешно вернуться, опасаясь, что и его постигнет участь Мамаю.

Победа на Куликовом поле произвела огромное впечатление не только на всю Русь, но и на Европу. Непобедимые доселе татары, полтора столетия владевшие Русью и бывшие страшной угрозой над всей Европой — были разбиты. И не Европой, не усилиями всемогущей тогда католической церкви, которая так много говорила о «борьбе с неверными», а силами русского народа, сплотившегося около своего нового центра — Москвы и вдохновленного призывами Православной Церкви, столь ненавистной католической Европе.

Союз верного слуги Рима (хотя тогда еще не принявшего католичества) — Ягайла с татарами красноречиво говорит о подлинных намерениях католицизма по отношению к православной Руси: не будучи в состоянии победить православие силой убеждения, католицизм предпочел его уничтожение руками «неверных» татар и язычников-литовцев, вскоре насильственно обращенных Ягайлой в католицизм.

Куликовская битва является переломным моментом как в деле освобождения от татарского ига, так и в деле создания Московского государства. Хотя татары еще и делали набеги на Русь, даже захватывая Москву (внезапный набег хана Тохтамыша в 1382 году), но сила их быстрошла на убыль и уже не могла соперничать с возродившейся русской силой. А «оппозиционные» Москве князья, князьки и области, пытавшиеся раньше вести «свою» политику, не смогли больше об этом и думать, были захвачены бурным потоком русской государственности и постепенно вошли в полное и непосредственное подчинение Московским великим князьям, которые уже перестали нуждаться в ханских ярлыках для подтверждения своего звания.

ПРЕЕМНИКИ ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО

После Димитрия Донского княжили его сын Василий I (1389—1425 г.), затем его внук Василий II Васильевич (1425—1462 г.), потом правнук Иван III Васильевич (1462—1505 г.) Все они при неизменной поддержке Церкви и со-

чувствия широких народных масс, продолжали дело соби-
рания Руси, ее освобождение от татар и внутреннего уст-
роения. Особенно много в этом направлении было сделано
в княжение Ивана III. В 1480 году он окончательно разорвал
с татарами, которые до этого формально еще считали себя
вправе вмешиваться в дела Руси. Татары ушли на юго-вос-
ток, и их орда начала быстро разлагаться.

После ряда успешных войн с усилившейся тогда Литвой,
которая захватила юго-западную Русь, в княжение Ивана III
были воссоединены с Москвой ряд исконно-русских земель
и городов: Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Старо-
дуб, Рыльск, Любечь, Брянск, Мценск, Дорогобуж, Торопец
и другие. Всего 119 городов и 70 волостей (1503 год).

Кроме окончательного изгнания татар и возвращения
захваченных Литвой земель на юго-запад от Москвы, при
Иване III не менее энергично шло собирание и земель Руси
северной и северо-восточной:

- В 1463 г. князь ярославский со всеми своими удельны-
ми князьями добровольно переходит под власть Москвы.

- В 1472 г. — присоединяется обширнейшая «Великая
Пермь» с густой русской колонизацией.

- В 1474 г. — покупается вторая половина Ростовского
княжества, а князь идет служить в Москву.

- В 1478 г. — окончательно подчиняется Москве Новго-
род с его обширными землями.

- В 1485 г. — Москве присягнула на верность Тверь.

В результате этого собирания русских земель, к началу
XVI века Великое княжество Московское уже представляет
собой огромное государство, к тому же сильно централизо-
ванное, что значительно увеличивает его значение.

Удельная раздробленность ушла в область преданий и
была сменена сильной единоличной центральной властью,
которая в полном единении с православной церковью вела
внутреннюю и внешнюю политику по путям дальнейшего
восстановления когда-то единого великого Киевского госу-
дарства. Народ это понимал и безропотно сносил нелегкие

обязанности, которые на него возлагало государство. А доходившие до народа, сведения о притеснении католиками их православных братьев в юго-западной Руси лишь усиливали и подогревали тяготения к Москве, не только политическому, но и религиозному центру всей свободной и несвободной Руси.

Особенное значение приобрела Москва как религиозный центр еще и потому, что как раз в это время мусульмане овладели центром православия — Константинополем (в 1453 г.) и Москва, в силу обстоятельств, сделалась его наследницей. А женитьба Ивана III на византийской принцессе Софии Палеолог еще более усилила ощущение этой преемственности, которая начала проявляться даже и во внешней стороне жизни московского великого князя. Был принят как государственный герб византийский двуглавый орел, при дворе было введено многое из пышного церемониала византийского императорского двора.

ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Умирая (в 1505 г.), Иван III оставил своему сыну Василию III уже большую благоустроенную державу с твердо установленными государственными традициям и определенными путями дальнейшего развития.

Пути эти вели с одной стороны, к обеспечению безопасности государства с востока и юго-востока, с другой — к борьбе за захваченные западными агрессорами исконно русские земли и выход к Балтийскому морю, который когда-то имела Киевская Русь. И наследники Ивана III пошли по обоим этим путям. Эти наследники были: Василий III Иванович (1505—1533 г.) и сын его Иван IV Васильевич (1533—1584 г.) известный в истории как Иван Грозный.

Цели на востоке, точнее, на юго-востоке, были осуществлены сравнительно быстро и без больших усилий. Послед-

нее не подчинявшееся Москве Рязанское княжество было присоединено к Москве без кровопролития в 1517 году, в княжение Василия III. Татарская Орда к тому времени распалась на отдельные царства-ханства, Казанское и Астраханское, которые своими набегами беспокоили Московское государство. Эти два царства обезвредил и присоединил к Московскому государству уже Иван Грозный, Казанское — в 1552 году, а Астраханское — в 1556 году. Сравнительно легкое освоение Казанского и Астраханского татарских царств объясняется теми же, причинами, которые привели к легкому освоению Руси татарами. Они начали делиться на «уделы» или, говоря языком современным, «самоопределяться вплоть до отделения». В результате борьбы как между отдельными частями единого когда-то татарского ханства, так и между отдельными претендентами на власть, противники обращались за помощью к западному соседу — Москве, заключая с ней союзы. Иван Грозный умело использовал обстановку и быстро ликвидировал оба татарских царства, закончив тем не только «собрание Руси» на востоке, но и обеспечил ее восточные и юго-восточные рубежи.

После Казани и Астрахани началось дальнейшее продвижение на восток и в 1582 году была присоединена Сибирь и продолжилось движение к берегам Тихого океана. Движение это шло самотеком — группы энергичных и предприимчивых людей на свой риск и страх шли в неизведанные края без какой бы то ни было помощи, даже без ведома правительства. И только тогда, когда новые области были освоены, они формально входили в юрисдикцию Московского государства (правительства). За полтора столетия с небольшим лет русские появились уже на берегах Тихого океана (экспедиция Дежнева в 1648 году), а в XVII столетии Москва уже вела переговоры с Китаем об установлении границы между обоими государствами.

Гораздо труднее оказалась вторая задача — движение на Запад. Не для его завоевания, а только для освобождения захваченных западными агрессорами исконных русских

земель — частей бывшего Киевского государства. Это были вся северо-западная, западная и юго-западная Русь, то есть, западные и юго-западные области нынешней Великороссии и вся нынешняя Белороссия и Украина. К моменту завершения Москвой своих государственно-территориальных задач на севере, северо-востоке и востоке (XVI столетие) эти области находились под властью шведов, ливонских рыцарей и польско-литовского государства. И, начиная с Ивана Грозного, с переменным успехом шла борьба за возвращение этих областей.

В ходе этой борьбы, которая велась больше трех столетий (начиная с ливонских и польско-литовских войн Ивана Грозного и кончая Второй мировой войной, давшей России на западе границы Киевской Руси), были победы, были поражения, были длительные, на много десятилетий перерывы, происходили огромные политические и социальные изменения в России, превратившейся из Московского великого княжества в Московское царство, а потом в Российскую империю, переименованную нынче в СССР. Но никогда, несмотря на разные режимы и их политические установки, в глубинах народного сознания не умирало ощущение единства всех частей единой когда-то Руси Владимира Святого и уверенность в неизбежности объединения всех ее частей, разорванных агрессией Запада.

Ни тогда, когда агрессор захватывал Москву, как это было в Смутное время начала XVII века, ни тогда, когда, совершая историческую ошибку, российское правительство оставило древнюю Галицкую Русь во власти Австрии, ни тогда, когда, пользуясь временной слабостью России, ее юго-западные части захватывала Польша, как в начале XX столетия.

Заканчивая этот кратчайший обзор зарождения и роста ядра будущей России на далеком северо-востоке Руси и неуклонной национально и исторически оправданной борьбы за воссоединение всех ее частей, будет уместно обратить внимание на один эпизод в этой многовековой борьбе за освобождение своего, народа, который вряд ли можно оправ-

дать. Это захват императорской Россией чужой, чуждой и враждебной Польши и отдача Австрии своей единокровной, единойверной и единойязычной Буковины, Галиции и Закарпатской Руси. Как известно, в 1772 году, при первом разделе Польши, Российское правительство изъявило на это согласие и признало право Австро-Венгрии на эти земли. Согласие это было в значительной степени вынужденным, ибо Россия находилась тогда в войне с Турцией и нуждалась хотя бы в нейтралитете Австрии, выступление которой на стороне Турции могло кончиться для России катастрофой. Но то, что эта ошибка не была исправлена впоследствии, никакого оправдания не имеет. А исправить ее можно было легко: и во время Венского конгресса, когда в 1815 году, после поражения Наполеона, Россия диктовала свою волю Европе, и в 1848 году, когда Австро-Венгрия находилась накануне своего распада, а ее император бежал из своей столицы. Но тогдашние правители России не понимали исторических задач народа, которым они правили, и в 1815 г. любезно оставили исконно русские земли за Австрией, а из Польши создали «королевство Польское», присоединив его к России, а в 1848 году русские войска водворили на престол бежавшего австрийского императора, оставив в его владении Буковину, Галицию и Закарпатье.

Вообще политика императорской России времен ее наибольшего расцвета (от половины XVIII до половины XIX века), в вопросе осуществления исторической задачи — «собрания Руси» — не отличалась ни той отчетливостью, ни той целеустремленностью, которые характерны для политики, проводимой в этом вопросе московскими царями. Об этой политике известный историк В. О. Ключевский пишет: «Нельзя себе представить большего хаоса в политических понятиях и большего дурачества в международных комбинациях: восстанавливается несуществующее государство, славянские земли отдаются немецкой Австрии»...

А на этих землях Австрия вскоре создает инкубатор для выводки ненавистников России — украинских сепаратистов.

И за ошибки правителей России в 1815 и в 1848 годах пришлось кровью расплачиваться нашим современникам в ненужных кровавых столкновениях, вызванных пропагандой украинских сепаратистов.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ — ЯДРА БУДУЩЕЙ РОССИИ.

Суздальско-Владимирский период.

XII век — Заселение Суздальской Руси выходцами из Приднепровья.

1125—1169 гг. — Суздальская Русь — удел Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха.

1169—1174 гг. — Андрей Юрьевич Боголюбский. Перенес столицу из Суздаля во Владимир. Великий князь Киевский.

1176—1212 гг. — Всеволод Большое Гнездо, брат Андрея Боголюбского.

1212—1238 гг. — Юрий Всеволодович. Погиб на реке Сить в битве с татарами.

1237—1238 гг. — Нашествие татар. Разорение Рязани, Владимира. Начало татарского ига.

1238—1246 гг. — Ярослав Всеволодович, брат Юрия Всеволодовича. Изъявил хану покорность и получил «ярлык».

1245—1269 гг. — Александр Ярославович Невский. С 1252 г. по «ярлыку» хана — великий князь Владимирский. После смерти Александра Невского — быстрый распад на уделы-«вотчины».

Московский период.

1147 г. — Основание Москвы князем Юрием Долгоруким.

1283—1305 гг. — Княжение первого Московского князя Даниила, младшего сына Александра Невского.

1305—1341 гг. — Иван Данилович (Калита), с 1328 г. — великий князь. Начало «собирания Руси».

- 1341—1353 гг. — Симеон Гордый, сын Ивана Калиты.
 1353—1359 гг. — Иван II Красный (Красивый); брат Симеона Гордого.
 1359—1389 гг. — Димитрий Иванович (Донской).
 1380 г., 8 сентября — Куликовская битва. Начало освобождения от татарского ига.
 1389—1462 гг. — Наследники Димитрия Донского: сын — Василий I (1389—1425) и внук Василий (1425—1462 гг.).
 1462—1505 гг. — Иван III Васильевич. При нем в 1480 г. окончательное освобождение от татар.
 1505—1533 гг. — Василий III Иванович. Завершение «собираания» северо-восточной Руси. Царский титул.
 1533—1584 гг. — Иван IV Васильевич (Грозный). Завоевание Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.).
 Со смертью его сына Федора (1598 г.) угасает московская линия потомков Владимира Мономаха и наступает Смута, кончившаяся избранием новой династии — Романовых (1613 г.). Московское царство в 1721 году переименовывается в Российскую империю.

ЛИТОВСКО-РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

От создания Литвы до поглощения Польшей Литовско-русского государства

С незапамятных времен разрозненные литовские племена населяли пространства от побережья Балтийского моря (район нынешнего Мемеля и Кенигсберга) до Оки, доходя до ее среднего течения. В районе к северо-западу от Калуги при раскопках курганов было найдено много предметов литовской культуры.

Во время движения готов из областей нижней Вислы к Причерноморью (III век), выдвинувшиеся на восток литовцы были оттеснены на запад, а после ухода готов эти местности были заселены славянами — русскими.

туда врань (врань) славяне?

Покрытая лесами, болотами и озерами территория расселения литовцев была населена их отдельными племенами и политически не была объединена в какое-либо единое литовское государственное образование. Тогдашняя Европа о них не знала.

Но с начала XIII века над литовцами нависла страшная угроза с запада, откуда появились немецкие завоеватели-колонисты, оправдывавшие свою агрессию желанием крестить язычников-литовцев и соседних с ними латышей. В Риге было основано католическое архиепископство, а для более успешного продвижения на восток немцами были созданы два ордена — объединения воинствующих немецких рыцарей. Эти рыцари-меченосцы захватили исконные литовские земли и их колонизировали новыми переселенцами — немцами, уничтожая коренное население или подчиняя его своей власти.

Угроза национального уничтожения или, в лучшем случае, порабощение заставила разрозненные литовские племена объединиться в одно государство. Возглавлял это государство (начало XIII века) вождь одного из литовских племен — Миндовг. Так как агрессия меченосцев шла под знаком распространения христианства, то Миндовг надеясь установить с ними добрые отношения, изъявил на это согласие, крестился и принявши католичество, получил от папы римского королевскую корону, которой и был торжественно коронован в 1252 году.

Принятие Миндовгом короны от папы по времени совпало с принятием такой же короны Галицко-Волынским князем Даниилом Романовичем вынужденным к этому католической агрессией с одной стороны, и обещанием помощи католичества против татар с другой.

Одинаковость мотивов согласия на подчинение папе и наличие общих врагов, угрожавших их государствам: западной агрессии и агрессии татарской — сблизили князя Даниила с Миндовгом. И они лично, и их государства находились в дружественных отношениях, которые к тому же

были скреплены еще и династически: сын князя Даниила был женат на дочери Миндовга.

Но как не помогло подчинение католической церкви князю Даниилу Романовичу, так не помогло оно и Миндовгу. Князь Даниил, не получивши обещанной помощи, разорвал всякие сношения с папой, вернувшись к своему православию (от которого он никогда формально не отрекался), а Миндовг вернулся к язычеству и к поклонению священным змеям — ужам.

Со смертью Миндовга в 1263 году наступила смута и зашаталась основы созданного им государства Литовского. Почти одновременно с Миндовгом умер и князь Даниил, а в далекой северо-восточной Руси — князь Александр Невский.

Смута в Литве длилась более 50 лет и закончилась только в 1316 году, когда во главе объединенного Литовского государства стал выдающийся человек, вождь одного из племен — Гедимин. Немало ущерба успели нанести Литве за годы этой смуты западные агрессоры: они почти полностью уничтожили литовское население в нынешней Восточной Пруссии и заменили его немецкими колонистами и широким фронтом объединенных тевтонских орденов (тевтонского и меченосцев) давили на Литву с запада. Гедимину, прежде всего, надо было обороняться от немцев. Для этого он строит ряд укрепленных городов-замков: Торки, Вильно и другие, сделавши Вильно столицей Литовского государства и центром религиозной жизни народа. Туда переносит свою резиденцию верховный литовский жрец Криве-Кривейно, там начинает гореть священный вечный огонь в языческих храмах, в которых сжигали умерших знатнейших литовцев и заботливо содержались священные змеи — ужи.

Находясь под постоянной угрозой агрессии с запада, Гедимин ищет дружбы с русскими и расширяет свое государство на юг и на юго-восток — на удельные княжества раздробленной Киевской Руси. Причем расширение это происходит мирным путем — путем союзов, договоров и ди-

настических связей. Еще Миндовг перешагнув этнографические границы расселения литовцев, занявши без войны и борьбы так называемую «Черную Русь» с городами Гродно, Волковыск, Новоградк, Слоним: Гедимин пошел дальше: женивши своего сына Ольгерда на витебской княжне, он распространяет свое влияние на Витебское и Полоцкое удельные княжества, а с 1320 года Ольгерд и формально провозглашается князем Витебским. Таким образом, часть Белой Руси, а затем Подлясье и Полесье постепенно сначала входят в орбиту Литвы, а потом делаются составной частью великого княжества Литовского. Еще при жизни Гедимины большую часть его государства и по территории, и по населению, составляют исконно русские земли, части Киевской Руси.

Эти русские земли были неизмеримо выше по культуре, чем литовцы, бывшие тогда еще язычниками и не имевшие вообще своей письменности. Неудивительно поэтому, что более высокая русская культура делается культурой литовского государства, а русский язык — языком государственным. Молодое Литовско-Русское, точнее Русско-литовское государство быстро растет и крепнет, пополняясь еще и переселенцами — беженцами из постоянно разоряемого татарами Приднепровья. Целые русские удельные княжества, граничащие с ним, ищут его защиты и покровительства и без всякого насилия входят в его орбиту.

Создатель этого государства — Гедимин, погиб в 1341 году в борьбе с тевтонскими агрессорами. Ему наследовали сыновья Кейстут и Ольгерд. Первый был ярый язычник и приверженец литовской старины. Ольгерд, еще до смерти Гедимины князь Витебский, был человеком русской культуры, женатым на русской княжне и воспитавший своих детей в православии и в чисто русском духе. Но, несмотря на свои религиозные расхождения и разные культурные симпатии, оба брата оказались достойными преемниками своего выдающегося отца. Они разделили власть над его наследством; не деля самого государства, и дружно, в течение

36 лет, управляли каждой своей частью. Кейстут — литовской, а Ольгерд — русской, все более и более расширяясь на юго-восток, умело пользуясь ослаблением татарской Золотой Орды, начавшимся после смерти хана Узбека (1341 г.). Кроме Ольгерда и Кейстута у Гедимины были еще сыновья: Наримунт, ставший князем русского Турово-Пинского княжества, Любарт и его потомки — князья Киевские, Корнат и его потомки — князья Подольские. Но эти три Гедиминовича большой роли не играли и, находясь на княжении в русских княжествах, только символически подчеркивали власть Гедиминовичей над этими княжествами. Всею русской частью Литвы правил Ольгерд.

Защищая свои земли от татар, Ольгерд в 1363 году нанес им — «Подольской Орде» — страшное поражение под Синими Водами (около Южного Буга) и тем распространил свою власть на всю Подолию, почти до Черного моря. На юге и на юго-востоке в орбиту Литвы были окончательно включены Волынь и Киев с прилегающими княжествами; велся спор с Польшей за Галицию и с Венгрией за Карпатскую Русь. На востоке границы Литвы расширились до верховьев Оки и верхнего Сейма, присоединением княжеств Черниговского, Новгород-Северского, Смоленского и Брянского. Литва выросла в огромную державу, в которой только десятую часть составляла собственно литва, а девять десятых — это были земли бывшего Киевского государства, сохранившие его язык, организацию и культуру.

Все предпосылки были за то, что Русско-литовское государство, с его русской культурой, станет преемницей Киевской Руси и восстановит его прежние границы. Только за Галицию и Закарпатье, как уже было упомянуто, велся спор с Польшей и Венгрией, да северная и северо-восточная Русь находились вне Русско-литовского великого княжества. Там во времена Ольгерда еще только шло собирание Руси и Дмитрий Донской вел борьбу с сильными удельными князьями. Родственником одного из них был Ольгерд (он был женат на дочери тверского князя), что дало ему повод

вмешиваться во внутренние распри северо-восточной Руси. Есть основания думать, что не только родственные чувства толкали Ольгерда на это вмешательство. Хотя и литовец по крови, он был руским по культуре и, как человек незаурядный и дальновидный политик, он считался с возможностью объединения всех земель Киевской Руси под своей властью. Эта возможность была вполне реальной и, не вмешайся в русские дела Запад, весьма вероятно, что объединение всех частей Руси закончилось бы не в 1945 году, а еще в конце XIV столетия.

СМЕРТЬ ОЛЬГЕРДА ЯГАЙЛО

Смерть Ольгерда (1377 г.) совершенно изменила дальнейшие пути развития Русско-Литовского государства. Прежде всего, было нарушено дружеское сотрудничество между правительством литовским и русской частью его поданных, длившееся во все время правления Ольгерда, делившего власть со своим братом Кейстутом. Наследник Ольгерда, его сын от второй жены (княжны Тверской) Ягайло (Яков) не поладил со своим дядей язычником Кейстутом и повел против него борьбу, заключивши союз с врагами Литвы меченосцами, с помощью которых он одержал победу и заключил в тюрьму хотя и язычника, но гуманного правителя Литвы Кейстута и его сына Витовта. Великий князь Кейстут погиб (или был убит) в тюрьме в Киеве, а его сыну Витовту удалось бежать. Он направился к меченосцам, принял христианство и начал при их помощи готовиться к борьбе с Ягайлом, рассчитывая на свою большую популярность среди литовцев. На востоке у Ягайло тоже появилась опасность: обделенные Ольгердом в пользу Ягайло старшие Гедиминовичи открыто перешли на сторону Москвы и готовились с ее помощью отстаивать свои права. Ягайло, угрожаемый с запада и с востока, начинает искать дружбы у татар и обещает им свою помощь против Москвы. Насколько дале-

ко зашла рознь между Ольгердовичами видно из того, что в Куликовской битве на стороне Дмитрия Донского боролась Ольгердовичи — полоцкий князь Андрей и брянский князь Дмитрий, а Ягайло спешил на помощь к Мамаю, но к битве опоздал.

После блистательной Куликовской победы шансы противников Ягайло возросли, а опасность для него со стороны Востока усилилась. Положение для Ягайло стало угрожающим. Литовцы его государства были против него за расправу с Кейстутом, русские — за помощь Мамаю.

КРЕВСКАЯ УНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Выручило Ягайло совпадение исторических обстоятельств. Как раз в это время в Польше умер король Людвик (1382 г.), который был одновременно и королем венгерским. С его смертью прекращалась персональная уния между Венгрией и Польшей, а перед Польшей встал вопрос о том, кто займет престол. Сторонникам умершего короля Людвика удалось провозгласить королевой Польши его дочь Ядвигу, молодую девушку.

Руководители политики Польши решили пойти по пути персональной унии, но на этот раз не с Венгрией, а с Литвой. Ягайло было предложено жениться на Ядвиге и стать одновременно королем польским и великим князем литовским, за что ему была обещана всемерная поддержка католической церкви. Ягайло на это предложение согласился и 14 августа 1385 года в г. Криве был подписан договор об объединении двух государств. При этом Ягайло обязался перейти в католичество, крестить в католическую веру всех литовцев и на вечные времена сохранять это объединение. По условиям этого договора — «Кревской унии» — все русские земли Великого Княжества Литовского тоже становились частью объединенного Польско-Литовского государства. О их переходе в католичество в договоре не упоминалось.

Выполняя условия Кревской унии, Ягайло в 1386 году перешел в католичество, принял имя Владислава, женился на Ядвиге и короновался польским королем (Владиславом II). Затем выехал в Литву, где в течение одного года обратил в католичество всех язычников-литовцев и уничтожил все напоминавшее о прежнем культе: был погашен священный огонь, срублены священные дубы, убиты священные змеи-ужи. Народ принял новую веру безропотно — литовцы привыкли беспрекословно подчиняться своему князю.

Пока Ягайло крестил литовцев, Ядвига, частью силой, частью дипломатией, закончила Польско-Венгерско-Литовский спор за «червенские города» Киевской Руси — за Галицию. С 1387 года Галиция стала составной частью Польши. Не Литвы, которой формально принадлежали все русские земли и которая претендовала на Галицию, а именно Польши. Это дало возможность Польше намного раньше начать свою деятельность в Галиции по окатоличиванию и ополячиванию, чем в остальных русских землях, хотя и находившихся в Польско-Литовском государстве, но входивших в состав не Польши, а Литвы. Результаты этого сказались быстро: русская социально-культурная верхушка очень скоро полностью исчезла — все стали «поляками».

Кревская уния была крупнейшим историческим событием в истории Польши, Руси и Литвы. Она на многие столетия предопределила пути развития и взаимоотношения народов этих стран.

Польша сделалась проводником католической агрессии на Восток и повела в русских землях политику насильственного окатоличивания, ополячивания и социального угнетения, которая, в конце концов, привела к гибели самой Польши.

В Литве прекратился процесс стихийного слияния русской и литовской народности и между ними начали расти рознь и антагонизм, порождаемые католическим фанатизмом и польским шовинизмом, которые были быстро приняты литовскими высшими классами. В русских землях

объединенного государства была потеряна надежда, что Русско-Литовское государство будет защитником православия и объединения Руси. Русский элемент великого княжества Литовского из руководящего превратился в гонимого и преследуемого. И он потянулся к крепнувшей Москве.

Историческая роль Русско-Литовского государства была сыграна. Совершенно объективно-реальная возможность объединения Руси не была осуществлена. Руководство объединенным государством оказалось в руках польских и surtout католических, враждебных исконно-православной Руси.

Кревская уния была концом короткого золотого века Литвы, Русско-Литовского государства.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ РУССКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ НАЧАЛА XIII ВЕКА ДО ЕГО КОНЦА В 1386 ГОДУ

Начало XIII века — создание Литовского государства Миндовгом.

1252 г. — Коронование Миндовга королем Литвы и его переход в католичество.

1263 г. — Смерть Миндовга и начало смуты.

1263—1316 гг. — Смута и междоусобица.

1316 г. — Приход к власти Гедимина.

1341 г. — Смерть Гедимина. Начало княжения Ольгерда и Кейстута.

1363 г. — Поражение татар под Синими Водами.

1377 г. — Смерть Ольгерда. Ягайло, борьба его с Кейстутом.

1385 г. — Кревская уния. Конец независимости Русско-Литовского государства.

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Украина-Русь под Литвой и Польшей и борьба за освобождение (половина XIV до конца XVII столетий). Период от Кревской унии (1385 г.) до Люблинской (1569 г.)

УКРАИНА-РУСЬ ПОД ЛИТВОЙ И ПОЛЬШЕЙ И БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ (ПОЛОВИНА XIV ДО КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ)

Польско-литовская уния, создавшая одно общее государство из двух чуждых и разноплеменных народов, была результатом не взаимного тяготения этих народов друг к другу, а сложившейся внешнеполитической обстановки для королевства Польши и великого княжества Литвы.

Оба эти государства находились под угрозой немецкой агрессии с северо-запада, татар с юго-востока и требований крепнувшей Москвы возврата исконно русских земель, захваченных Литвой и Польшей и лежащих на восток и северо-восток от этнографических границ Польши и Литвы.

Сопrotивляться в отдельности и немцам, и татарам, и Москве Литва и Польша не могли. Но, будучи объединенными, хотя бы и путем только персональной унии, они создали большое государство, которое могло успешно бороться за сохранение своих границ и всех включенных в их границы русских территорий — частей распавшейся Киевской Руси.

Кроме того, эта уния была чрезвычайно выгодна католической церкви, открывая перед ней возможности для распространения на восток или немедленного принятия католичества, как это сделал с литовцами Ягайло в 1386 году.

или постепенного подчинения папе римскому православного населения русских областей Литвы и Польши, как это впоследствии систематически проводилось на русских православных землях за все время владычества над этими землями Литвы и Польши.

Возможность унии была облегчена еще и тем обстоятельством, что Ягайло находился во враждебных отношениях с великим князем Московским, особенно после того, как он неудачно пытался помочь татарам в Куликовской битве. После поражения в этой битве его союзников-татар престиж Москвы необычайно возрос и она уже открыто выступила на политическую авансцену в качестве «собирателя Руси».

«Собрание» же Руси означало для Литвы потерю всех ее русских земель, составлявших 90% всей территории великого княжества Литовского. Если прибавить к этому тяготение к Москве, как к центру православия и русской государственности не только широких народных масс, но и православного дворянства и духовенства этих русских территорий (о чем Ягайло не мог не знать), то станет понятно, почему он с такой легкостью и готовностью пошел на соглашение с Польшей, принял католичество, окрестивши по католическому обряду всех литовцев, и подписал унию в Криве (1385 г.). Другого выхода у него не было.

Но Кривская уния вызвала взрыв негодования среди всего населения русских земель, которое вылилось в вооруженную борьбу, возглавленную двоюродным братом Ягайло — Витовтом, его родным братом Свидригайло и, почти поголовно, крупным и мелким русским дворянством, которое тогда было православным и чувствовало себя частью Руси.

После длительной и кровавой борьбы поляки должны были уступить и пойти на компромисс. В 1392 году соглашением в г. Острове Витовт был признан пожизненным правителем Литвы, а вскоре затем он стал именовать себя ве-

ликим князем Литвы и вел политику, почти совершенно независимую от Польши, хотя формально Кревская уния и не была расторгнута.

ВИТОВТ

Годы правления Витовта (конец XIV — первая четверть XV века) были расцветом великого княжества Литовского и той русской, по существу, культуры, которая господствовала в те времена во всей Литве, успешно отражая культурный натиск и проникновение культуры польской и католицизма.

~~Государственные акты того времени, язык при дворе и среди вельмож, магнатов и шляхты — все это был древнерусский язык, язык Киевской Руси; язык «Слова о полку Игореве».~~ Тот, по сути, единый, общий книжный язык культурного слоя того времени, который теперь украинские сепаратисты-шовинисты называют «украинским», белорусские «белорусским», а великороссы считают «русским» или, точнее, «древнерусским».

Социальная структура Литвы и ее политический строй, как и во всей Европе в то время, был феодализм. Крупнейшие магнаты и более мелкие — дворяне-шляхта, совместно с высшим и низшим духовенством составляли правящий класс. Основная масса населения — крестьянство, никаких политических прав не имело и всецело зависело от своих помещиков — магнатов и шляхты.

Находясь между Московским княжеством и Польшей, Литва была свидетельницей быстрой централизации Москвы, сокращения прав князей, бояр и дворян, и относительной, по сравнению с Польшей, свободы крестьян, которые, как известно, до конца XVI века могли свободно менять своего помещика. С другой стороны, Литва наблюдала близкую к анархии децентрализацию в Польше, своеволие магнатов и шляхты и полное бесправие крестьянства.

Неудивительно поэтому, что симпатии значительной части литовских магнатов и шляхты, несмотря на русское происхождение и православную веру, склонялось к Польше в то время, как народные массы тяготели к Москве.

А так как политику Литвы определяли не массы, а магнаты и шляхта, то она пошла по пути или полной независимости Литвы и введения социального порядка по польскому образцу, или все более и более тесного сближения с Польшей.

Полтора столетия после смерти Витовта (весь XV и первая половина XVI века) продолжалось своеобразное «существование Литвы и Польши, то сближая и почти полностью объединяя эти два государства, то их несколько отделяя и ослабляя между ними связь.

ГОРОДЕЛЬСКАЯ УНИЯ

Еще при жизни Витовта, с его согласия, были попытки теснее связать Литву с Польшей. В 1413 году в местечко Городля съехались со своими вельможами польский король Ягайло и литовский великий князь Витовт и заключили так называемую Городельскую унию, согласно которой, в случае смерти Витовта, великим князем Литовским должен стать король Польский Ягайло и, наоборот, в случае, если раньше умрет Ягайло, поляки обязались избрать королем Польши Витовта. Кроме того, в Литве вводился политический и социальный строй по образцу Польши (шляхта, сейм) и, что самое главное, лица православного вероисповедания лишались права быть шляхтой, членами сейма, государственными служащими.

Православные магнаты и шляхта великого князя Литовского Городельскую унию бойкотировали и решительно встали на защиту православия (и тем самым, собственных прав и привилегий) и за независимость Литвы. К ним вскоре присоединился и переменявший свое мнение Ви-

товт — и решения Городельской унии остались на бумаге. Не настаивал на их проведения в жизнь и Ягайло, который к тому времени овдовел и, женившись на русской княжне, начал с особой симпатией относиться к Руси и интересам русского населения Литвы.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛУЦКЕ

В 1429 году в Луцке состоялась конференция правителей ряда государств Европы для решения разных вопросов, в том числе и вопроса Литовско-Русского государства. На конференцию прибыли: император Германской империи Сигизмунд, Великий князь Московский Василий II, король Польский Ягайло, король Дании Эрик, посол от императора Византии, от папы римского, два татарских хана, господарь Молдавии, два гроссмейстера тевтонского ордена крестоносцев и великий князь Литвы Витовт. Вопрос о создании независимого Литовско-Русского королевства был решен положительно и единогласно всеми участниками, кроме Польши, делегаты которой под влиянием католического духовенства, ссылаясь на Городельскую унию, решение опротестовали и покинули конференцию.

Невзирая на это, Витовт объявил, что он коронуется как король, назначил даже день коронавания (8 сентября 1429 г. в Вильно), а император Германской империи обещал прислать корону для коронавания. В то время получение короны от императора Германии (наследника «Священной Римской Империи») имело символическое значение.

Поляки, чтобы воспрепятствовать коронаванию, перехватили послов императора, которые везли Витовту корону, и тем задержали коронавание.

Престарелый Витовт (81 год), так и не дождался короны и умер, а с его смертью отпал и вопрос о создании Литовско-Русского независимого королевства.

После его смерти великим князем Литвы был избран (главным образом, благодаря русским магнатам и шляхте)

Свидригайло, непримиримый враг Польши, родной брат польского короля Ягайло, который, как уже сказано, к тому времени начал относиться с особой симпатией к русским землям Литвы, а потому не только не опротестовал избрание Свидригайло, но сам поехал в Литву поздравить его с избранием.

Но другого мнения были всемогущие и своевольные польские магнаты, находившиеся под влиянием католической церкви. Не считаясь с мнением короля и не спрашивая на то согласия, они развязали ряд вооруженных столкновений и захватили немало земель Литвы, а позднее, при помощи литовских магнатов-католиков, свергли Свидригайло и добились избрания литовским великим князем своего ставленника, ревностного католика Сигизмунда, брата Витовта, который сразу же подтвердил Городельскую унию и начал проводить ее в жизнь при активной поддержке Ягайло, который к тому времени опять изменил свою установку (что он делал часто за свое долгое правление) и начал жестоко расправляться со сторонниками независимости Литовско-Русского государства до самой своей смерти (1434).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИГИЗМУНД

Польско-католическая политика Сигизмунда вызвала жесточайший отпор в русских (белорусских и украинских) землях Литвы. Началась гражданская война, которая, благодаря активной поддержке Польши, кончилась победой Сигизмунда. Во время этой гражданской войны православное население Литовских земель вело партизанскую войну против поляков и их союзников — католических магнатов и шляхты Литвы, но поляки жестоко расправлялись с повстанцами и сломали их сопротивление.

Но недолго пришлось княжить Сигизмунду. Через несколько лет (в 1440 г.) он был убит заговорщиками — православными магнатами, которых возглавлял волынский князь Иван Четверинский.

Снова встал вопрос: кто будет литовско-русским великим князем?

Магнаты и шляхта избрали второго сына Ягайло, Казимира. Старший — Владислав, после смерти Ягайло был королем Польши. Руководители политики Польши и Литвы рассчитывали этим выбором сблизить Литву и Польшу и создать предпосылки для объединения этих двух государств, которыми после избрания Казимира управляли два родных брата.

И, действительно, вскоре оба эти государства были объединены под властью одного монарха, когда польский король был убит на войне и на польский престол после трехлетнего бескоролья был избран его брат — великий князь литовско-русский Казимир (в 1447 году).

Формальное объединение под одним монархом трех народов: польского, литовского и русского (белорусского и украинского), к которому так стремились поляки и католики, далеко не было ни добровольным, ни равноправным. Как уже упомянуто, произошло оно не в результате исполнения желания этих народов, а под влиянием факторов внешнеполитических — боязни соседей (Москвы, татар, крестоносцев) и умелой пропаганды католиков, создавших этим объединением предпосылки для осуществления своих заветных целей — окатоличивания Руси.

К тому же это не было объединение постоянное, а только персональная уния. После смерти Казимира и Литва, и Польша должны были каждая отдельно, выбрать себе короля и великого князя. Выбрать они могли одно и то же лицо, но могли выбрать и разных лиц.

И Казимиру за все время своего долгого правления (1447—1492 гг.) приходилось учитывать эти обстоятельства и постоянно быть между молотом и наковальней. С од-

ной стороны, на него давили католики, как духовенство, так и польские и ополяченные магнаты и шляхта Великого княжества Литовского, требуя усиления темпов окатоличивания; с другой стороны, он встречал отпор православной и русской части своих подданных, как феодалов, так и широких народных масс.

При этом поляки настаивали на полном слиянии двух государств, а литовско-русские представители ревниво оберегали строй, уклад и быт своего государства.

Соседство же православной Москвы таило опасность перехода на ее сторону пограничных князей Литвы в случае, если перегнуть с быстрым ополячиванием и окатоличиванием. Переходом не только персональным, но и с принадлежащими им землями и населением. Таких случаев за время правления Казимира было несколько, и он не смог им воспрепятствовать. Попытки заключить союз с Новгородом против Москвы не увенчались успехом. Приходилось действовать исподволь, осторожно, и слияние Польши с Литвой проводить этапами, действуя от случая к случаю, постепенно отрывая от Литвы русские ее земли и связывая их непосредственно с Польшей.

Так, например, когда умер князь Симеон Олелькович, княживший (как зависимый от Литвы князь) в Киеве, Казимир провозгласил Киевское княжество воеводством и назначил туда воеводой католика-литовца Гаштовта, что вызвало негодование и вооруженное сопротивление киевлян. Гаштовт только после ожесточенной борьбы взял Киев.

Так кончилось (в 1447 г.) многовековое существование Киевского княжества. Летописец по поводу этого события пишет: «И оттоде на Киеве князи пересташа быти, а вместо князей воеводы насташа...»

А одиннадцать лет спустя крымский хан Менгли-Гирей, как сообщает Никоновская летопись: «Град взя... и огнем сожже. Подону бесчисленно взя, а землю Киевскую учиниша песту...» Казимир не смог ни защитить Киев, ни отомстить

за разрушение. Шаткое внутреннее положение его огромного государства не позволило сделать это.

Однако с тех пор огромное «Киевское воеводство», если не формально, то по существу было оторвано от Литвы и включено в орбиту Польши. А часть его (восточное Подолье) было выделено в особое «наместничество» с назначенными наместниками из местных магнатов.

Еще раньше, при Ягайло, была ликвидирована Червонная Русь — Галиция, как княжество, и превращена в «воеводство Русское» — составную часть Польши.

Таким образом, постепенно крепло влияние собственно Польши на русские (украинские) земли Великого княжества Литовского, которое понемногу сводилось к своим этнографическим границам, чисто литовским, и той части русских земель, которые теперь составляют Белоруссию.

Многочисленные попытки Казимира сблизить польскую и литовско-русскую части своих подданных не увенчались успехом. Общие для всего государства сеймы вместо согласия и взаимопонимания приводили только к ссорам, обвинениям и вражде. Претензии поляков на переход от «короны литовской» к «короне польской» некоторых областей (Волини, Подолии) вызывал неизменно резкий отпор литовцев-русских, которые ревниво оберегали границы времен Витовта. Немалую роль здесь играл и антагонизм между католической Польшей и православными русскими землями (Украиной).

РАЗРЫВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ УНИИ

И когда в 1492 году Казимир умер, Литовско-Русское княжество поспешило разорвать персональную унию и выбрало своим, отдельно от Польши, великим князем младшего сына Казимира — Александра, в то время как его старший брат, Ян-Альбрехт, был избран королем Польши.

Опять, как полвека тому назад, Литву и Польшу возглавили два родные брата.

Выбирая Александра, Литва постаралась подчеркнуть свою полную отчужденность от Польши. Полякам было запрещено не только жить и покупать земли в Литве, но даже там показываться. Население русских земель вздохнуло легче. Но не надолго. Вскоре политика Литвы изменилась и вместо отмежевания от Польши началось самое тесное с ней сближение.

Причиной этого изменения было требование Москвы к Литве вернуть Москве «исконно русские земли» и вторжение московских войск в землю Черниговскую, бывшую тогда в составе Великого княжества Литовского. Во время этого вторжения города не только не сопротивлялись московскому войску, но встречали русских как братьев-освободителей от польско-католической агрессии.

Видя это и опасаясь, что и остальные русские (украинские и белорусские) земли поступят так же, Александр решил заключить с Москвой мир, уступив ей занятые области. А для закрепления мира — женился на дочери московского великого князя Елене, обязавшись не принуждать ее к переходу в католичество.

Однако и родство с Москвой не улучшило отношений. Вскоре война возобновилась и в дальнейшем велась уже не одной Литвой, но и Польшей, так как Александр по смерти своего брата (Яна-Альбрехта) был избран королем Польши.

Закончилась она неудачно для Литвы и Москва окончательно получила Чернигов, Рязань, Новгород Северский и Стародуб, принадлежавшие раньше Литве.

Эти первые столкновения окрепнувшей Москвы, центра православия и русскости, с Литвой, большая часть которой состояла из православных русских (украинцев, белорусов) показали, что сознание единства Руси еще не умерло в народной памяти, а насильственные ополячивания и окатоличивания вызывали в народе реакцию и тяготение к единокровной и единой Москве. Только часть магнатов и шляхты, которую привлекали «вольности» Литовско-Польского государства, не за страх, а за совесть бо-

ролись за это государство, несмотря на свое православие и русское происхождение. Интересы сословные перевешивали у них интересы русские, православные. Да к тому же в эту эпоху идеи национального государства еще не были осознаны и оформлены, как теперь. Единство происхождения, религии и культуры тогда не вызывали требований и единого государства.

Внезапная смерть Александра (1506 г.) прервала этот период польско-католического наступления на русско-православное население Литвы. Православные магнаты назначили впредь до избрания великого князя наместником и великим гетманом Литвы — православного князя Михаила Глинского и готовились выбрать его же великим князем.

СИГИЗМУНД СТАРЫЙ

Но католический элемент Литвы при деятельной поддержке Польши воспрепятствовал этому избранию, и опять повторилась старая история: одно и то же лицо было избрано и великим князем Литовско-Русского государства, и королем Польши. На этот раз это был третий сын Казимира — Сигизмунд, известный в польской истории под именем Сигизмунда Старого.

При нем политика в национальном и религиозном вопросе резко изменилась. Желая привлечь православное население Литвы, что было особенно важно вследствие длительной войны с Москвой, которую с перерывами 30 лет вел Сигизмунд, он прекратил агрессивное ополячивание и окатоличивание русских (белорусских и украинских) земель. При его активной поддержке, а, по некоторым утверждениям, и по его инициативе, в 1530 году был обнародован и вступил в силу известный «Статут Литовский», на основании которого было оформлено отдельное от Польши политическо-административное и культурное устройство Великого княжества Литовского.

Статут написан на русском (древнерусском «книжном») языке того времени и устанавливает этот язык, как государственный, на всей территории Литвы, для всех актов, судов, административных сношений.

Украинские и белорусские шовинисты-сепаратисты, извращая действительность, утверждают: одни — что Статут написан на «украинском», другие — что он написан на «белорусском» языке. Утверждения эти не выдерживают никакой критики. Для каждого грамотного человека, не говоря о специалистах-филологах, при чтении Статута и сравнении его языка с языком тех письменных актов начала XVI века, на которые самостийники не претендуют и считают их «московскими», с предельной очевидностью становится ясно, что это один и тот же язык.

Поэтому «Статут Литовский» можно считать неопровержимым доказательством единства культуры древнерусской, из которой впоследствии развились отдельные культуры: русская (великорусская), украинская и белорусская.

Не меньшее значение, чем язык, на котором написан «Статут Литовский», имеет и его содержание. Согласно Статуту, полякам возбранялось занимать в Литве и на Руси какие-либо должности и приобретать недвижимое имущество, а магнатам и шляхте Великого княжества Литовского гарантировались их старые права и привилегии, свободное исповедание православной веры и равноправие с магнатами и шляхтой-католиками.

«Статут Литовский», несомненно, выражал стремления правящего класса и делал его лояльным по отношению к государству, которое возглавлял король, католик по вере и поляк по культуре, каковым был Сигизмунд.

Не надо забывать, что границы Великого княжества Литовского в те времена проходили восточнее Смоленска, Чер-

нигова, Брянска и включали в себя всю юго-западную Русь-Украину и всю Западную Русь-Белоруссию, с населением православным, еще не забывшим свое единое древнерусское Киевское государство. Поэтому вопрос лояльности этого населения, особенно в столкновениях с Москвой, перенявшей культурные и политические традиции Киева, был вопросом первостепенной важности для польско-литовской унии.

Случай г. Брянска, который, не только без борьбы сдался московскому войску (во время войны короля Александра с Москвой), но и активно боролся против литовско-польского войска, было грозным предупреждением, что таких случаев будет немало в будущем, если продолжится польско-католическая агрессия на русских землях Литвы.

Это, надо полагать, и было главной причиной появления «Статута Литовского». Но если Статут в значительной мере удовлетворил желания феодалов-магнатов и шляхты, которые склонны были в Литве ввести социально-политический строй Польши с его всевластием дворянства и бесправием крестьянства, то широкие народные массы Статутом были лишены и тех немногих прав, которые имели раньше.

Были упразднены существовавшие со времен Киевской Руси крестьянские выборные суды в селах и деревнях, и крестьяне полностью и бесконтрольно со стороны государства были отданы под юрисдикцию шляхты. Крестьяне были не только прикреплены к земле, на которой они жили, но кроме существовавших раньше натуральных повинностей по отношению к феодалу, была введена и барщина — принудительный труд в хозяйстве шляхтича. Сначала он был ограничен одним днем в неделю (Статут Тирунский), а потом количество дней стало неуклонно расти, что ухудшало и без того нелегкое положение крестьянства.

Жаловаться на несправедливость фактически было некому, так как жалобы рассматривались той же шляхтой, защищавшей свои классовые интересы. Король же, по настоянию шляхты, еще в 1518 году отказался от своего права просмотра жалоб крестьян на шляхту.

в несколько лучшем положении были городские жители-мещане. Желая привлечь их симпатии, Сигизмунд многим городам даровал так называемое «Магдебургское право». Заключалось оно в довольно широком самоуправлении (путем свободно выбранных лиц) городских жителей, главным образом ремесленников, которые, по западноевропейскому примеру, были организованы по цехам, объединяя в каждом цехе то или иное ремесло. Это дало городским жителям известную независимость от своеволия всевластной и всевластной шляхты и возможность относительно сносного существования.

Эта политика Сигизмунда, неизменно продолжавшаяся все его долгое правление (1506—1548 гг.), в значительной мере стабилизировала взаимоотношения трех народов возглавляемой им польско-литовско-русской унии и позволила ему вести войны с Москвой, все более и более настойчиво предъявлявшей требования на возвращение исконно русских земель, частей когда-то единой Киевской Руси. Войны эти (1-я — 1507—1508, 2-я — 1512—1522 и 3-я — 1534—1537) велись с переменным успехом. После первой за Москвой остался Любеч с прилегающими землями; после второй к Москве отошел Смоленск; после третьей поляки отобрали от Москвы захваченный ею раньше Гомель с прилегающими землями.

Во время этих войн на стороне Сигизмунда лояльно боролись против Москвы не только поляки и литовцы, но, в большинстве, и православные русские магнаты и шляхта. А их лидер, князь Константин Острожский был одним из прославившихся в этих войнах полководцев.

Попытка князя Михаила Глинского, который был московской «ориентации», поднять восстание, несмотря на поддержку части шляхты и несомненные симпатии крестьянства и низшего духовенства, о чем имеются исторические доказательства, успехом не увенчалась, и Глинский бежал в Москву.

Небезинтересно отметить в этом восстании и роль православного высшего духовенства. Оно не проявило никакой активности в пользу единой Москвы. Причину этому нужно искать в нежелании высших иерархов православия в Великом княжестве Литовском попасть в подчиненное положение к московскому митрополиту, что бы неизбежно случилось при воссоединении с Москвой.

На данном отрезке времени, при либеральной политике Сигизмунда в религиозном вопросе, православное духовенство было удовлетворено существующим положением. Агрессия же католичества была временно приостановлена, так как оно было полностью поглощено борьбой с надвигавшейся на католичество опасностью: лютеранством и кальвинизмом (одним из видов католических «раскольников») и все свои силы бросило на борьбу с этой опасностью.

Украинские и белорусские сепаратисты, которые на фальсифицированной и извращенной истории своих народов пытаются построить фундамент сепаратизма, по-своему толкуют неоспоримый исторический факт участия на стороне Польши в ее войнах с Москвой православного русского (украинского и белорусского) населения польско-литовской унии. Они утверждают, что «украинцы» и «белорусы» (и одни, и другие сами себя называли «русскими», как видно из документов того времени) боролись против Москвы на стороне Польши и Литвы потому, что по отношению к «москалям» (великороссам) они себя чувствовали уже тогда не только совершенно чуждыми, но и относились к ним определенно враждебно.

Но это на первый взгляд правдоподобное объяснение может убедить только людей малообразованных, не знающих структуры государств того времени во всей Европе.

Для того же, кто кроме сепаратистских извращений читал еще кое-что и хоть поверхностно знаком с историей, эти сепаратистские измышления не имеют никакой убедительности. В эту эпоху (XV—XVI века) войны велись не между народами, а между отдельными правителями (князья-

ми, королями), которые со своими дружинами и войсками из населения подвластных земель, боролись друг с другом. История Европы и России той эпохи дает нам бесчисленные примеры таких столкновений, когда во время войны во враждебных лагерях находились сыновья одного и того же народа, религии, культуры.

Постоянные войны между отдельными государствами Германии и Италии, вовсе не были войны народов, а только столкновения правителей. Таковыми же были и многочисленные кровавые столкновения удельных князей на Руси. Иногда даже с привлечением иноверных и иноплеменных союзников против единоверного и единоплеменного противника. Как пример можно привести ожесточенные и длительные столкновения Москвы с Рязанью, в которых союзником Рязани были татары.

Зная все это, становится очевидной вся неосновательность сепаратистского толкования участия населения Украины-Руси в борьбе между Москвой и Польшей на стороне последней.

Облегчения для русского населения польско-литовской унии, которыми ознаменовалось более чем сорокалетнее правление Сигизмунда, не коснулись только Галиции. Она, как уже упомянуто выше, считалась «Русским воеводством» королевства Польши и «Статут Литовский» на нее не распространялся. Ополячивание и окатоличивание правящего класса там было уже почти закончено.

Но и там народные массы не сдавались, упорно держась своей православной веры, и в глубине народной души сохранялось сознание своей русскости и единства всей Руси. Сознание это было так крепко и глубоко, что смогло удержаться на протяжении многовекового владычества поляков и быть сохранено до дня воссоединения Руси Галицкой с остальными частями Руси. Даже бешенная сепаратистская пропаганда последнего столетия, несмотря на всемерную помощь Австрии и других врагов Руси, не смогла вытравить это сознание, когда исторические события привели Галицию

на общероссийский путь. Не коснулся «Статут Литовский» и Карпатской Руси и Буковины, которые были вне рубежей польско-литовской унии. Первая находилась под властью Венгрии, вторая — Молдавии.

СИГИЗМУНД-АВГУСТ

Политика Сигизмунда I Старого (1506—1548) продолжалась при его сыне и преемнике — Сигизмунде Августе (1548—1572), который был избран и королем Польши, и великим князем Литвы, продолжившим династическую унию этих, пока еще формально отдельных, государств. Опасность агрессии тевтонов (немцев) с запада была устранена еще его предшественниками в XV веке. Сначала, в 1410 году тевтонские рыцари были наголову разбиты в знаменитой Грюнвальдской битве, в которой, следует напомнить, кроме поляков принимали участие также литовцы, русские, чехи, литовские татары, молдаване и волохи (румыны).

Затем, после ряда столкновений, выгодным для Польши миром в Бресте (1435 г.) эта опасность была и вовсе отстранена от Польши, а воинственный орден крестоносцев начал настолько быстро слабеть, что Сигизмунду-Августу удалось заключить с Лифляндией (владения и центр крестоносцев, теперь Латвия и часть Эстонии) унию (1561 г.), по которой Лифляндия фактически входила в орбиту польско-литовского государства.

Уния эта дала выход Польше на Балтийское море, но в то же время и новые спорные границы с Москвой, из-за которых вскоре (в 1558 г.) вспыхнула война с Москвой (с Иваном Грозным), во время которой русские захватили Нарву и Дорпат (Юрьев). Впоследствии они были потеряны и возвращены России Петром Великим.

Имея всю восточную границу с Москвой, а пограничные земли населенными единоверным и единоплеменным с Москвой народом, Сигизмунд-Август стремился упорядочить

волохи - бор(л)ог(х)и

внутреннюю жизнь в своем огромном государстве, состоявшем из поляков, литовцев и русских (украинцев и белорусов), наладить взаимоотношения этих народов и возможно теснее слить их в одном государстве.

Будучи хотя и католиком, но не фанатиком, и находясь под влиянием своей жены кальвинистки (княжны Варвары Радзивилл), Сигизмунд-Август старался проводить в начале своего правления либеральную политику в религиозном вопросе и не допускать притеснения своих православных подданных католиками. Этим он вызвал симпатии всех православных, которые начали видеть в нем своего защитника.

Симпатии эти сыграли впоследствии (когда он уже полностью подпал под влияние католиков) немалую роль при проведенном им слиянии в одно государство связанных только персональной унией Польши и Литвы.

Слияние это было осуществлено Люблинской унией в 1569 году.

ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ

Сигизмунд-Август созвал в Люблине общий сейм, в котором должны были принять участие как представители Польши, так и представители Великого княжества Литовского. Разумеется, магнаты, шляхта и высшее духовенство, ибо широкие народные массы в эту эпоху нигде не спрашивались и в решении вопросов о своей судьбе не участвовали.

Представители Польши предложили свой проект унии, который состоял в следующем:

1. Польша и Великое княжество Литовское составляют одно нераздельное государство — «Речь Посполитую».

2. Они имеют одного короля, который выбирается совместно и коронуется в Польше.

3. Сеймы впредь должны быть общие, а не отдельные для Польши и Литвы, как было раньше.

4. Общая монета и финансовая политика.

5. Свобода поселения поляков в Литве, а литовцев в Польше.

6. Отторжение от Великого княжества Литовского и присоединение непосредственно к Польше всех «русских» (украинских) земель Великого княжества Литовского и южной части Белоруссии.

7. Сохранение автономии Великого княжества Литовского, с отдельным войском и внутренним финансовым управлением (литовская казна).

Проект вызвал негодование представителей Литвы, которые покинули сейм и уехали из Люблина. Но не все. Многие православные (русские магнаты и шляхта Великого княжества Литовского) остались и подписали Люблинскую унию.

Когда на основании этого Сигизмунд издал манифест об отторжении от Литвы русских земель, представители Литвы вернулись в Люблин и 1 июня 1569 года подписали этот чреватый последствиями исторический документ.

Во владении Литвы осталась только территория, населенная литовцами, и большая часть Белоруссии.

Вся Украина-Русь, границы которой тогда простирались на юге по линии Каменец-Подольский — Умань — Днепр (с запада на восток); на востоке Новгород-Северский — Стародуб — Глухов — Гадяч — Полтава (несколько восточнее), на севере — несколько южнее Припяти, а на западе — по Карпатам, все отошло к Польше.

Кончился более чем двухсотлетний период сосуществования Украины-Руси с литовцами и начался период непосредственного подчинения Польше.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

Сейчас же после унии, в том же 1569 году, по просьбе Польши, из Рима были посланы в Польшу иезуиты, которые вскоре и взяли в свои руки дело распространения като-

личества на восток, а одновременно с этим и полонизации населения Руси-Украины. Польские же магнаты и шляхта, хлынувшие после Люблинской унии на восток, начали ускоренными темпами вводить на Украине польский социальный порядок, известный полным бесправием крестьянства и ничем не ограниченным всевластием магнатов и своеволием шляхты

Вслед за магнатами и шляхтой двинулись на восток евреи в качестве арендаторов, торговцев и посредников, без которых не могла обходиться шляхта того времени. Щедрой рукою начали короли раздавать магнатам и шляхте «пустопорожние» земли. Фактически земли эти не были «пустопорожними», а на них, в условиях относительной свободы, жили крестьяне, но в Польше той эпохи владеть землей имела право только шляхта и монастыри. Поэтому вместе с пожалованием «пустопорожней» земли в зависимость от новых владельцев попадали и жившие на ней люди. Желая извлечь побольше дохода из своих владений, новые владельцы начали изощряться в накладывании и во взыскании с крестьян всяких налогов и поборов, как в деньгах, так и в натуре и в бесплатном принудительном труде.

Платили налог от «дыма», т. е. от жилья, «десятину» на церковь, особый налог на содержание польского войска, принуждали строить мельницы и шинки (кабаки), которые обычно сдавались в аренду евреям, а крестьянам запрещалось молотить зерно или производить водку дома, заставляя их пользоваться этими мельницами и шинками; зерно, яйца, птица, скот, воск, и мед, пойманная рыба, сотканное полотно — все облагалось в пользу владельца земли и крестьянин должен был известную часть доставлять владельцу или арендатору. Часть эта имела тенденцию все возрастать, так как и владелец, и арендатор старались выколотить возможно больше дохода. Жаловаться же на несправедливость было некому. Крестьянин находился в юрисдикции шляхтича, который не только его судил, но и мог накладывать наказания до смертной казни включительно. Еще в 1518 году, как уже

упомянуто выше, король, под давлением магнатов и шляхты, отказался от своего права рассматривать жалобы крестьян на своих шляхтичей.

Кроме того, в новых землях начал вводиться и принудительный труд — барщина, уже давно введенная в Польше и в Галиции. Сначала он ограничивался одним днем в неделю, но вскоре количество дней барщины начало быстро расти и доходить до 200 дней в году и больше, постепенно превращая крестьянина в полного и совершенно бесправного раба.

В эту эпоху происходил быстрый рост внутреннего рынка благодаря росту городов и быстрому увеличению экспорта сельскохозяйственных и лесных продуктов в Западную Европу. За границу, на Запад, шли хлеб, скот, сало, смола, деготь, поташ и другие продукты. Ввозились сукна и предметы ширпотреба.

Сохранились данные, что в 1560 году пошло только в Данциг на экспорт 1,2 миллионов пудов хлеба, а в 1579 году уже 2 миллиона.

Через Перемышль в 60-х годах XVI столетия прогонялось ежегодно по 20 000 волов, не считая лошадей и другого скота.

Росли также и торговые обороты в городах и на ежегодных ярмарках, куда приезжали купцы и из-за границы: из Москвы, Турции и из Западной Европы.

Конъюнктура при продаже продуктов сельского хозяйства, естественно, вызвала на них повышенный спрос и стремление производителей выбросить на рынок возможно большее их количество. Это и привело к созданию так называемых «фольварков» — хозяйств, в которых на землях владельцев работали в порядке принудительном (барщина, панщина) крестьяне, а весь продукт их труда поступал к землевладельцу или арендатору.

С ростом спроса на эти продукты и расширением за-пашек в фольварках, росла и потребность в рабочей силе, которая, в свою очередь, вызвала повышение количест-

ва дней барщины и ухудшение положения крестьянства и их хозяйств. Барщина отнюдь не освобождала крестьян от прежних денежных и натуральных повинностей.

Этот зажим крестьян непрерывной волной шел с запада на восток и особенно усилился после Люблинской унии, оторвавшей Украину-Русь от Литвы и отдавшей ее Речи Посполитой с непосредственным подчинением Польше.

Одновременно шло и усиленное проникновение с запада на восток католицизма. Облегчено оно было тем обстоятельством, что магнаты и шляхта — католики — имели много преимуществ по сравнению с магнатами и шляхтой православными, которых в XVI веке еще немало было на Украине-Руси.

Начался все усиливающийся переход в католичество правящего класса, а вместе с ним и ополячивание старых исконных русско-православных княжеских и шляхетских (дворянских) родов.

Все это привело к полному разрыву широких народных масс с правящим классом.

Кроме усиливавшегося благодаря проводимой экономической политике классового антагонизма, появился и антагонизм религиозный и национальный между феодалами и народными массами. Землевладельцы — шляхта и магнаты стали для народа совсем чужими и чуждыми, врагами, посягавшими не только на его экономические интересы, но и на его религию и национальность.

Крестьянство искало выхода в переселении (бегстве) на восток, за Днепр, но волна шляхетско-католической агрессии быстро его настигала и устанавливала над ним свою власть и порядки.

И к концу XVI века вся Украина-Русь очутилась под властью феодалов польской культуры и католического вероисповедания.

О размерах их владений можно судить по сохранившимся данным о владениях некоторых магнатов на Украине-Руси на рубежах XVI—XVII веков. Конецпольскому толь-

ко на Брацлавщине (район южного Буга) принадлежало 740 сел и 180 городов и местечек. У князя Острожского (до XVII века православного) на Украине было 2760 сел и 80 городов и местечек. Потоцкому принадлежало все Нежинское староство (область) и Кременчуг с окрестностями. Князю Иеремии Вишневецкому — почти вся Полтавщина с 10 000 крестьянских и мещанских дворов-хозяйств.

Немалые владения имели и монастыри и епископы, как католические, так и православные. Так, например, Киево-Печерской лавре только на Правобережной Украине принадлежали города Васильков и Радомысль с замками, 50 сел, 5 деревень, 5 усадеб, 2 рыбных промысла, пасеки, мельницы.

Городки Жабче и Хорлуй принадлежали Луцкой епископии, были укреплены, имели артиллерию и запасы оружия.

Бесчисленная шляхта имела более мелкие, чем магнаты, владения, которыми, как и магнаты, в большинстве случаев управляли через управляющих или арендаторов.

Арендаторами были, главным образом, евреи, которые изощрялись в выжимании доходов с крестьян, т. к. надо было и удовлетворить владельцев, и уделить возможно больше для себя.

В результате, не имея выхода, крестьянство только озлоблялось, и накапливались те силы, которые вскоре привели к восстаниям и гибели самой Речи Посполитой.

Не в лучшем положении находились и мещане, жители городов и местечек. Несмотря на Магдебургское право, дарованное многим городам и связанное с ним самоуправление, жители городов мещане-ремесленники и мелкие торговцы фактически всецело зависели от прихоти своевольных магнатов. К тому же из года в год все усиливались притеснения православных ремесленников со стороны католиков.

Сохранилось много жалоб, что руководители цехов отказываются принимать православных ремесленников и тем самым лишают их права работы. По Магдебургскому праву ремесленник вне цеха не имел права заниматься своим ре-

меслом. Вследствие этого и большинство городских жителей было единодушно с крестьянством в ненависти к правящему классу и позднее приняло активное участие в начавшихся с конца XVI века восстаниях.

А так как и в городах те, кто притеснялся, были католики и люди польской культуры, то к мотивам чисто классовых противоречий все больше и больше присоединялись мотивы религиозные и национальные.

Мещане, как и крестьяне, все больше и отчетливее начинали себя чувствовать другим, отдельным народом, отличным от правящего класса, который народ в своем сознании отождествлял с поляками и католиками, хотя среди него еще и была некоторая часть православных и русских (украинцев) по происхождению.

Период этот, когда за одно столетие (XVI век) произошло разделение всего населения Украины-Руси на классы, при котором класс правящий оказался польским или ополяченным и католическим, а народные массы, крестьянство и мещанство сохранили свое сознание русскости и православия, не без основания можно считать периодом пробуждения самосознания Украины-Руси. Позднее это пробужденное национальное самосознание, соединенное с борьбой против существующего социального порядка, привело к ряду непрекращающихся народных восстаний, закончившихся распадом Польши и воссоединением частей единого когда-то древнерусского Киевского государства.

БРАТСТВА И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В XIV—XVI ВЕКАХ

Польско-католическая агрессия на Украину-Русь и сопровождавшие ее изменения социальных взаимоотношений (крепостное право, привилегии католикам) вызывали со стороны населения отпор, который вылился в организации т. н. «братств». Уже в XV веке во Львове, а позднее в Киеве возникли среди городских жителей «православные братства»,

первоначально имевшие целью только оказание материальной помощи своей приходской церкви.

Но вскоре, в результате наступления реакционной польско-католической культуры, меняется и состав, и цели, и деятельность братств. В них начинает вступать низшее духовенство и православная шляхта, и они становятся общественными организациями, объединяющими все элементы, недовольные политикой Польши и существующим социально-политическим порядком. Братства содействуют книгопечатанию, преимущественно церковных книг и полемических антикатолических изданий, открывают свои школы, типографии, организовано ведут борьбу с наступающим на православие католицизмом. Увидев это и понимая все значение организованной силы, поднявшейся в защиту православия, восточные патриархи начали оказывать братствам всемерную помощь. В 1585 г. патриарх Антиохийский утвердил устав Львовского братства и подчинил ему все остальные братства. Вскоре затем Львовское братство было непосредственно подчинено Константинопольскому патриарху и получило право контроля над моральной жизнью, как светских, так и духовных лиц, не исключая и епископов.

Это усиление авторитета братств вызывало недовольство высшего православного духовенства, тесно связанного с магнатско-шляхетскими кругами и пользовавшегося многими привилегиями при вводимом Польшей социальном порядке, при котором высшее духовенство имело много феодальных прав, владело населенными местами, пользовалось бесплатным принудительным трудом. Его классовые интересы совпадали с интересами не народных масс, а с польско-католическими.

Неудивительно поэтому, что XV и XVI века не дали ни одного борца за народные права из среды высшего православного духовенства. А между тем, это были века созревания национального сознания населения Украины-Руси и зарождения близких и родственных культуре русской культур: украинской и белорусской, несколько отличных от первой.

Для развития культуры XV и XVI века на Украине-Руси были исключительно неблагоприятными. Оторванная от Москвы, под непрерывным, все усиливающимся давлением католическо-польского наступления, Украина-Русь не имела возможности нормально развивать свою национальную культуру. Ее правящий класс, через который обычно распространяется культура на широкие народные массы, с поднятием своего культурного уровня, терял национальный характер и постепенно полонизировался, отрываясь от народа и воспринимая культуру польскую.

Только православная церковь в своей оборонительной борьбе с наступающим католицизмом сохраняла традиции древнерусской культуры, богослужебный язык, сознание своей отчужденности от прививаемой сверху польской культуры. А церковные братства эти традиции всячески оберегали, являясь центрами не только православия, но и национального русского (украинского) самосознания.

Появившееся в ту эпоху книгопечатание эту деятельность церкви и братств значительно облегчило, давая населению не только богослужебные книги, но и ряд острых церковно-полемических произведений и книг исторического содержания, в которых населению Украины-Руси напоминалось о единстве древнерусского государства и народа его населявшего.

Вышедшая в Москве в XVI веке «Степенная книга» попытка систематического изложения российской истории, пользовалась огромным успехом на Украине-Руси и немало содействовала сохранению и усилению сознания единства всей Руси. А весьма распространенная в то время церковно-полемическая литература не только полемизировала в вопросах церковных и католических, но и вела борьбу с социально-политическим укладом, внедряемым Польшей на Руси.

В вышедшей в конце XVI века книге «Апокрисис» автор, скрывавшийся под псевдонимом «Христофор Филалет», протестуя против польско-католической агрессии и угнете-

ния населения Украины-Руси, угрожает проводникам этой политики — магнатам — восстанием народных масс.

Трактат «Предостережение» неизвестного автора, «Плач» Мелетия Смотрицкого и ряд других изданий — это яркие публицистические обличительные произведения, направленные против как религиозного, так и социально-политического давления со стороны Польши на население Украины-Руси.

Ярким национально-социальным протестом звучат обличения Ивана Вишенского, который, переселившись на Афон, в течение четверти столетия вел оттуда борьбу против порабощения Руси-Украины.

В своем произведении «Писание до всех обще в Лядской земле живущих» Вишенский пишет: «Где ж ныне в Лядской земле вера, где надежда, где любовь, где правда и справедливость суда? Несть места целого от греховного недуга: все струп, все рана, все пухлина, все гнилство, все огонь пекельный, все болезнь, все грех, все неправда, все лукавство, все кознь, все лжа, все мечтание, все пары, все дым, все суета, все одета, все привидение, суще ж есть ничто же! Несть где пастыря приложите на исцеление некоея части!..»

Настроения и мысли Вышенского, надо полагать, не были одинокими и находили отклик у тех, кто их читал, будя людей и создавая предпосылки для будущей освободительной борьбы.

Широким народным массам, поголовно неграмотным, конечно литература была недоступна. Ее заменяло устное народное творчество: песни, сказания. В этот период зарождаются так называемые «думы», песни-сказания исторического содержания, в которых воспевается борьба народа с татарско-турецкими и польско-католическими агрессорами.

Возникновение известных украинских «дум»: «Самийло Кишка», «Байда», «Маруся Богуславка» и других относятся именно к этому периоду.

Упомянув об исторических песнях-сказаниях Украины-Руси, нельзя не отметить одно явление: отсутствие в них тем из жизни древнерусского государства — Киевской Руси. И в то же время обилие этих тем в великорусских былинах. Это явление, о котором уже упоминалось выше и которое еще ждет своего беспристрастного исследователя, ставит под сомнение утверждения украинских шовинистов-сепаратистов, что украинский народ ничего общего с великороссами не имеет и является единственным наследником Киевской Руси. Почему же тогда былины о князе Владимире, о богатырях Киевских мы находим на севере, а не в окрестностях Киева? Если князь Владимир был «украинский» князь, то почему украинцы о нем забыли, а «москальи» помнят?

Украинские шовинисты-сепаратисты этого щекотливого вопроса стараются не касаться и его замалчивают. Можно предполагать, что углубление и всестороннее объективное его исследование могло бы привести к нежелательным для сепаратистов выводам. Почему не допустить, например, как это утверждает Ключевский, что территории древнерусского государства, прилегающие к Киеву, после татарских нашествий совершенно опустели, а уцелевшие прямые наследники Киевской Руси ушли на север, унося с собой в виде былин воспоминания о жизни в Киеве? Начавшееся же с ослаблением татар заселение Киевского района шло с запада — потомками славян, живущими на далеких западных окраинах Киевской Руси и, поэтому, естественно, не сохранившими воспоминаний о жизни в Киеве, его князьях и богатырях. Но при таком допущении опровергаются утверждения сепаратистской исторической литературы о том, что прямыми и притом единственными наследниками Киевской Руси являются современные украинцы и становится неизбежным признание общности происхождения и ранней истории украинцев и великороссов.

Подсознательно это ощущение общности происхождения, надо полагать, все же сохранилось в народных массах и сыграло огромную роль в оборонительной борьбе против

ополячивания. Наряду с православием, оно было той силой, о которую разбился польско-католический вал.

В бедной культурной жизни Украины-Руси того периода (XV—XVI века) нельзя обойти молчанием одно интересное явление — попытку замены церковнославянского языка богослужбных книг языком более близким к народному. Это так называемое «Пересопницкое Евангелие» (1556—1561 гг.), в котором многие древнеславянские, вышедшие из употребления слова заменены словами из народного языка. В дальнейшем попытки в этом направлении, не встретив одобрения высших церковных иерархов, не были продолжены и «Пересопницкое Евангелие» осталось редчайшим и драгоценным для филологов памятником культуры того периода.

Это нежелание вносить хоть и чисто внешнее различие между православием Украины-Руси и православием Москвы, ставшей после падения Византии центром и опорой православия, совершенно понятно, если принять во внимание расцвет православия в то время в Москве и его тяжелое положение на Украине-Руси.

Из Москвы в то время шли и традиции иконописи гениального Андрея Рублева, и образцы церковного зодчества и, в значительной части, церковные книги. Из Москвы прибыл первопечатник Иван Федоров, сначала в Белоруссию, а потом на Украину, во Львов.

Неудивительно поэтому, что Москва тогда в вопросах православия была для Украины-Руси непререкаемым авторитетом.

Заселяясь быстрыми темпами и продвигаясь на восток и юго-восток, Украина-Русь превращалась в богатейшую, но в то же время и в бесправнейшую польскую колонию.

Утверждения шовинистов-сепаратистов что Украина-Русь того периода была «Украинско-Литовской», резко расходится с исторической действительностью. Правами и привилегиями в этой «державе» пользовались только или поляки-католики, или изменившая своему народу, ополяченная и окатоличенная шляхта и магнаты. И чем теснее сливалась

Литва с Польшей, тем тяжелее становилось положение народных масс Украины-Руси.

Слияние же это, инспирируемое и сопровождаемое католичеством, вызывалось как желанием бедной Польши обладать богатейшей Украиной-Русью, входившей в состав Великого Княжества Литовского, так и стремлением распространить католичество на восток.

Почти два столетия длились эти попытки слить Литву и Польшу, начиная с Кревской унии и брака между Ягайло и Ядвигагой (в 1386) и кончая Люблинской унией 1569 года. В течение всего этого периода связь Литвы и Польши была непрочной, ибо каждый раз после смерти общего главы двух, соединенных только личностью главы, государств, каждая из них отдельно выбрала себе нового главу: Польша — короля; Литва — великого князя Литовского.

Правящим кругам и Литвы и Польши, при активном участии заинтересованной в этом католической церкви, всегда удавалось провести выборы так, что выбранным оказывалось одно и то же лицо и тем сохранялась персональная уния двух государств. Только сравнительно короткие периоды за эти два века великим князем Литовским и королем Польши были разные лица, но и то всегда ближайшие родственники: двоюродные или родные братья (Витовт и Ягайло, Александр и Ян-Альбрехт).

Люблинская уния в корне изменила взаимоотношения Литвы и Польши. Совместный выбор короля-великого князя на совместном сейме фактически сливал два государства в одно, делал связь между ними прочной и постоянной.

Слияние это облегчило проникновение польско-католических элементов на Украину-Русь и введение в ней тех порядков, которые, в свою очередь, пробудили национальное самосознание православного русского (украинского) элемента и нарастание сил для освободительной борьбы.

Чем больше был быстро усилившийся после Люблинской унии религиозный и социальный гнет на Украине-Руси, тем крепче становились силы сопротивления.

СТЕФАН БАТОРИЙ

Сигизмунд-Август умер вскоре после Люблинской унии (1572 г.). После его смерти королем Речи Посполитой был избран французский принц Генрих Валуа (1573 г.), но вскоре он бросил Польшу и уехал во Францию, чтобы стать там королем, а оставленная им Речь Посполитая Польская, после двухлетнего междуцарствия, избрала своим королем Стефана Батория (1576—1586). Блестящее для Речи Посполитой десятилетнее правление Батория, победившего Ивана Грозного и отобравшего от Москвы Полоцк, для Украины-Руси было временем относительно либеральной политики в религиозном и национальном вопросах. «Я король над людьми, а не над их совестью» — заявил Баторий и старался всемерно проводить в жизнь эти слова.

Другое его мероприятие, проводившееся на Украине-Руси, — это всемерная поддержка и организация самотеком возникшего еще в конце XV века украинского казачества.

Возникновение, рост и роль украинского казачества в дальнейшей судьбе Украины-Руси настолько огромно и решающее, что на нем надо будет в соответствующем месте остановиться более подробно. Сейчас же ограничимся указанием на исключительно благоприятное отношение Стефана Батория к украинскому казачеству и его содействие в отношении устройства казачества, как организованной военной силы.

Со смертью Батория кончились и дни относительного облегчения для Украины-Руси и хороших взаимоотношений с украинским казачеством.

СИГИЗМУНД ВАЗА

Выбранный королем Речи Посполитой шведский король Сигизмунд Ваза (1587—1632) по отношению к Украине-Руси, под влиянием католиков, повел наступательную политику с целью поскорее окатоличить ее население.

И его почти полувековое правление, которое поляки считают блестящим, было временем далеко не блестящей жизни для его подданных-некатоликов и ознаменовалось многочисленными восстаниями последних.

Кроме того, упоминая о Сигизмунде III Вазе, нельзя обойти молчанием упущенную им возможность объединения с Москвой. В годы Смутного Времени Москва выбрала своим царем сына Сигизмунда III — Владислава, с одним условием, чтобы он принял православие, и присягнул ему на верность. Но Сигизмунд запретил своему сыну и наследнику переход в православие и тем сорвал дело сближения и возможно слияния в будущем Москвы и Речи Посполитой, которое, если бы оно осуществилось, могло изменить всю будущую историю этих двух государств и народов.

По одним источникам, это решение Сигизмунда было вызвано его желанием самому стать царем московским, по другим — оно было принято под давлением фанатически непримиримых к православию католических кругов, рассчитывавших путем унии быстро распространить католичество на востоке. В результате же, независимо от мотивов решения, была упущена посланная историей, совершенно исключительная возможность, которая несомненно принесла бы благотворные плоды и для русских, и для поляков, если бы она была осуществлена.

ПОСЛЕ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ. БРЕСТСКАЯ УНИЯ

Бывшей унией чисто политической, руководители политики Речи Посполитой начали подготовку и к унии религиозной, которая, по их замыслам, должна была сначала приблизить православие к католицизму, а потом и окончательно поглотить первое последним. Этим, кроме осуществления векового стремления католичества к расширению на восток, они надеялись отвлечь все усиливающееся под влиянием польско-католического наступления тяготение Украины-Руси к единой и единокровной Москве.

Тяготение это особенно усилилось с ростом деятельности братств, ставших центрами борьбы не только с католическим наступлением, но и с православными епископами, тесно связанными своими материальными интересами с магнатско-шляхетской феодальной системой, угнетавшей простой народ.

С согласия и одобрения Сигизмунда III и высшего католического духовенства Речи Посполитой, православные епископы Кирилл Терлецкий и Игнатий Поцей отправились в Рим к папе Клименту VIII и договорились с ним об основных принципах унии (объединения) церковей католической и православной.

После этого король Сигизмунд созвал в г. Бресте в 1596 году собор из высших представителей католического и православного духовенства и мирян для оформления унии, которая и была, несмотря на протесты православных, провозглашена и немедленно претворена в жизнь.

Униаты признали своим главой папу римского и приняли основные догматы католической церкви. Но, зная настроения православных масс и их враждебное отношение к католицизму, инициаторы унии прибегли к одному трюку для введения в заблуждение этих масс, слабо разбиравшихся в догматических вопросах, но твердо знавших и свято чтивших и оберегавших обрядовую сторону православия. В новой униатской церкви, католической по существу и догматам, они сохранили присущие православию церковно-славянский язык при богослужениях и все обряды. Униатским епископам были обещаны места в сенате, а все униатское духовенство было освобождено от налогов и податей.

Всех не принявших униатства правительство Речи Посполитой объявило еретиками. Началось преследование православных.

Уния усилила влияние польской шляхты на Украине-Руси и вызвала немало переходов православной шляхты в униатство и ее ополячивание. Но она наткнулась на горя-

чий и решительный отпор со стороны широких народных масс.

Католикам не удалось ввести их в заблуждение сохранением православной обрядности в униатстве. Братства, низшее духовенство, а частично и высшее, — разъясняли народу сущность униатства и предостерегали от фактического перехода его в католичество, каковым был переход в униатство.

Уклонились от перехода в униатство и часть православной шляхты и даже несколько крупных магнатов (князь Острожский, Кисиль, князь Корецкий, князь Четвертинский и другие).

В результате, вместо безболезненного захвата католичеством Украины-Руси, на что рассчитывали инициаторы унии, началась ожесточенная религиозная борьба.

Униатские епископы, при поддержке польского правительства, захватывали православные церкви и монастыри и препятствовали православным богослужениям и совершению обрядов. На православных мирян производилось всяческое давление, вплоть до применения физического воздействия включительно, чтобы заставить их перейти в унию. В городах не принимались в цехи или исключались из них православные ремесленники и тем, фактически, лишались возможности заработка, ибо заниматься ремеслом вне цеха было воспрещено. В селах же и деревнях православные церкви, стоявшие на землях шляхты (а владеть землей могла только шляхта), сдавались в аренду евреям, и арендаторы каждый раз за открытие церкви для совершения богослужений и треб вносили особую плату.

Православных монахов ловили, заковывали в кандалы и сажали в тюрьму. Жаловаться же было некому. Православный митрополит Рогоза, возглавлявший православную церковь в Украине-Руси, сам перешел в унию, как и значительная часть епископов. Только епископ Львовский — Балабан, и епископ Перемышльский — Капустинский остались верны православию и мужественно за него боролись.

Правительство же Речи Посполитой не только оставалось глухим ко всем жалобам своих православных граждан на бесчинства униатов, но и всемерно эти бесчинства и беззакония поддерживали и в них участвовали.

Сохранилось много исторических документов и свидетельских показаний того времени, являющихся страшными обвинительными актами против польско-католической агрессии при попытке насаждении унии на Руси-Украине. Например, на польском сейме, в присутствии короля депутат от Волыни, православный шляхтич Древницкий говорит: «В Могилеве, в Орше и Пинске церкви позапечатаны, священники разогнаны, Лещинский монастырь превращен в кабак; дети умирают без крещения; тела умерших вывозятся как падаль, без церковного благословения; народ живет в распутстве, невенчаный; умирает без Св. Таин... А что делается во Львове? Кто не принимает унии, тот не может жить в городе, заниматься торговлею, быть принятым в ремесленные цехи. А в Вильно? — Монахов, непреклонных унии, ловят, бьют и в кандалы заковывают. Тела умерших православных заставляют вывозить только через те ворота, через которые вывозят только нечистоты... Коротко сказать, великие и неслыханные притеснения русский наш народ, как в Короне, так и в Великом княжестве Литовском переносит...»

Говорит это шляхтич в присутствии короля. А как реагировал на это народ, повествует другой документ — мемуары одного современника, православного шляхтича с Киевщины — Хоревича: «А що еще и найсумнейше (найприскорбнее) было в тых борбах, що православныи русины, огорченныи як найбільше против тых своих же братьей русинов, которые унию приняли, зненавищели и их еще горше, чем наветь тех не-русинов, що первыи унию выдумали и вводили, называли их гневно «перекинчикам» и в часе народной борьбы грозно над ними за отступство их от давной русской веры мстились».

И действительно, многочисленные документы свидетельствуют, с какой исключительной жестокостью расправля-

лось православное население Украины-Руси во времена освободительной борьбы со своими же украинцами-ренегатами, перешедшими в унию.

Во времена казацких восстаний малейшего подозрения не только в принадлежности к унии, но даже в симпатии и в содействии ей было достаточно, чтобы попасть на кол, быть повешенным или изрубленным казацкими саблями в куски.

Отношение это к униатам настолько глубоко вошло в народное сознание украинцев, что в известной степени сохранилось и до настоящего времени и служит трудно преодолимым препятствием к взаимопониманию между униатами с Западной Украины и основной массой украинского народа, сумевшего отстоять свою православную веру и не поддаться влиянию польской культуры.

Брестская уния не только внесла вражду на почве религиозной и не только содействовала взаимному отчуждению пошедшей за унией незначительной части населения Украины-Руси от его основной массы, но и имела последствия в социальной структуре и взаимоотношениях отдельных классов. Разного рода преимущества и привилегии униатам и католикам быстро толкнули подавляющую часть шляхты, магнатов и наиболее зажиточное городское население на путь униатства, католицизма и неразрывно связанных с ними денационализации и ополячивания.

И вскоре весь правящий класс Украины-Руси, за редкими исключениями, полностью оторвался от народа, из которого он вышел, и начал окончательно сливаться с поляками.

Так, в результате унии, вместо слияния Украины-Руси с Польшей, о котором мечтали инициаторы и проводники унии произошло окончательное и бесповоротное отмежевание, религиозное, национальное и социальное, не только Украины-Руси от Польши, но и от проводников ее колониальной политики на Украине, несмотря на их часто украинское происхождение.

На одной стороне стояли угнетаемые и притесняемые крестьяне, мещане, низшее духовенство и часть сохранившей православие шляхты; на другой — притеснители и угнетатели — поляки, окатоличенная русская, украинская местная шляхта, и католическое духовенство и значительная часть высшего православного духовенства, которому был выгоден существующий социальный порядок.

Особняком, но определенно не на стороне угнетателей, стояло и большинство украинского казачества, своеобразной, неизвестной в остальных частях Речи Посполитой общественной группы, хорошо и крепко организованной и вооруженной. Оно и сыграло решающую роль в наступившей вскоре после введения унии освободительной борьбе Украины-Руси от польско-католического владычества. Поэтому на вопросе об украинском казачестве надо остановиться подробнее, чтобы понять смысл и развитие дальнейших исторических событий.

УКРАИНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

После татарского нашествия и разорения Киевской Руси в XIII в., богатейшие ее области к югу и к юго-востоку от Киева, по обеим сторонам Днепра, почти совершенно опустели. Постоянные набеги на эти области совершали обосновавшиеся в Крыму части растаявшей татарской Орды, что делало нормальную мирную жизнь на этих землях почти невозможной. Разоренные татарами, цветущие когда-то города Киевской Руси не отстраивались, пустыли и приходили в полный упадок. Вне городов лишь кое-где существовали разрозненные поселения под постоянной опасностью татарских набегов.

Земли эти в течение XIV века, как уже упомянуто, перешли под власть Великого княжества Литовского. Но, практически, оно не могло освоить и использовать эти богатые, но пустынные земли. Потому что не могло обеспечить от татарских набегов и охранять свои юго-восточные границы.

Возможность жить на этих землях охотой, рыбной ловлей и случайными грабежами, как русских (украинских) так и татарских скотоводов, редких купцов и, вообще, мирных жителей, привлекала немало людей, как с литовской и русской, так и с татарской стороны. Небольшими группами-отрядами бродили они по этим землям, нередко имея в одном отряде и татар и славян и делая еще более трудной и опасной и без того нелегкую жизнь редкого и малочисленного населения. Назывались они казаками.

Со второй половины XV века общее положение на этих землях начинает быстро и резко меняться. Польско-католическое национальное, религиозное и социальное давление на православное население Украины-Руси вызывает бегство на южные и юго-восточные окраины всех, не мирившихся с этим давлением. Были эти люди активные, волевые, способные к борьбе.

Уйдя от власти, часто семьями, они оседают целыми селениями на тогда еще «вольных землях» и начинают заниматься привычным для них земледелием, охотой, рыболовством, бортничеством (добыванием меда и воска).

Но их мирному труду мешают нападения и набеги, как гатар, так и бродячих шаек «казаков». Для отражения этих набегов и нападений население вооружается и начинает с ними успешную борьбу.

Организованные по военному, с выборными командирами, они быстро ликвидируют слабо организованные шайки «казаков» и отбрасывают татар на юг, обеспечивая этим относительно мирную жизнь в своих поселениях. Сами себя начинают называть — казаками.

К концу XV века это самотеком возникшее казачество уже представляет собой реальную силу и является центром (пока что не организационным, а только идейным), национально-религиозно-социальных устремлений населения Украины-Руси.

Формально, как и все население Украины-Руси, казаки были подданными великого князя Литовского, но фактиче-

ски никаких обязанностей в начале своего существования по отношению к государству казачество не несло, ограничиваясь защитой своих поселений от набегов и грабежей татар. Но фактически оно было для Литвы весьма полезно, ибо, охраняя себя, охраняло также и границы государства. Поэтому правительство польско-литовского государства созданию и усилению казачества не только не препятствовало, но даже и содействовало.

И постепенно казачество росло. Не только количественно, но и качественно.

Соседство с татарами и беспрестанная борьба с ними не только нередко давала казакам богатую военную добычу, но и держала их в постоянном военном напряжении, что делало из них опытных воинов, хорошо знакомых с военным делом вообще и с особенностями войны с татарами в частности. Польско-литовскому государству это было на пользу. А так как войны с татарами были войны с «нехристями» и с «бусурманами», то борьба с татарами приобретала религиозную окраску, была «богоугодным» делом.

Никем и ничем вначале казаки не стеснялись. Пока феодалы (шляхта, магнаты) не обратили внимания на эти богатые земли и не начали постепенно накладывать на них руку. И казаки устраивали свою жизнь по своему вкусу и усмотрению. Полная личная свобода, неограниченное и неотягощенное никакими налогами владение землей и ее плодами, свободно избранное самоуправление, суд, полная равноправность всех казаков, — вот те принципы, на которых казаки устроили свою жизнь в ранний период своего существования.

Но этот период бесклассовой демократии, о которой так много пишут украинские шовинисты-сепаратисты, утверждая, что такой строй был вообще характерен для Украины-Руси, продолжался очень короткое время. И вовсе не на всей ее территории, а только в пограничных областях, граничащих с татарами и фактически бывших вне досягаемости органов правительства польско-литовской унии.

Вскоре, уже в начале XVI столетия, началось классовое разделение в рядах самого казачества, а также и попытки феодалов, начавших продвижение на юго-восток, превратить казаков в своих крепостных крестьян.

Создались классы зажиточных казаков, казаков-средняков и казачьей голытьбы. Выборные военные и административные должности все больше и больше захватывали более состоятельные казаки, чьи классовые интересы вовсе не были интересами всего казачества. К тому же эта казачья верхушка все время пополнялась выходцами из православной шляхты с запада, бежавшей от национально-религиозного давления польско-католической агрессии. Казачьи же низы также быстро пополнялись бегущими от тяжелого гнета крепостничества крестьянами западных областей Украины-Руси.

И к половине XVI века население и социальный строй южных и юго-западных окраин Великого княжества Литовского уже окончательно теряет характер бесклассово-демократический, каковыми они были в конце XV века, и, получил свое разделение на классы, с разными, свойственными каждому классу интересами.

Так как, несмотря на то что они были уже заселены, земли на окраинах Великого княжества Литовского формально считались «пустопорожними», то ими распоряжалось государство. От его имени великий князь щедро раздавал эти земли в вечное владение магнатам, шляхте и монастырям. Найдя на этих «пустопорожних» землях население, новые владельцы начали постепенно накладывать на них разные обязательства, стремясь ввести тот крепостнический гнет, который был в Польше, Галиции, Западной Волыни и Подолии.

Так создался высший класс — магнаты, шляхта, католические и православные монастыри.

Горожане, мещане и ремесленники, начали облагаться разными повинностями, преимущественно денежными, в пользу тех, в сферу чьих владений попадали их городки и

местечки. А кроме того, на них не был наложен ряд обязательств, подлежащих непосредственно государству. Посредниками при взыскании всяких повинностей все чаще и чаще начали выступать евреи, прибывшие вслед за магнатами и шляхтой. Желая и удовлетворить владельцев, и уделять побольше для себя за свою посредническую деятельность, они изоощрялись в изыскании способов увеличить свои доходы, чем озлобляли городское население. К тому же они еще успешно конкурировали с городскими торговцами и ремесленниками и также и по этой причине вызывали их недовольство.

Крестьян-землевладельцев, тех, которые еще не были крепко организованы в казачестве, новые владельцы просто обращали в крепостных, сначала накладывали на них разные натуральные повинности: поставку владельцу-помещику разных продуктов крестьянского хозяйства (птица, мясо, зерно, сено, полотно). А потом, постепенно, начали вводить барщину («панщину») — обязательный труд в хозяйстве помещика. С ростом этих хозяйств, вызванных ростом спроса на сельскохозяйственные продукты, как на внутреннем, так и на внешнем рынке, росло и количество дней барщины; начиналось оно с нескольких дней в году, и возрастая постепенно, к концу XVI — началу XVII века в некоторых помещичьих усадьбах доходило до двухсот и больше.

Если прибавить к этому то обстоятельство, что крестьянин «находился в юрисдикции» магната, шляхтича или монастыря, то есть, они творили над ним суд и расправу (до смертной казни включительно), то легко представить себе то положение, в котором очутилось православное крестьянское население Украины-Руси в результате национальной, религиозной и социальной польско-католической агрессии.

Казачество уже с начала XVI века представляло собой организованную военную силу, к тому же полезную и нужную государству для защиты границ. Поэтому полностью наложить на него свою руку и превратить казаков в крепостных для магнатов и шляхты не было возможным, а для

государства — нецелесообразным. Да и казачество, как указано выше, вовсе не было однородной массой. Наряду с казачьей беднотой, были и казаки, происходящие из православной шляхты, которые владели сравнительно крупными имениями, селами, хуторами, хозяйство в которых мало чем отличалось от хозяйств остальных помещиков. Кроме того, беднейшие и средние казаки имели разные обязательства по отношению к тем казакам, которые занимали разные должности — «ранги». Они должны были нести разные повинности «на ранг» (полковников, сотников, есаулов), причем граница, отделявшая повинности «на ранг» от повинностей по отношению к носителям «ранга» лично, были очень неопределенны и туманны.

Это вело к тому, что и среди казаков было немало недовольных существующим социальным порядком, в то время как казачья верхушка, в основном, была ими удовлетворена и стремилась только к уравниванию своих прав с правами католической (униатской) шляхты.

Положение же крестьян на монастырских владениях, как католических, так и православных монастырей, мало чем отличалось от положения остальных крестьян. Единственно, что монастыри не имели своими посредниками при реализации крестьянских повинностей евреев, в то время, как очень многие помещики или сдавали в аренду (или на откуп) евреям свои права по отношению к крестьянам или в деловых сношениях с крестьянами прибегали к евреям, как к помощникам.

В результате таких социальных и национально-религиозных взаимоотношений на Украине-Руси появляется стремление сначала от них освободиться, а потом против них и бороться.

Стремление освободиться привело к бегству за пределы достижения ненавистного строя и создания Запорожского казачества, а желание этот строй изменить на всей Украине-Руси — к освободительной борьбе, начавшейся в конце XVI века.

Бежавшие с Украины-Руси начали группироваться на нижнем течении Днепра, за порогами, и вскоре оформились в своеобразную военную организацию — «Запорожская Сечь». В отличие от казаков, живших в пределах литовско-польского государства, их называли «запорожскими казаками» или «запорожцами», а все войско — «малороссийским запорожским».

Сечь, по существу, была рядом укреплений («засек») с центром на одном из островов Днепра. В 80-х годах XVI века центр этот был на острове Томаковке; в 90-х годах он был перенесен на остров Базавлук.

Вся Сечь представляла собой своего рода вооруженный лагерь («кош»), с выборным «кошевым атаманом». Кош делился на «курени» с выборными «куреными атаманами», еще ниже шли «сотни» с выборными сотниками. Иногда же, в некоторые периоды, подразделений ниже «курения» не было, и куренный атаман единолично руководил всем куренем непосредственно.

Дисциплина во время походов была строжайшая, и подчинение своему выборному начальству беспрекословное. Женщины в Сечь не допускались совершенно.

Источниками существования запорожцев были: война, охота и рыбная ловля, скотоводство и только отчасти земледелие.

Запорожцы нападали на татарские кочевья, грабили их и уводили скот, лошадей и пленных. Нередко на своих судах «чайках» они спускались по Днепру в море и разоряли не только татарские города в Крыму, но и города турецкие на берегах Черного моря, доходя иногда до самого Константинополя.

В мирные периоды они занимались промыслами в окрестностях Сечи (близких и более отдаленных). Начали возникать сначала временные поселения запорожских казаков, а потом и постоянные, в которых уже появились женщины, и казаки жили там семейной жизнью, не теряя, однако, связи с Сечью.

«Постепенно Сечь становилась прибежищем и центром для каждого, кому была невыносима жизнь на родине, для всех обиженных, которые переселялись туда с жадной мести за себя и своих братьев на родине», — пишет летописец того времени.

Ничьей власти над собою Сечь не признавала, хотя польско-литовское государство и считало ее своей территорией. Но запорожцы считали себя борцами и защитниками «веры православной» против всех, кто на нее покушался. Поэтому их врагами были и «бусурмане» — татары и турки, и поляки-католики, стремившиеся ополчить и окатоличить их народ, население Украины-Руси.

Формально все запорожцы были совершенно равноправны и на основании этого чисто формального признака украинские шовинисты-сепаратисты изображают Сечь как идеальное бесклассовое общество. Они приписывают ему не только идеальные стремления бороться «за веру православную» и справедливый в их понимании социальный порядок (что действительно было), но также и конкретные планы создания независимого «Украинского» государства (о чем никаких исторических доказательств в богатейшей литературе и в исторических памятниках нет никакого следа).

Что же касается утверждения о «бесклассовом» обществе в Сечи, то это утверждение шовинистов-сепаратистов опровергают многочисленные исторические документы, несомненно доказывающие, что отдельные запорожские казаки были владельцами немалых имений вне пределов Сечи. Так, например, сохранилась грамота польского короля, который в 1574 году отдал в вечное и потомственное владение запорожскому «шляхетному» (т.е., дворянского происхождения) казаку Ивану Омеляновичу большие земельные владения в районе Черкасс. Сохранились и документы о больших земельных владениях, которыми владели и запорожские казаки не-«шляхетского» происхождения. Например, Григорий Лобода, купивший целое село, казак Волевач, имевший земли на Левобережье, и много других.

Сохранились доказательства, что зажиточные казаки имели и зависимых крестьян. Так, в 1568 году шляхтич Белозор обязался вернуть казаку Богдану Звенигородскому, владельцу села Куриловки, его беглых людей «кметов Ивашка и Иванка», как стоит в обязательстве.

Сам состав Сечи был не постоянным, а, в значительной своей части, текучий. Не только казаки, но и православная шляхта шли на более или менее продолжительные сроки в Сечь, учились там военному делу, принимали участие в набегах и походах, а потом возвращались к мирной семейной жизни.

Литературные образы Гоголя в его повести «Тарас Бульба» дают правдивую картину того, что представляла собою Сечь. И богатый владелец хутора Тарас Бульба, и пропивший все последний запорожец, были равноправны в решении внутренних дел Сечи, но нельзя из этого делать выводы, что они были единодушны и в их взглядах на то, как надо решать вопросы социальных взаимоотношений. Вряд ли бы «владелец села» запорожец Григорий Лобода, или запорожец Волевач, собственники многих «местностей», согласились, чтобы кто-либо посягнул на их имущественные интересы.

Очевидно, что при наличии приведенных выше неопровержимых фактов (а их есть множество) утверждение о «бесклассовости» Сечи не отображает подлинной картины и нуждается во многих поправках.

Но в вопросах настроений и устремлений национально-религиозных Сечь действительно была единодушна, ненавидела поляков, татар и католиков и глубоко презирала своих ренегатов-униатов.

Ведя свою собственную политику, запорожцы принимали участие в войнах с татарами на стороне поляков, но, не спрашивая ни у кого разрешения, сотрудничали и с врагом Польши — Москвой, когда последняя воевала с татарами.

Так в 1556 году московское войско под начальством Ржевского пришло на реку Псел (на Левобережье), построил

ло суда и совершило на них поход по Пселу к Днепру против крымских татар. В этом походе к Ржевскому присоединилось два отряда казаков из окрестностей Канева и Черкас под начальством атаманов Млинского и Еськовича.

В 1558 году российскими войсками был совершен новый удачный поход против крымских татар, опять с участием казаков. В этом походе всем войском командовал князь Вишневецкий, магнат с Украины-Руси, который несколько лет провел в Москве, занимая там (как видно из факта командования им всем войском), крупные должности. Позднее, вернувшись на Украину, Вишневецкий продолжал борьбу против татар и турок, попал к последним в плен и был казнен мучительной смертью: подвешен за ребро на железный крюк.

В украинском народе сохранилось немало легенд о его геройских подвигах и не менее геройской смерти. Вися на крюке, в ответ на предложение помилования, если он примет магометанство, Вишневецкий (Байда) продолжал славить веру православную и ругать Магомета.

Впоследствии его потомки приняли католичество, ополчились и стали жесточайшими гонителями православия и русского населения Украины-Руси.

В 1559 году русское войско под начальством Даниила Адашева (опять с участием украинских казаков) спустилось на челноках по Днепру, напало на многие татарские города в Крыму и освободило многочисленных пленных, как русских (великороссов), так и уроженцев Украины-Руси, польской колонии.

В дальнейшем военные действия Москвы против татар были прекращены вследствие Ливонской войны, которую Москва вела с Польшей. Характерно, что в этой войне в составе русского войска находились также и украинские казаки. Так, например, в героической обороне Пскова (в 1581 г.) принимал участие и отряд казаков под командой Миколы Черкасского, который погиб во время этой обороны.

Появление русских войск на территории Украины-Руси произвело огромное впечатление на ее население. Оно напоминало ему о единстве происхождения, об общем враге — польско-католических агрессорах и наметило пути для политических устремлений Украины-Руси в будущем.

К тому же и сравнение социальных взаимоотношений в Московском государстве и в Речи Посполитой привлекало симпатии широких масс Украины-Руси к Москве.

В централизованной Москве крупное боярство и князья все больше и больше ограничивались в своих правах. Мелкое дворянство, купечество, ремесленники, даже крестьянство было теми силами, на которых начинали опираться московские цари. Земские соборы, в которых принимали участие почти все слои населения, резко отличались от польских сеймов, где голос имела только шляхта. Крепостное право в Московском государстве было неизмеримо легче того полного бесправия, в котором находились крестьяне Украины-Руси. Польский шляхтич, даже его арендатор имел право предания смертной казни крестьян, как об этом свидетельствуют сохранившиеся арендные договоры XVI века.

И в то же время в Московском государстве каждый крестьянин имел право оставить своего помещика и переселиться на землю другого. При этом помещик не имел права не только его наказывать, но даже ему и препятствовать. Как известно, эти переселения обычно приурочивались к Юрьеву дню, который был отменен только на рубеже XVI—XVII веков в царствование Бориса Годунова в целях обеспечения рабочей силой одной из главных основ государства того времени — помещичьих хозяйств. Даже в самые жестокие периоды крепостного права русский помещик не имел права распоряжаться жизнью своих крестьян.

Обстоятельства эти, конечно, были известны крестьянским массам — основному населению Украины-Руси, — и пробуждали их симпатии к единовёрной и единоплеменной Москве.

Только часть казачьей верхушки и православной шляхты видела будущее Украины-Руси в единстве с Речью Посполитой, сохранении польских порядков и стремились только к уравниванию себя с польской шляхтой без бывшего тогда для этого непременно условием окатоличивания и связанного с ним ополячивания.

Но эта часть населения составляла ничтожное меньшинство, и в наступивших с конца XVI века бурных событиях освободительной борьбы была вынуждена частично безоговорочно пойти с поляками, а в большинстве — пойти с народом в его стремлении освободиться от польской агрессии.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

С концом XVI века кончился и более чем двухсотлетний период постепенного захвата католической Польшей всей юго-западной части единого раньше Киевского государства, простиравшегося от Балтийского и до Черного морей.

Начался этот захват с половины XIV века присоединением непосредственно к Польше всей Галиции (1340—1387 гг.). Затем он продолжался уже путем постепенного формального слияния, политического и культурного, Польши с Великим княжеством Литовским, успевшим еще раньше захватить всю Украину-Русь. Фактически же это было не слияние, а поглощение Польшей Литвы.

Господствовавшие в начале этого периода в Великом княжестве Литовском общие тогда для великороссов, украинцев и белоруссов книжный язык и культура, наследие Киевской Руси, к концу периода (концу XVI века) почти полностью был вытеснен языком и культурой польскими. (Язык этот и культуру украинские и белорусские шовинисты считают своими и называют «украинскими» или «белорусскими»).

Православие же не только высших слоев общества Украины-Руси, но и известной части литовцев начала периода было заменено католичеством или (с 1596 г.) унией.

Социальный строй — типичное для эпохи раннего средневековья натуральное хозяйство и феодализм, — к концу XVI века постепенно превратился в жестокое крепостничество, заимствованное из Польши, под гнетом которого находились широкие народные массы.

И вся Украина-Русь превратилась в польскую колонию, в которой насильственно насаждалась польская культура и католичество и жестоко преследовалось православие и сознание общерусского единства, которое, как святыня, твердо хранилось в глубинах народного самосознания.

Только ренегаты — сменившие вехи, окатоличившиеся и полонизированные магнаты и шляхта, сотрудничавшие с польско-католическими оккупантами, — не стремились от этой оккупации освободиться и против ее гнета бороться. Мирились с ней и сотрудничали также и некоторые высшие иерархи православной церкви из чисто материальных соображений, ибо они, как и магнаты, шляхта и католическая церковь, также владели обширными землями с жившими на них крестьянами, и, по существу, были феодалами.

Широкие же народные массы: крестьяне, мещане, ремесленники, низшее духовенство и почти все казачество, за редкими исключениями — был горючий материал, готовый в любой момент вспыхнуть и начать борьбу за лучшую жизнь и освобождение от национально-религиозной агрессии колонизаторов-поляков.

Борьба эта не заставила себя долго ждать. С 90-х годов XVI столетия начинаются восстания, которые жестоко подавляются поляками, но через короткие периоды вспыхивают опять с новой силой и приводят, в конце концов, к началу освобождения Украины-Руси и воссоединения ее части — Левобережной Украины с Москвой.

Но прежде чем перейти к периоду борьбы, необходимо остановиться на исторических событиях, этой борьбе непосредственно предшествовавших: на попытке правительства Речи Посполитой использовать казачество как верную ему военно-полицейскую силу и на происходившее почти одно-

временно (в последней четверти XVI века) решительное наступление католичества с целью ликвидировать православие на Украине-Руси (Брестская уния 1596 г.).

ОРГАНИЗАЦИЯ КАЗАЧЕСТВА

Как уже было упомянуто, украинское казачество возникло и организовалось самотеком, без непосредственного участия польско-литовского правительства.

В результате политики правительства, также самотеком, выделялось из надднепровского казачества — казачество Запорожское.

С усилением польско-католической агрессии и социального давления росло количество казачества. А постоянные войны с татарами содействовали его качественному росту, вырабатывая из казаков опытных, закаленных в боях воинов.

И уже к половине XVI века казачество представляло собой реальную силу. Строгого разграничения между запорожцами и надднепровскими казаками не было, ибо происходило постоянное перемещение их со среднего Днепра в Запорожье и наоборот. Во время же походов и военных действий все казаки представляли собой одно целое. Особенно усилилось казачество, когда его возглавил князь Дмитрий Вишневецкий, православный магнат Украины-Руси, закончивший свою жизнь в турецкой неволе, как уже было упомянуто выше.

Люблинская уния (1596 г.) вызвала недовольство многих из среды православной шляхты, и они, потеряв веру в справедливость новосозданной Речи Посполитой, начали пополнять собою ряды казачества, которое, усилившись, начало уже вести настоящие войны с татарами и турками.

Турция протестовала против казачьих нападений на свои владения и требовала от Польши обуздать казаков. Король Сигизмунд слал казакам грозные приказы и запрещал

тревожить Турцию. Но казаки не обращали на это никакого внимания и продолжали фактически непрерывную войну с Турцией и ее вассалом — Крымским ханством.

В начале 70-х годов казаки под начальством Ивана Свирговского настолько усилились, что смогли предпринять нападение на ближайшие окрестности столицы Турции, Константинополя, захватить ряд городов и освободить тысячи невольников.

Вскоре после этого гетман Свирговский, опять-таки вопреки желанию Польши, принял участие в борьбе Молдавии против турок и с большим войском отправился на новую войну. В этой войне, благодаря измене союзников-молдаван казаки потерпели поражение и сам гетман Свирговский был убит в бою (1574 г.).

Не давая времени казакам оправиться после неуспеха в Молдавии, татары предприняли огромный опустошительный набег на Речь Посполитую. Грабя и разоряя населенные места, захватывая сотни тысяч пленных и скота, татары прошли Украину-Русь и вторглись глубоко в земли Речи Посполитой. Как раз в это время, после бегства короля Генриха Валуа во Францию, Речь Посполитая переживала очередной период междуцарствия и перепуганные, дезорганизованные магнаты и шляхта не смогли дать татарам отпор.

Только казаки, соединившись с войсками князя Острожского, православного магната с Волыни, вели борьбу с татарами, которые вскоре, отягощенные добычей, вернулись в Крым. Этот набег по своим размерам и опустошению был одним из самых страшных со времени Батыя.

Во время этой борьбы с татарами особенно выдвинулся православный князь Богдан Ружинский. Отказавшись от своего княжеского достоинства и всех привилегий, Ружинский вошел в казачью среду равноправным членом, а вскоре был избран казаками гетманом. После приведения в порядок и реорганизации казачества Ружинский совершил несколько удачных походов против татар и, как пи-

шет летописец, «перебил тьму басурман и освободил множество невольников».

События эти совпали с выбором нового короля Речи Посполитой — Стефана Батория (1576 г.). Баторий, известный своими войнами с Иваном Грозным, обратил внимание на новую силу в его государстве — казачество и решил ее использовать как силу военную, а также и полицейскую. Баторий знал непримиримо враждебное отношение казачества к католицизму, с которым, не без основания, и казаки и вся Украина-Русь связывали все виды угнетения и насилия. Поэтому он внешне резко изменил политику своего предшественника Сигизмунда в религиозном вопросе и заявил, что он «король над людьми, а не над их совестью», чем сразу приобрел симпатии православного населения своего государства.

Эта внешняя «веротерпимость» не помешала ему, после взятия от Ивана Грозного Полоцка, все многочисленные церкви этого древнерусского православного города передать иезуитам. И только после многочисленных протестов населения часть церквей была возвращена православным, что их несколько успокоило.

Второй религиозный конфликт при Стефане Батории был вызван введением Грегорианского календаря (нового стиля) в 1582 г.

Не предполагая, что это может вызвать осложнения, Баторий издал приказ о переходе на новый стиль не только в гражданской жизни, но и в церковной, всех вероисповеданий. Приказ этот вызвал негодование у всех православных, ибо он исходил от ненавистного им папы римского Григория; они отказались ему подчиниться и продолжали праздновать праздники по старому стилю.

В конфликт вмешалась католическая церковь, что еще более озлобило православных. Львовский католический архиепископ Суликовский в Рождественский сочельник 1582 года со своими канониками и отрядами войска решил воспрепятствовать совершению богослужения православных по

старому стилю. Он врывался в православные храмы, разгонял молящихся, выволакивал священников из алтарей и запечатывал церкви.

Эти дикие выходки высшего представителя католической церкви и его паствы вызвали такое возмущение православных, что началось во Львове настоящее восстание. Только благодаря вмешательству Львовского православного архиепископа Балабана удалось предотвратить кровопролитие.

По просьбе Балабана король Баторий отменил свой приказ об обязательном переходе православной церкви на новый стиль и этим приобрел большую популярность у всего православного населения Речи Посполитой.

Баторий, как дальновидный политик и опытный полководец, обратил свое особое внимание на казачество и провёл его организацию.

Всех казаков тогда насчитывалось около 20 000, не считая запорожцев, число которых в то время колебалось от 4000 до 6000. Баторий разделил их на полки, а полки — на сотни. Во главе казаков стоял гетман, избираемый всеми казаками. Король имел право утвердить или не утвердить избранного гетмана, и, в последнем случае, назначить новые выборы. Полковников, сотников и полковую и сотенную администрацию (есаулов, судей, обозных) выбирали казаки соответствующего полка или сотни, а утверждал гетман.

Полки и сотни были не только чисто военными подразделениями, но и административными единицами. Полковая и сотенная администрация осуществляла свою власть над всеми казаками (и их семьями) на территории своего полка и сотни, не распространяя ее, однако, на не-казачье население полка или сотни: крестьян, мещан и шляхту.

Из всего казачества было отобрано 6000, получивших особые привилегии: освобождение от налогов, свободное владение землей, которую занимали в момент регистрации (иногда крупные площади), а также бесплатно получивших

от государства коня, ружье, копьё и ежегодно по одному дукату и по одному кожуху (шубе).

Эти 6000 казаков были внесены в особый список — «реестр», откуда и пошло название «реестровых» казаков. В реестр попали, главным образом, состоятельные казаки, среди них немало так называемых «шляхетных», то есть, происходивших из православной шляхты. Многие реестровые казаки владели земельными угодьями, на которых работали беднейшие казаки, а также «подсуседки», «коморники» и другие неимущие классы населения. Для экономического усиления реестровых казаков правительство нередко давало им в собственность землю или смотрело сквозь пальцы на самовольные захваты земельных угодий, казаками и их верхушкой — казачьей старшиной.

Создавая зажиточное реестровое казачество, Речь Посполитая вносила классовое разделение в казачество, которое она хотела использовать не только как военную силу, но и как силу полицейскую «для обуздания своеволий посполитых», престолярдья, как говорили поляки.

Не вошедших в «реестр» казаков правительство намеревалось постепенно слить с крестьянством и превратить в крепостных.

Попытки осуществить эти намерения привели вскоре к обратным результатам — восстанию всего населения Украины-Руси против Польши. Причем руководящую роль в этих восстаниях сыграло именно казачество.

Характерно при этом, что в восстаниях приняло участие подавляющее большинство реестровых казаков, несмотря на свои привилегии и на то, что социальная программа восстаний — равенство и уничтожение привилегий — шла вразрез с их узко-классовыми интересами. В данном случае не «бытие определяло сознание», а национально-религиозное самосознание одержало верх над интересами бытия.

Но, несмотря на организационное оформление и ряд привилегий, казачество не стало послушной правительству Речи Посполитой силой, а продолжало вести «свою» полити-

ку. Так, непосредственно за утверждением королем в звании гетмана, Богдан Ружинский предпринял ряд успешных набегов на Крым, освободил множество пленных невольников и сам погиб в бою во время последнего набега. В это время Речь Посполитая находилась в состоянии мира и с Турцией, и с Крымом, которые настойчиво требовали от Польши не только прекращения казацких набегов, но и наказания виновных. Баторий отдавал строгие приказы, но казаки не обращали на них никакого внимания и продолжали свою борьбу с татарами и турками. Баторий вынужден был сообщить Турции, что казаки находятся вне пределов его власти, поделаться с ними он ничего не может и ответственность за действия казаков Речь Посполитая не несет. После гибели Ружинского казаки выбрали себе гетманом Шаха, которого Баторий утвердил в должности.

Шах продолжал военные действия против татар и турок, имея своим помощником Ивана Подкову, брата молдавского господаря. Подковой его прозвали казаки за необычайную силу: по преданию, он двумя пальцами ломал подкову.

Когда умер брат Подковы — молдавский господарь, то казаки решили поддержать притязания Подковы на молдавский престол и с большими силами вторглись в Молдавию, которая находилась в вассальной зависимости от Турции.

Вторжение это вызвало совместное выступление Польши и Турции против войска Подковы. Видя превосходство неприятеля, Подкова решил отступить и вернуться с казаками на Украину. По дороге он был обманом задержан во Львове, брошен в тюрьму, и по приказу Батория, ему публично отрубили голову на рынке во Львове.

Гетману же Шаху король выразил свое неудовольствие, потребовал от казаков, угрожая репрессиями, его смещения и сам назначил казакам гетманом польского шляхтича Самуила Зборовского.

Гетман Шах, не желая навлекать на казачество репрессии, сам отрекся от гетманства и удалился в монастырь, где и закончил свои дни. Но не пришлось гетманствовать и Збо-

ровскому: казаки отказались его принять, вернули его королю, а сами выбрали себе гетманом полковника Демьяна Скалозуба, который, не считаясь с королем, продолжал борьбу с татарами и турками, что вынудило Батория еще раз сообщить Турции, что казаки действуют не только без его согласия, но вопреки его запрещению.

Как только казачество было организовано, оно начало сразу же проявлять свою собственную волю и план Батория сделать его послушным орудием политики правительства Речи Посполитой не удался.

Поэтому, при наследнике Батория (умершего в 1586 г.) — Сигизмунде III Ваза, курс польского правительства по отношению к казакам был резко изменен и начались всеческие притеснения казаков и ущемление их прав и привилегий, что только обостряло и усиливало вражду казаков к полякам.

Вражда эта особенно усилилась с начала 90-х годов, когда католики повели решительное наступление на православие и начали готовиться ко введению церковной унии православных с католиками, которая должна была подчинить первых последним и окончательно искоренить на Украине-Руси православие. Начался период казацких восстаний.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ЗА 200 ЛЕТ ПРЕБЫВАНИЯ УКРАИНЫ-РУСИ В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (от Кревской унии 1386 г. до начала восстаний 1592 г.).

1386 г. — Кревская уния. Персональная уния Литвы и Польши.

1392 г. — Соглашение в Острове. Признание Витовта пожизненным великим князем Литвы.

1413 г. — Городельская уния — более тесная связь Литвы и Польши.

1429 г. — Конференция в Луцке. Признание независимости Великого княжества Литовского.

1430 г. — Смерть Витовта. Начало польско-католической агрессии.

1432 г. — Свержение Свидригайло. Победа поляков. Избрание Сигизмунда.

1440 г. — Убийство Сигизмунда вождем прорусской партии Четвертинским.

1447—1492 гг. — Правление Казимира. Время централистической политики.

1492 г. — Великий князь Литвы Александр. Обособление от Польши.

1506—1548 гг. — Правление Сигизмунда «Старого». Терпимость.

1530 г. — Литовский статут.

1548—1572 гг. — Правление Сигизмунда-Августа. Сближение Литвы и Польши.

1569 г. — Люблинская уния. Создание единого государства взамен унии персональной.

1576—1586 гг. — Стефан Баторий. Терпимость. Оформление казачества.

1587 г. — Избрание Сигизмунда Вазы. Усиление польско-католической агрессии.

1596 г. — Религиозная уния в Бресте.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ. КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ КОНЦА XVI ВЕКА

Новоизбранный польский король Сигизмунд III Ваза (1586—1632) начал урезывать казачьи права и привилегии.

Он издал указ, по которому число реестровых казаков уменьшалось с 6000 до 4000 и они были лишены многих прав и привилегий, полученных при Стефане Батории. Кроме того, был предпринят ряд мер к недопущению бегства казаков и крестьян на Запорожье. С правами казацкой старшины перестали считаться и начали их нарушать. Даже у казацкого гетмана Криштофа Косинского (заменившего погибшего в турецкой неволе Скалосуба), выходца из шляхты, магнат князь Острожский насильно отобрал жалованное ему королем имение, село Ракитное, и Косинский, несмотря на жалобу королю, не смог восстановить своих прав и получить обратно имение.

Это грубое нарушение прав, от которого не был застрахован даже гетман, было воспринято казачеством как вызов. Казаки захватили Белую Церковь (имение захватчика села Ракитного — князя Острожского), разорили замок и уничтожили все документы.

Весть о казачьем восстании подняла широкие крестьянские массы на Киевщине и Волыни. Тысячи добровольцев потянулись к Косинскому. Начало расти и шириться крестьянско-казачье антифеодальное, антипольское и антикатолическое восстание. Вся Правобережная Украина была в огне восстания в течение всего 1592 года.

Повстанцы захватили не только поместья и мелкие города, но и крупные города с польскими гарнизонами. Даже Киев несколько раз подвергся нападению повстанцев.

Но в общем это первое восстание, несмотря на участие в нем хорошо по-военному организованного казачества, носило стихийный характер и мобилизовавшейся шляхте удалось нанести Косинскому поражение у села Пятка в январе 1593 года.

Косинский был вынужден подписать соглашение о возвращении казачества в подчинение королю. Однако Косинский не примирился с польским владычеством и стремился от него избавиться. В поисках союзника и помощи взор его обратился к единоплеменной Москве, и он вступил с ней в контакт.

Поляки узнали об этом и всполошились. Сохранилось донесение князя Вишневецкого, старосты Черкасского и Каневского, о том, что Косинский с казаками присягнул царю московскому и что царь послал казакам сукно и деньги.

Достоверных данных о присяге московскому царю не существует. Вероятно, «присяга» — это плод фантазии напуганного восстанием польского магната Вишневецкого.

Но совершенно определенные данные о контакте Косинского с Москвой, свидетельствующие о симпатиях Украины-Руси к Москве, существуют и опровергнуть их невозможно.

Весной 1593 года царь Федор Иванович в грамоте донским казакам сообщает им, в связи с войной с татарами, что «гетману Хриштопу Косинскому велено быть на Донце». Совершенно очевидно, что царь не мог бы написать этих слов, если бы у него не было соглашения с Косинским. Второе доказательство — сохранившийся отчет Григория Конашева, который в царствование Федора Ивановича возил казакам из Москвы деньги и сукно.

~~Третье~~ доказательство — свидетельство посла австрийского императора Рудольфа II Ласоты, ездившего на Украину, чтобы склонить казаков к войне против Турции, теснив-

шей Рудольфа. Ласота сообщает, что по дороге он встретил русского посла Василия Никифоровича, ехавшего из Москвы с подарками для казаков. В своем послании Ласота сообщает, что русский царь считал казаков «своими подданными» и дал им разрешение вступить на службу к австрийскому императору для борьбы с турками.

Четвертое доказательство: в 1620 году в предложении гетмана Сагайдачного царю Михаилу Федоровичу перейти к нему на службу со всем войском, говорится, что казаки хотят последовать примеру своих предков, которые предыдущим царям «повинность всякую чинили и им служили» и «жалованье получали».

Украинские шовинистическо-сепаратистские историки старательно замалчивают эти неоспоримые факты, свидетельствующие не только о тяготении казачества к Москве, но и о сотрудничестве с ней. А между тем, эти факты необычайно важны для понимания настроений казачества того времени. Несомненно, что они не могли бы иметь места, если бы казачество и вся Украина-Русь «всегда видела в Москве своих врагов», как это утверждают сепаратисты.

В мае 1593 года Косинский, продолжая борьбу, опять собрал значительное войско и двинулся против поляков, но был разбит под Черкассами и сам погиб в бою. В тот же месяц сейм Речи Посполитой объявил казаков вне закона.

ВОССТАНИЕ НАЛИВАЙКО-ЛОБОДЫ

Не прошло и двух лет после гибели Косинского, как вспыхнуло новое восстание. Возглавили его Северин Наливайко, нереестровый казак, совместно с гетманом реестровых казаков Григорием Лободой. В 1594 году происходила война с Молдавией, вассалом Турции. В этой войне казачество принимало активное участие, причем реестровые и нереестровые казаки составляли объединенное войско под командой Наливайко и Лободы. После победы над войском

молдавского господаря Аарона, казаки приняли участие в войне против турок и татар, которую тогда вела Австрия в пределах Венгрии.

По возвращении домой они застали там не прекращавшиеся все время крестьянские волнения и спорадические восстания против шляхетского насилия и сразу же присоединились к ним и их возглавили.

Возвращаясь через Галицию из Венгрии, Наливайко сначала занял Луцк и наложил на него контрибуцию, а потом в короткое время занял всю Волынь, захватывая города, замки и поместья и жестоко расправляясь с представителями ненавистного католическо-шляхетского феодального строя. С Волыни в конце 1595 года Наливайко двинулся на Белоруссию, где его восторженно встречало крестьянство, вступавшее в его войско.

Слуцк, Бобруйск, Могилев были быстро взяты войсками Наливайко при активной поддержке городских жителей, которые все были единодушны в своей ненависти к режиму. Немногочисленные католики и те, кто с поляками сотрудничал, были перебиты самим населением.

Встревоженная успехами Наливайко и пылающим по всему Правобережью восстанием, Речь Посполитая мобилизовала свои силы для борьбы с ним, назначивши главнокомандующим Станислава Жолкевского.

Наливайко вынужден был отступить из Белоруссии и с Волыни. Он направился к Белой Церкви для соединения с находившимися в ее районе реестровыми казаками Григория Лободы.

После нескольких кровопролитных столкновений с армией Жолкевского, казаки перешли на Левобережье и сосредоточились в районе Переяслава. Перед ними стоял вопрос: что делать дальше? На многочисленных «радах» (совещаниях) мнения разделились: одни хотели остаться у Переяслава и биться «до последнего»; другие предлагали соединиться с татарами и напасть на Польшу; третьи же видели выход в отступлении на восток и переходе через русскую границу;

незначительная часть реестровых казаков была склонна капитулировать перед Жолкевским, обещавшим амнистию.

Победили сторонники похода к русской границе, и все войско Наливайко-Лободы, с немалым числом гражданских беженцев, боявшихся поляков, двинулось на восток к русской границе.

Однако Жолкевскому удалось их опередить, отрезать пути отступления и окружить за рекою Сулою, вблизи г. Лубны, в урочище Соломина.

Около двух недель оборонялись казаки в созданном ими укрепленном лагере, испытывая голод и недостаток воды. Реестровые казаки были склонны заключить соглашение с Жолкевским. В рядах повстанцев начались несогласия, доходившие до вооруженных столкновений, во время которых был убит гетман реестровых казаков Лобода.

Вскоре силы сопротивления повстанцев было сломлены: часть их, поверив обещаниям Жолкевского, решила сложить оружие. Используя эти настроения, поляки ворвались в лагерь и произвели здесь страшную резню, не щадя ни женщин, ни детей. Только незначительное число казаков успело прорваться и уйти в Запорожье. Наливайко, Шаула — заместитель Лободы и несколько командиров во время этого нападения были вероломно схвачены теми реестровцами, которые верили полякам, и выданы Жолкевскому. Началась страшная резня, о которой польский хроникер Вельский пишет: «И так их рубили немилосердно, что на протяжении мили или больше трупы лежали на трупах. Было их всех в лагере вместе с чернью, женщинами и детьми около десяти тысяч, из которых спаслись не более полутора тысяч»...

В апреле 1597 года Наливайко был казнен публично в Варшаве. Ему сначала отрубили голову, а потом четвертовали. Части его тела были развешены в разных местах города. Казнены были также не только все соратники Наливайко, но и большинство казаков, поверившие честному слову Жолкевского.

Польский сейм «наложил та казаков баницию», то есть, объявил их вне закона, а все права реестровых казаков были упразднены.

Но никакое распоряжение правительства не смогло не только ликвидировать казачества, но даже приостановить его рост и развитие.

Тяжелый социальный гнет крепостничества и религиозно-национальная дискриминация толкали все больше и больше недовольных в ряды казачества, и Речь Посполитая вынуждена была смотреть на это сквозь пальцы, ибо под давлением феодалов и католической церкви не имела ни возможности, ни желания устранить те причины, которые порождали казачество. Не имела и силы сделать казаков покорными.

Хотя и потерпевшее неудачу в своих восстаниях начала 90-х годов, население Украины-Руси осознало свою силу и поняло безнадежность всяких попыток честно договориться с поляками и католиками и наладить равноправное с ними сосуществование. Остаться же на положении подчиненного народа в польской колонии, каковой стала Украина-Русь к концу XVI столетия, народ, почувствовавший свою силу, не хотел.

Это был уже не тот народ с примитивно-феодальной системой, натуральным хозяйством и со своей собственной культурой, на которую вначале никто не посягал, который в XIV веке, волею исторических событий, очутился в одном государстве с литовцами и поляками.

Братства и православная церковь были к концу XVI века достаточно организованы и закалены в борьбе с польско-католической агрессией, чтобы стать центрами морального отпора и защиты религии, и неразрывно с ней связанной национальности. Казачество было силой военной, на которую возлагал надежды весь народ. Угнетаемое крестьянство и мещанство — неисчерпаемым источником сил для борьбы за освобождение.

И только самая незначительная часть социальной верхушки: магнаты, часть шляхты (но далеко не вся), высшее духовенство и незначительная часть старшины реестровых казаков относились лояльно к Речи Посполитой и надеялись на возможность сотрудничества с ее правительством.

Каковы же были устремления, планы на будущее пробудившейся и сознавшей себя Украины-Руси?

Стремление создать независимое государство, чуждое и враждебное Москве, как это утверждают украинистские шовинисты, или желание воссоединить разорванные историей народ и государство Киевской Руси?

В богатейших собраниях исторических документов, мемуарах, письмах того времени, нигде нельзя найти никакого следа стремления создать «самостийную Украинскую державу», как это безосновательно утверждают шовинисты-сепаратисты.

Нельзя найти нигде и слова «Украина» иначе как в смысле «край», «окраина». Население само называло себя «русским», или «малороссийским», а само польское правительство наиболее окатоличенную и полонизированную часть Украины-Руси, Галицию, называло «воеводством Русским».

Нигде нельзя найти и следов враждебного отношения к Москве и к «москалям», и в то же время, все исторические памятники того времени полны свидетельств и доказательств непримиримой вражды к двум соседям Украины-Руси: полякам и татарам. Совершенно неопровержимые многочисленные факты обращения за помощью к Москве и связь с нею казачества, братств, духовенства доказывают стремления населения Украины-Руси к единой и единокровной Москве, а не отталкивание от нее и вражду, как пытаются это представить шовинисты-сепаратисты.

Не вражду, а желание слияния подтверждают и многочисленные переселения, часто большими группами, казаков и крестьян с Левобережной Украины в Украину Слободскую, то есть в пределы Московского государства.

Наличие этого массового переселения и исключительно доброжелательного отношения воевод пограничных московских городов к переселенцам подтверждает даже украинский историк Грушевский в своем труде «Початки Хмельнични». Переселенцам, как на основании документов сообщает Грушевский, отводились земли для поселения, давались семена и деньги на обзаведение хозяйством. А когда Польша потребовала их выдачи, воевода Путивльский Плещеев ответил категорическим отказом. Так же категорически отказывали в выдаче и другие представители Москвы, когда Польша просила вернуть ей ее людей.

Приводя множество подробностей из этого массового переселения украинцев в пределы Московского царства на рубеже XVI—XVII столетий, Грушевский не объясняет, почему эти украинцы переселялись к «чуждым и враждебным» москалям, своим, по утверждению сепаратистов, «вековечным врагам».

Для всякого же беспристрастного исследователя приведенные выше факты служат неопровержимым доказательством отсутствия какой бы то ни было вражды у населения Украины-Руси к Московскому государству и его населению. И в то же самое время эти факты опровергают шовинистические измышления о вражде между украинцами и русскими (великороссами).

Руководители Польши, несомненно, отлично знали настроения своей колонии — Украины-Руси, но изменить их не могли, пытаясь бороться с ними политикой «пряника и кнута» — льготы и привилегии для социальных верхов, притеснения и страх наказания для широких масс.

В результате этой политики массы еще больше озлоблялись, а казачество, которое польское правительство пыталось привлечь на свою сторону, усиливалось, не делаясь, однако, покорной правительству силой.

С таким соотношением общественных групп и их настроениями вступила Украина-Русь в XVII век, в котором началось ее освобождение, окончательно завершленное только после Второй мировой войны.

ГЕТМАН КОНАШЕВИЧ-САГАЙДАЧНЫЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Поражения повстанцев Наливайко — Лободы и наступившие репрессии не ликвидировали казачество, а только его усилили и подняли его авторитет во всей Украине-Руси. Все недовольные и жертвы репрессий устремились в Запорожье и усилили его и количественно, и (с прибытием туда недовольных режимом относительно культурных сил) качественно.

Применение своих сил разросшееся Запорожское войско находило в постоянных войнах с татарами и турками. Иногда они предпринимали далекие походы, пересекая Черное море, и нападая на турецкие города. Так, в 1614 году они напали на турецкую гавань Синоп, сожгли турецкий флот и разорили город. В 1615 году казаки разорили турецкие гавани Мозовни и Архиски, а погнавшийся за ними турецкий флот сожгли в открытом море. Совместно с донскими казаками, под общей командой запорожца Шафрана, казаки пересекли Черное море и разорили Трапезунд. Центр торговли невольниками в Крыму, город Кафу казаки взяли штурмом, сожгли стоявший в гавани турецкий флот, перебили 14 000 солдат гарнизона и освободили многочисленных невольников.

Сила казацкая росла и крепла, и слава их побед над воинственными турками, угрожавшими тогда всей Европе, разнеслась далеко за пределы Украины-Руси.

И поляки, сами находившиеся под угрозой нападения татар и турок в первой четверти XVII века, занятые агрессивными войнами с Москвой и Швецией, волей-неволей должны были искать примирения с возродившимся явочным порядком казачеством, достигшим 30—40 тысяч отличного войска.

Запорожских казаков и все казачество тогда возглавлял Конашевич-Сагайдачный, которого в 1606 году, не спраши-

вая поляков, казаки выбрали гетманом. Сагайдачный объявил себя «гетманом обеих сторон Днепра и всего войска Запорожского». Поляки примирились со свершившимся фактом и никаких мер против Сагайдачного не предприняли. Они в это время готовились к нападению на Москву и не хотели раздражать православное население Украины-Руси, казаков же в особенности. Вместо не так давно (после восстания Наливайко — Лободы) наложенной на казаков «баниции», Жолкевским, по поручению правительства, было объявлено «всеобщее прощение» и Жолкевский приступил к набору войска для готовившегося похода на Москву.

Опять появился «реестр», в который было вписано 4000 казаков, наиболее состоятельных и лояльных к Польше. Им было дано много привилегий и еще больше обещано в будущем, а казацкой старшине была обещана даже так называемая «нобилитация» — возведение королем в шляхетское достоинство. Кроме того, Жолкевский привлек к походу на Москву ряд отдельных казацких «ватажков» с их отрядами, («ватагами») и сколотил, таким образом, так называемое «казацкое войско», которое и двинулось помогать ставленнику Польши Лжедмитрию добывать московский престол.

К этому времени (первое десятилетие XVII века) несколько ослабела католическая агрессия и религиозная борьба, так как умерли ее возглавители, как с католической стороны (епископ Поцей и епископ Терлецкий), так и с православной (князь Острожский и епископ Балабан).

Это в значительной мере способствовало попыткам польского правительства хоть несколько умиротворить разбушевавшиеся на рубеже столетия страсти.

К тому же и Сагайдачный избегал открытых конфликтов с поляками и все время шел путем компромиссов с ними, вызывавших нередко острое недовольство широких казацких масс. Но, в то же время, учитывая невозможность для Польши прибегнуть к решительным мерам, Сагайдачный вел «свою» политику и выступал и действовал на свой страх и риск, не считаясь с желаниями, а иногда и с прямыми запрещениями короля.

Так, например, он записался «со всем войском» в Киевское братство, официально не признанное польским королем, и тем необычайно поднял авторитет этого идейного центра борьбы против католичества и ополячивания.

По его инициативе и просьбе находившийся в Киеве проездом в Москву иерусалимский патриарх Феофил возвел ректора школы Киевского братства Иова Борецкого в сан митрополита, а шесть кандидатов по его предложению возвел в сан епископов. По отношению к польскому правительству это был акт революционный, разбиравший его планы ликвидировать православие благодаря отсутствию канонически назначенных высших иерархов православной церкви. После Брестской унии, перехода в нее митрополита Киевского и большинства епископов и смерти оставшихся верными православию епископов, православная церковь в течение ряда лет была без высших иерархов.

Сначала польское правительство этих назначений не признало, но вскоре должно было молчаливо примириться с совершившимся фактом:

Восстановление иерархии православной церкви и усиление братства в Киеве сыграли огромную роль в консолидации и укреплении религиозно-культурной жизни Украины.

Не менее независимо, чем в вопросах национально-религиозных, поступал Сагайдачный и в вопросах взаимоотношений с татарами и турками, на которых он нападал и с которыми воевал, не считаясь с мнениями и желаниями короля. Поляки это терпели, так как своими постоянными нападениями на татар и турок казаки в то же время косвенно охраняли и польские границы.

Но в вопросах внутренней политики Сагайдачный лавировал и шел на так далеко идущие компромиссы, что вызывал негодование казачества и ставил под вопрос возможность сохранить гетманское звание и власть. Выручили его из тяжелого положения счастливо сложившиеся обстоятельства.

Так, желая избежать столкновения с сильной польской армией, находившейся на Украине, он подписал в 1617 году заведомо неосуществимое соглашение в Ольшанах, по которому число реестровых казаков ограничивалось всего одной тысячей, а пребывать они могли только в Запорожье, подчиняясь всецело распоряжениям польского правительства. Все остальные казаки под страхом наказания смертной казнью должны были превратиться в крепостных крестьян.

Нереестровые казаки Ольшанского соглашения не признали — и встал вопрос о проведении его в жизнь силой. Но именно в этот момент казаки понадобились Польше для участия в ее попытке посадить на московский престол польского королевича Владислава. Посланные на Москву польские войска попали в тяжелое положение, и надо было их выручать. Поляки на время забыли Ольшанское соглашение и начали создавать казачье войско, не делая разницы между реестровыми и нереестровыми, для похода на Москву.

Чтобы склонить казаков принять участие в походе на Москву, сейм торжественно провозгласил закон, запрещающий религиозные преследования православных (1618 г.). Этот закон остался на бумаге, но все же повлиял на настроение части казачества в смысле соглашательства с Польшей и помощи ей в войне с Москвой.

Поход этот, как известно, не принес Владиславу русскую корону, но все-таки закончился выгодным для поляков Деулинским перемирием на 14½ лет (в 1618 г.), по которому к Польше отошли Смоленск и Черниговско-Северские земли.

Казачьим войском в этом походе начальствовал Сагайдачный, который потом за участие в этой «братоубийственной» войне жестоко каялся. Сохранился документ, из которого видно, что после Московского похода Сагайдачный

от имени всего войска просил у патриарха Иерусалимского отпущения греха «пролития крови христианской» в Московском походе.

РОСТАВИЦКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

После Деулинского перемирия поляки, освободив свои силы, сосредоточили значительную их часть на Украине, чтобы «навести там порядок». Сагайдачный опять очутился перед почти неизбежным столкновением казаков с поляками. Не уверенный в успехе, он и на этот раз решил любой ценой избежать неравной, по его расчетам, борьбы и заключил с поляками Роставицкое соглашение в селе Роставица около Поволочи (1619 г.).

По Роставицкому соглашению из реестров должны были быть удалены все казаки, записанные в них за последние пять лет, число реестровых казаков предоставлялось определить королю, а все остальные казаки должны были вернуться под власть помещиков.

Это соглашение вызвало бурю негодования в казачестве. Недовольных возглавил Яков Неродич-Бородавка, провозглашенный гетманом.

Но случай опять помог Сагайдачному избежать и столкновения с поляками, уже начинавшими проводить в жизнь Роставицкое соглашение, и междоусобной борьбы казаков, к чему неминуемо вела вся обстановка и настроения.

Татары напали на южные рубежи Украины-Руси и Сагайдачный, не спрашивая ничего разрешения, составил многотысячный отряд казаков и двинулся с ним против татар. Против этого, понятно, не могли возражать ни казаки, ни поляки, которые даже на время забыли Роставицкое соглашение.

Сагайдачный нанес татарам ряд крупных поражений и двинулся назад на Украину. Его возвращение совпало с началом большой войны, которую Турция начала против Польши, и полякам было не до казачьих дел.

В начале этой войны турки разгромили польское войско в сражении под Цецорой, в Молдавии (1620 г.). В сражении погиб польский главнокомандующий Жолкевский, а его заместитель Конецпольский попал в плен, как и много тысяч поляков.

В этом сражении принимал участие и небольшой отряд реестровых казаков, в том числе полковник Михаил Хмельницкий и его сын Богдан — будущий великий гетман. Полковник Хмельницкий в сражении был убит, а его сын попал в плен.

Польша была в тяжелом положении: ей грозило вторжение турок. Вспомнили опять казаков и опять надавали много обещаний за помощь. Казаки, хоть польским обещаниям и не особенно поверили, все же не могли остаться равнодушными зрителями войны против «бусурман»-турок, и согласно решению широкой казацкой рады в Сухой Дубраве (с участием духовенства), сорокатысячное казацкое войско под командой Сагайдачного выступило в поход против турок. Объединенные польско-казацкие силы под Хотинском наголову разбили турок и принудили их заключить выгодный для Польши Хотинский мир (1621 г.). Сагайдачный был ранен отравленной стрелой и после продолжительной болезни умер в 1622 году.

Победа эта над считавшимися непобедимыми турками необычайно подняла престиж Польши, но ничего не дала казакам, без участия которых вряд ли полякам удалось бы ее одержать.

Напротив, по Хотинскому миру поляки обязались «обуздать своеволие казаков» и не допускать их нападений на Турцию.

Глубоко возмущенные условиями Хотинского мира, казаки не позволили себя обезоружить, что намеревались сде-

лать поляки, и организованно ушли из-под Хотина в Запорожье.

А когда представители духовенства и казачества после заключения мира напоминали полякам об их обещаниях и добивались ликвидации унии и расширения казацких прав, то поляки на это ответили репрессиями. Эти репрессии только усилили стремление казаков к Москве, на которую теперь Украина-Русь возлагала все свои надежды.

СТРЕМЛЕНИЕ К ВОССОЕДИНЕНИЮ

За почти двадцатилетнее возглавление казачества Сагайдачным было немало фактов, неопровержимо доказывающих тяготение Украины-Руси к Москве.

Так, в 1620 году Сагайдачный, после успешного похода в Крым, исполняя волю казачества, послал из Перекопа в Москву целое посольство, возглавляемое Петром Одинцом, который передал царю Михаилу Федоровичу письмо «от Гетмана Петра Сагайдачного и от всего войска Запорожского», в котором есть следующие строки: «Памятуючи то, как предки их прежним великим государем, царем и великим князем российским повинность всякую чинили и им служили и за свои службы царское милостивое жалованье себе имели, так же и они царскому величеству служить готовы против всяких его царского величества неприятелей».

В этом письме заслуживает особое взимание то, что Сагайдачный и казаки титулуют Михаила Федоровича царем, в то время как Польша его царем не признавала и поддерживала претензии на русский престол своего королевича Владислава, что казаки обращаются к враждебной Польше Москве, с которой у Польши даже не был заключен мир, а только Деулинское перемирие, что казаки и Сагайдачный изъявляют желание служить против всех неприятелей царя, то есть и против Польши.

Епископ Исайя Копинский обратился в 1621 году к московскому царю с просьбой разрешить ему с монахами пе-

реселиться в пределы Московского государства. А вслед за ним, от всей Украины-Руси, ее митрополит Иов Борецкий поставил перед московским правительством вопрос о восоединении Украины-Руси с Москвой. Предложение митрополита Москвой было отклонено с объяснением, что Москва не может пойти на это, так как согласие немедленно привело бы к войне с Польшей. Но Москва щедро одарила монастыри, братства и отдельные церкви на Украине, как книгами и церковной утварью, так и деньгами.

Кроме этих трех неопровержимых, подтвержденных документами, фактов, свидетельствующих о тяготении Украины к Москве, надо еще вспомнить и бесчисленные случаи бегства жителей Украины-Руси в московские пределы, которые свидетельствуют о том же, о чем говорит и множество письменных доказательств.

А еще раньше, во время участия казаков в походе Польши на Москву, было много случаев перехода на московскую сторону и службу не только отдельных казаков, но и целых подразделений. Так, например, целый казацкий полк во главе с командиром Жданом Коншей, в составе 609 человек перешел на службу к московскому царю.

Приведенные выше факты настолько красноречивы и, благодаря наличию документов, неопровержимы, что сводят к нулю все попытки шовинистов-сепаратистов изобразить взаимоотношения населения Украины-Руси во время Сагайдачного с населением Московского государства, как отношения двух чуждых друг другу и враждебных народов.

В свете этих неопровержимых фактов, неудачной попыткой извратить факты и фальсифицировать историю выглядит, например, объяснение Грушевского о цели посольства Одинца к царю Михаилу Федоровичу. Желая затушевать рост тяготения украинского народа к Российскому государству, Грушевский объясняет посольство Одинца в Москву желанием встретиться с пребывавшим временно в Москве патриархом Феофаном и уговорить его восстановить православную иерархию на Украине-Руси. Московскому же царю

послы, по словам Грушевского, «не имели ничего особенно-го передать — разве выяснить вопрос, не захочет ли Москва давать казакам «жалованье», чтобы они ходили на Крым».

Почему казачья делегация вместо того, чтобы патриарха встретить в Киеве или где-либо на Украине, через которую пролегал его путь, поехала с Перекопа в Москву, Грушевский не объясняет. Не объясняет он также и то, как согласовать приведенную выше его версию о цели встречи посольства Сагайдачного с Московским царем с историческим документом — письмом Сагайдачного, находящимся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) — его отделе «Посольский приказ — Малороссийские акты», выдержка из которого приведена выше.

Совершенно очевидно, что или версия Грушевского, или данные, взятые из документа, не соответствуют исторической правде. А так как сомневаться в аутентичности документа, под которым стоит подпись Сагайдачного, не приходится, то отрицать искажение исторического факта Грушевским нет никакой возможности. Сделано ли это искажение сознательно или по незнанию, это дела не меняет и удельного веса разных собственных «версий» Грушевского в его многочисленных трудах не поднимает.

Вообще, здесь будет уместным упомянуть, что в произведениях Грушевского и его политических единомышленников таких «вольных» толкований исторических фактов множество, и, что они, в конечном результате, полностью искажают историю Украины-Руси вообще и русско-украинских отношений в частности. И, вероятно, не случайно еще до Первой мировой войны немцы так сильно поддерживали псевдонаучную деятельность Грушевского и его последователей, которая на искажении истории Украины-Руси строила фундамент для русско-украинской вражды, которой в действительности не было в прошлом, как ее нет и в настоящее время.

Приводить и опровергать все эти случаи фальсифицирования истории не входит в задачу настоящего труда, имею-

щего своей целью сказать правду о прошлом Украины всем тем, кто об этом прошлом хочет знать подлинную правду, а не произвольные измышления и извращения шовинистов-сепаратистов.

Для знания этой правды и правильного понимания исторических событий времен Сагайдачного, который, по словам одного современника, был «некоронованным королем казачества», является необходимой правдивая картина общественных, религиозных и национальных взаимоотношений на Украине-Руси. А потому здесь и дается возможно полное (в границах объема труда) обозрение событий и настроений того времени.

Это тем более необходимо, что шовинисты-сепаратисты, извращая историю, дают свои «версии» тех многочисленных зигзагов политики Сагайдачного, к которым его вынуждала обстановка. Поход на Москву с поляками — и посольство Одинца в Москву; Ольшанское соглашение — и всемерная поддержка Киевского братства; битва под Хотинном, спасшая Польшу, — и послание митрополита Борецкого о желании Украины-Руси соединиться с Москвой.

Внешне все находится в противоречии одно с другим, а, между тем, все это имело действительно место в течение правления одного и того же лица — гетмана Сагайдачного.

И потому, чтобы осмыслить эти зигзаги политики Сагайдачного, надо видеть не только их внешнее противоречие, но и их внутреннюю связь и зависимость от политической обстановки данного момента.

Объяснение каждого зигзага в сторону Польши надо искать вовсе не в симпатиях самого Сагайдачного и казачества к Польше, а в стремлении предотвратить кровопролитие и истребление народа Украины-Руси, или в попытках, благодаря компромиссу с Польшей, облегчить тяжелые условия жизни под режимом Речи Посполитой.

Молчаливое согласие и частичное участие казачества в походах поляков на Москву дало возможность легче вздох-

нуть и организационно оформиться и усилиться разгромленному после восстания Наливайко — Лободы казачеству и терроризированному населению, которые благодаря Смутному времени в Московском государстве не могли надеяться на помощь Москвы.

Ольшанское и Роставицкое соглашения временно спасли казачество от полного его уничтожения, которое готовила Польша, заполнившая к моменту этих соглашений своими войсками Украину.

Поход под Хотин, спасая Польшу, в первую очередь, спасал от неизбежного, в случае поражения Польши, нашествия турок и татар на Украину-Русь.

Все это Сагайдачный несомненно понимал, а потому и был вынужден идти на соглашения с Польшей, настолько непопулярные в широких массах народа и казачества, что приводили даже к открытому сопротивлению и противодействию, как, например, бунт Бородавки.

И, наоборот, все антипольские зигзаги политики, Сагайдачного, без всякого сомнения отражали настроения и устремления и его личные, и всего народа.

Что другое, как не эти настроения, могло вызвать вступление Сагайдачного со всем войском в Киевское братство, не признанное королем, центр борьбы против Польши и ее политики с совершенно определенными промосковскими симпатиями и связями?

Титулование царем Михаила Федоровича и предложение служить ему в борьбе против всех его врагов (значит, и против Польши) в то время, как Польша его царем не признавала и с Москвой была только во временном перемирии, другого объяснения, как выражение подлинных настроений народа, иметь не могут.

То же самое можно сказать и об обращении митрополита Борецкого к Москве с просьбой принять всю Украину в свое подданство. Настроение же своего народа митрополит, конечно, хорошо знал.

Переход казаков на сторону Москвы во время похода на Москву не встречал противодействий со стороны Сагайдачного. В польских архивах сохранилось письмо участника этого похода польского шляхтича Загурского, в котором он прямо обвиняет Сагайдачного в содействии переходу целого казачьего полка (Ждана Коншина) на сторону Москвы.

Нигде в исторических документах нет следов того, что Сагайдачный противодействовал переходу украинцев в Московское государство, и в то же время сохранилось множество подробных донесений пограничных московских воевод об этих переходах, с указаниями не только числа перешедших, но даже и их имен.

И, наконец, завещание Сагайдачного, по которому он все свое немалое имущество завещал Киевскому братству с тем, чтобы на доходы с этого имущества содержались и обучались бедные дети. Чему будут обучаться и в каком духе воспитываться эти дети, Сагайдачный знал и, если бы он был врагом русско-украинского братства и единства, как это утверждают шовинисты-сепаратисты, то такого завещания, конечно, не сделал бы.

Сравнительно длительное возглавление Сагайдачным Украины-Руси было периодом консолидации всех ее культурных сил, объединенных, несмотря на классовые противоречия, в ненависти ко всему польскому, католическому, особенно же — к униатскому.

Осознавши себя как угнетаемый и преследуемый поляками народ, Украина-Русь искала выхода из невыносимо тяжелого положения в составе Речи Посполитой. И взоры ее передовых людей и чаяния широких народных масс все больше и больше обращались к единокровной и единой Москве. Росли и крепились культурно-религиозные связи Киева с Москвой. Расширились торговые сношения Руси Московской с Русью-Украиной.

Москва всячески поощряла эти торговые сношения, давая ряд льгот купцам с Украины-Руси. Сохранилось много исторических документов, доказывающих покровительство

московского правительства украинцам, приезжавшим с товарами в пределы Московского государства: например, по прямому распоряжению правительства был создан ряд «заезжих дворов для купцов из Черкасс» (тогда в Москве украинцев часто называли «черкасами») и «литовских людей», то есть из Украины.

Занятая своими войнами, Польша не могла остановить этот процесс созревания национального самосознания Украины-Руси, несмотря на то, что он был в полном противоречии с интересами Речи Посполитой, стремившейся слить воедино все население своего государства. Средством для слияния было избрано католичество. Но вместо слияния католичество своими мероприятиями привело к полному отчуждению и враждебности между поляками-католиками и православным населением Украины-Руси, которое само себя называло тогда «русскими»

Принятый на Западе в этот период, на соборе в Аугсбурге в 1555 г., принцип «quiis regio — eius religio» («чья правление — того и вера») населением Украины-Руси был решительно отвергнут. Несмотря на то, что короли Польши были ярые католики, Украина-Русь твердо и непоколебимо стояла на стороне православия.

Фанатизм и непримиримость католической церкви создали предпосылки для религиозной войны внутри Польского государства и, в конечном результате, привели к его разделу в конце XVIII века.

Но с общероссийской точки зрения, возможно, именно действие католической церкви спасло Украину-Русь от полного поглощения польской культурой и направили ее пробудившееся и обостренное, благодаря преследованиям, национальное самосознание по путям к сближению с Москвой.

Период Сагайдачного (первая четверть XVII века) можно назвать периодом окончательного осознания населением Украины-Руси невозможности наладить совместную жизнь в одном государстве с поляками. Отсюда логически проис-

текало стремление разорвать, навязанную ей историческими событиями связь с Польшей и устроить свою судьбу согласно с собственными интересами и желаниями. Началась борьба за освобождение.

ВОССТАНИЯ 30-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

ТАРАС ФЕДОРОВИЧ, ПАВЛЮК, ОСТРАНИЦА

Уже с конца первой четверти XVII века начало назревать новое восстание. В сохранившемся письме польского магната князя Збаражского подробно описывается неустойчивое положение на Украине и предвидится возможность новой «бури». «Опасность войны с рабами», как пишет Збаражский, «никогда еще не угрожала польскому государству с такой очевидностью, как в данный момент» (июль 1625 г.). «Все те русские края, которые считают себя угнетенными, частично властью частных собственников, частично же возмущаются против церковной унии, несомненно будут мстить нам вместе с казаками».

В том же 1625 году Севский воевода доносил в Москву, что на Украине готовится восстание, что казаки призвали на помощь донских казаков и хотят вместе с ними «биться с ляхами», а в случае неудачи «переехать на царское имя», то есть, перейти в Московское государство.

Не ожидая начала восстания, польское правительство решило его предупредить и направило в «волость» (так называлась заселенная часть Украины) военную комиссию и большие военные силы. Во главе комиссии был магнат Конецпольский, к которому со своими отрядами присоединилось еще около 30 магнатов — владельцев крупнейших имений на Украине.

Цель комиссии была свести до минимума число казаков, а все остальное население обратить в крепостных.

Характерно, что в этом походе принимали участие и некоторые православные магнаты русского происхождения, например, князь Четвертинский. Интересы классовые у него взяли верх над национально-религиозными, как это нередко бывало во время национально-освободительной борьбы Украины-Руси. Не только православные магнаты, но даже и высшее духовенство, а частично и реестровые казаки тяготели к социальному строю Польши и склонны были на далеко идущие компромиссы с ее правительством.

Князь Збаржский писал о князе Четвертинском так: «Хотя он и греческой веры, но не казацкого нрава и не казацкого происхождения и я знаю, что он был рад увидеть всех казаков в одной ложке утопленных». Надо полагать, людей таких настроений было немало.

КУРУКОВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Однако полякам и их украинским «коллаборантам» не удалось полностью разгромить казачество. После кровопролитных боев около Куруковского озера (1625 г.) дело закончилось все же компромиссом, правда, очень невыгодным для казаков. С казацкой старшиной Конецпольский подписал так называемое «Куруковское соглашение» или «Ординацию Запорожских казаков».

По этому соглашению число реестровых казаков ограничивалось 6000, остальные (около 40 000) должны были превратиться в крепостных крестьян. Жить реестровые казаки имели право только в королевских владениях; из владений же магнатов, шляхты и церковных они должны были выселиться в течение 12 недель. Реестровые казаки получили право выбрать гетмана, но утверждал его король. Старшине было обещано увеличенное содержание, а некоторым из них обещана и «нобилитация», то есть возведение в шляхетское достоинство.

Все, не попавшие в реестр казаки, так называемые «выписчики», были возмущены условиями «Ординации» и не имели ни малейшего желания им подчиниться. Они устремились в Запорожье, начали искать связи с Доном, чтобы совместно воевать против Польши и, освободивши свою землю, перейти в подданство Москвы. В архивах сохранилось подробное об этом сообщение киевского священника Филиппа, непосредственно после «Ординации» приехавшего в Москву.

Провести в жизнь пункты «Ординации» (Куруковского соглашения) было гораздо труднее, чем их составить и подписать. Для этого надо было сломать единый фронт «выписчиков» и всего населения (за исключением незначительного количества «коллаборантов» и «соглашателей»). Но польские войска в это время были отозваны для участия в войне со Швецией, а без них нечего было и думать о выполнении «Ординации», которая, благодаря этому, несколько лет осталась на бумаге.

Только в 1629 г. Конецпольский вернулся с войском в «волость», расквартировал его по городам и селам небольшими отрядами и начал готовиться к проведению в жизнь «Ординации», но это ему не удалось, так как вспыхнуло восстание «выписчиков», возглавленное запорожцами, к которому начали присоединяться массы крестьянства.

ВОССТАНИЕ ТРЯСИЛО

Восстанием руководил вождь запорожцев Тарас Федорович (Трясило). Реестровые казаки, ставшие на сторону Польского правительства, были отброшены к Корсуню, а их гетман, Григорий Черный судим «за измену русскому народу» (так сформулировали обвинение сами казаки) и казнен.

У Корсуня Федорович разгромил соединенный отряд поляков и реестровцев, причем во время сражения многие реестровцы перешли на сторону восставших, а насе-

ление Корсуня всячески помогало Федоровичу. Только незначительному числу поляков и реестровцев удалось спастись бегством.

После этого восстание охватило много «местностей» и перекинулось на Левобережье, куда и направился Федорович, сосредоточивши в Переяславе 37 000 войска. Туда же поспешил, собравши силы, Конецпольский. Начались ожесточенные бои, длившиеся три недели и истощившие обе стороны. Решительного успеха не добились ни поляки, ни восставшие.

В разгар боев, благодаря интригам соглашательски настроенных казаков, которым поляки обещали всяческие льготы, был смещен Федорович и выдвинут в гетманы Антон Бут, который заключил с Конецпольским перемирие на условиях, сходных с «Куруковским соглашением» («Ординацией»), с некоторыми, правда, облегчениями: по Переяславскому соглашению реестр повышался с 6000 до 8000; участникам восстания, если они мирно разойдутся по домам, обещана была «безопасность»; увеличено жалованье реестровым.

Так закончилось восстание Федоровича. Не добилась Украина-Русь освобождения, но и поляки вынуждены были молчаливо признать свое бессилие сломить Украину-Русь.

В народном же сознании это восстание, хотя и неуспешное, укрепило веру в свои силы, показавши, что восставший народ может не только воевать, но и побеждать войска оккупантов. «Тарасовой ночью» назвал в своем эпосе народ тот разгром поляков, который учинили повстанцы.

Как не удалось полякам провести в жизнь «Куруковскую ординацию», так не удалось провести полностью и Переяславское соглашение. Отдельные же попытки только еще больше раздражали население и усиливали его отпор и бегство в Запорожье.

Да и само польское правительство не особенно торопилось с выполнением Переяславского договора. Оно готовилось к войне с Москвой, так как истекал срок Деулинского

перемирия (заключенного в 1617 г. на 14^{1/2} лет) и не хотело поэтому раздражать своих православных подданных.

Общее недовольство Переяславским соглашением между тем росло не только среди «выписчиков», но и среди реестровых казаков, в отношении которых поляки не торопились выполнять данные ими под Переяславам щедрые обещания. Состоялось несколько тайных казацких совещаний (рад), в которых принимали участие также и возглавители православной церкви, занимавшей непримиримую позицию по отношению к неотделимым друг от друга, католичеству и полякам.

Сам митрополит Исаия Копинский (наследник умершего митрополита Иова Борецкого) принимал участие в переговорах возглавителей недовольного населения и выступал как ярый сторонник воссоединений Украины с Москвой, видя в этом единственную возможность избавиться от польско-католической агрессии.

В это время умер польский король Сигизмунд (1632 г.) и в Польше наступил период бескоролья. Население Украины-Руси надеялось, что со смертью гонителя и ненавистника православия и всего русского — Сигизмунда — изменится политика правительства и удастся на сейме добиться ее смягчения.

Однако ни казаков, ни высших православных иерархов на сейм не допустили и без их участия выбрали королем сына Сигизмунда — Владислава, того самого, которого в период Смутного времени Москва выбрала царем, вследствие чего он претендовал на московский престол.

КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ. «ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА»

Владислав, человек не такой нетерпимый, как его отец, хотел как-нибудь смягчить обостренную религиозную вражду между своими подданными — православными и католиками — и сумел убедить влиятельных магнатов пойти на уступки в этом вопросе. В результате, была обнародована так

называемая «Примирительная грамота» или «Статьи для успокоения русского народа». Согласно этим «статьям», уравнивались в правах православные и униаты, устанавливались две митрополичьи кафедры — православная и униатская; православным возвращалась часть отобранных у них монастырей, создавался ряд чисто православных епархий, наряду с епархиями чисто униатскими. Православные, живущие в униатской епархии, были в юрисдикции православного епископа и, наоборот, то же самое для униатов.

На бумаге все было хорошо, и православные надеялись, что наступят лучшие времена. Но не так оказалось на деле. Своевольные магнаты и шляхта-католики не особенно считались с королевской грамотой и по-прежнему вели свою собственную непримиримо-агрессивную политику в религиозном вопросе. С другой стороны, поляки, даже те, которые были склонны к компромиссу в вопросе религиозном, в вопросе социальном были непримиримы и отказывались от попытки превращения в крепостных рабов всего населения Украины-Руси не хотели. А православие, религия простонародья, было неотделимо от его социальных устремлений. И митрополиты — Иов Борецкий и его наследник Исая Копинский — являлись выразителями воли народа и борцами не только за православие, но за лучшую долю своего народа. Эту лучшую долю они, как упомянуто выше, видели в воссоединении Украины-Руси с Москвой.

Учитывая это, польское правительство путем интриг добилось смещения митрополита Копинского и замещения кафедры молдавским аристократом, находившимся в дружбе и родстве со многими польскими магнатами — Петром Моголой.

Будучи православным, человеком высокообразованным и волевым, Могола сделал очень много для укрепления и усиления православия, хотя вначале его выбор и был встречен православными не особенно дружелюбно. Но в вопросах социальных и национальных устремлений Могола был

церковный магнат Речи Посполитой, со свойственной магнатам психологией и отношением к простому народу.

Поэтому выразителем чаяний народных он не стал и бороться против магнатско-шляхетской агрессии не мог, хотя его заслуги в области православно-культурной несомненны и огромны.

Так как от митрополита зависело замещение епископских кафедр, то естественно, Могила постарался их заполнить людьми компромиссных настроений и тем в значительной степени ослабил силу сопротивления православного населения, которое раньше в большинстве имело епископов, выражавших настроения народа. (Это были епископы, рукоположенные по рекомендации Иова Борецкого.) Только низшее православное духовенство осталось с народом и вместе с ним переживало все тяжести агрессии.

Но народ не сдавался и не примирялся. Мысль о новой борьбе, о восстании не только не угасала, но усиливалась и разрасталась. Нереестровые казаки («выписчики»), над которыми висел дамоклов меч обращения в рабов-крепостных, и их идейный центр — Запорожье, готовы были вспыхнуть в любой момент.

ВОССТАНИЕ СУЛИМЫ И ПАВЛЮКА

И действительно, уже в 1635 году нереестровые казаки совместно с запорожцами под командой Сулимы напали на польскую крепость Кодак, уничтожили поголовно весь гарнизон, а крепость разрушили до основания. Кодак был построен для того, чтобы препятствовать бегству из «волости» в Запорожье.

Верные Польше реестровые казаки обманом захватили Сулиму с его помощниками и выдали их полякам, которые их всех казнили в Варшаве. Всем же захваченным рядовым казакам Сулимы поляки поотрезали уши и отправили на принудительную работу — постройку крепости.

Но на этом восстание не кончилось. Вскоре один из помощников Сулимы, которому удалось от поляков бежать, — Павел Бут (Павлюк), поднял новое восстание.

Павлюк обратился с универсалом к казачеству и к «посполству» (мещанам и крестьянам), в котором призывал ловить как изменников и доставлять к нему старшину реестровых казаков и присоединяться к его войску. Универсал всколыхнул Украину. Часть реестровых казаков присоединились к Павлюку. Гетман реестровцев Кононович и ряд старшин были схвачены, доставлены Павлюку и казнены. Начало подниматься крестьянство и разорять замки и поместья. Особенно сильно было крестьянское движение на Левобережье.

БИТВА ПОД КУМЕЙКАМИ

Польский коронный гетман Конецпольский быстро мобилизовал крупные силы и бросил их под командой гетмана Потоцкого против Павлюка, который еще не успел собрать вместе всех своих сторонников. 6 декабря 1637 года под селом Кумейки произошло сражение, в котором, несмотря на проявленный героизм, казаки потерпели поражение и отступили к Черкассам, где вскоре капитулировали, а Павлюк попал в руки Потоцкого и, как и его предшественник Сулима, был публично казнен в Варшаве.

Битву под Кумейками казаки проиграли прежде всего потому, что многотысячный отряд повстанцев из-за начавшегося ледохода не мог переправиться с левого берега Днепра на правый.

Интересные подробности об этом восстании рассказывает в своем дневнике военный капеллан при армии Потоцкого Симеон Окольский. По словам Окольского, Потоцкий и Конецпольский имели достоверные сведения, что Павлюк заключил соглашение с донскими казаками, которые обещали к нему прийти, как только он соберет свои силы на

левом берегу Днепра. В случае победы Павлюк должен был просить Москву принять в свои границы освобожденные области; в случае неуспеха — уйти с войсками через московскую границу. Соглашение это, как сообщает Окольский, имело молчаливое одобрение Москвы, которая сама открыто выступать не считала целесообразным.

Косвенным подтверждением сведений Окольского является неоспоримый, документально зафиксированный факт бегства многочисленных небольших групп участников восстания Павлюка в пределы Московского государства и на Дон.

Украинские шовинисты-сепаратисты и их «истории» старательно замалчивают этот неопровержимый факт бегства украинцев к своим «вековечным врагам» — москалям. Потому что он находится в полном противоречии с их ни на чем не основанным утверждением о вражде и ненависти к Москве со стороны Украины-Руси.

Расправившись с повстанцами Павлюка на Правобережье, Потоцкий перешел на левый берег Днепра, где еще действовали многочисленные отряды повстанцев: Казима (около 4000), Скидана, Скребца и другие. Эти повстанцы успели даже временно захватить в Лубнах замок Вишневецкого, причем перебили всю захваченную там шляхту и католических монахов и, в первую очередь, униатов.

После ряда кровавых столкновений Потоцкий разбил поодиночке повстанческие отряды. Реестровцы, помогавшие Потоцкому, обманным путем, как ранее Павлюка, схватили Казима и выдали его Потоцкому, который после этого предпринял карательный поход по городам и селам Левобережья, вешал и сажал на кол участников восстания. Население, кто мог, в одиночку и группами, бежало за Московскую границу.

«Водворивши законный порядок в провинции», как писал в своем рапорте Потоцкий, он, как победитель, торжественно въехал в Киев и там посадил на кол привезенных с собою Казима и его сына.

С торжественным приветствием встретил Потоцкого православный митрополит Петр Могила, сопровождаемый группой киевской городской знати и шляхты, сотрудничавших с польским правительством. Народные массы затаенно молчали.

Оставивши по всей Украине гарнизоны, Потоцкий поспешил в Варшаву на сейм, с намерением провести через сейм закон, который бы раз и навсегда ликвидировал казачко-крестьянские восстания, тянувшиеся, с небольшими перерывами, с начала 90-х годов XVI века.

ОРДИНАЦИЯ

В начале января 1638 года закон был принят сеймом под названием «Ординация войска Запорожского реестрового, находящегося на службе у Речи Посполитой».

Условия этой «Ординации» были настолько тяжелы, что фактически они превращали реестровых казаков (число которых было ограничено 6000), в наемное польское войско под командой польских офицеров. Выборность старшин (командно-административные должности) и собственная казачья юрисдикция были отменены. Звание гетмана упразднилось. Вместо него командовать реестровыми казаками назначался королем из шляхты особый «комиссар». Точно так же из шляхты назначались полковники и есаулы. Только на самые низшие должности разрешалось выбирать людей из среды реестровых казаков. Должности эти были: сотник (в сотенном местечке) и атаман (в казачьем селе). Но и они могли вступить в исполнение своих обязанностей только по утверждению комиссаром.

При комиссаре и полковниках были созданы особые отряды наемной, хорошо оплачиваемой, «гвардии». Селиться казакам разрешалось только в районах Черкас, Чигирин, Корсуня и на юго-восток от них в пограничных городках и селах.

Полковники со своими полками обязаны были поочередно нести сторожевую службу на Запорожье, чтобы препятствовать запорожцам самовольно организовать походы против татар и турок. А для того, чтобы воспрепятствовать пополнению Запорожья беглыми из «волости», заново была отстроена крепость Кодак и снабжена сильным польским гарнизоном.

Польское правительство рассчитывало, что с проведением в жизнь пунктов «Ординации» наступит, наконец, спокойствие на Украине-Руси и создадутся предпосылки для ее окончательного порабощения, как это уже давно было сделано в «Воеводстве Русском», как поляки называли Галицию.

Однако они просчитались. Народ в приднепровской Украине, как право- так и левобережной, не сдался так легко.

ВОССТАНИЕ ОСТРЯНИЦЫ

Немедленно после объявления «Ординации» вспыхнула новая волна восстаний. Сначала запорожцы и собравшиеся там «выписчики» (нереестровые казаки) разбили и обратили в бегство польское войско под командой Мелецкого, посланное «навести порядок» в Запорожье.

Вслед за тем запорожский гетман Яков Острянин, совместно с успевшим спастись одним из возглавителей восстания Павлюка (1637 года) — Скиданом, подняли новое казацко-крестьянское восстание. Весной 1638 г. Острянин и Скидан разослали по всей Украине письма, в которых призывали народ к восстанию. Одновременно отправили посольство на Дон в надежде, что удастся договориться с донскими казаками о совместных действиях против Польши.

Народ отозвался на призыв Острянина и начал стекаться под его знамена. Острянин быстро занял Кременчуг, Хорол и разбил свой лагерь у впадения Голтвы в Псол. Поляки — войска Потоцкого — попытались 1 мая 1638 года взять Голтву, но потерпели страшное поражение и принуждены

были отступить к Лубнам на соединение с другими польскими отрядами. Острянин, не ожидая прибытия спешивших к нему подкреплений из донских казаков и запорожцев, а также пополнений из восставших крестьян, кинулся следом за Потоцким, надеясь его догнать и добить. Но Потоцкий успел соединиться со своими подкреплениями под Лубнами и, после неудачного для повстанцев боя, Острянин принужден был отступить вдоль течения реки Сулы до местечка Жовнин (недалеко от впадения Сулы в Днепр). Усиленное прибывшими подкреплениями, польское войско 3 июня 1638 г. ворвалось в казачий лагерь, и началась ожесточенная схватка. Считая сражение проигранным, Острянин с отрядом казаков бросился в северном направлении к московской границе, каковой благополучно достиг, и русское правительство его приняло и поселило на Слободской Украине около г. Чугуева.

ДИМИТРИЙ ГУНЯ

Поляки, думая, что с Острянином уходят главные силы повстанцев, погнались за ним, что дало возможность оставшимся в Жовнине повстанцам оправиться и возобновить борьбу. Они выбрали себе гетманом Димитрия Гуню, талантливого и отважного полководца. Гуня, учитывая тяжелое положение повстанцев, попробовал повести с Потоцким переговоры, но требования Потоцкого оказались неприемлемыми и борьба продолжалась. Искусным маневром Гуне удалось переправить свое войско через Сулу и занять выгодные позиции у устья реки Старца. Поляки попробовали взять казачий лагерь, но были отбиты, понеся большие потери. Тогда началась осада лагеря. Потоцкий разорил вокруг все села и хутора, надеясь взять казаков измором, так, чтобы они ниоткуда не могли получить нужное продовольствие. Почти два месяца выдерживали повстанцы осаду, но силы их начали слабеть и появились капитулянтские настроения.

Не дожидаясь надвигавшейся общей катастрофы, Гуня с отрядом непримиримых казаков прорвал кольцо осады и ушел в пределы Московского государства, предоставив капитулянтов их собственной судьбе. На этот раз поляки против обыкновения обошлись с капитулировавшими казаками сравнительно милостиво. Ограничились казнью нескольких второстепенных вождей, а всех остальных после присяги на верность королю распустили по домам. Главные же вожди восстания — Острянин и Гуня были вне пределов их досягаемости.

После завершения операций с повстанцами Потоцкий созвал в Киеве казацкую раду, которая безоговорочно признала «Ординацию» и выбрала посольство к польскому королю, которое должно было приветствовать короля, изъявить ему верность и просить его сохранить за казаками их земли и назначить жалованье. Одним из четырех членов этого посольства был сотник ~~Богдан Хмельницкий — будущий великий гетман.~~

Вскоре на второй казацкой раде в Масловом Ставе был составлен реестр на 6000 казаков, введены в должность назначенные королем комиссар, полковники, есаулы и намечены казаками лица на должности сотников и атаманов. Среди лиц, намеченных в сотники, был Богдан Хмельницкий, который получил Чигиринскую сотню.

«Ординация» стала совершившимся фактом. 6000 реестровцев, попавших в привилегированное положение и ставших как бы «полушляхтой», определенно и недвусмысленно стали на сторону польского правительства в его споре с народом Украины-Руси.

Исчез организованный центр народного сопротивления польско-католической агрессии, которым было в течение полу столетия реестровое казачество, несмотря на соглашательские настроения его части, преимущественно верхушки. Народ был обезглавлен, тем более, что и в высшем духовенстве, возглавляемом Петром Могилой, он не находил защитников против жестокого социального угнетения.

Наступило десятилетие, которое поляки с гордостью называют временем «золотого покоя». Для поляков и сотрудничавшей с ними социальной верхушки Украины-Руси это действительно были годы покоя. Ни бунтов, ни восстаний, ни даже протестов в той или иной форме. Но для народа это было, вероятно, самое черное десятилетие (1638—1648 гг.) за его предыдущую и последующую историю. На этом десятилетии, которое было не только десятилетием наибольшего угнетения и притеснения, но и десятилетием накопления народного гнева и народных сил — подготовки к освободительной борьбе — надо остановиться подробнее.

КАНУН ВЕЛИКОГО НАРОДНОГО ВОССТАНИЯ 1648 ГОДА

ВРЕМЯ «ЗОЛОТОГО ПОКОЯ»

Раздавивши сопротивление народа, польско-католические агрессоры повели наступление на Украину-Русь. Вернулись бежавшие во время восстаний из своих замков и поместий магнаты и шляхта и предъявили свои права на крестьян, каковыми они считали всех сельских жителей, кроме 6000 реестровых казаков. Городских жителей-мещан начали всячески притеснять и мстить за их активное участие в казацко-крестьянских восстаниях. Не разобранные еще земли быстро захватывались магнатами и шляхтой и закреплялись за ними королем (вместе с живущим на этих землях населением).

В погоне за доходами, не желая сами заниматься их выколачиванием, магнаты и шляхта начали сдавать свои права или целые поместья в аренду или на откуп евреям, которые после «успокоения» появились во всех городах и селах Украины.

Подняли голову униаты и повели новое наступление на православие. К этому времени относится план создания особого патриархата для православных Речи Посполитой (украинцев и белоруссов). До этого, как известно, православное население находилось в юрисдикции Константинопольского патриарха, от которого зависело назначение Киевского митрополита, являвшегося как бы экзархом (наместником) патриарха. Незадолго до этого (при Борисе Годунове) Константинопольский патриарх, по настоянию московского правительства, согласился на учреждение патриаршего престола в Москве вместо митрополии, которая, как и киевская, зависела от Константинополя.

Такое же превращение зависимой православной митрополии в независимую Патриархию хотели провести поляки на Украине-Руси.

По замыслу инициаторов этого плана, учреждение независимой Патриархии поставило бы православие в большую зависимость от польского правительства и дало бы ему возможность оказывать влияние и давление на политику православной церкви. Выбор патриарха и высших иерархов православия, таким образом, в значительной степени зависел бы от короля. План этот находил полную поддержку тогдашнего Киевского митрополита Петра Могилы, который бы был удобным для поляков и католиков православным патриархом, так как по своему происхождению он не был связан с населением Руси (он был молдаванин) и не мог быть выразителем национальных устремлений народа, а по своим взглядам он был сторонником магнатско-шляхетского социального строя и стремление народа к социальному освобождению было ему чуждо.

К тому же его близость и родственные связи с католической аристократией давали основания усомниться в его твердости при отстаивании интересов православия. Опасения эти высказывались открыто устранившимся им (с помощью поляков) его предшественником Исаем Копинским, ярким антикатоликом и сторонником ориентации на Моск-

ву. Не особенно верило Могиле и низшее духовенство, связанное тесно с народом и видевшее в нем чужого и чуждого народным интересам аристократа.

Православное духовенство, бывшее единым во времена Иова Борецкого и Исаии Копинского и неразрывно связанное с казачеством и его устремлениями, во времена «золотого покоя» было резко поделено на сотрудничавшую с польским правительством верхушку и угнетаемое и притесняемое этим правительством низшее духовенство.

Насколько далеко шли эти притеснения, видно из сохранившихся документов, согласно которым польские помещики заставляли православных священников и их семьи, наряду с крестьянами, выходить на барщину. Заслушивание же избивали и калечили. Все жалобы, как польским властям, так и митрополиту оставались без результатов. Неудивительно, что в результате этих притеснений взоры всех православных обращались к Москве, где православие свято чтилось.

Это нарастание промосковских настроений народа признает даже Грушевский, основоположник извращения истории Украины-Руси, постоянно твердящий, что великороссы и украинцы всегда были два не только чуждых, но и враждебных один другому народа.

В своей книге «Початки Хмельниччины», разбирая выгоды, которые бы могла получить Польша учреждением Патриаршества и даже отдачей в ее юрисдикцию униатов, Грушевский пишет, что это «вызвало бы известное охлаждение православных к Москве» и что это следовало бы сделать, чтобы «уничтожить или хотя бы ослабить их склонность к Москве».

Почему была эта «склонность к Москве», если «москали» были во все времена «чужды и враждебны» к украинцам и обратно, Грушевский не объясняет, ограничиваясь голым признанием факта наличия «склонности».

Действуя «кнутом и пряником», польское правительство разными подачками и очень щедрыми обещаниями деморализовало казачество, разделив его на реестровых и не-реестровых.

Многотысячное нереестровое казачество после «Ординации» оказалось на положении зайцев, за которыми охотились все кому не лень с целью превратить их в крепостных крестьян. Из этих времен сохранилась украинская поговорка: «Казав пан — кожух дам. — Слово панське тепле».

В этих коротких словах выражены настроения тех, кто не раз и не два, а много раз, поверивши польским обещаниям, ходил их выручать, и на Москву, и на Хотин, охраняли от татар и турок, ходили даже воевать со шведами за права польского короля на шведский престол. А в благодарность получили крепостное право.

Но и привилегированное реестровое казачество очутилось в тяжелом положении. Низведенное на роль вспомогательной военно-полицейской силы, под командой польских комиссаров и офицеров, значительная часть реестровых казаков попала на положение ландскнехтов (наемных солдат), которым, к тому же, не платили обещанного жалованья, заставляли идти против интересов собственного народа, при всяком случае притесняли и унижали их религиозно-национальные чувства и заставляли нести разные натуральные повинности для старшины, которая сплошь состояла из польских шляхтичей.

Пытались казаки жаловаться, но безрезультатно, ибо в споре православного с католиком всегда оказывался прав католик. Сохранилось много документов, жалоб, даже королю, описаний современников, из которых видно, что приходилось терпеть реестровым казакам, поверившим польским обещаниям. «Пять лет нам не выплачивают обещанного жалованья, — пишут казаки в петиции королю, — отбирают наши земли, относятся к нам, как к хлопам» (крепостным).

Один из современников в своих мемуарах описывает, до чего дошла изобретательность полковников и другой назначенной из шляхтичей старшины в выколачивании доходов для себя лично. Предписывается казакам еженедельно доставлять по одной лисице, а кто не доставит — должен дать деньгами 3 злотых. Если же нет денег, у казака отбирался

самопал, пока он не доставит причитающееся число лисиц или не заплатит за них деньгами. «Рыбы, сколько бы казак ни поймал, — плотва казаку, а главнейшее панам» (то есть старшине), — заявляет при допросе о причинах восстания 1648 г. один из пленных казаков, Друшенко. Поляк Мисковский в своем письме (от 16 февраля 1648 г.) говорит: «Казак их старшина страшно угнетает и унижает: бьет, усы вырывает, старосты и подстаросты налагают на них всевозможные тяжелые повинности».

Почти то же самое пишет в своих воспоминаниях поляк Грондский, добавляя еще одну подробность: по смерти казака или его неспособности к службе вследствие увечий и ранений, его семья никакими правами не пользуется, а обращается в крепостных; нередко по смерти казака его вдова изгоняется из его хаты.

А известный православный магнат Адам Кисиль, сам бывший одно время комиссаром реестровых казаков и верный сторонник политики польского правительства в социальном вопросе, пишет следующее: «Видел я казаков угнетаемых хуже, чем простые хлопы»...

Неудивительно поэтому, что десятилетие «золотого покоя», которым так гордятся поляки, было десятилетием нарастания недовольства реестровых казаков и разрыва казачьих масс с казачьей верхушкой, сотрудничавшей с поляками.

Еще в более тяжелом положении, чем притесняемое, потерявшее внутреннее единство духовенство и реестровое казачество и гонимые и ловимые «выписчики» (нереестровые казаки), находилось мещанство (жители городов) и многочисленные «посполитые» — крепостные крестьяне.

ЗАХВАТ ЗЕМЕЛЬ

После кровавого усмирения Конецпольским Украины-Руси в 1638 году и введения «Ординации» для казаков, в Речи Посполитой началась «золотая лихорадка» — стремле-

ние поскорее и побольше захватить земель в этой «умиротворенной» и уже значительно заселенной части королевства, которую сами поляки называли «золотым дном» благодаря ее природным богатствам.

Кроме магнатов, землями (с живущими на них) владели многочисленные средние и мелкие шляхтичи, а также монастыри и часть более зажиточного реестрового казачества.

При пожаловании (закреплении владения) королем, жаловалась не только земля, но и все с владением этой земли связанное. Насколько далеко распространились права владельца — видно из сохранившейся жалованной грамоты короля Владислава магнату Потоцкому. Этой грамотой во владение Потоцкого отдавались «слободы Бутин и Вороновка со всеми другими слободами, островами, уходами, теперь существующими, или теми, которые будут создаваться в будущем, с подданными, с пашнями, землями, пахотными и не пахотными, полями, лугами, пастбищами, сенокосами, лесами, пасеками, бортами медовыми, озерами, прудами, колодцами, реками, речками, берегами, гонами бобровыми, данью медовой и со всеми пожитками».

Из дословно приведенной формулы, употреблявшейся обычно при всех «пожалованиях», видно, что фактически человек, живущий в пределах пожалованной земли, становился рабом владельца. И притом рабом совершенно бесправным, ибо, как было упомянуто выше, королем было запрещено «посполитым» жаловаться на своих владельцев.

Мещане в большинстве были если не полностью, то частично земледельцами, ибо свои ремесла и мелкую торговлю совмещали с земледелием и скотоводством.

Пока не наступила конъюнктура на продукты сельского хозяйства и возможность их выгодно продавать на внешнем рынке (в Западную Европу), земля как таковая владельцев не особенно привлекала и они даже сами были заинтересованы, чтобы зависимые от них «посполитые» обрабатывали возможно большие площади. «Лан» (мера площади око-

до 20 гектаров), а то и больше на крестьянское хозяйство было явлением обычным. IV

Но с конца XVI века, когда появился большой спрос на сельскохозяйственные продукты для внешнего рынка, владельцам стало выгоднее вести хозяйство так называемого «фольварочного» типа, то есть при помощи бесплатного принудительного труда (барщины) обрабатывать возможно большие площади земли.

Естественно, что это повело к захвату лучших земель для фольварков и к увеличению барщины. Началась она с одного-двух дней в неделю, а к 40-м годам XVII века дошла до шести дней в неделю. Крестьяне, кроме денежных, несли и разные натуральные повинности: поставка на фольварк яиц, птицы, меда, льна и прочего, а также бесплатное несение транспортной службы для владельца. Ездили за вином в Венгрию, возили на Запад зерно, сало, кожи и прочее.

Размер налагаемых повинностей зависел исключительно от владельца, жаловаться было некому. В результате, по словам французского инженера Боплана, который в этот период провел несколько лет на Украине, на службе у князя Конецпольского, «положение и жизнь крестьян можно было сравнить с жизнью невольников на галерах» (прикованных к веслам). V

✓ РОЛЬ ЕВРЕЕВ !

Положение еще ухудшалось наличием целой армии посредников между владельцами и его «подданными». Обычно это были евреи, которые брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле («мыто»), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданными трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком все поместье со всеми «доходными статьями».

Посредники, желая выколотить побольше из всех «доходных статей», изоцрялись в их взыскании, учитывая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический «заработок». В случае же малейшего неповиновения к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат польского правительства.

Не имея непосредственного сношения со своими «панями», «посполитые» имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжелых поборов обрушивался на евреев и вызывал резкие антиеврейские настроения.

Украинский народ создал целый цикл «дум» — сказаний о еврейском угнетении, о которых подробно пишет украинский историк Грушевский, которого как социалиста (украинского эсэра) и как сотрудника большевиков, покаявшегося в своих шовинистическо-самостийнических заблуждениях и приехавшего из эмиграции им служить, заподозрить в антисемитизме нельзя.

В главе «Антисемитські мотивы в объяснениях Хмельниччины» («Початки Хмельниччины», с. 123) Грушевский пишет: «Евреи арендаторы заарендовали все шляхи казацкие и заставили их своими шинками — на одной миле по три шинка ставили, вынуждая казаков к покупке у них водки и меда и не позволяя им самим изготовление этих напитков для собственного потребления. Об этом «дума» говорит:

Як иде український козак тай корчму минає,
А жид выбигає, та українського козака за чуб хватає,
Та ще його двома кулаками по потылиці затыняє:
«Козаче-левенче, за що я буду рату платити,
Що ти мымо корчмы йдеш тай корчму минаєш»...

Заарендовали евреи все казацкие торги и брали «мыто-перемыто» от пешего и конного проезжего, от всякой клади,

даже от выпрошенной нищими милостыни. Ото всех забирали, что лучшее, а кроме того, говорит «дума»:

И ще ж то жыды-рандари у тому не пересталы —
На славний Украины вси козацьки церкви заарендувалы:
Котрому б то козаку альбо мужыку дав Бог дытыну появыты
То не йды до попа благословытыся — да пиды до жыда рендаря,
То положи бытый талер щобы жyd дозволив
Церкву одчыныты, тую дытыну охрестыты.

О поборах с разных промыслов известная «Дума про поневолення козаччыи жыдами» говорит:

Который бы то козак альбо мужь схотив рыбы наловыты,
Жинку свою з дитьмы покормыты,
То не йде до попа-благословытыся,
Да пиде до жыда-рендаря,
Да поступи йому часть оддать
Щоб позволыв на ричци рыбы наловыты
Жинку з дитьмы покормыты.

Из той же «думы» Грушевский приводит длинное описание, как казак взял мушкет и захотел «утя вбыты — жинку з дитьмы накормыты» и проходил мимо шинка. Еврей-шинкарь его увидел и вот «жyd з шынку выбигае — казака за патлы хватае», и ругает, как это он задумал «утя вбыты». А потом казак должен просить и «жyда мылостывым паном называе»...

Насколько точно эти «думы» изображают историческую правду, установить трудно, но что они являются отображением народных настроений того времени — не подлежит сомнению.

В частности, вопрос об арендовании евреями православных церквей многими оспаривается на том основании, что не сохранилось ни одного арендного договора об аренде церквей.

Сторонники же мнения, что евреи действительно были арендаторами церквей, приводят сохранившийся договор 1596 года, по которому было заложено село Слуца совместно шляхтичу Миклашевскому и еврею Песаху, причем в числе доходных статей села упоминаются «церкви и их подавань», то есть с приходами от церкви. Известный историк Костомаров полностью разделяет мнение, что факт аренды церквей евреями имел место, Грушевский склонен считать это недоказанным, а некоторые авторы, например, Галант (в журнале «Еврейская Старина» за 1909 г.) это мнение оспаривает.

Так как этот вопрос из плоскости исторической объективности был перенесен в плоскость политическую — оправдание антисемитизма среди украинцев, то надлежащим образом он окончательно не выяснен до настоящего времени и ждет своего объективного исследователя.

Зато вопрос о роли и деятельности посредников-евреев вообще (исключая вопрос об аренде церквей) и об оценке этой деятельности современниками освещен достаточно полно неопровержимыми документами того времени.

Из сохранившегося письма полковника Кривоноса, одного из главных сподвижников Хмельницкого, к князю Заславскому видно, что Кривонос считает деятельность евреев главной причиной восстания. Он пишет Заславскому: «Жыдив зволь Ваша мылость до Вислы завернуты, бо та вийна вид жыдив зачалася — воны то и Вас з розуму звели».

Московский купец Кунаков, проехавший Украину зимой 1648—1649 гг., то есть, непосредственно после начала восстания, разбирая его причины, говорит: «Жиды черкасов (то есть украинцев) грабили и издевались над ними: как только который черкас выкурит водки или сварит пиво, не сказавши жиду и не снимет перед жидом шапку, жиды придирались к нему, грабили и уничтожали, а его имущество отбирали, жен и детей насильно забирали на работу».

Львовский каноник Юзефович пишет: «Господство поляков дошло до такого невыносимого утеснения, что даже над

церквями давали они власть роду жидовскому. Священник казацкий, попросту называемый поп, не мог в своей церкви совершить таинства крещения, венчания и других, если наперед не заплатит жидам за ключи установленной паном платы и должен был каждый раз от дверей церковных относить их и отдавать жидам. По заслугам претерпела ты беды свои, Польша». Так пишет поляк — католический священник, современник событий.

В сохранившихся письмах Хмельницкого указывается, как на доказательство крайнего угнетения народа, тот факт, что он должен был терпеть разные кривды от евреев.

То же самое мы находим в мемуарах современников событий — поляков Каховского и Грондскаго. Последний, описывая подробно все тяжелые повинности крестьян, говорит, что они «росли изо дня в день, по большей части потому, что отдавались на откуп евреям, а те не только выдумывали разные доходы, весьма несправедливые для крестьян, но и суды над ними присвоили себе».

Волынский еврей Натан Гановер в своих мемуарах пишет о крепостных, что они «работали барщину у магнатов и шляхты, которые отягощали их тяжелыми работами в доме и на поле. Шляхта накладывала на них большие повинности, а некоторые шляхтичи страшными способами вынуждали их переходить в господствующую веру. И был народ русский в такой степени унижен, что все народы, даже из всех народов самый униженный — жидам, также господствовал над ним».

Из всех приведенных выше выдержек из аутентичных исторических документов видно, в каком невыносимо тяжелом положении находились широкие народные массы Украины-Руси.

Видны также и причины, породившие ненависть к евреям, характерную для настроений масс того времени. Были в этом виноваты евреи или польское правительство и стоявшие за его спиной иезуиты, создавшие такие условия, что евреи для того, чтобы существовать, вынуждены были эксплуатировать народ — дела не меняет.

Как же реагировало на это все угнетаемое и притесняемое население Украины-Руси? Грушевский и его последователи, извращая историческую правду, говорят о «колониционном походе на восток», умалчивая то, что при этом «колониционном походе» его участникам надо было перейти границы Московского государства и получить разрешение от воевод пограничных московских городов поселиться в пределах Московского государства.

На самом же деле это было бегство от невыносимого социального, национального и религиозного угнетения на Украине-Руси в единоеверное и единокровное соседнее Московское государство. Бегство, почти не прекращавшееся с конца XVI века, когда потерпевшие неудачу повстанцы времен первых казацко-крестьянских восстаний группами и в одиночку начали переходить границу.

В московских архивах сохранился богатейший материал об этой массовой иммиграции населения Украины-Руси в Московское государство и отношение к иммигрантам московского правительства.

В общей инструкции воеводам пограничных московских воеводств приказывается: «Чтобы черкасам переселенцам не было ни от кого никаких кривд и убытков — чтобы их лошадей и всякого скота никто не крал и не отбирал, а сам воевода был к ним ласковый и приветливый». По отношению к тем, которые бы хотели вернуться, — инструкция приказывает разрешать им «свободное возвращение со всем имуществом».

«Черкасов добрых, семейных записывать на службу и наделять их пахотными землями, сеножатями и всякими выгодами», — говорит дальше инструкция воеводам.

Кроме того, оказывалась и государственная помощь новоприбывшим, о размерах которой можно судить по сохранившимся отчетам-донесениям воевод.

Так, воевода севский в 1639 году сообщает о помощи оказанной «черкасам и переселенцам из Литовской земли»: выдано «государевого жалованья за выход» по 5 рублей мужчинам; матерям и женам по полтора рубля; детям от 15 лет и старше — по рублю, а младшим по полтине. Кроме того выдано натурой: семейным по 5 четвертей ржи и 2 пуда соли, а одиноким по 3 четверти ржи и по 1 пуду соли. Для поселения им отведены усадебные участки для построек их жилья и по три десятины в каждом из трех полей (то есть по 10 гектаров пахотной земли). Ежегодное жалованье «за несение царской службы» было назначено: атаманам по 7 рублей, есаулам по 6 рублей, а рядовым по пяти рублей.

Приблизительно в таких же размерах оказывалась помощь переселенцам и в районах других воеводств, а также на полупустых землях будущей Слободской Украины (Харьковщины), которая и название свое получила от «слобод» — свободных поселений, которыми селились переселенцы. Давалась также — в разных местах различно — и помощь «на дворовое строение», то есть на приобретение строительных материалов.

Точных статистических данных о числе переселенцев не имеется. Но что число это было не малое, видно из разных косвенных источников. Так, в г. Короче в 40-х годах XVII века отдельной слободой жило 440 семейств «черкасов» (то есть украинцев). Сходные цифры мы видим и во всех остальных московских пограничных городах: в Путивле, Севске, Валуйках, Белгороде, а кроме того, густые поселения в районе Чугуева, где обосновался и бежавший с 3000 своих сторонников гетман Острянин. «Черкасские слободы» встречаются не только в приграничных районах, но и значительно севернее: в Кромах, Ливнах, Орле и в других городах.

В связи с этим массовым бегством своих подданных, Речь Посполитая обратилась к Москве с требованием вернуть ее беглых людей (в требовании говорится о 20 000), но Москва ответила категорическим отказом.

Не будучи в состоянии опровергнуть факт массового бегства из Украины-Руси в Московское государство, который, разумеется, не мог бы иметь места, если бы действительно существовала вражда к «чуждым москалям», как это утверждают шовинисты-сепаратисты, они пытаются опоро-
чить жизнь переселенцев в Московском государстве.

Так, например, Грушевский в своих исторических трудах подробно описывает один случай, когда в Короче судили и наказали плетьюми, а потом передали мужу одну казачку, Оринку Лободу, за то, что она, подвыпивши, говорила «непригожие слова» против царя, недовольная тем, что царь не хочет выкупить из татарской неволи ее сына. Или не менее подробно описывает «ущемление привычных казацких свобод», которое заключалось в том, что московские власти вмешивались в дела казаков, которые не исполняли принятых ими при переселении обязательств.

Как сообщает Грушевский, казак Петро Данчура из Белгорода с товарищами, получивши жалованье и разные пособия на обзаведение хозяйством, деньги пропили и проиграли. Воевода белгородский доносит в Москву, что «поели-
и так ку Данчура с товарищи пропились и в зернь проигрались, пашни не завели и дворов не построили, то нет надежды на их службу впредь» и спрашивает, как ему поступить. Москва ответила: «Петру Данчуре с товарищи за их воровство учинити наказание: бити батогами нещадно и, учиня наказание, дати жалованье по нашему указу сполна и приказать впредь не бражничать и никаким воровством не воровать, на землях своих строиться и землю орати».

Подобными примерами Грушевский и его последователи пытаются доказать, что переселенцы в Московское государство, попали «в тяжелое положение».

Конечно, не всё шло гладко в начале совместной жизни переселенцев с коренным населением Московского государства. Воспитанные на примерах польской анархии и понятиях о «казацкой свободе» (тоже недалекой от анархии), переселенцам был чужд твердый порядок и регламен-

тация взаимоотношений, свойственные централизованной Москве. Но большинство из них легко и быстро сживались с новым строем и только единицы или небольшие группы выражали свой протест или возвращением в пределы Украины-Руси, или, чаще всего, уходом в «воровские ватаги» в погоне за легкой полуразбойничьей жизнью. Возможно, что пропивший и прогулявший жалованье казак Данчура искренно верил, что на основании «казацкой свободы» он был вправе это сделать, но вряд ли можно утверждать, что с такими явлениями не надо было бороться и что борьба с ними — это «ущемление свободы»

Московское правительство, по-видимому, разбиралось в особенностях психологии переселенцев и за одинаковые проступки не одинаково карало людей своих и переселенцев. Характерный пример приводит в своих трудах историк Миклашевский. Под страхом смертной казни или, в лучшем случае «нещадного биения батогами» было запрещено уничтожение «заповедных лесов», служивших охране границ, что и проводилось неукоснительно. Когда же в рубке этих лесов были пойманы «черкасы», то все дело кончилось тем, что те из них, которые еще не были российскими подданными, были приведены к присяге, а из вырубленного леса запрещено производить изделия на продажу. Были ли деревья отобраны — неизвестно.

Жили переселенцы обособленно в своих «слободах», сами выбирали своих атаманов и, как правило, московское правительство не вмешивалось в их внутренние дела.

В этот период массовой иммиграции, или, по терминологии сепаратистов, «колонизационного похода на восток» переходили рубежи Московского государства не только разбитые отряды повстанцев или отдельные группы и одиночки, искавшие за рубежом спасения от притеснений, но переселялись целые православные монастыри со всеми монахами, имуществом и приписанными к монастырям людьми.

В тот период в православной церкви, как было указано выше, было утрачено и ее внутреннее единство, и связь

высших иерархов с народом. Видя симпатии митрополита Петра Могиды к польскому социальному порядку и подозревая его в возможной измене православию, низшее духовенство и в особенности монахи монастырей Левобережья (Лубенского и других), так называемые «заднепрянские старцы», были в открытой оппозиции к политике Могилы, считая себя борцами за чистоту православия. В этом их поддерживал бывший митрополит, свергнутый Могилой, Исая Копинский.

И вот после кровавых усмирений Украины Конецпольским и приветствия усмирителям православного митрополита Петра Могилы, «заднепрянские старцы» переселились в полном составе (три монастыря) в пределы Московского государства, где были встречены очень приветливо и размещены со всем их имуществом (даже пасеками) по монастырям центральной России.

Как видно из приведенных выше фактов, весь период «золотого покоя» и предшествовавшие ему десятилетия были и периодом подготовки к великой освободительной борьбе, начатой Богданом Хмельницким в 1648 году и приведшей, в конечном результате, к полному падению Польши. В этот период отчетливо определились способности к созданию великого славянского государства у двух конкурентов на эту роль: Москвы и Речи Посполитой.

Историческая обстановка складывалась не в пользу Москвы: Смутное время, общее ослабление государства давали Польше огромные преимущества перед Москвой. А выбор королевича Владислава московским царем дал Польше полную возможность без войн и кровопролитий слить эти два государства в одно, как это уже имело место с Великим княжеством Литовским.

Но Польша не нашла в себе государственной мудрости и политической дальновзоркости, чтобы использовать посланную ей судьбой неповторимую возможность. Непримируемость католической церкви не допустила сделать нужный

шаг, и выбранный московским царем королевич Владислав не пожелал принять православие — единственное условие, которое при выборе ему было поставлено.

В результате сошедшиеся были исторические пути русских и поляков, которые готовы были слиться в один, резко разошлись, чтобы никогда больше не встретиться.

Начался период русско-польских войн, который привел к освобождению из-под власти Польши сначала одной части Украины-Руси, а потом постепенно и всех остальных земель бывшей Киевской Руси.

Ведение этих войн было облегчено не только единством веры и общностью происхождения населения Московского государства и населения, находившихся под Польшей частей Киевской Руси, но и мудрой и дальновидной политикой Москвы в долгий период, предшествовавший этим войнам.

В то время как Речь Посполитая своей религиозной и национальной нетерпимостью, а также бесчеловечными условиями своего социального порядка сделала из своих православных подданных себе врагов, Москва сумела в этих врагах Польши пробудить симпатии к себе, не жалея для этого ни трудов, ни средств.

Систематическая поддержка не только моральная, но и материальная, гонимой в Польше православной церкви; постоянно усиливающиеся культурные и торговые связи Москвы с Украиной-Русью, которые Московское правительство всячески поддерживало; наконец, заботливое отношение к бегущим от тяжелой польской агрессии жителям Украины-Руси — все это вместе взятое создало предпосылки для самого тесного сотрудничества с Москвой населения Украины-Руси во время польско-московских столкновений.

Борьба за симпатии Украины-Руси была выиграна Москвой уже задолго до войны и безнадежно проиграна Польшей благодаря ее нетерпимости.

Результаты сказались, как только началось восстание Богдана Хмельницкого.

ВОССТАНИЕ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Невыносимые социальные, религиозные и национальные условия, в которых в период «золотого покоя» (1638—1648 гг.) находилось население Украины-Руси, создало все предпосылки для вспышки народного гнева и начала освободительной борьбы.

Она не заставила себя долго ждать. Непосредственным поводом послужило насилие представителей польской администрации над одним реестровым казаком — чигиринским сотником Богданом Хмельницким.

Польский чиновник, подстароста чигиринский Чаплинский, в отсутствие Богдана Хмельницкого напал на его хутор Субботово, ограбил его, увез его жену (по некоторым данным, это была не законная жена, а сожительница вдовца Хмельницкого) и приказал своим слугам выпороть его малолетнего сына, после чего мальчик через несколько дней скончался.

Подобные нападения были во времена «золотого покоя» бытовым явлением и, как правило, проходили совершенно безнаказанно для поляков-католиков. Безнаказанно прошло и нападение Чаплинского. Все попытки Хмельницкого восстановить свои права и наказать насильника не только кончились неудачей, но сам Хмельницкий был посажен польскими властями в тюрьму.

Благодаря заступничеству влиятельных друзей из старшины реестровых казаков Хмельницкий был выпущен на поруки, но он уже не вернулся к исполнению обязанностей сотника чигиринского, а с несколькими единомышленниками ушел «на Низ». «Низом» тогда называли центр неподчинившихся полякам беглых, казаков и запорожцев, расположенный на острове Буцком, ниже по Днепру, чем официальная Запорожская Сечь, которая в то время находилась полностью под польским контролем.

Добравшись «на Низ», Хмельницкий объявил, что он начинает борьбу «со шляхетским самовластьем», и к нему, по словам современника, начало стекаться «все, что лишь живо».

БИОГРАФИЯ ХМЕЛЬНИЦКОГО

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, необходимо сказать несколько слов о самом Богдане Хмельницком, возглавлявшем восстание и руководившем событиями.

О Богдане Хмельницком существует множество легенд, дум и сказаний, но точные биографические данные об этом выдающемся сыне Украины весьма скудны.

С достоверностью известно, что он происходит из мелкой украинской православной шляхты, так как имел свой фамильный герб. Его отец, Михаил Хмельницкий, служил у богатого польского шляхтича-магната Жолкевского, а потом у его зятя Даниловского, с отрядом которого принимал участие в войне Польши с Турцией и погиб в битве под Цецорой в Молдавии (в 1620 г.). С ним вместе был и его сын Богдан-Зиновий, который попал в плен и только через два года был выкуплен матерью из турецкой неволи.

Для своего времени Хмельницкий получил хорошее образование. Учился он в одной из иезуитских школ. В какой точно — неизвестно. Вероятнее всего, во Львове. Это утверждение основывается на сохранившихся в архивах данных, что поляки во время переговоров с Хмельницким в посольство включили львовского ксендза-иезуита Мокриского, который, как говорит хроника, в свое время преподавал Хмельницкому «поэтику и риторику». Риторика же преподавалась в 8-м классе иезуитских коллегий. Следовательно, Хмельницкий прошел полный восьмилетний курс коллегии. Дальнейшее обучение в коллегии было уже чисто богословское, и люди, не избиравшие духовной карьеры, обычно заканчи-

вали свое образование «риторикой», т. е. 8-м классом. Для того времени это образование было не малым. Хмельницкий владел татарским и турецким языками, которые выучил, будучи в плену в Константинополе. Кроме того, польским и латинским, на котором велось преподавание в коллегии.

По-русски, то есть на тогдашнем «книжном языке» (общем для русских и для украинцев, с известными, правда, диалектическими отклонениями) Хмельницкий говорил и писал, что видно из его сохранившихся писем.

Какие должности занимал Хмельницкий в казачьем войске в начале своей карьеры — неизвестно. Неизвестно также, принимал ли он участие в восстаниях 20-х и 30-х годов, хотя легенды и приписывают ему активное участие в этих восстаниях.

В первый раз мы встречаем имя Хмельницкого в числе четырех послов к королю после подавления восстания 1638 года. Надо полагать, что он занимал видное положение (по некоторым данным, войскового писаря), раз попал в посольство к королю. Несколько позднее имеются сведения о назначении его сотником чигиринским. Тот факт, что Хмельницкий был назначен на эту должность поляками, а не выбран казаками, свидетельствует, что поляки считали его лояльным, и ставит под сомнение утверждения легенды о его активном участии в предыдущих восстаниях. Если бы это действительно имело место, то поляки бы, конечно, об этом знали и не согласились на его назначение.

Хмельницкий был женат на сестре нежинского полковника Сомка, Анне, и имел несколько детей. Точные сведения есть о трех сыновьях и двух дочерях. Из сыновей один погиб от избиения Чаплинским, второй (старший), Тимофей, был убит в бою, а третий, Юрий, после смерти Хмельницкого был провозглашен гетманом.

К моменту восстания Хмельницкий был вдовцом, и похищенная Чаплинским его жена (а по некоторым данным сожительница) являлась его второй женой и мачехой его детей от первой жены.

Непосредственным поводом к поднятию Хмельницким восстания было, как указано выше, совершенное над Хмельницким и оставшееся безнаказанным насилие. Но причины лежали, конечно, не в личном оскорблении и насилии над Хмельницким, а в насилиях, оскорблениях и унижениях, которые испытывала Украина-Русь в результате социальных, религиозных и национальных угнетений Речи Посполитой.

В предыдущем изложении описано, в чем именно состояли эти угнетения и как они все время усиливались, делая жизнь невыносимой, а потому повторять их нет надобности.

МОТИВЫ ВОССТАНИЯ

Вряд ли нужно заниматься и анализом того, какие именно мотивы были в восстании преобладающими: социальные, религиозные или национальные. Одни историки выпячивают мотив социальный, считая, что ему подчинены все остальные; другие, наоборот, во главу угла ставят вопрос национальный, третьи же, наконец, считают главной побудительной причиной восстания вопрос религиозный. В действительности же вероятнее всего, что все три причины действовали одновременно, будучи взаимно связаны и трудно отделимы одна от другой.

Гнет социальный испытывало все население, кроме феодално-магнатской православной верхушки (как, например, Кисиль, князь Четвертинский), самых высших иерархов православной церкви и, частично, православной шляхты и старшины реестровых казаков:

От угнетений и унижений религиозных терпели все, не исключая и православных магнатов. Известен случай, когда князь Острожский, победоносно командовавший польской армией в войне с Москвой, принужден был претерпеть унижения во время празднования победы только потому, что он был православный.

И, наконец, национальное неравенство, которое поляки всегда всячески подчеркивали, одинаково оскорбляло всех не-поляков, начиная с крепостного крестьянина и кончая магнатом или православным епископом.

Неудивительно поэтому, что призыв Богдана Хмельницкого освободиться от польских насилий нашел горячий отклик среди всего населения Украины-Руси.

Не все слои населения это освобождение понимали одинаково: для магнатов и шляхты оно заканчивалось полным уравнием с поляками-магнатами и шляхтой; для части реестровых казаков, старшин и зажиточных, освобождение кончалось уравнием со шляхтой, с сохранением как в первом, так и во втором случае социального порядка; и только для крестьянства, бедного казачества и мещанства с освобождением была неразрывна связана ликвидация существующего социального строя.

В зависимости от этого в известной части населения Украины-Руси существовали соглашательские, компромиссные настроения, которые уже не раз приводили к капитуляции во время предыдущих восстаний.

ЦЕЛЬ ВОССТАНИЯ

Какова же была конечная цель восстания? В этом вопросе мнения историков расходятся. Задача была вполне определенная: освободиться. А что же дальше за освобождением? Одни считают, что конечной целью восстания было создание совершенно независимого государства; другие полагают, что целью руководителей восстания было создание автономной единицы в границах Речи Посполитой, по примеру Великого княжества Литовского; третьи же, наконец, держатся мнения, что конечной целью было создание автономно-федеративной единицы со вхождением ее в Московское государство.

Вариант о создании независимого государства, которого придерживается Грушевский и его школа, не выдержи-

вает никакой критики, ибо из сохранившихся в московских архивах собственноручных писем Хмельницкого видно, что уже в первые месяцы восстания, после блистательных побед над поляками, Хмельницкий просил у Москвы не только помощи, но и согласия на воссоединение Украины с Москвой. Эта просьба о воссоединении повторяется и в дальнейшем, как в письмах Хмельницкого, так и в многочисленных документах того времени.

Второй вариант: создание русского княжества, по примеру Литовского, без разрыва с Польшей, несомненно, имел своих сторонников, но только среди высших слоев общества — господствующих классов. Пример безграничной свободы польской шляхты привлекал не только магнатов и шляхту, но и часть старшины реестровых казаков, мечтавших «нобилитироваться», то есть получить права шляхты. Позднее стремление этой группы получило свое осуществление в так называемом «Гадячском договоре» (1658 г.), согласно которому делались неудачные попытки в пределах Речи Посполитой создать «Русское княжество».

И, наконец, третий вариант — воссоединение с Москвой с сохранением широкой автономии или федерации, который в результате восстания и был осуществлен, хотя и не полностью.

Этот последний вариант является не только исторически точным, но он был и логически неизбежным, учитывая как внешнеполитическую обстановку, так и настроение народных масс. Имея таких соседей, как агрессивную Турцию, бывшую тогда в зените своего могущества, и не менее агрессивную Польшу — в то время одно из сильнейших государств Европы — Украина не имела никаких шансов выдержать одна с ними борьбу, которая бы была неизбежна в случае создания отдельного государства. Хмельницкий, независимо от своих личных симпатий, о которых существуют разные мнения, конечно, это отлично понимал. Знал он также и тяготение широких народных масс к единой

и единокровной Москве. И естественно, что он выбрал путь воссоединения с Москвой.

Международная обстановка в то время была крайне сложная и бурная: в Англии шла революция, во Франции — внутренние неурядицы, так называемая «фронда»; Германия и Центральная Европа были истощены и обессилены Тридцатилетней войной. Москва же незадолго до начала восстания заключила с Польшей невыгодный для себя «вечный мир». Рассчитывать на нарушение этого мира и вступление Москвы в новую войну, которая была бы неизбежна, если бы Москва активно выступила на стороне восставшей польской колонии — Украины, было трудно.

И тем не менее Хмельницкий начал войну: терпение народное истощилось. Организовывая для похода на «волость» (заселенную часть Украины) прибывший к нему народ, Хмельницкий отправил посольство к крымскому хану с просьбой о помощи. Момент для просьбы был удачный. Крым был недоволен Польшей, так как она неаккуратно платила ежегодный «подарок», которым она откупалась от набегов; а кроме того, вследствие недорода и падежа скота татары были очень склонны пополнить свои недочеты грабежом во время войны. Хан согласился помочь Хмельницкому и послал в его распоряжение отряд в 4000 человек под командой Тугай-бея.

Татарская помощь вначале была Хмельницкому необходима, и он вынужден был на нее пойти, хотя и знал отлично, что в походе татар ничто не удержит от грабежей и насилий. Даже своего сына Тимофея Хмельницкий вынужден был послать к хану в качестве заложника, ибо без этого хан Ислам-Гирей III не хотел послать свое войско. К тому же наличие ханских войск у Хмельницкого гарантировало его от возможности подкупа татар Польшей и удара в тыл.

К концу апреля 1648 года Хмельницкий уже имел в своем распоряжении 10 000 войска (включая и татар), с которым и готовился двинуться на «волость», отклонивши все попытки к примирению, которые ему сделали поляки.

Прежде всего, он изгнал с Запорожья польский отряд, а запорожцы провозгласили его гетманом и присоединились к его войску.

Весть о восстании и о захвате повстанцами Запорожья встревожила польскую администрацию, и она решила задуть восстание в зародыше. Делая вид, что хотят помириться с Хмельницким и суля ему золотые горы, поляки быстро стягивали свои силы для борьбы с ним. А в это время вся Украина, откликнувшись на призывы Хмельницкого, готовилась к борьбе. Польский гетман Потоцкий писал королю: «Пагубное пламя так уж разгорелось, что не было того села, того города, где не звучали бы призывы к своеволию и где не готовили бы покушений на жизнь и имущество своих панов и владельцев».

Коронный гетман Н. Потоцкий, не дожидаясь сосредоточения всех своих сил, отправил авангард в 4000 под командой своего сына Стефана, а реестровым казакам приказал плыть вниз по Днепру, в районе Кодака встретиться с польским авангардом и совместно двигаться на Запорожье. Главные же польские силы под командой самого коронного гетмана и его помощника польного гетмана Калиновского не спеша продвигались за авангардом.

ЖЕЛТЫЕ ВОДЫ

Хмельницкий не стал дожидаться соединения всех польских сил. Он вышел им навстречу и 19 апреля напал на передовые польские части. Поляки не выдержали боя, отступили и построили укрепленный лагерь в урочище Желтые Воды, чтобы в нем ожидать плывших по Днепру к ним на соединение реестровых казаков. Но казаки взбунтовались, перебили свою, верную полякам, старшину: генерального есаула Барабаша, полковника Караимовича и других, и, выбравши своим наказным гетманом друга Хмельницкого, Филона Джалалия, присоединились не к полякам, а к Хмельницко-

му и приняли участие в начавшемся сражении, которое закончилось полным разгромом поляков. Стефан Потоцкий и бывший с ним комиссар реестровых казаков Шемберг попали в плен. Спасся из всего польского войска только один солдат, успевший убежать и принести коронному гетману Потоцкому в Черкассы известие о поражении под Желтыми Водами и о пленении его сына.

Потоцкий решил «примерно наказать бунтовщиков» и, не сомневаясь в победе, двинулся навстречу Хмельницкому, с войском которого (около 15 000 казаков и 4000 татар) встретился в урочище Гороховая Дубрава около Корсуня.

КОРСУНЬ

Благодаря военному таланту Хмельницкого и отлично поставленной разведке повстанцев, которым сочувствовало население, поляки вынуждены были принять бой на невыгодных позициях, а пути возможного отступления поляков заранее перерезали казаки и сделали их непроходимыми: перекопали глубокими рвами, завалили срубленными деревьями, запрудили речку. В результате, в бою 16 мая казаки, как и под Желтыми Водами, полностью разгромили поляков и взяли в плен самого коронного гетмана Потоцкого и его заместителя, польного гетмана Калиновского. Лишь некоторым полякам — участникам Корсунской битвы — удалось спастись бегством. Вся польская артиллерия и огромные обозы достались казакам, как военная добыча. Пленных же польских гетманов казаки отдали татарам, которые рассчитывали получить за них богатый выкуп.

Известия о двух поражениях поляков быстро облетели всю Украину и, как пишет в своих мемуарах шляхтич Банковский, «ни один шляхтич не остался в своем поместье в Поднепровье». Крестьяне же и мещане начали массами устремляться к Хмельницкому или, образуя партизанские отряды, захватывать города и замки с польскими гарнизонами.

Литовский канцлер Радзивилл так описывает положение на Украине в начале лета 1648 года: «Не только казаки подняли бунт, но и все наши подданные на Руси к ним пристали и увеличили войска казаков до 70 тысяч и чем далее, тем все больше к ним прибывает русских хлопов...»

ОЧИЩЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Крупнейший магнат Левобережья Вишневецкий, узнавши о восстании Хмельницкого, собрал большое войско, чтобы двинуться на помощь Потоцкому. Но, подойдя к Днепру, нашел все паромы уничтоженными и, не решаясь задерживаться на Днепре для переправы своего войска, двинулся на север, на Черниговщину, и только севернее Любеча ему удалось переправиться через Днепр и повести свое войско на Волынь, куда он прибыл уже после разгрома под Желтыми Водами и Корсунем. Его резиденция Лубны была захвачена повстанцами, которые вырезали всех находившихся там католиков и евреев, не успевших уйти своевременно с Вишневецким.

Об отступлении Вишневецкого с Левобережья, где он, будучи отрезан Днепром от Польши, чувствовал себя, по мемуарам современника, «как в клетке», сохранилось много документов, из которых видно, что это было не только отступление войска, но и эвакуация всего Левобережья. Все, что так или иначе было связано с Польшей и ее социальным строем, спасалось от повстанцев и уходило с Вишневецким: шляхта, арендаторы-евреи, католики, униаты. Они знали, что если только попадут в руки повстанцев, то им пощады не будет.

Весьма подробно, красочным библейским стилем, описывает современник событий раввин Ганновер этот «исход» евреев с Левобережья совместно с поляками, которые к евреям относились очень хорошо и всячески оберегали и защищали, чтобы они не попали в руки казаков.

О судьбе же тех, которые не успели присоединиться к Вишневецкому, Ганновер пишет: «Много общин, которые лежали за Днепром, близь мест войны, как Переяслав, Барышевка, Пирятин, Лубны, Лохвица, не успели бежать и были уничтожены во имя Божие и погибли среди мук страшных и горьких. С одних содрана кожа, а тело выкинуто на съедение псам; другим отрублены руки и ноги, а тела брошены на дорогу и через них проходили возы и топтали их кони...

Не иначе поступали и с поляками, особенно с ксендзами. Поубивали на Заднепровье тысячи еврейских душ».

Сведения, которые дает Ганновер, полностью совпадают с описаниями событий другими современниками, которые дают и число погибших. Грушевский в своей книге «Хмельниччина в розквिति» говорит о двух тысячах евреев, убитых в Чернигове, 800 в Гомеле, нескольких сотнях в Сонице, Батурине, Носовке и в других городах и местечках. Сохранилось и приводимое Грушевским описание, как производились эти погромы: «Одних порубили, другим приказали выкопать ямы и потом туда побросали еврейских жен и детей и засыпали землей, а потом евреям дали мушкеты и приказали одним убивать других...»

В результате этого стихийного погрома, на Левобережье в несколько недель лета 1648 года исчезли все поляки, евреи, католики, а также и те из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали полякам и сотрудничали с ними.

А народ сложил песню, которая сохранилась до последнего времени:

✓
Нема краще як у нас на України
Нема ляха, нема пана, нема жида
Нема ни проклятой унії...

Из православной шляхты уцелели только те, кто присоединился к восстанию, забывши (правда, временно) и о своих поместьях, и о правах над «хлопами», или те, кто бе-

жал и укрылся в Киеве, единственном из городов Поднепровья, где в то время сохранилась власть короля.

Один из таких укrywшихся в Киеве, православный шляхтич и ярый сторонник Польши, Ерлич, оставил интереснейшие описания событий того времени. В частности, он подробно описывает восстание жителей Киева, во время которого в Киеве было вырезано все, что так или иначе имело отношение к Польше, и были разрушены костелы и католические монастыри. Уцелели только те, кто скрывался в православных монастырях или был в составе польского Киевского гарнизона, который хотя подавить восстания и не смог, но все же не был захвачен повстанцами, возглавляемыми киевским мещанином Полегеньким.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

На Правобережье, главным образом в приднепровских районах, произошло то же самое, что и на Левобережье. В результате этого обширная область осталась без администрации, и единственной в ней силой и властью было возглавляемое Хмельницким повстанческое войско.

Учитывая это, Хмельницкий немедленно приступил к созданию своего военно-административного аппарата. Гетману принадлежала высшая военная, судебная и административная власть на всей территории, освобожденной от поляков, которая была поделена на «полки». «Полком» называлась определенная территория, которая, в свою очередь, была поделена на «сотни».

При гетмане была совещательная «рада» (совет) из высшей казацкой старшины: генерального судьи, генерального обозного (начальника артиллерии), генерального подскарбия (ведавшего финансами), генерального писаря (административно-политические дела), двух генеральных есаулов (непосредственных помощников гетмана), генерального бунчужного (хранителя бунчука) и генерального хорунжего (хранителя знамени).

Полком управлял выбранный казаками данного полка полковник с полковым есаулом, судьей, писарем, хорунжим и обозным, которых также выбирали казаки.

Сотней управлял выборный сотник с сотенной старшиной: есаулом, писарем, хорунжим, обозным.

В городах, как полковых, так и сотенных, был выборный городской атаман — представитель казацкой администрации, управлявший всеми делами города, а кроме того было и городское самоуправление — магистраты и ратуши, состоявшие из выборных от городского населения.

В селах, которые обычно были смешанного состава из крестьян и казаков, было свое сельское самоуправление, отдельно для крестьян и отдельно для казаков. Крестьяне выбирали «войта», а казаки — «атамана».

Любопытно, что это отдельное самоуправление крестьян и казаков в селах Левобережной Украины сохранилось до самой революции 1917 года, хотя звания «войт» и «атаман» были заменены «старостами». Но старосты были отдельные: для казаков — казачий, для крестьян — крестьянский.

Организовав таким образом аппарат власти на освобожденной территории, Хмельницкий в особо важных случаях собирал «широкую старшинскую раду», в которой кроме генеральной старшины принимали участие также полковники и сотники. В архивах сохранились данные о созыве таких рад в 1649, 1653 и 1654 годах.

Проводя свои административные организационные мероприятия, Хмельницкий отлично понимал, что борьба еще не кончилась, а только начинается. А потому лихорадочно готовился к ее продолжению, собирал силы и создавал из них дисциплинированную армию. Рассчитывать на скорое открытое вмешательство Москвы было трудно. Татары же были союзники и ненадежные, и нежелательные: во всякое время они могли изменить, а кроме того, они неизменно занимались грабежами и насилиями даже тогда, когда приходили как союзники.

Не теряла времени и Польша. Несколько оправившись после поражений под Желтыми Водами и Корсунем, она начала собирать свои силы для подавления восстания.

В это время в Польше после смерти короля Владислава был период бескоролья и польская шляхта была всецело поглощена предвыборной борьбой. Но, несмотря на это, поляки все же собрали 40-тысячное войско, которое и двинулось из Польши на Волынь, где к нему присоединился со своим войском бежавший с Левобережья Вишневецкий.

Во главе войска было поставлено коллективное руководство — триумvirат, состоящий из польских магнатов: изнеженного, толстого князя Заславского, книжника и ученого Остророга и 19-летнего князя Конецпольского. Хмельницкий иронически говорил об этом триумvirате, что «Заславский — перина, Остророг — латина, а Конецпольский — дитина» (дитя).

В начале сентября это войско, с многочисленными обозами и слугами, появилось на Волыни. Поляки шли в этот поход, как на увеселительную прогулку, заранее уверенные в легкой победе над «взбунтовавшимися рабами», как они называли повстанцев.

Хмельницкий двинулся им навстречу из Чигирина, где он провел летние месяцы, лихорадочно работая над созданием административного аппарата и армии. С ним вместе и отряд татар.

ІЛІАВСКІЙ РАЗГРОМ

Под небольшим замком Пилявка (близ верхнего Буга) обе армии вошли в соприкосновение и началось сражение, закончившееся 13 сентября полным разгромом поляков. Разрозненные остатки польской армии, бросив всю артиллерию и обозы, бежали в направлении Львова. Заславский потерял свою булаву, доставшуюся казакам, а Конецпольский спасся, переодевшись крестьянским парнем. Длинный путь от Пилявцев до Львова поляки пробежали в 43 часа, по сло-

вам летописца, «быстрее самых быстрых скороходов и вверяя свою жизнь своим ногам». Беглецы недолго задержались во Львове. Собрали возможно больше денег и ценностей с монастырей, церквей и горожан «для усмирения бунта» и двинулись дальше к Замостью.

Не спеша двигалось войско Хмельницкого за бежавшими поляками. Подошедши ко Львову, в котором был польский гарнизон, Хмельницкий не стал брать Львов, который он мог взять без труда, а ограничился наложением большой контрибуции (выкупа) и двинулся дальше к Замостью.

Настроение в Польше после Пилявицкого разгрома было близко к паническому. Летописец Грабинка так описывает эти настроения: «Аще много ляхов у Варшаве собрася, обаче все заячий уши имеаху, тако бо их страх од Хмельницкого обийде, яко едва суха древа треск услышат, то без души ко Гданску бежаху и через сон не един рек: «Ото Хмельницкий!»

НОВЫЙ КОРОЛЬ ЯН-КАЗИМИР

В это время был избран новый король Ян-Казимир, брат умершего Владислава. Новый король (иезуитский епископ до избрания королем), учитывая обстановку, начал делать попытки к соглашению с Хмельницким, обещая казакам разные милости и привилегии и выступал как бы их защитником против своеволия магнатов и шляхты. Он тонко играл на том, что-де и все восстание разгорелось из-за этого своеволия и было направлено не против короля, а против магнатов и шляхты. Так убеждали Хмельницкого и старшину высланные к нему королем эмиссары.

Хмельницкий принимал и выслушивал эмиссаров и заверял их, что против короля лично повстанцы ничего не имеют и что возможность соглашения не исключена. А сам со своим войском, не спеша, продвигался к Замостью, где были сосредоточены польские войска и созданы поляками укрепления.

ОСАДА ЗАМОСТЬЯ

Обложив Замостье с находившимися в нем поляками, Хмельницкий не спешил развязать сражение, хотя у него и были все данные повторить в Замостье Пилявицы и двинуться дальше добивать поляков в самой Польше, где уже начались вспышки крестьянских восстаний против помещичьего гнета. Начали подниматься также Галиция и Белоруссия и там уже оперировали повстанческие отряды, которых поляки презрительно называли «бандами». Однако Хмельницкий не использовал конъюнктуру, после нескольких недель снял осаду Замостья, и, оставив гарнизоны на Волыни и Подолии, вернулся на Приднестровье.

КИЕВСКИЕ ТОРЖЕСТВА

В декабре 1648 года состоялся торжественный въезд Хмельницкого в Киев. Навстречу ему в сопровождении 1000 всадников выехал находившийся тогда в Киеве иерусалимский патриарх Паисий с киевским митрополитом Сильвестром Косовым. Состоялся ряд торжеств, на которых славили Хмельницкого, как борца за православие, ученики Киевской коллегии (основанной Петром Могилой), читали по-латыни вирши в честь Хмельницкого, во всех церквах звонили колокола, стреляли из пушек. Даже митрополит Сильвестр, ярый сторонник магнатов и ненавистник повстанцев, произнес большую речь с восхвалением повстанцев и Хмельницкого. Настроение народных масс было настолько определено на стороне повстанцев, что митрополит не решился не только выступить против них, но даже и воздержаться от речи.

Народ тогда по всей Руси-Украине распевал новую песню, как «казаки загнали ляшку славу пид лаву» (скамью), всех поляков называл «пилявчиками» и непоколебимо ве-

рил в окончательное свержение польского ига и в воссоединение с единой Москвой.

Не задерживаясь долго в Киеве, Хмельницкий уехал в Переяслав и в течение всей зимы 1648/49 г. занимался административными и военными делами, имея контакт и с Польшей, и с Москвой. От первой к нему приезжали послы и уговаривали помириться; в Москву Хмельницкий слал письма и послов с просьбой о помощи и о согласии на воссоединение Украины-Руси с Москвой.

ПРИЧИНА ПРИОСТАНОВКИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

О причинах малопонятного ухода из-под Замостья и прекращения военных действий, когда были налицо все предпосылки для окончательного разгрома Польши, существуют разные мнения и версии.

Школа Грушевского и его последователей шовинистов-сепаратистов, которая вообще относится к Хмельницкому отрицательно за его общероссийские симпатии и действия, приписывают Хмельницкому двурушничество и чисто классовые старшинско-шляхетские взгляды на восстание и его цели. В своей книге «Иллюстрирована история Украины» Грушевский о Хмельницком пишет: «Народ украинский был для него средством для осуществления казацких желаний, а через казачество он мог надеяться некоторым облегчением и себе лично; национальный вопрос для него не выходил за рамки чисто религиозного вопроса, которым он тоже неизвестно насколько интересовался...» «Он боялся, что он так сильно обидел величие Речи Посполитой и он, вместо благосклонного урегулирования казачьего вопроса старался всеми силами казаков побороть...» Под Замостьем, по словам Грушевского, Хмельницкий «нарочно вел осаду так, чтобы она ничем не кончилась и, наконец, дождался тут выбора нового короля».

Изображая так события 1648 года, Грушевский и его «школа» замалчивают об одном неоспоримом факте, нали-

чие которого дает совсем другую картину этих событий. Это собственноручное письмо Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу от 8 июня 1648 г. с просьбой о принятии Украины-Руси в состав Русского (Московского) государства. Письмо это сохранилось в Москве и находится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). На его примере можно убедиться, насколько бесцеремонно обращается с фактами Грушевский и его «школа», замалчивая его существование, которое не могло быть неизвестным Грушевскому, ибо было хорошо известно еще до революции всем, кто интересовался историей Украины.

Письмо это было написано после победоносных сражений под Желтыми Водами и Корсунем, перед не менее победоносной Пилявицей, то есть, когда успехи восстания были в апогее.

Время написания письма красноречиво опровергает утверждения шовинистов-сепаратистов, что Хмельницкий обратился к Москве только после неудач в войне, когда он очутился в безвыходно тяжелом положении. Как ясно из письма и из времени его написания, уже в самом начале восстания Хмельницкий видел его конечную цель в воссоединении Украины с Россией. В последующие годы, после ряда неудач и нежелания Москвы открыто вступить в конфликт между Речью Посполитой и ее колонией Украиной-Русью, Хмельницкий был если не в безвыходном, то в весьма тяжелом положении и в те моменты, не получая помощи от Москвы, обращался даже к Турции, обещал признать ее власть над Украиной. Обращался и к врагу Польши, князю Семиградскому, предлагая ему быть королем Украины. Но все это были дипломатические шаги, к которым вынуждала Хмельницкого создававшаяся обстановка. Все эти попытки Хмельницкого получить помощь извне Грушевский и его «школа» старательно выпячивают, чтобы умалить значение неприятного для них факта обращения повстанцев к Москве и притом не во время неудач, а в период успехов. Что же касается малопонятного снятия осады Замостья и

приостановки военных действий, то кроме объяснения Грушевского, что Хмельницкий «умышленно» затягивал осаду и что он руководился только классовыми и личными интересами (тягчайшее и незаслуженное обвинение!), существует и другое объяснение.

Историки, которые ищут истину, а не подгоняют историю к своим политическим теориям, безжалостно ее искажая и фальсифицируя, как это делают шовинисты-самостийники, объясняют снятие осады иначе.

1. Осенью 1648 года на Украине свирепствовала чума, которая не пощадила и войско Хмельницкого. Его ближайший сотрудник полковник Кривонос умер от чумы.

2. 1648 год был неурожайный; что сильно затрудняло снабжение далеко ушедшей на запад армии повстанцев, которая последние недели под Замостьем голодала.

3. Грабежи союзников-татар и их тайные переговоры с поляками о сепаратном мире. Не исключалась возможность не только ухода татар в Крым, но и их активного выступления на стороне Польши и удара в тыл войску Хмельницкого. В архивах сохранились данные о том, что, находясь под Замостьем, Хмельницкий получил сведения о переговорах поляков с татарами.

4. Под Замостьем же Хмельницкий получил известие о том, что рассчитывать на выступление Москвы в ближайшем будущем не приходится, так как Москва еще недостаточно была подготовлена для войны с Польшей, которая была бы неизбежна в случае открытого выступления Москвы на стороне восставших польских подданных — населения Украины-Руси.

Все эти обстоятельства, по мнению объективных историков, и заставили Хмельницкого снять осаду Замостья и вернуться на Поднепровье...

Что же касается утверждения Грушевского и его «школы», что Хмельницким руководили интересы классовые или даже чисто личные, то это утверждение является голословным и никаких доказательств не имеет. И классовые и лич-

ные интересы, как материальные, так и нематериальные, свойственны каждому человеку, в том числе были они и у Хмельницкого, но для утверждения, что в своей деятельности Хмельницкий руководился только или главным образом ими, нет никаких оснований и объективных данных.

Непосредственным поводом к началу восстания, как известно, была личная обида, нанесенная Хмельницкому. Поводом можно считать и отдельные притеснения поляками казаков и казацкой старшины, в первую очередь. Но причина восстания далеко выходила за рамки отдельных случаев и лежала в самой сущности польской политики на Украине-Руси, которая была направлена к ее ополячиванию, окатоличиванию, социальному порабощению и эксплуатации населения.

Поэтому призыв Хмельницкого к восстанию вызвал такой отклик и поднял все население. И в волнах народного гнева потонули и растворились интересы и классовые, и личные. Восстание Хмельницкого из казачьего бунта вначале быстро превратилось в охватившую весь народ революцию, социальную, национальную и религиозную, которая, отражая волю народа, предначертала и определила ход восстания и его конечные цели, независимо от личных симпатий и настроений самого Хмельницкого и его соратников.

Вот почему Хмельницкий после победоносной летней кампании 1648 года и киевской встречи и торжеств уже не думал больше о расширении «Ординации» или увеличении казачьих прав и привилегий, а начал готовиться к продолжению борьбы для осуществления стремлений всего народа, которые состояли в полном освобождении от польской оккупации и угнетения. Гарантию же невозможности возвращения польской власти народ видел в воссоединении с единой и единокровной Россией.

Несомненно, Хмельницкий все это отлично понимал, а потому одновременно с подготовкой своих собственных сил, старался добиться согласия Москвы на воссоединение.

СОБЫТИЯ 1649 года. ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ

В результате события 1648 года поняли и поляки, что восстание Хмельницкого далеко вышло за пределы прежних казацких «бунтов» и превратилось в гражданскую войну, грозящую отпадением от Польши обширных богатейших территорий.

А потому Польша начала усиленно готовиться к продолжению борьбы, собирая для этого нужные военные силы, чтобы привести в повиновение «взбунтовавшихся хлопов», как поляки называли вооруженные силы Хмельницкого.

Но одновременно с этим Польша делает попытки как-то договориться с казаками, щедро давая обещания, в выполнение которых не верили ни казаки, ни сами поляки.

ПОЛЬСКАЯ МИРНАЯ МИССИЯ

Уже в январ^е 1649 года, почти одновременно с решением сейма, состоявшегося в Кракове, об организации 30-тысячного регулярного войска и о созыве всеобщего ополчения для усмирения Украины, король отправил к восставшим в Переяслав специальную миссию с богатыми подарками Хмельницкому и его сотрудникам и с щедрыми обещаниями казакам прав и привилегий, если они прекратят борьбу. Миссию эту возглавляли православные магнаты Кисиль и князь Четвертинский, как и все магнаты, несмотря на свое православие, всецело поддерживавшие польскую политику на Украине.

Королевскую миссию Хмельницкий принял подчеркнуто холодно. Принял он ее стоя, окруженный своей старшиной. Гневные и оскорбительные выкрики присутствовавших сопровождали речь главы миссии — Кисилья. А в своем ответе Хмельницкий сказал: «Я вас всех ляхов переверну вверх ногами и растопчу так, что все будете у меня под ногами»...

Чванливые магнаты проглотили все обиды и оскорбления и в течение нескольких недель старались уговорить Хмельницкого пойти на соглашение с Польшей, пытаясь разными обещаниями и интригами внести раскол и несогласие в ряды повстанцев.

Хмельницкий же затягивал переговоры, чтобы выиграть время для подготовки к возобновлению военных действий, и только во второй половине февраля выставил свои условия, заведомо неприемлемые для поляков и к тому же требовавшие утверждения сейма. В условиях Хмельницкого предвиделись новые переговоры весной, что давало еще несколько недель для подготовки к войне.

Не добившись от Хмельницкого никаких уступок и изменений его условий, польская миссия уехала из Переяслава, напутствуемая словами Хмельницкого: «На всей Украине не останется у меня ни одного князя и ни одного шляхтича; а если кто из них хочет есть хлеб с нами — тот покоряйся запорожскому войску!»

Ведя переговоры с польской миссией, Хмельницкий, одновременно с подготовкой к войне, предпринимает шаги к воссоединению с Москвой и привлечению ее к активному участию в деле освобождения Украины-Руси от польского владычества.

МИССИЯ МУЖИЛОВСКОГО

Под видом сопровождения патриарха Паисия, ехавшего через Киев в Москву, Хмельницкий посылает своего доверенного человека полковника Мужилковского к московскому царю с поручением совершенно секретно и только лично передать просьбу царю о включении Украины в состав Русского государства.

4 февраля 1649 года Мужиловский при личном свидании с царем передает ему поручение Хмельницкого и свою «Записку» по этому вопросу, в которой настойчиво просит

оказать помощь в войне с Польшей. Если не прямым участием, то, хотя бы расквартированием русских войск в местностях, уже освобожденных от поляков, «как в своей прямой вотчинной земле», а также разрешением донским казакам помочь украинцам в их борьбе с Польшей.

Сохранившаяся в московских архивах «Записка» Мужиковского опровергает все измышления шовинистов-сепаратистов (Грушевского и его «школы») о том, что Хмельницкий в переговорах и сношениях с Москвой двурушничал, обещая Москве воссоединение и вовсе не думая это воссоединение осуществить.

Москва хорошо была осведомлена о подлинных настроениях и самого Хмельницкого, и его народа, видевших свое единственное спасение в соединении с Москвой. Но выступить активно она тогда еще не могла. Это бы значило возобновление войны с Польшей после только что заключенного Столбовского мира (1647 г.). А к такой войне Москва не была готова

Но зато все остальные виды помощи восставшему населению Украины-Руси Москва оказала с несвойственной московским политикам быстротой и решимостью.

ПОМОЩЬ МОСКВЫ

Зная тяжелое продовольственное положение Украины после неурожая 1648 года и разорений, вызванных войной, были немедленно отменены вывозные и ввозные пошлины при торговле с Украиной. Обозы с хлебом и всем необходимым (до выдывавшихся в Московском царстве казачьих седел включительно) потянулись с севера на Украину. Сохранившиеся донесения пограничных воевод (Путивльско-го, Севского, Рылского и других) свидетельствуют о размерах разного вида снабжения, шедших на Украину.

С другой стороны, были значительно расширены льготы и даже привилегии, дававшиеся населению Украины-Руси,

переселявшемся в пределы Московского государства. В одиночку и группами, иногда в несколько сот семейств, украинцы переходили рубеж и поселялись в границах дореволюционных российских губерний: Харьковской, Курской, Воронежской, отдельными «слободами» — свободными селами.

Кроме того, немедленно же, не ожидая отъезда из Москвы Мужилковского, к Хмельницкому был послан специальный гонец от царя — Михайлов с заданием наладить связь с Москвой.

В ответе царю, переданном через возвращавшегося Михайлова, Хмельницкий (3 марта 1649 года) пишет, что он, «гетман и все войска, как перее також де и ныне желает того, чтобы ваше царское величество нам, найнижайшим слугам и подданным своим, учинился государем и царем». В ответ на это письмо Хмельницкого Посольский приказ своей грамотой уведомил его, что Москва к его просьбе относится положительно.

В конце марта Хмельницкий направляет в Москву своих посланцев — игумена Павла и попа Никифора с поручением через пребывавшего в Москве патриарха Паисия хлопотать перед царем о скорейшем согласии Москвы на воссоединение с Украиной.

Одновременно с путешествием в Москву игумена Павла и попа Никифора, из Москвы было послано к Хмельницкому специальное посольство во главе с выдающимся московским дипломатом Унковским.

ПОСОЛЬСТВО УНКОВСКОГО

Путь посольства Унковского через Украину превратился в сплошную манифестацию русско-украинского братства. Начиная с Конотопа, куда Унковский прибыл 1 апреля, и кончая Чигирином, ставкой Хмельницкого, казаки и все население восторженно встречали и провожали московское посольство.

В сохранившемся «статейном списке» это путешествие описывается так: «Как ехали Запорожскую землю от порубежного города Конотопа до Чигирина и в городах полковники, и сотники, и атаманы, и есаулы Григория (Унковского) встречали и провожали конные з знамены, а у городов пешие с ружьем и на встрече и на провожанье стреляли из пушек».

Сын гетмана Тимофей со старшиной встретил Унковского под Чигирином и сопровождал к ожидавшему его Хмельницкому.

В переговорах с Унковским Хмельницкий добивался ускорения активного участия Москвы в предстоящей войне с Польшей, но Унковский мог только обещать принятие Украины в состав русского государства, «когда она будет освобождена», но не мог дать обещаний немедленной военной помощи, вследствие затруднительного положения Москвы. Хмельницкий же настаивал на военной интервенции Москвы и, когда уезжал Унковский, вместе с ним послал к царю своего специального посла — полковника Федора Вешняка, чтобы тот склонил Москву на интервенцию и немедленное воссоединение.

Однако на открытую войну с Польшей Москва еще не решалась. Дело ограничилось только всесторонней косвенной помощью Москвы восставшей Украине, о которой упомянуто выше.

Для правильного понимания русско-украинских взаимоотношений и настроений эта помощь и стремление Хмельницкого добиться согласия на воссоединение весьма показательны, ибо они полностью опровергают версию украинских шовинистов-самостийников о «вековечной вражде между украинцами и москалями».

Характерно и то, что эти настойчивые попытки добиться согласия Москвы на воссоединение Хмельницкий делал в первой половине 1649 года, то есть после ряда блистательных побед над поляками в предыдущем году. Этим, как уже упоминалось выше опровергается версия «школы Грушев-

ского» о том, что Хмельницкий обратился к Москве потому что очутился в тяжелом положении.

Теперь, когда стали доступны многие документы той эпохи, можно категорически утверждать, что стремление к воссоединению было искренним и обоюдным, как у народов Москвы и Украины-Руси, так и у их вождей.

И только исключительно неблагоприятное время начала восстания помешало Москве немедленно активно включиться в дело освобождения Украины-Руси. ✓

После Смутного времени и тянувшихся десятилетиями войн с поляками и шведами, Москва не могла так легко решиться на новую войну с Польшей, которая бы была неизбежна в случае воссоединения.

Решилась на это Москва только пять лет спустя (на рубеже 1653—1654 годов), не прекращая однако, а все время усиливая всестороннюю косвенную помощь восставшей Украине-Руси. Принципиальное же решение Земского Собора о согласии на воссоединение было вынесено еще в начале 1651 года.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ТАТАРАМИ

Невозможность Москвы принять активное участие в военных действиях ставила Хмельницкого в необходимость во что бы то ни стало, наряду с организацией и усилением собственных сил, искать сближения с татарами и укрепления с ними сотрудничества, которое в 1648 году значительно содействовало разгрому поляков.

Дипломатическими переговорами, щедрыми подарками и не менее щедрыми обещаниями Хмельницкий парализует деятельность польских дипломатов, стремившихся поссорить татар с украинцами, и обеспечивает их участие в предстоящей войне, к которой, как уже было упомянуто, обе стороны энергично готовились всю первую половину 1649 года. ?

Между тем народ, не ожидая начала военных действий, спорадически поднимает восстания, уничтожает еще кое-где уцелевших поляков-шляхтичей и их арендаторов-евреев и с особенной яростью расправляется с представителями католической церкви. Иногда эти восстания принимали очень крупные размеры. Так, например, в мае 1649 г. произошло восстание, возглавленное киевским мещанином Полегеньким, о котором уже упоминалось выше. Киев был окружен и все находившиеся там поляки и украинцы-униаты вырезаны или потоплены в Днепре, а католические костелы и монастыри разрушены.

НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 1649 ГОДА

В начале лета обе армии, польская и украинско-татарская, двинулись навстречу друг другу. Передовая часть поляков под командой Фирлея и Вишневецкого шла от Константинова и выбрала для столкновения Збораж, который был сильно укреплен. На усиление Фирлея медленно двигалась из Польши большая армия под командой самого короля, все время увеличиваясь шляхетскими ополчениями. Хмельницкий двинулся от Чигирина совместно с прибывшими ему на помощь татарами. 6000 казаков и 15 000 татар под общей командой полковника Федора Коробки Хмельницкий оставил на Украине, о чем Коробка в июне 1649 года уведомил пограничного московского воеводу. Целые отряды украинцев, живших в пределах Московского государства в приграничных областях, отправились на помощь Хмельницкому, обильно снабженные всем необходимым московскими воеводами, о чем свидетельствуют сохранившиеся донесения воевод.

Хмельницкий быстро продвигался к Зборажу. Благодаря сочувствию населения его разведка была отлично осведомлена о действиях поляков. У поляков же разведка была орга-

низована гораздо хуже. «Очень трудно добыть шпиона среди этой Руси. А когда добудем языка, то хоть жги их — правды не скажут», — пишет один из участников этой войны. ✓

ОСАДА ЗБОРАЖА

Казаки и татары обложили Збораж и начали правильную осаду, проявивши при этом большое искусство. Они соорудили так называемые «гуляй-города», деревянные передвижные щиты, и из-за них, с близкого расстояния, расстреливали поляков. Насыпавши высокие земляные валы, казаки с них забрасывали большие якоря-крючки на телеги польского обоза, а затем целую телегу втаскивали к себе.

БИТВА ПОД ЗБОРОВОМ

После больше чем полуторамесячной осады Збораж поляки начали голодать и в их рядах наступила деморализация. Збораж был накануне падения. Но в это время Хмельницкий получил известие, что король с главными силами движется на выручку Зборажу. Хмельницкий, оставивши часть войска для продолжения осады, сам с главным силами и татарами поспешил ему навстречу. Обе армии сошлись под Зборовом, и завязался ожесточенный бой. Поляки дрогнули, в их рядах началась паника. Казаки уже прорвались к центру укрепленного лагеря; победа была полной и несомненной; оставалось только добить уже разбитого врага. Но... в этот момент Хмельницкий остановил бой... Остатки поляков были спасены. Причиной этому было категорическое требование татар, которые сами, без предупреждения, вышли из боя и угрожали немедленно вместе с поляками броситься на казаков, если они не прекратят сражения и не согласятся на перемирие.

Понятно, что Хмельницкому пришлось подчиниться и начать переговоры о перемирии. Еще до сражения король

отправил письма к хану и к Хмельницкому, предлагая первому 200 тысяч талеров и особый выкуп — 40 тысяч талеров за осажденных в Збораже поляков, а Хмельницкому — обещания «удовлетворить все требования казаков».

После согласия хана и Хмельницкому ничего не оставалось делать, как согласиться. 7 августа 1649 было подписано перемирие, а вслед затем состоялась встреча Хмельницкого с королем Яном-Казимиром в ставке последнего.

Об этой встрече есть множество версий. По польским версиям, Хмельницкий держал себя приниженно, даже стал на колени и поцеловал королю руку. По донесениям московских послов, со слов очевидцев, подробно описавших это свидание (даже описавших, как был одет Хмельницкий), держался он гордо и с достоинством и при свидании передал свои «требования», основываясь на письме короля.

«Требования» Хмельницкого состояли в неограниченном числе казацкого войска и в установлении обширной территории, подвластной только гетману, без права держать на ней польские войска и администрацию, а также полного прекращения католической агрессии и дискриминации по религиозному и национальному признаку.

ЗБОРОВСКИЙ ДОГОВОР

Почувствовав свою силу, поляки эти «требования» урезали: определили реестр в 40 000 казаков (составление поручено гетману), значительно сократили территорию, на которую претендовал Хмельницкий, а вопрос религиозный отложили до решения сейма, равно как и утверждение всех статей договора.

Хмельницкий был вынужден согласиться и 8 августа подписал «Зборовский договор».

Казаки ушли к Зборажу, сняли его осаду и уже 15 августа двинулись в Чигирин. Поляки вернулись в Польшу, распустив по домам шляхетские ополчения, а татары, грабя, на-

силуя и захватывая в рабство население, двинулись в Крым. В выигрыше от Зборовского договора были только татары. Оба же главных противника, Польша и Украина, отлично понимали невозможность выполнить этот договор и подписали его только потому, что не рисковали при сложившейся обстановке продолжать борьбу. Цель Польши была вернуться к временам «золотого покоя», то есть к полному социальному, национальному и религиозному порабощению своей колонии Украины-Руси. Население же Украины-Руси стремилось этого не допустить и раз навсегда освободиться от польско-католической агрессии и ненавистной унии.

Понимая невозможность выполнить условия договора, Хмельницкий затягивал составление реестра, вывод своих войск с территорий, с которых по договору они должны были быть выведены, и возврат бывшей польской администрации и шляхты. Перед поляками он оправдывал свои проволочки тем, что ожидает утверждение договора сеймом. Населению же Хмельницкий содержание договора вообще не сообщал, ибо знал, что это вызовет взрыв негодования.

Неудача под Зборовом не сломила волю Хмельницкого к борьбе, и он начал к ней готовиться, понимая неизбежность ее продолжения. Свое огорчение против Москвы, что она не помогала войсками, он высказал московскому послу Неронову, посетившему его в ноябре 1649 года. В своем донесении в Москву Неронов сообщает, что гетман даже заплакал, но все же заверял в своей непоколебимой верности делу братства с русским народом и надежду на воссоединение.

Вынужден был Хмельницкий поддерживать и даже укреплять сомнительную «дружбу» с татарами, поборовши негодование свое и всего народа за их измену. Эти хоть и ненадежные союзники были ему необходимы для продолжения борьбы. А поэтому, кроме сношений с Крымом, он установил еще и непосредственную связь с Турцией, у которой в вассальной зависимости находился Крым. Хмель-

ницкий дает Турции понять на открывающиеся возможности для ее экспансии в случае поражения Польши и ухода поляков за Вислу.

Не дремлет и польская дипломатия, подстрекая Крым и Хмельницкого совместно напасть на Москву. Но в этом вопросе Хмельницкий был непреклонен. Он заявил хану, что против православного царя он воевать не будет. Затея Польши разбилась о непоколебимое сопротивление Хмельницкого.

Между тем в декабре собрался сейм, который должен был утвердить Зборовский договор. На этот сейм Хмельницкий отправил посольство во главе с полковником Нестеренко. Поляки отнеслись к посольству подчеркнуто пренебрежительно. По донесениям находившихся в то время в Варшаве московских послов, «избу им отвели худую, а содержание давали бедное и скверное».

В дело утверждения Зборовского договора вмешалась католическая церковь через папского посланца Тореса и, в результате, договор был принят, но «без внесения в конституцию», что было равносильно его неприятию.

Слухи о тяжелых условиях Зборовского договора проникли в широкие массы населения. Оно реагировало на это или массовым переходом через границу Русского государства или таким же массовым уходом на юг, на Запорожье.

ВОССТАНИЕ ХУДОЛЕЙ

Недовольство против Хмельницкого вылилось в открытое восстание тех, кто не попал в реестр и, согласно статьям Зборовского договора, должны были вернуться в крепостную зависимость к помещикам. Восстание возглавлял запорожец Худoley, который восставшими был выбран гетманом. Не без труда Хмельницкому удалось подавить это восстание. Худoley и несколько возглавителей были пойманы

реестровыми казаками и казнены. Восстание это лишний раз подтвердило Хмельницкому неосуществимость выполнения статей Зборовского договора.

ПОИСКИ СОЮЗНИКОВ

Но к войне с Польшей он не был готов, а потому прибег к политике оттягивания проведения в жизнь статей договора, развивая в то же время самую энергичную деятельность в двух направлениях: подготовки военных сил к новому столкновению и, по линии дипломатической, поисками союзников для себя и отрыв от Польши ее союзников. Прежде всего Хмельницкий всеми силами старался убедить Москву в необходимости воссоединения и совместных военных действий против Польши. В конце концов, это ему удалось и Земский Собор в феврале 1651 года вынес решение о воссоединении. Правда, решение это пока что было только принципиальное, не сопровождавшееся немедленным проведением его в жизнь. Но все же это был большой шаг вперед в деле воссоединения.

ТУРЦИЯ

С другой стороны, благоприятно протекали и переговоры с Турцией. Султан прислал к Хмельницкому в Чигирин своего специального посла Осман-Агу с богатыми подарками, а Хмельницкий отправил в Царьград полковников Ждановича и Яновского для ведения переговоров.

МОЛДАВИЯ

С целью ослабить Польшу Хмельницкий предпринял ряд мер, чтобы оторвать от нее и заполучить в союзники Молдавию. Когда он натолкнулся на сопротивление Молдавского господаря Лупеску, который поддерживал полити-

ку Польши и помогал ей деньгами, был организован (летом 1650 г.) совместно с татрами поход к границам Молдавии. Испуганный возможностью казацко-татарского вторжения, Лупеску обязался расторгнуть союз с Польшей, помогать Хмельницкому и даже пообещал выдать замуж за его сына Тимофея свою дочь. Турция, вассалом которой считался Лупеску, одобрила перемену его политики и тем усилила позиции Хмельницкого.

С поляками в течение всего 1650 года крупных столкновений не было. Обе стороны лихорадочно к ним готовились.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ БОРЬБЫ. БЕРЕТЕЧКО

Начали поляки. В феврале 1651 года без всякого предупреждения они захватили город Красное, в котором находился казачий гарнизон, и поголовно вырезали не только гарнизон, но и все население города. Затем двинулись к Виннице, все разрушая и убивая на своем пути. Но Винницу им взять не удалось. Полковник Богун организовал ее защиту и в течение нескольких дней успешно отбивал все атаки поляков. От Винницы поляки направились к Берестечку, в районе которого сосредотачивались все польские силы. Туда же 20 июня подошел Хмельницкий совместно с татарами, которыми командовал сам хан Ислам-Гирей III. Завязался ожесточенный бой, который в начале развивался для казацко-татарских сил успешно. Но в самый разгар боя татары, даже не предупредив Хмельницкого, вышли из боя и ушли на 20 километров на юго-восток, обнаживши свой участок фронта. Хмельницкий бросился их догонять, чтобы уговорить вернуться назад, но татары взяли его в плен и продолжали не спеша двигаться в направлении на Крым. Поляки же воспользовались этим обстоятельством и нанесли казакам тяжелое поражение. Десять дней упорно отбивались казаки, несколько раз за это время меняя команду-

щих, но все же до полного разгрома не дошло и полковнику Богуну, который взял команду в свои руки, удалось спасти большую часть войска, правда, потерявши часть артиллерии и обоза. Казаки отошли к Паволочи, куда вскоре прибыл и откупившийся от татар Хмельницкий. Несмотря на несомненное и крупное поражение, дух их не был сломлен и все готовились к продолжению борьбы.

ПОХОД РАДЗИВИЛЛА

Одновременно с наступлением на юго-восток, часть вооруженных сил Польши под командой литовского гетмана Радзивилла вторглась на Черниговщину. Черниговский полковник Небаба с войсками, находившимися на Левобережье, вышел ему навстречу, но в сражении под Репками был разбит. Не желая ни сдаваться, ни отступить, Небаба погиб на поле сражения, а заменивший его Недбайло отступил и организовал защиту Чернигова. Несмотря на все усилия, Радзивиллу так и не удалось взять Чернигов. Тогда он двинулся на Киев, который ему и удалось занять 25 июля. Защитники Киева не сдались, а, видя невозможность дальнейшего сопротивления, погрузились на лодки и плоты и уплыли вниз по Днепру. Радзивилл вошел в почти пустой Киев и в течение десяти дней его войска грабили город, жгли здания, убивали и насиловали оставшихся жителей. Среди оставшихся киевлян был и митрополит Косов, который встретил Радзивилла приветственной речью. Как и у большинства высших православных церковных иерархов, его симпатии были не на стороне народа, а на стороне феодалов, против которых боролся народ.

Два крупные поражения (Берестечко и Репки), взятие Киева и занятие поляками почти всего правого берега Днепра были тяжелым ударом для Украины-Руси, однако дух бойцов и населения не был сломлен, борьба продолжалась. Регулярные казачьи части стягивались к Белой Церкви, где

находилась ставка гетмана, а многочисленные, чрезвычай-но активные, партизанские отряды не давали полякам возможности использовать их победы, постоянно нападая на отдельные польские отряды и безжалостно их уничтожая. Но поляки, соединившись с оставившим Киев Радзивиллом, не прекращали своих операций и с крупными силами подошли к Белой Церкви. Положение было тяжелое, союзников-татар не было, не было и военной помощи из Москвы, получить которую так стремились казаки. В конце июля, тотчас после получения известия о падении Киева, Хмельницкий созвал раду казацкой старшины у Маслово Става на берегу Росавы, чтобы решить, что делать дальше. Рада была единодушна в желании продолжать борьбу, окончательно порвать с Польшей и воссоединиться с Россией. Но для этого в данный момент не хватало собственных сил, а потому тут же было выбрано посольство к царю с просьбой военной помощи и ускорения решения вопроса о воссоединении, принципиально уже решенного Земским Собором еще в феврале. В начале августа послы Савич, Мозырь и Золотаренко уже проехали Путивль, направляясь в Москву.

Полтора месяца ждали помощи из Москвы, но ее не было, так как Москва не могла решиться на открытую войну с Польшей. Хмельницкому ничего не оставалось, как пойти на «примирение» с поляками, которое они усиленно предлагали.

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ ДОГОВОР

После длительных переговоров между польским командованием и Хмельницким, 18 сентября 1651 года был подписан Белоцерковский договор, одинаково неприемлемый ни для одной из подписавших его сторон.

По этому договору реестр устанавливался в 20 000. Жить казаки могли только в пределах Киевского воеводства; внешние же в реестр казаки других воеводств (Брацлавщины,

Черниговщины) должны были переселяться в Киевское воеводство. Все остальное население возвращалось в крепостную зависимость к шляхте и магнатам. Казачья администрация, да и то частичная, сильно урезанная и распродранная только на казаков, сохранялась только в пределах казачьих поселений. Вся остальная территория и население Украины-Руси подчинялись польской администрации. Коротко говоря, жалкое подобие некоего самоуправления для реестровых казаков и ничего больше. Понятно, что, подписывая Белоцерковский договор, казаки и не думали его выполнять, а смотрели на него только как на вынужденное перемирие.

Так же расценивали его и поляки, имевшие конечной целью полное уничтожение казачества, наказание вождей восстания и закрепощение, окатоличивание и ополячивание всего без исключения населения Украины-Руси.

Для немедленного продолжения борьбы ни одна, ни другая сторона не имела сил, а потому и пошли на этот мир, понимая что это вовсе не мир, а только перемирие, которое к тому же должно было быть утверждено сеймом.

Проведение в жизнь статей Белоцерковского договора Хмельницкий всячески оттягивал, несмотря на требования поляков, которые торопились восстановить свою власть и вернуть шляхте и магнатам их имения и крепостных.

Не спеша составлял он 20-тысячный реестр. Параллельно, тайно от поляков, составлялся другой, 40-тысячный, реестр. Обещаниями продолжения борьбы и воссоединения с Москвой, в чем народ видел свое единственное спасение, Хмельницкий пытался успокоить население, удержать его от массового бегства в пределы Московского царства или в Запорожье и восстановить свой сильно поколебавшийся после неудач авторитет.

Хмельницкий знал о состоявшемся принципиальном решении Земского Собора о воссоединении и понимал, что вопрос активного вмешательства Москвы есть только вопрос времени. Надо было только выждать и удержать население

не только от бегства, но и от неорганизованных выступлений и сохранить казацкие войска от полной ликвидации.

С большими трудностями, лавируя между требованиями поляков и стихийным стремлением народа продолжать борьбу, Хмельницкому удавалось удерживать относительный мир и ликвидировать спорадически вспыхивавшие восстания, иногда довольно крупные. Так, например, вмешательством Хмельницкого было ликвидировано восстание, во главе которого стоял черниговский полковник Недбайло.

Сохранять этот относительный мир было нелегко, так как поляки, продвигаясь в глубь Украины, своей жестокостью давали много поводов для вспышек народного гнева или для бегства от этих жестокостей.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) сохранилось множество документов-донесений воевод пограничных городов о том, как население Украины реагировало на возвращение польской власти. Путивльский воевода сообщает, что когда поляки подошли к Конотопу, то «конотопцы, черкасы и мещане, все с Конотопа и с уезду вышли» и перешли московскую границу. Население г. Ромны организовало сопротивление и уничтожило один польский отряд (Семашки). За это несколько сел было сожжено, а население поголовно вырезано.

Насколько велики были размеры переселений, видно из сохранившихся документов. Например, о переходе черниговского наказного полковника Ивана Дзиковского с сотниками сотен Черниговской, Батуринской, Бахмачской, Конотопской и Нежинской, казаками и «пашенными людьми» (крестьянами) с семьями — всего 2000 мужчин. Или о переходе группы, возглавляемой Самойлом Турбацким и Федором Середенко — 500 семейств; сохранилось донесение воеводы Хилкова о поступившей к нему просьбе монахов Нежинского, Воздвиженского, Мгарского и Полтавского монастырей разрешить им переселиться в пределы Московского государства.

Эта неопровержимые факты (а их можно привести множество) красноречиво говорят о характере русско-украинских взаимоотношений и опровергают версию шовинистов-самостийников о «вековечной» русско-украинской вражде. О том же, что претерпело население Украины-Руси от поляков, говорят цифры из труда проф. Владимирского-Буданова «Передвижение южноукраинского населения в эпоху Богдана Хмельницкого». В городе Владимире (Волынь) к 1654 году из 927 домов осталось 15; в Корце и его районе из 4731 дома к 1653 г. осталось всего 541 дом; в Луцке после опустошений, учиненных польскими солдатами, уцелело 14 домов; целый ряд сел за оказанное сопротивление возвратившимся помещикам поляками был уничтожен совершенно, как, например, большие села Липовцы и Рябухи (Прилуцкого полка) и много других. На Брацлавщине сожжено и разрушено около тысячи церквей, а многих православных священников шляхтичи заставляли отбывать барщину и подвергали телесным наказаниям. Сохранилось немало документов об издевательствах польско-католических агрессоров над православным духовенством. Например, в Сильницах шляхтич Скаповский заставлял работать старика-священника и жестоко его избивал. Такие случаи оставались безнаказанными и были явлениями не единичными, а типичными.

В своем «Сказании о войне казацкой с поляками» летописец Величко, описывая то время, говорит: «И были слышны в народе вопль и воздыхание, и горе, и ропот...»

В такой обстановке приходилось Хмельницкому прилагать огромные усилия, чтобы не допустить до стихийного восстания, которое в тот момент не имело никаких шансов на успех и вызвало бы только усиление репрессий и ненужное кровопролитие. Все еще не имея определенных данных и времени военного выступления Москвы, Хмельницкий искал союзников в татарской орде и в Молдавии. Татарам он разрешал кочевать в южной части Полтавщины. А отрыв Молдавии от Польши старался закрепить браком своего сына с дочерью молдавского господаря. Поляки

всячески этому противодействовали. Усиленно уговаривали Хмельницкого, чтобы он с татарами предпринял нападение на Русское государство, чего очень хотели и татары; к границам же Молдавии демонстративно направили большую армию во главе с гетманом Калиновским, которая расположилась на южном Буге около горы Батог. Со стороны поляков также выдвигался план большого казацкого похода против Турции.

Усыпляя бдительность поляков, Хмельницкий делал вид, что соглашается с их планами, для осуществления которых, как объяснял полякам Хмельницкий, он успешно оснащает всем необходимым свои войска и распределяет их в местах, выгодных как исходные позиции для будущих операций. На самом же деле в предвидении продолжения вооруженной борьбы с Польшей он только выигрывал время и соответствующим образом распределял свои силы.

Полки Левобережья под командой наказного гетмана Пободайла он сконцентрировал вблизи стыка границ русской, литовской и украинской, но вовсе не для похода на Москву, а чтобы в случае нападения войск Великого княжества Литовского можно было сразу дать им отпор. Большинство же войска он держал в районе Чигирина и ближайших мест Правобережья, якобы готовясь к походу на Турцию.

Между тем в Варшаве собрался сейм для утверждения Белоцерковского договора. Победила антиукраинская оппозиция, которая сначала требовала уменьшения реестра с двадцати до шести тысяч, а затем и вообще отказалась утвердить договор. Стало очевидно, что война неизбежна, хотя король и дал находившимся в Варшаве представителям казаков устные заверения своего к казакам расположения и желания сохранить их вольность и привилегии. С другой стороны, как об этом свидетельствует «Собрание государственных актов и договоров» (издание 1822 года), находившемуся в Москве послу Хмельницкого полковнику Искре русское правительство гарантировало, что если казакам от поляков «почнется теснота, то гетман и казаки все будут приняты в

русское государство и расселены по Дону и Медведице по соседству с донскими казаками». Искра же просил расселить казаков «близко к Путивльскому рубежу».

Получивши сведения из Варшавы и Москвы, Хмельницкий в апреле 1652 года собрал тайную старшинскую раду, на которой было рассмотрено создавшееся положение и приняты решения на будущее.

РАЗГРОМ ПОЛЯКОВ ПОД БАТОГОМ

Вскоре после этого был предпринят известный рейд Хмельницкого, поддержанный татарами, к границам Молдавии, который закончился страшным разгромом польского войска под Батогом.

Отправивши вперед сравнительно небольшой отряд под командой своего сына Тимофея, якобы за невестой, дочерью молдавского господаря Лупеску, уже раньше давшего под давлением казацко-татарских сил согласие на этот брак, Хмельницкий с главными силами двинулся ему вслед. Когда стоявшая на Буге польская армия попыталась не пропустить передовой отряд и завязался бой, Хмельницкий быстро подвел свои главные силы, послав татар в обход, и развязал большое сражение, известное в истории как битва под горой Батог (23 мая 1652 года).

Поляки были разгромлены. Гетману Калиновскому в сражении была отрублена голова. А из польской армии в несколько десятков тысяч попало в плен только несколько сот, остальные были убиты.

Хотя впоследствии союз с Молдавией и не был осуществлен и брак сына Хмельницкого не состоялся, так как он был убит в 1653 году при осаде молдавского города Сучавы, битва под Батогом имела огромные последствия. Она подняла дух народа, укрепила его волю к борьбе и победе, показала полякам, что им еще рано считать законченным «усмирение» Украины и, несомненно, повлияла на активное вмешательство Москвы.

Среди поляков наступило состояние, близкое к панике. Отдельные гарнизоны, расквартированных на Украине польских войск оставляли города и области, опасаясь восстаний, и отходили на запад. Целый ряд городов, без всякого давления, был оставлен польскими гарнизонами и администрацией, с которыми бежали вернувшиеся было помещики.

Летом 1652 г. в Варшаве собрался Сейм, на котором обсуждалось создавшееся положение. Непримиримые, во главе с Чарнецким, врагом Руси, настаивали на принятии самых жесточайших мер и уничтожении «взбунтовавшихся хлопков»; более умеренные, возглавляемые литовским канцлером Радзивиллом, возражали, говоря, что если уничтожить бунтовщиков (а таковыми было поголовно все население Украины-Руси), то некому будет работать и платить подати.

В результате, было решено создать специальную армию в 50 тысяч для борьбы с казаками и готовиться к зимней кампании. Пока же для усыпления бдительности Хмельницкого к нему было отправлено специальное посольство с обещанием «забыть» прошлое и требовать разрыва его связей с татарами и прекращения сношений с Москвой. Для урегулирования всех спорных вопросов поляки предлагали создать специальную польско-казацкую комиссию, которая бы занялась подготовкой окончательного полюбовного прекращения борьбы.

Хмельницкий не дал себя обмануть и, не уклоняясь от переговоров, продолжал энергично готовиться к продолжению военных действий.

Почти год прошел в этих переговорах и подготовке обеих сторон к войне, без сколько-нибудь крупных столкновений, и только осенью 1653 года встретились сравнительно крупные польские и казацко-татарские силы. Произошло это под Жванцем около Хотина, где сосредоточилась польская армия численностью более 60 тысяч, из которых 29 тысяч были наемные немецкие ландскнехты. Кроме того, на противоположной стороне Днестра стояло 10 тысяч венгров и 3 тысячи валахов, союзников Польши.

Неприятельские войска стояли на очень выгодных позициях, и Хмельницкий атаковать их не решился, а прибег к осаде, вернее, блокаде польских войск. Татарские и казацкие отряды перерезали все коммуникационные линии, связывавшие армию с Польшей, и тем вызвали острый недостаток продовольствия и теплой одежды, необходимой при наступивших холодах. Армия начала голодать и разлагаться.

В конце ноября Хмельницкий считал уже возможным атаковать поляков, но этому воспротивились татары, которых поляки успели подкупить за 5 тысяч золотых червонцев. Тогда казаки атаковали сами и в течение нескольких дней вели с поляками успешные бои, что вынудило поляков просить перемирия. Ввиду угрозы крымского хана перейти на сторону поляков в случае отказа казаков от перемирия, Хмельницкий был вынужден на него согласиться.

4 декабря собралась польско-казацко-татарская комиссия для установления условий перемирия. Не согласившись с рядом условий, казаки из комиссии вышли, а поляки с татарами договорились, что восстанавливается Зборовский договор, Польша обязывается ежегодно платить татарам дань, а кроме того, поляки разрешают татарам 40 дней грабить Волынь и брать «ясырь» — пленников.

Понимая невозможность продолжать борьбу, несмотря на несомненное поражение поляков, о чем свидетельствуют тяжелые для них условия перемирия, Хмельницкий вернулся с войском в Чигирин.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Столкновение под Жванцем было последнее сражение того периода освободительной войны, которую Хмельницкий вел с 1648 года, сотрудничая с татарами и имея от Мо-

сквы, хотя и большую и всестороннюю, но только косвенную помощь, ибо на вмешательство Москва в течение шести лет не решалась. Помощь эту, равно как и оживленные экономические и культурные связи между Русью-Украиной и Русью Московской, украинская шовинистическо-сепаратистская историческая школа старательно замалчивает и сознательно, путем этого замалчивания, искажает историю Украины-Руси.

А между тем бесчисленные исторические документы, хранящиеся в ЦГАДА, неопровержимо доказывают наличие, размеры и характер этих связей, особенно усилившихся и оживившихся в первой половине XVI века, то есть в годы освободительной борьбы и им предшествовавшие.

В далеком Сольвычегодске украинские купцы были главные покупатели пушнины. Сохранилось донесение (1640 г.), объясняющее неуспех одной из ярмарок пушнины тем, что в этом году «не приехали черкасы, которые обычно наиболее покупают»... В донесении из Касимова (около Рязани), спрашивается, как поступать с черкасами, которые понавезли много водки и табаку и торгуют ими на соблазн местного населения.

Из сохранившихся отчетов и счетов купцов Зеркальникова и Масалитинова видно, что они регулярно возили в Чигирин целые обозы сукна, то есть, снабжали казацкую армию.

Существует в ЦГАДА и отчет об отправке (в 1651 году) русским правительством из Москвы в Чигирин несколько обозов «пушечных и хлебных запасов».

В 1653 году, с возвращавшимся из Москвы послом Хмельницкого С. Мужилевским было послано в дар православной церкви Украины-Руси большое количество «священных сосудов, и риз и книг к церковной потребе».

Большие партии готовой одежды закупами в русских городах купцы из Луцка, как об этом свидетельствуют документы об освобождении от пошлины всех их товаров, идущих на Украину

Киевско-Печерский монастырь закупал в Туле и в Кашире большие количества железа для нужд своих многочисленных имений, а также нанимал специалистов: «ковщиков, крючников, доменщиков». Оживленную торговлю с Россией вели также и греки, имевшие большую колонию в г. Нежине, которые ухитрились торговать даже в обстановке военного времени.

Из Киева шли в Москву ювелирные изделия, парча, шелк, попадавшие в Киев из Турции. Особенно оживленными были сношения Украины со Слободской Украиной, где жило немало переселившихся с Украины хороших ремесленников, которые продавали свои изделия приезжавшим с Украины купцам.

Примеров экономического сотрудничества и помощи, подтвержденных неоспоримыми документами, можно привести множество. Но и из упомянутого выше очевидно, что русский народ и Московское государство в самый трудный период жизни украинского народа, когда он вел борьбу с католическо-польским угнетением, служил надежным тылом, куда можно было укрыться в случае неудачи, и основной базой снабжения для ведения борьбы.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ УКРАИНЫ-РУСИ С МОСКВОЙ

Кроме массовых переселений и широкой помощи переселенцам, о чем уже упоминалось, и кроме оживленных экономических связей, не менее оживленными были культурные связи единоверных и единокровных Украины-Руси. Руси Московской.

Уже в начале XVII столетия Киевское братство и группировавшиеся вокруг него культурные силы определенно и недвусмысленно тяготели к Москве. И чем сильнее был нажим католическо-польской агрессии в религиозном и национальном направлениях, тем сильнее становилось это тяготение.

Общеизвестны стремления митрополита Иова Борецкого в начале XVII века к теснейшему церковному и политическому сближению с Москвой и к воссоединению двух братских народов и его связи с Москвой. Со своей стороны, Москва проявляла большой интерес к культурной жизни Киева, бурно развивавшейся в начале XVII века под покровительством Киевского братства.

В описи книг Строгановых мы находим несколько сот книг, напечатанных в Киеве, а во многих крупных русских монастырях (Соловецком, Троице-Сергиевом, Суздальском и других) в описях числилось даже по несколько экземпляров одной и той же книги киевского издания. Монастыри посылали в Киев специальных посланцев для закупки больших партий книг, а потом распределяли их по более мелким монастырям.

В ЦГАДА сохранился отчет «попа Ивана», который в 1652 году ездил в Киев за книгами и привез их большое количество. В сохранившихся описях библиотек именитых московских бояр неизменно встречаем много книг, вышедших на Украине.

Особенной любовью пользовались и охотно покупались книги с нотами «крюкового письма», в которых особыми крюками, заменявшими тогда ноты, печатались церковные песнопения так называемого «киевского напева».

Кроме книг и нот в России был большой интерес к украинским певцам — «спивакам басистым и тенористым», которых приглашали на службу для организации хоровых групп. Сохранились, например, сведения о выезде в 1652 г. из Киева в Москву на службу Федора Тернопольского с одиннадцатью «спиваками» или о пребывании в Сольвычегодске на службе у Строгановых украинского регента-композитора Дилецкого, который ввел там новые сложные формы и применил контрапункт. Киевские ученые Епифаний Славинецкий и Арсений Салтановский высоко ценились в Москве и были приглашены туда «для риторского учения»

и переводов с латинского и греческого с необычайно высоким по тем временам вознаграждением, о чем сохранились документы.

В 1640 году киевский митрополит Петр Могила, видя все растущие и крепнущие культурные связи Киева и Москвы, предложил русскому правительству организовать в Москве своеобразную школу, в которой учителями были бы киевские ученые. Об этой организации монастыря-школы Могила пишет: «В царствующем граде благодатью и казною своей царскою монастырь соорудить, в котором бы старцы и братья общежительного Киевского братского монастыря живучи, детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили».

Предложение Могила скоро было осуществлено, правда не на средства правительства, а на личные средства боярина Ф. М. Ртищева. Вблизи Воробьевых гор был построен Андреевский «училищный» монастырь, в котором была открыта школа. Преподавали тридцать приглашенных из Киева учителей, «изящных во учении грамматике славянской и греческой, даже до риторики и философии, хотящим тому учению внимати». Школа имела большой успех. Просуществовала она более 20 лет и через нее прошли сотни молодых людей не только боярского рода, но и «простого чину», то есть даже не дворян, а купцов, ремесленников и сыновей духовенства.

Понимая все значение и пользу культурных связей с Украиной-Русью, Московское правительство указом от 14 мая 1649 г. официально и всенародно признало, что оно высоко ценит украинских ученых и ищет их помощи для организации в Москве высшего образования. По этому указу были выписаны в Москву киевские ученые и были созданы все условия для их плодотворной работы.

Приведенные выше экономические и культурные связи из года в год росли и крепились, создавая предпосылки для воссоединения двух братских, единокровных и единовременных

народов, украинского и русского, оформленных Переяславским актом в январе 1654 года и закрепленных впоследствии трехсотлетней совместной жизнью и борьбой за окончательное освобождение всей Украины-Руси.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

Не ожидая формального решения Земского собора о воссоединении, царь Алексей Михайлович своей грамотой от 22 июня 1653 г. уведомил Богдана Хмельницкого о согласии на воссоединение и сообщил, что он готовит войска для помощи казакам.

После этого было снаряжено к Хмельницкому специальное посольство во главе с боярином Бутурлиным, которое выехало из Москвы уже 9 октября.

Но ввиду того, что гетман с войском в то время находился в районе Каменца, где велись бои с поляками под Жванцами, посольство целых полтора месяца задержалось в пограничном русском городе Путивле и только 22 декабря, получивши известия, что казаки к концу года возвращаются в Чигирин, продолжило путь на Украину.

Путь этот, как и путь Унковского в 1649 г., был сплошным триумфальным шествием, начиная с пограничного украинского сотенного местечка Карабутова и кончая Переяславом, который Хмельницким был определен как место встречи, т. к. в нем было больше возможностей хорошо разместить многочисленное посольство, чем в Чигирине.

Кроме официального донесения Бутурлина об этом пути, сохранились и украинские источники, полностью подтверждающие донесения Бутурлина, как, например, «свидетельство» сопровождавшего посольство есаула Войтенко о пути русского посольства от Путивля до Переяслава.

22 декабря многочисленное посольство, состоящее из «9 стольников, трех стряпчих, семи дворян, головы московских стрельцов с 3 сотниками, 11 подъячих, 200 стрельцов

и многих слуг, было встречено перед Карабутовым духовенством с крестами и хоругвями, сотником с казаками и всем населением местечка. Во время молебна многие плакали от радости, твердо веря, что пришел конец их страданиям под властью поляков.

Так же, как в Карабутове, встречали посольство во всех городах и местечках, через которые оно проезжало: Красный Колядин, Иванницу, Прилуки, Басань, Барыщевку. Особой торжественностью отличалась встреча посольства в Переяславе. За пять верст от города посольство встретил полковник с 600 казаками, перед городом были выстроены шеренги пеших казаков; у ворот города с крестами, хоругвями и святой водой встретило все переяславское духовенство, а за ним жители города с хлебом-солью.

Под звон колоколов всех переяславских церквей посольство направилось в собор, где был отслужен молебен, после чего гости были разведены по квартирам, а казаки и горожане долго веселились, стреляя из ружей и даже из пушек.

Радость населения Украины-Руси при известии о соглашении России на воссоединение была всеобщей и неподдельной. Оспаривать это, как пытаются делать сепаратисты, значит исказить историческую действительность, подтвержденную многочисленными свидетельствами современников, как великороссов, так и украинцев.

Только микроскопически малая группа населения относилась к воссоединению настороженно, а иногда и враждебно, хотя, учитывая общее настроение, и не могла открыто возражать.

Это была незначительная часть старшины, главным образом шляхетского происхождения и воспитания (часто в иезуитских школах), да самая верхушка православного духовенства.

Целью первых было введение на Украине социального порядка польско-литовского, однако без польского господства, а со своими украинскими магнатами, каковыми мог-

ли бы стать старшина, и со своей шляхтой, права которой получило бы известное число реестровых казаков. То есть создание из Украины-Руси подобия Великого княжества Литовского, связанного с Польшей только личностью общего короля.

Митрополит и некоторые епископы и архимандриты без энтузиазма относились к воссоединению, ибо боялись неизбежно связанного с ним подчинения православной церкви Украины-Руси московскому патриарху. Они предпочитали бы иметь равноправие с католиками с сохранением как своей церковной автономии, так и положения крупных феодалов, подобно князьям-епископам католической церкви.

Искажая историю, шовинисты-сепаратисты изображают эту незначительную группку людей стремившихся к личной выгоде, как «оппозицию против порабощения Украины москалями».

В действительности же эта «оппозиция» не осмелилась даже открыто выступить на Переяславской раде, на которой единогласно было принято решение о воссоединении.

Только в Киеве эта «оппозиция» проявила себя: в то время как киевляне восторженно приветствовали приехавшего приводить их к присяге Бутурлина (после Переяславской Рады), митрополит Косов, тот самый, что приветствовал захватившего в 1652 г. Киев Радзивилла, и архимандрит Киево-Печерской Лавры Тризна удерживали своих крепостных и слуг от принесения присяги и не хотели сами присягать. Однако их сопротивление Бутурлину скоро удалось преодолеть без применения каких бы то ни было насильственных мер и они должны были подчиниться общему настроению и желанию всего народа.

Украинские источники: «Летопись Самовидца», «Летопись Г. Грабинки», «Летопись С. Величко» сообщают о редком единодушии всего народа в вопросе воссоединения и о радости, с которой люди принимали присягу единоверному и единокровному русскому царю. «И бысть радость великая в народе», — пишет летописец.

При таких настроениях готовился Переяслав к казачьей раде, созванной Хмельницким для решения вопроса о воссоединении Украины с Россией.

На эту раду со всех краев Украины съезжалась казацкая старшина, а также немало представителей населения отдельных городов и местечек.

Сам Хмельницкий запаздывал, т. к. на Днепре был ледоход и он смог переправиться только 6 января 1654 г. Вечером в этот день Хмельницкий прибыл в Переяслав и на следующий день посетил Бутурлина на его «подворье» (квартире) и выработал с ним весь церемониал воссоединения.

8 января в Переяславе на площади, собралась рада, в которой принимали участие не только казацкая старшина и казаки, но и народ: духовенство, мещане, крестьяне.

Некоторые историки оспаривают всенародный характер этой рады, считая, что эта рада была чисто старшинская или старшинско-казацкая. Но сохранившиеся в источниках подлинные слова Хмельницкого, с которыми он обратился к собравшимся, это мнение опровергают. Хмельницкий сказал: «До всего войска запорожського и всех православных христиан ныне собрали есьмя раду явную всему народу...»

Площадь, прилегающие улицы, крыши домов были заполнены собравшимся народом, к которому обратился с большой речью Богдан Хмельницкий. Обрисовав общее положение, он дал характеристику четырех соседей Украины: Крыма, Турции, Польши, России. «Каковы татары — мы знаем; каково живет там православным, что попали под власть турецкого султана — мы тоже знаем и Руси такой доли не желаем; о поляках и говорить не надо: кто из нас не испытал их панованье на себе? Но есть еще единоверный и единокровный восточный царь православный!..»

«Волим под царя московского православного», — прокатился ответ народа по площади.

Так, 8 января 1654 г., после полудни, на площади в Переяславе было провозглашено воссоединение Украины-Руси с Россией.

После этого в соборе присягнули на верность царю гетман и полковники, на следующий день остальная старшина, казаки и народ. В Киеве, Нежине, Чернигове и других крупных городах, также в торжественной обстановке, совершили приведение к присяге или сам Бутурлин, или члены его посольства. В мелких городах, местечках и селах приведение к присяге было проведено местной казачьей администрацией. По свидетельству и русских и украинских современников, народ присягал не только охотно, но и радостно и нет сведений о попытках уклониться от присяги, кроме уже упомянутого случая в Киеве.

«Як на Велькдень (Пасху) йшов увесь народ до церкви присягаты», — пишет украинский летописец-современник.

В процессе оформления воссоединения в Переяславе имело место одно недоразумение, которое дало повод шовинистам-самостийникам и их исторической «школе», искажая действительность, ложно изображать исторический акт воссоединения. Некоторые старшины потребовали от Бутурлина, чтобы он от имени царя также присягнул на верность всему тому, о чем было договорено.

Находясь долгое время под владычеством Польши, где короли часто и охотно давали присяги (далеко не всегда их выполняя), казачья старшина считала естественным, чтобы, в отсутствие царя, за него присягнул Бутурлин, видя в этом гарантию, что будет выполнено обещание совместных военных действий против Польши и сохранение установившейся после изгнания поляков казачьей администрации, т. е. широкой автономии Украины.

Бутурлин присягать категорически отказался, говоря, что не в обычае, чтобы русский царь, давши обещание, еще и присягал.

Зная настроение широких народных масс и их стихийное стремление к воссоединению, в котором они видели единственное спасение от ненавистного польско-католического порядка, старшины-«оппозиционеры» не решались настаивать и принесли присягу.

В течение января-февраля присяга была проведена по всей свободной от поляков территории Украины. При этом составлялись списки принявших присягу, согласно этим спискам присягнуло 127 338 человек глав семейств.

Принимая во внимание, что в некоторых районах Правобережья присяга не была проведена, т. к. эти районы были заняты поляками, и считая семью в 5—6 человек, мы устанавливаем приблизительную численность населения Приднепровья в один миллион человек. Такова была в то время численность населения Приднепровья, боровшегося за свое освобождение. Галиция и Слободская Украина в борьбе не участвовали.

Число это полностью совпадает с результатами вычислений украинского сепаратиста Холмского, который в своей «Истории Украины» (Мюнхен, 1947 г.) также определяет население Приднепровья в то время в один миллион.

После присяги для оформления статуса Украины в Русском государстве и для выработки плана общих действий Хмельницким были отправлены в Москву генеральный судья Зарудный и переяславский полковник Тетеря.

МАРТОВСКИЕ СТАТЬИ

В марте 1654 г. после двухнедельных переговоров все было согласовано, были одобрены и приняты обеими сторонами так называемые «Статьи Богдана Хмельницкого», известные также как «Мартовские статьи».

По существу, это была конституция автономной Украины, неразрывно и навеки, волеизъявлением своего народа, вошедшей в состав Русского государства. Этими «Статьями» определялось юридическое положение Украины в Русском государстве. Оригинал этих «Статей» не сохранился, точнее, пока он нигде не обнаружен, но на основании имеющихся черновиков и заметок содержание «Статей» можно установить.

Основные пункты этих «Статей» (всего их 11) сводились к следующему:

а) **Сохранение на всей Украине казацкой администрации, распространяющейся на все население.** Этим утверждалась осуществленная во время гражданской освободительной борьбы замена польской администрации казачьей. При поляках юрисдикция казачьей администрации распространялась только на казаков.

б) **Установление реестра в 60 000 казаков.**

в) **Обещание защищать Украину-Русь от поляков и татар всеми силами Русского государства.** «Если нападут татары, — говорится в «Статьях», — донские казаки должны немедленно напасть на Крым». Для продолжения борьбы с поляками русские «ратные люди» в дальнейшем ведут эту борьбу совместно с казаками Б. Хмельницкого.

г) **Подтверждение царем прав и привилегий высшего класса Украины-Руси: высшего духовенства, монастырей старшины, шляхты и закрепление за ними имений.**

д) **Предоставление гетману права сношений с другими государствами.** Для сношений с Польшей и Турцией нужно было предварительное разрешение царя, а при сношениях с другими государствами гетман был обязан обо всем уведомлять царя и без его согласия не принимать решений. В случае же поступления предложений, невыгодных для Русского государства, гетман был обязан задерживать послов и немедленно уведомлять царя.

✓! е) **Все собираемые на Украине-Руси местной администрацией приходы поступали в «царскую казну».** Из этих приходов должно было оплачиваться содержание местной администрации и реестрового казачества. Так как к моменту составления «Статей» определить размер этих доходов не представлялось возможным, то и вопрос о размере «жалованья» реестровым казакам остался открытым.

Кроме этих основных статей-положений, определявших будущую совместную жизнь воссоединенных после нескольких столетий раздельной жизни частей когда-то единого рус-

ского Киевского государства, в «Статьях Богдана Хмельницкого» было много уточняющих подробностей, до таких мелочей, какое «жалованье» должен получать войсковой писарь или артиллерийский «обозный».

Особым пунктом в «Статьях» указано обязательство Русского государства содержать и снабжать постоянный гарнизон крепости Кодак, служившей охраной от внезапных татарских набегов.

Также особым пунктом введено в «Статьи» царское подтверждение на все имения православного высшего духовенства и монастырей, которые были не только крупными землевладельцами, но и имели зависимых от них крестьян. К «послушенству» монастырям призывал Хмельницкий еще до воссоединения, хотя крепостная зависимость фактически и была уничтожена явочным порядком уже в первые годы освободительной борьбы.

Из содержания этих «Статей» видно, что они удовлетворяли старшину, сохраняя казачью администрацию и закрепляя за ней социальное положение, приобретенное во время освободительной борьбы. В то же время они не противоречили и идее централизованного государства, каковым в то время было Русское государство. Это видно из пунктов «Статей», предусматривающих сдачу «в царскую казну» всех доходов, собираемых администрацией. Удовлетворены были и широкие массы населения, т. к. принятое Русским государством обязательство защищать от татар и поляков обещало возможность спокойной жизни и гарантировало от возвращения ненавистных порядков времен польского владычества.

Созвучно было также воссоединение и его переяславское оформление и с воспоминанием о единстве Руси киевского периода, еще жившим в народной памяти во всех частях Руси, а потому в народном сознании Переяславский акт был именно воссоединением разорванных когда-то историей частей единого государства Киевской Руси, а не присоединением, как неточно его называли дореволюционные рус-

ские историки, или завоеванием и оккупацией, как пытаются представить воссоединение шовинисты-сепаратисты.

Отсутствие в архивах подписанного оригинала «Статей» дало возможность произвольного толкования их содержания и самого духа и смысла Переяславского акта.

Шовинисты-сепаратисты изображают этот акт воссоединения как договор двух независимых государств — России и «Казацкой державы» о совместных военных действиях против Польши, причем договор и союз вынужденный. Хмельницкий находился в тяжелом положении, говорят они, а потому и согласился на него, вовсе не стремясь к воссоединению и намереваясь при первом удобном случае его нарушить.

Приписывая Хмельницкому двурушничество, М. Грушевский и его «историческая школа», замалчивают неопровержимо доказанное стихийное стремление всего населения Украины-Руси к воссоединению, в котором оно видело свое спасение и гарантию мирной жизни в будущем. Вождение же небольшой кучки старшины польско-шляхетского воспитания и мировоззрения, сепаратисты выдают за настроения всего населения.

О самом Хмельницком Грушевский пишет: «Народ украинский для него, как и для вождей предшествовавших восстаний, был только средством для достижения казацких желаний». (М. С. Грушевский. «Иллюстрированная история Украины» — Киев, 1917 г., с. 302).

А о казаках тот же Грушевский в той же книге на с. 308 пишет: «Они смотрели на войну, как на свое ремесло, и продавали свою службу тому, кто платил».

Так характеризует Грушевский, а за ним и его «школа» тех, кто героической борьбой отстояли и свою православную веру, и свою национальность от католическо-польской агрессии. Не будь Хмельницкого, его предшественников и казачества, о котором так оскорбительно-пренебрежительно пишет Грушевский, вся Украина была бы окатоличена и ополячена.

Не об этом ли сожалел М. Грушевский, создавая свою «историческую школу» в католической Австро-Венгерской империи и не об этом ли сожалеют сейчас его последователи, верные сыны католической церкви — галицкие униаты, претендующие на роль «носителей украинской идеи»?

Объективная же историческая правда, а не извращенная и подогнанная к заранее поставленному заданию, сепаратистская «история», на основании документов и неопровержимых фактов дает совсем другую картину освободительного движения Украины-Руси, приведшего к воссоединению с Русским государством.

Это была всенародная стихийная революция, в которой, переплетаясь, одинаково действовали как побуждения социальные, так, в одинаковой мере, и религиозные и национальные.

Борьба против социального угнетения; борьба за свободу своей прадедовской веры; борьба за свое национальное бытие против польско-католического гнета. Одно от другого были неотделимы и создали ту силу, которая привела к победе, хотя и не окончательной.

В этом всенародном движении, вероятно, были и шкурники, которые стремились только к удовлетворению своих эгоистических стремлений, но зачислять в шкурники и все казачество, и Хмельницкого с его предшественниками, как это делает приведенными выше фразами Грушевский — это значит оплевывать героическую, самоотверженную и славную борьбу населения Украины-Руси за свое освобождение.

А замалчивать стихийное стремление к воссоединению с Русским государством, в котором народ видел свое единственное спасение, и такую же стихийную ненависть к униатам, которая красной нитью проходит через всю историю освободительной борьбы — это значит прибегать к той форме лжи, которую называют самой худшей и подлой: к лжи умолчанием.

Не только из донесений многочисленных московских послов к Хмельницкому видно, как их восторженно принимало население Украины-Руси. О том же самом свидетельствуют множество документов в архивах Украины, как, например, записи в церковных книгах-летописях многих городов, через которые проезжали русские посольства (Прилуки, Конотоп, Красный Колядин и др.); отчеты казацкой старшины, сопровождавшей эти посольства (письма сотника Вронченко); описания воодушевления населения при принесении присяги после Переяславской Рады (в церковных «чиновных книгах») и много других.

Документы эти были доступны для исторических исследований, однако сепаратистская «историческая школа» об этом умалчивает. Умалчивает она также и о том, что посольства польские, направлявшиеся к Хмельницкому в тот же период (1649—1653), подвергались нападениям партизан и их путешествия по Украине, несмотря на большой конвой, были сопряжены с опасностью для жизни. Например, согласно польским документам, посольство возглавляемое киевским воеводой Киселем, только с трудом и большими потерями в многочисленных стычках с партизанами добралось к Хмельницкому.

Все эти замалчиваемые сепаратистами факты свидетельствуют о подлинных народных настроениях в период освободительной борьбы. В свете исторических фактов не выдерживает критики и версия сепаратистской «исторической школы» о том, что Переяславский акт был договором между двумя суверенными государствами: «Украинской казацкой державой» и Московским царством.

МИФ О КАЗАЦКОЙ ДЕРЖАВЕ

Исторические факты говорят другое: в то время как Московское царство было централизованным государством с вековым государственным опытом и традициями, «Укра-

инская казацкая держава», как государство, вовсе не была оформлена и даже сама себя называла только «Войском Запорожским» или «Малороссийским Войском Запорожским», как видно из документов того времени, хотя бы, например, из писем и универсалов Хмельницкого.

Формально, юридически, это была составная часть Речи Посполитой, взбунтовавшееся население которой в процессе гражданской войны устанавливало на освобожденной от поляков территории свою администрацию.

Не только Польша, но вообще ни одно государство, эту находящуюся в состоянии войны со своей митрополией польскую колонию Украину-Русь, суверенным государством не считало. Контакт же, который некоторые иностранные государства имели с Хмельницким (Турция, Молдавия, Швеция) — это были попытки врагов Польши использовать восставшую Украину-Русь для борьбы с Польшей. А Турция имела еще и планы оторвать Украину от Польши и подчинить себе.

Именно тем обстоятельством, что Украина-Русь не была суверенным государством, а частью Речи Посполитой и объясняется пятилетнее колебание Москвы в ответ на просьбы Хмельницкого и желание всего народа о воссоединении. Москва понимала, что согласие на воссоединение — это война с Польшей, а потому так долго и колебалась.

Утверждение сепаратистской «школы» о существовании независимой «Украинской державы», которая, находясь в тяжелом положении, заключила с Москвой договор, принадлежит к категории мифов, которые лопаются как мыльный пузырь при соприкосновении с неопровержимыми историческими фактами.

Миф этот нужен для целей чисто политических: создать представление у слабо разбирающихся читателей о том, что русские и украинцы — два чуждых друг другу народа, имеющие каждый свою историю и имевших отдельные государства до того, как Москва «оккупировала и поработила» Украину-Русь.

Лучшим доказательством существования суверенного (независимого) Украинского государства, о котором говорят шовинисты-самостийники, было бы наличие акта о провозглашении независимости, как это обычно делают государства, отделяющиеся от других или вновь образующиеся. Как это сделали ряд государств в Европе и Америке, освободившись от подчинения своей метрополии, например — Нидерланды, Бельгия, США, ряд южно-американских республик.

Но нигде, ни в каких архивах, такого документа о провозглашении независимого Украинского государства не обнаружено. Зато существует множество документов из эпохи, которую сепаратисты называют «эпохой независимой Украинской державы», в которых глава этой державы — гетман подписывается или как «Гетман Войска Запорожского Его Королевской Милости» (т. е. польского короля) или как «Гетман Малороссийского Войска Запорожского Его Царской Милости» (т. е. московского царя) Не ясно ли отсюда, что утверждение о существовании независимого Украинского государства есть извращение исторической действительности?

Извращение это было нужно и полезно врагам единства Руси, а потому на распространение этого извращения не жалели ни денег, ни сил. Ни Австро-Венгрия, содержавшая сепаратистов до Первой мировой войны, ни враги России теперь, мечтающие ее расчленить и уничтожить как великую мировую державу.

В действительности же, при объективном рассмотрении событий, связанных с Переяславской Радой, мы приходим к ряду выводов, опровергнуть которые не позволят исторические факты.

Выводы эти следующие:

1. Никакой независимой «Казацкой державы» вообще никогда ни существовало.
2. Стремление к воссоединению Украины-Руси с Русским государством было всенародным и обоюдным.

3. Никакого насильственного захвата и «оккупации» Москвой Украины не было, а было добровольное воссоединение, выгодное больше для Руси-Украины, спасавшейся этим от польского гнета, чем для Москвы.

4. Воссоединение предопределило закат Польши как великой державы и появление Русского государства как великой силы на европейском политическом горизонте.

5. Воссоединением нанесен сокрушительный удар католичеству, пытавшемуся подчинить себе Восточную Европу.

6. Воссоединением положен предел стремлениям Турции овладеть южной Россией и предопределено ее вытеснение с северного берега Черного моря.

Все это позволяет понять стремление исказить и опорочить Переяславский акт врагами России и их агентами.

А потому было необходимо возможно подробнее остановиться на этом историческом событии, давшем направление дальнейшему развитию русско-украинских взаимоотношений и положившему основание существующему сейчас русско-украинскому братству, дружбе и равноправию в едином государстве, что тщетно пытаются оспорить и опорочить кучки украинских эмигрантов-сепаратистов.

СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛЬШИ

После Переяславской Рады и установления «Статей Богдана Хмельницкого» (Мартовских), с весны 1654 г. начинаются уже совместные военные действия Украины и России против Польши.

Центр их переносится в Белоруссию, где объединенные московско-украинские силы одерживают ряд блистательных побед, а местное население всячески этим победам содействует и встречает русско-казачьи войска как освободителей.

Сорокатысячное русское войско совместно с 18-тысячным отрядом казаков под командованием полковника Зо-

лотаренко в течение весны и лета 1654 г. освободило Смоленск, Гомель, обширные территории Смоленщины и Белоруссии, которые тогда считались частью Польши.

В следующем (1655 г.) военные действия продолжались также успешно. Были заняты: Минск, Вильно, Гродно, Ковно, так, что к концу 1655 г. была почти полностью освобождена вся Белоруссия, а кроме того, заняты и обширные территории Великого княжества Литовского.

На левом, южном участке фронта, где ожидалось нападение поляков, военные действия носили оборонительный характер и сводились к отражению наступавших поляков. Здесь, как и на правом фланге, действовали объединенные русско-украинские силы. Поляки заключили союз с крымским ханом и крупными силами начали продвигаться в глубь Украины, жестоко расправляясь с населением и всё уничтожая на своем пути. Полякам удалось продвинуться в район Умани, которую они окружили совместно с татарами. Но вскоре на выручку Умани и находившегося там со своим отрядом славного сподвижника Хмельницкого полковника Богуня подошли главные казачьи силы совместно с русскими войсками Шереметьева. В ожесточенном сражении под Охматовом, в котором принимал участие и прорвавшийся со своим отрядом из Умани полковник Богун, польско-татарские силы были отброшены и настолько ослаблены, что ушли на запад. А несколько позже, осенью 1655 г., соединенные русско-украинские войска под командованием Хмельницкого сами двинулись на запад и, освободив обширную территорию, подошли ко Львову, в котором был сильный польский гарнизон. Началась осада, во время которой не-польское население Львова всячески старалось помочь осаждавшим, с чем сохранились свидетельства современников.

Но в это время сильная татарская армия двинулась на помощь Польше и пыталась совместно с новыми силами поляков окружить русско-украинскую армию Хмельницкого и Бутурлина (который заместил Шереметьева) и отрезать от-

ступление. Хмельницкому пришлось снять осаду Львова и начать отступление на Приднепровье.

Во время этого отступления в ноябре 1655 г. татарская армия хана Магомет-Гирея, пытавшаяся напасть на Хмельницкого, была разбита под местечком Озеряне (между Львовом и Тернополем) и казаки со стрельцами к концу года вернулись на Приднепровье.

Описывая эту осаду Львова, Грушевский и его «школа» утверждают, что Хмельницкий легко мог взять Львов, но не делал этого умышленно, не желая, чтобы Львов заняли «москали», а предпочитал, чтобы он остался в руках поляков. При этом Грушевский ссылается на шведские источники (шведы тогда были в войне с Польшей, но готовились к войне с Москвой).

Неверность этого утверждения слишком очевидна, и она не заслуживает опровержения. История не знает еще ни одного полководца, который, осадив большой город и будучи в состоянии его легко взять, воздержался бы от овладения из каких-то хитроумных комбинаций. Хмельницкий не был исключением. Версия же Грушевского, что Львов не был взят благодаря двурушничеству Хмельницкого, только лишний раз показывает, насколько сепаратисты извращают историю.

История не знает ни одного полководца, который, осадив большой город и будучи в состоянии его легко взять, воздержался бы от овладения из каких-то хитроумных комбинаций.

ПЕРЕМИРИЕ С ПОЛЬШЕЙ

В следующем (1656) году произошли события, прервавшие успешное продолжение освобождения Украины-Руси. Русское государство вступило в войну со Швецией и заключило перемирие с поляками.

Причиной войны со шведами была, с одной стороны, шведская агрессия в пограничных с Прибалтикой областях, с другой стороны, стремление Москвы, в случае успеха, выйти к берегам Балтийского моря, к чему Москва давно стремилась.

Причин для перемирия с Польшей было две: обещание поляков по смерти своего короля выбрать королем царя Алексея Михайловича, объединив Польшу с Россией, а кроме того, и желание освободить войска для войны со шведами.

В результате так успешно шедшее в 1654—1655 годах дело освобождения Украины-Руси приостановилось, и временно та ее часть, которая еще не была освобождена, осталась под властью поляков, что, естественно, вызвало огорчение Хмельницкого и всего народа.

Москва успокаивала Хмельницкого, объясняя, что перемирие с Польшей отнюдь не значит окончательного отказа от намерения освободить всю Украину-Русь, и не только не препятствовала, но и содействовала переговором Хмельницкого с врагами Польши. По-видимому, Москва не особенно доверяла обещаниям поляков, предвидела продолжение борьбы с Польшей и желала ее ослабить, действуя косвенно через Хмельницкого, ибо действовать открыто не могла, имея с поляками перемирие и будучи занята войной со Швецией.

ПЕРЕГОВОРЫ СО ШВЕЦИЕЙ, МОЛДАВИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

В такой сложной и запутанной обстановке Хмельницкий в 1656 г. ведет оживленные сношения с Молдавией, формально считавшейся вассалом Турции, а также и со Швецией. Последняя уговаривает Хмельницкого разорвать отношения с Русским государством и связать судьбу Украины-Руси со Швецией.

В шведских и русских архивах сохранилось немало документов, связанных с переговорами Хмельницкого со шведами. Из них видно, что Швеция хотела оторвать Хмельницкого от Москвы, но нигде нет указаний, что он на это соглашался, как об этом голословно утверждают Грушевский и его «школа».

Хмельницкий слишком хорошо знал настроение своего народа, и решиться на разрыв с Москвой, связаться со Шве-

цией — означало рисковать и своей гетманской булавой, и своей собственной головой. Для объективного исследователя ясно, что переговоры Хмельницкого со Швецией были его тонкой и сложной дипломатической игрой, имевшей целью ослабление Польши и недопущение, чтобы она всеми своими силами обрушилась на Украину-Русь.

Совсем другого характера были переговоры Хмельницкого с Молдавией, которая, хотя формально и считалась вассалом Турции, вела свою собственную политику и то помогала Польше, то (гораздо чаще) становилась в ряды ее врагов. О подлинных же стремлениях Молдавии неопровержимо свидетельствует хранящаяся в ЦГАДА просьба Молдавского господаря о принятии Молдавии в состав Русского государства. Просьба эта подана в апреле 1654 года и в ней говорится, что вся Молдавия желает быть в составе Русского государства, «по примеру Богдана Хмельницкого».

Удовлетворение этой просьбы значило бы начало войны с Турцией, а кроме того, Русское государство не имело тогда с Молдавией общих границ и лишено было возможностей ее защищать в случае неизбежных репрессий Турции и более чем вероятного нападения Польши или Крыма.

Из этих соображений вопрос о вхождении Молдавии в Русское государство тогда (1654 г.) остался открытым.

Кроме Швеции и Молдавии, в течение 1656 г. Хмельницкий вел оживленные переговоры и с другими государствами, соседями и врагами Речи Посполитой: с Турцией и ее вассалами — Валахией, Трансильванией и Крымом.

Переговоры эти (о чем сохранились документы в различных архивах) сепаратисты приводят как доказательство существования независимой, суверенной «Украинской казачьей державы», которая имела дипломатические отношения с иностранными государствами, следовательно, была ими признана как независимое государство. Однако при объективном рассмотрении этих дипломатических сношений становится ясно, что это были вовсе не нормальные дипломатические сношения между отдельными государствами,

а попытки, с одной стороны, врагов Польши использовать восставшее население части Речи Посполитой — Украины-Руси для борьбы с поляками и, с другой стороны, стремление Хмельницкого использовать этих врагов Польши для предотвращения наступления поляков на территорию освобожденную от польской администрации. Это позволяет понять, почему дипломатические сношения Хмельницкого ограничивались исключительно соседями и врагами Польши, не распространяясь на другие государства. Так, например, нигде нельзя найти доказательства о дипломатических сношениях с такими сильнейшими тогда в Европе государствами, как Австрия, Англия, Испания, Венеция. Казалось, логично бы было «независимой казацкой державе», хотя бы сделать попытку установить дипломатические отношения с этими государствами, но нигде в архивах доказательств существования таких попыток не обнаружено.

И наоборот, есть немало исторических документов, свидетельствующих об отрицательном отношении этих государств к восстанию Хмельницкого, которое они считали «мужичьим бунтом» против законного короля.

Надо полагать, что в такой оценке восстания Хмельницкого немалую роль сыграла католическая церковь, а также и антифеодальный характер восстания.

Не надо забывать, что в описываемый период королем Польши был иезуит, женатый на француженке, и что в Европе еще не был забыт принцип «чье правление — того и вера», принятый в 1555 г. европейскими монархами на соборе в Аугсбурге, после длительных религиозных войн.

Об отношении самой могущественной тогда в Европе державы — Франции к «казацкой державе» красноречиво свидетельствуют мемуары герцога Грамона, маршала и пэра Франции.

Этот аристократ, близкий к королю Людовику XIV, с группой французских аристократов, с ведома и одобрения короля, отправился из Франции помогать польскому королю Яну-Казимиру «подавлять хлопский бунт» и «выгнать за Урал московского царя», который этим бунтарям помо-

гал. В 1664 г. он принял участие в польской агрессии, которая, дойдя до Глухова, кончилась для поляков позорным бегством и на долгие годы отбила у них охоту к походам на Восток. Немалую роль в попытках поляков «усмирить бунт Хмельницкого» играли и немцы — наемные войска, а также добровольцы — подданные австрийского императора, о чем сохранилось немало документальных доказательств в архивах.

Эти факты с полной убедительностью еще раз опровергают миф сепаратистов о существовании «Украинской державы», которая, по их словам, «поддерживала дипломатические отношения со всеми европейскими государствами».

В действительности же, как упомянуто выше, это были только переговоры с врагами Польши с целью создать против нее коалицию. В основном переговоры эти окончились неудачно, ибо Турция хотела подчинить себе Украину-Русь, Молдавия открыто тяготела к Москве, а крымские татары стремились создать обстановку для грабежа.

Дело ограничилось совместными действиями Швеции и Трансильвании, протестантских государств, против католической Польши, в которых частично принял участие и Богдан Хмельницкий. Зимой 1656/57 г. он послал в помощь Трансильванскому господарю Ракочи, который совместно с Швецией напал на Польшу, три полка казаков под командованием киевского полковника Ждановича. Но Ракочи вскоре был разбит поляками, а в отряде Ждановича вспыхнул бунт. Грушевский пишет, что причиной бунта было нежелание казаков воевать без согласия на это Москвы, которая в то время была с Польшей в перемирии. Встретивши в походе московское посольство, казаки, помимо Ждановича, обратились к нему с заверением, что против воли царя они воевать не будут. ~~Приводя этот факт, М. Грушевский тем самым свидетельствует о подлинных настроениях казачества, которые, очевидно, назвать враждебными Москве нельзя.~~ Ждановичу ничего не оставалось делать, как вернуться назад и доложить уже тяжело больному Хмельницкому обо всем происшедшем.

СМЕРТЬ ХМЕЛЬНИЦКОГО

По словам Грушевского, этот доклад так подействовал на Хмельницкого, что с ним случился удар и вскоре (27 июля 1657 г.) он умер.

Умер ли Хмельницкий в результате доклада Ждановича или по другой причине, теперь, конечно, установить нельзя. Но бунт в отряде Ждановича показал, что той группе старшин, которую Грушевский называет «опозицией» и которая тянула и тяготела к польским социальным порядкам (Выговский, Тетеря, Немирич, Лисницкий, Жданович) рассчитывать на сочувствие народных масс не приходится.

Хмельницкий умер в момент, когда назревали новые крупные события и оправившаяся от поражений 1654—1655 годов Польша готовилась к реваншу.

Равного Хмельницкому по талантам и авторитету заместителя не было. Началась борьба честолюбивых полководцев за возглавление Украины-Руси. Борьба эта длилась ровно четверть века и принесла народу разорение и неисчислимые бедствия, а потому этот период народ называет «руиной».

РУИНА

ГЕТМАН ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Еще при жизни Хмельницкого собравшаяся старшина, исполняя его желание, провозгласила его наследником и заместителем младшего сына Юрия, молодого человека, не имевшего ни талантов, ни опыта своего великого отца (старший сын Богдана Хмельницкого, Тимофей, был убит под Сучавой).

Но уже через месяц Юрий Хмельницкий, не успевший ничем себя проявить, был той же старшиной смещен и на его место провозглашен гетманом один из ближайших сотрудников Хмельницкого генеральный писарь Иван Выговский.

ИВАН ВЫГОВСКИЙ

И. Выговский происходил из волынской шляхты и, если не был полностью окатоличен, то, во всяком случае, сильно ополячен. Он был воспитан иезуитами и на социальные порядки воспринял взгляды польской шляхты. Эти взгляды совсем не соответствовали настроениям Украины-Руси.

В начале восстания И. Выговский служил в польских войсках, сражавшихся против казаков, но уже в 1648 г. попал к ним в плен и сумел не только уцелеть, но быстро втерся в доверие к самому Хмельницкому, сделал в казачьем войске блестящую карьеру и к моменту смерти Хмельницкого был уже Генеральным писарем, т. е. одним из ближайших сотрудников гетмана.

Не глупый, ловкий, пронырливый и ищательный, он еще при жизни Хмельницкого пошел по пути двурушничества, играл одновременно (не без выгоды для себя) на две карты: на Москву и на Варшаву. Даже Грушевский пишет об этом двурушничестве, называя его «тонкой дипломатией», и приписывает Выговскому намерение освободить Украину и от русских, и от поляков и создать независимое государство.

Каковы были подлинные намерения Выговского, установить невозможно, но факт получения денег за доверительные сообщения по одному и тому же вопросу и от русских, и от поляков неоспорим, ибо это подтверждают документы и московских, и варшавских архивов. Установлено также и получение Выговским жалованных грамот на крупные имения, населенные крестьянами, и от русского царя, и от польского короля.

Находясь в окружении Хмельницкого и встречаясь с русскими представителями, Выговский хорошо изучил социальный порядок централизованного Русского государства, в котором тогда и крепостное право было неизмеримо легче, чем в Польше, и не было, характерного для Польши безграничного своеволия боярства и дворянства. И симпатии его были на стороне порядков польских.

Но завести такие порядки было не просто. И влияние Русского государства, и настроение народа, ненавидевшего польские порядки, не допускали этой возможности. Эта возможность могла наступить только в случае отрыва от Москвы и наличия в распоряжении Выготского такой силы, которая могла бы подавить народное недовольство. Силой этой были поляки и татары.

Исподволь, не только не порывая с Москвой, но внешне проявляя к ней полную лояльность, начал Выговский готовиться к осуществлению своих подлинных намерений — отрыву от Москвы и созданию вассальной по отношению к Польше Украины-Руси с польскими социальными порядками.

Желая иметь надежные, подчиненные только ему части, Выговский усиленно формировал отряды наемных войск (немцев), а кроме того, вступил в тайные переговоры с татарами и Польшей.

Его приготовления не остались незамеченными казацкой стражи, сторонниками воссоединения с Россией. Полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожский кошевой Барабаш неоднократно доносили в Москву о подозрительных действиях и намерениях Выговского, но Москва не предприняла никаких мер и по-прежнему верила в лояльность Выговского. Однако не разрешила ему расправиться со своими противниками, чего тот усиленно добивался, прося для этого русской помощи.

Тогда Выговский, имея уже твердое обещание помощи от Польши и татар, решил действовать самостоятельно и в начале лета 1658 г. двинулся на Полтаву. При помощи наем-

ных немецких войск и татар ему удалось разбить Пушкаря и пришедших к нему на помощь запорожцев и жестоко расправиться со своими политическими противниками. В награду за помощь Выговский дал татарам разрешение грабить и уводить в плен население ряда городов и местечек. Летописец об этом пишет: «Даде на разграбление и пленение Гадяч, Миргород, Обухов, Веприк, Сорочинцы, Лютенки, Ковалевку, Бурки, Богочку...»

Расправа эта была в то же время открытым разрывом с Россией и началом активных действий Выговского против Москвы. В Варшаву он послал для переговоров о возвращении Украины-Руси, под власть польского короля полковника Павла Тетерю, а своему брату с крупным отрядом поручает захватить Киев и изгнать оттуда московский гарнизон.

ГАДЯЧСКИЙ ДОГОВОР

Попытка захватить Киев не удалась, т. к. казаки не захотели исполнять приказание своей старшины и воевать против русских. Зато переговоры с Польшей пошли гладко, и уже в сентябре 1658 г. был заключен так называемый «Гадячский договор», по которому Украина-Русь возвращается в состав Польши как отдельное автономное «Русское княжество», состоящее из воеводств: Брацлавского, Киевского и Черниговского, т.е. вся Украина-Русь без Волыни и Галиции.

Численность войска «Русского княжества» определялась в 30 тысяч казаков и 10 тысяч наемного войска. Социальный порядок в основном восстанавливался такой же, как был до восстания 1648 года. Польские помещики получали обратно свои имения и крепостных; католики и униаты — свои права; сам Выговский и его окружение получили жалованные грамоты от короля на большие имения и крепостных.

Но провести в жизнь статьи «Гадячского договора» оказалось гораздо труднее, чем их составить и написать. Во-

первых, Москва, конечно, его не признала и объявила Выговского изменником, а, во-вторых, население, несомненно, поголовно бы восстало, если бы узнало содержание этого договора, который был известен только группе старшин-сторонников Выговского.

КОНОТОПСКАЯ БИТВА

В начале 1659 г. Выговский пытался с помощью польских войск подчинить себе Левобережье, сильно тяготевшее к Московской Руси, но, наткнувшись на ожесточенное сопротивление верных Переяславскому акту казаков и русских отрядов, вернулся на правый берег Днепра. Во второй половине года Выговский снова двинулся на Левобережье, на этот раз с сильной татарской армией. Под Конотопом татары во главе с Выговским внезапно напали на русское войско кн. Трубецкого, которое совместно с верными казаками осаждало засевшего в Конотопе сторонника Выговского, нежинского полковника Гуляницкого.

В битве под Конотопом (с. Сосновка) Трубецкой был разбит наголову, два воеводы попали в плен к татарам, а остатки войск кн. Трубецкого ушли в пределы Русского государства.

Конотопская победа отдала всю Украину-Русь в руки Выговского. Но использовать победу и осуществить статьи Гадячского договора ему не удалось. Население почувствовало, к чему клонится дело, и стихийно поднялось против Выговского и его союзников — татар и поляков. Запорожцы, во главе с новым кошевым Иваном Сирко, сподвижником Богдана Хмельницкого, полковник Иван Богун, уманский полковник Михаил Ханенко возглавили всенародное выступление против Выговского. Оставленный всеми, Выговский в сентябре 1659 года бежал с кучкой единомышленников в Польшу, а на его место, на старшинской раде, был выбран гетманом Юрий Хмельницкий. Так бесславно кон-

чилась попытка польского агента Выговского возвратить Украину-Русь под власть Польши,

Сепаратисты и вся «школа» Грушевского, замалчивая неопровержимые факты предательства Выговского и, искажая действительность, пытаются его представить как украинского патриота, стремившегося к автономии, а потом и к полной независимости Украины-Руси. Немногочисленных приверженцев Выговского сепаратисты называют «украинскими автономистами». В действительности же это была группа шкурников, преследовавших только свои классовые интересы, ради которых она пошла на сговор с Польшей. Статьи «Гадячского договора» красноречиво подтверждают это.

Но Трубецкой, стоявший с русскими войсками в Переяславе, не согласился с этим избранием гетмана только группой старшины и пригласил Ю. Хмельницкого прибыть в Переяслав, где, при участии старшины, представителей казаков и населения, и состоялись формальные выборы гетмана Ю. Хмельницкого. Тут же были подтверждены статьи Переяславского акта 1654 года.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЕ СТАТЬИ

По настоянию Трубецкого к тем статьям было добавлено несколько пунктов: казакам ни с кем не воевать без согласия царя; посылать войско по требованию царя туда, куда он сочтет нужным; не смещать гетмана; очистить казачьи войска и администрацию от сторонников Выговского; установить постоянные гарнизоны русского войска кроме Киева также в Чернигове, Нежине, Переяславе, Умани и Брацлаве.

Учитывая недавнюю измену Выговского, его сотрудничество с татарами и поляками, вызванные этим кровопролития и разорения, добавления этих пунктов были весьма разумны. Они диктовались потребностями успешного продолжения дальнейшей борьбы за освобождение и не-

обходимостью установления единства управления войском и краем.

Сепаратисты при изложении событий изображают эти добавления как «нарушение» «Переяславского договора» (как они называют Переяславский акт), совершенно замалчивая, что эти добавления соответствовали желаниям широких масс населения, не доверявшего казацкой старшинской верхушке. Добавления пунктов были внесены по просьбе самих казаков, не желавших повторения кровавой антинародной авантюры Выговского. В архивах сохранилось достаточно доказательств, что инициаторами добавлений были полковники левобережных полков и представители запорожцев, которые тогда были в Переяславе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ С ПОЛЬШЕЙ В 1660 ГОДУ

Закончив с избранием гетмана и приведя в порядок казачьи войска, расстроенные авантюрой Выговского, в начале 1660 г. объединенные русско-казачьи силы предприняли двумя отдельными армиями наступление на Польшу, в направлении Галиции. Казаками командовал Юрий Хмельницкий, а русскими полками — воевода Шереметьев. Навстречу им, также двумя отдельными армиями, двинулись поляки и союзные им татары.

В армии Ю. Хмельницкого не все было благополучно. Слабый, безвольный, он был игрушкой в руках старшинской верхушки. Когда обе армии встретились, полякам удалось найти общий язык с антинародной группой казацкой старшины, окружавшей Ю. Хмельницкого. Эта часть казацкой старшины думала о своих сословных интересах, и, как уже упомянуто выше, мечтала об установлении социального порядка, подобного существовавшему в Польше, при котором магнатами и шляхтой стала бы старшина, при полном бесправии остальной массы населения. Эта старшина надеялась теперь осуществить неудавшийся «Гадячский договор», а поляки не скупилась на обещания.

Они обещали Ю. Хмельницкому, что он будет оставлен гетманом, при условии возвращения всей Украина-Руси в состав Польши. Хмельницкий без боя капитулировал перед поляками.

КАПИТУЛЯЦИЯ ПОД ЧУДНОВОМ

Шереметьев, за дальностью расстояния, не мог этому воспрепятствовать. Он сам попал в окружение татар и вынужден был под Чудновом капитулировать, правда на почетных условиях, с правом беспрепятственного возврата всей его армии в пределы Русского государства.

Возвращавшихся из похода татар встретило запорожское войско, спешившее на соединение с Ю. Хмельницким. Запорожцы, узнав об измене Ю. Хмельницкого, напали на татар, отбили у них пленных и, не желая иметь ничего общего с изменником — Ю. Хмельницким, возвратились в Запорожье. В результате измены Ю. Хмельницкого и капитуляции Шереметьева все Правобережье очутилось во власти поляков и татар. Татары, возвращаясь в Крым, произвели страшные опустошения и увели для продажи в рабство огромное количество населения.

Полки Левобережья не ходили в поход с Ю. Хмельницким и, получив известие о его измене и капитуляции, решили не считать его больше гетманом, а избрать нового гетмана и продолжать борьбу с Польшей. Настроение Левобережных полков полностью разделяло Запорожье, всегда резко выступавшее против попыток антинародных старшинских групп возвратить Украина-Русь под власть Польши.

Немало появилось на Левобережьи и новых беженцев, как казаков, так и не казаков, не веривших польским обещаниям и испытавших на себе результаты противоприродного сотрудничества Ю. Хмельницкого с вековым угнетателем — Польшей и извечным врагом — татарами.

Изменой Ю. Хмельницкого народному делу Украина-Русь была разделена по р. Днепру на две части: польскую

и русскую и фактически началась раздельная жизнь этих частей (1660).

Юридически же она была оформлена перемирием в Андрусове только в 1667 г.

АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Начатая в 1654 году война Москвы с Польшей продолжалась с переменным успехом. Измена Выговского и интриги казацкой старшины вносили элемент недоверия в русско-украинские взаимоотношения, давали Москве основания сомневаться в своих союзниках и лишали ее возможности вести наступательные операции, как это было в начале войны.

Вмешательство в русско-польский спор Швеции еще больше осложнило обстановку.

Учитывая все это, Москва и Варшава заключили в 1667 году в селе Андрусове перемирие, по которому воссоединенная в 1654 году Украина-Русь, точнее, Приднепровская ее часть, делилась на русскую и польскую.

Москва получила Левобережье, а Польша Правобережье, за исключением г. Киева с ближайшими окрестностями. Киев временно оставался за Москвой, которая обязалась через два года вернуть его Польше.

Обширная область запорожских казаков согласно Андрусовскому перемирию оставалась под совместным «наблюдением» Москвы и Польши.

Заключение этого перемирия не удовлетворило ни Москву, ни Польшу, ни разделенное на две части население Украины-Руси.

Вместо одного гетмана теперь появились отдельно гетман Левобережья, подвластный Москве, и гетман Правобережья, подвластный Польше. Но гетманы не особенно считались с разделением Украины-Руси, как не считалось с этим и само ее население. Каждый из них предъявлял пра-

ва на всю Украину, что вело к бесконечным столкновениям и политическим комбинациям, продолжавшимся еще почти 20 лет — до заключения «вечного мира» между Москвой и Польшей в 1686 году.

Страдало же от этого все население Украины-Руси, чья территория в течение десятилетий фактически представляла собою то, что сейчас называется «театром военных действий».

РАЗДЕЛЕННАЯ УКРАИНА-РУСЬ

Оставаясь верным Переяславскому акту и не желая идти за Ю. Хмельницким, Левобережье пошло своим путем и занялось выборами своего, левобережного гетмана.

Началась борьба между кандидатами на гетманскую булаву, на которую претендовали наказной гетман, полковник Яким Сомко и нежинский полковник Василий Золотаренко. Каждый из них искал помощи и поддержки в Москве, но последняя не спешила с решением и заняла выжидательно-наблюдательную позицию. Больше двух лет тянулась эта борьба между сторонниками Я. Сомка и В. Золотаренко, пока на сцене не появился третий кандидат — запорожский кошевой Иван Брюховецкий.

Брюховецкий был выходцем из простонародья, его поддерживали не только запорожцы, но и широкие массы низшего казачества, крестьянства и мещан. Первые два кандидата — Сомко и Золотаренко — были представителями казачьей старшины и их поддерживали зажиточные слои населения.

ЧЕРНАЯ РАДА

В 1663 г. Москва, наконец, приняла решение всенародно провести выборы нового гетмана. На съезд (раду) в Нежине в июле 1663 г. съехались все три кандидата со свои-

ми сторонниками. На эту так называемую «Черную Раду» в Нежине, кроме казаков и уроженцев Украины-Руси, прибыл также восьмитысячный отряд русского войска. Отряд этот в спорах и в выборах нового гетмана участия не принимал. На этом съезде вначале очень разгорелись страсти, дело доходило до кровавых стычек, но, видя несомненное большинство за Брюховецким, Сомко и Золотаренко подчинились воле большинства и И. Брюховецкий был провозглашен гетманом. Брюховецкий, как новый гетман, немедленно был признан представителем Москвы.

Ставши гетманом, Брюховецкий немедленно жестоко расправился не только со своими соперниками — Сомком и Золотаренко, но и с их сторонниками. Сомко и Золотаренко были казнены, а по Левобережью прокатилась волна насилия над их сторонниками и у них было отобрано имущество (по мнению широких народных масс, неправо приобретённое).

Во внутренней политике И. Брюховецкий вначале строго придерживался Переяславского акта и всячески искал и подчеркивал близость с Москвой. Несколько раз он сам ездил в Москву и даже женился там на дочери знатного боярина Салтыкова. Он получил звание боярина и жалованные царские грамоты на вечное владение городом Гадячем с окрестными селами и, разумеется, с населением этих сел.

Об объединении Украины-Руси тогда трудно было и думать, т. к. Польша сама готовилась совместно с татарами к вторжению на Левобережье. Не ладилось только отношения у поляков с казаками, которые с Ю. Хмельницким возвратились под их власть. Значительная часть этих казаков и населения бежала за Днепр на Левобережье, а среди оставшихся росло недовольство против поляков и послушного им Ю. Хмельницкого. Начались интриги среди верхушки казачьей старшины, в которые был замешан и Выговский, желавший вернуть себе гетманскую булаву. Поляки расстреляли Выговского; Ю. Хмельницкого «уговорили» отказаться от гетманства и

уйти в монастырь, а гетманом на Правобережьи над сильно поредевшими казацкими полками, поляки поставили своего верного агента — полковника Павла Тетерю.

ПОХОД КОРОЛЯ ЯНА-КАЗИМИРА

Собрав огромное по тому времени войско (120 тысяч), заручившись поддержкой татар и рассчитывая на верность казачьих частей гетмана П. Тетери, король Ян-Казимир двинулся на восток. Его официально объявленной целью было не только возвращение Левобережья и Северщины в состав Речи Посполитой Польской, но и полный разгром Русского государства, изгнание «москвитов» за Урал. Поход этот поддерживался и вдохновлялся католической церковью, которая не только благословила Яна-Казимира на достижение поставленных целей, но по своим линиям повела пропаганду в ряде европейских государств за поддержку этого похода.

В поход этот, в качестве вольнонаемных польских войск, отправилось не только множество немцев, но в него пошли даже из далекой Франции некоторые представители высшей французской аристократии. Один из этих последних, герцог Грамон (впоследствии маршал Франции) оставил чрезвычайно интересные личные воспоминания о своем участии в этом походе. Благодаря любезности его потомков, живущих во Франции, эти воспоминания стали доступны исследователям той эпохи и дают возможность подробно представить эту последнюю попытку Польши разгромить и уничтожить Русское Государство.

По данным Грамона, армия короля Яна-Казимира состояла из 70 тысяч отборного польско-литовского войска, 10 тысяч немцев, 20 тысяч татар и 20 тыс. верных королю казаков.

Обходя города, в которых были русские и казацкие гарнизоны (Киев, Переяслав, Нежин и др.), в расчете, что они впоследствии и сами сдадутся, Ян-Казимир в начале 1664 года

Город Глухов

рассказы о разгромах
Курюкова и соевского
Лениграда в 1941

подошел к Глухову, где находился гетман Брюховецкий с казаками и русские войска под командованием воеводы Ромодановского. После неудачной попытки взять Глухов приступом поляки его обложили и повели правильную осаду, постоянно делая новые попытки взять город штурмом. «Во время этих штурмов, — пишет Грамон, — защитники Глухова показали чудеса храбрости и большое знание военного дела, и при каждом штурме наносили нам страшные потери».

Осада затянулась. А в это время стихийно вспыхнуло восстание в тылах и на линиях сообщений польской армии. Казаки и повстанцы вырезали оставленные поляками гарнизоны и захватывали все обозы, и польская армия оказалась отрезанной от Польши. Из Москвы же на помощь Ромодановскому спешил 50-тысячный отряд князя Черкасского. Полякам вместо взятия Москвы и «изгнания москвитов в Сибирь» пришлось думать об отступлении. Приближалась весна, когда дороги станут непроходимыми, армия начала голодать, а впереди предстоял марш во много сотен километров по разоренной, объятай восстанием территории. Король, сняв осаду Глухова, двинулся на запад в направлении Могилева, единственного города в тылу, в котором уцелел польский гарнизон. «Отступление это длилось две недели, и мы думали, что погибнем все», — пишет Грамон. «Сам король спасся с большим трудом. Наступил такой большой голод, что в течение двух дней я видел, как не было хлеба на столе у короля. Было потеряно 40 000 коней, вся кавалерия и весь обоз и, без преувеличения, три четверти армии. В истории истекших веков нет ничего, что можно бы было сравнить с состоянием такого разгрома», — заканчивает он свое повествование.

В своем повествовании Грамон подробно описывает действия татар. Это описание, сделанное лицом беспристрастным, союзником и соратником татар, заслуживает особого внимания, ибо дает яркую картину того, что несли с

собой бесчисленные походы на Украину-Русь татар, появлявшихся тут в качестве «союзников» то Польши, то отдельных гетманов.

Скучая во время осады Глухова, татары решили сделать набег в глубь Русского государства, пограбить и взять «ясырь». Отправляясь в этот поход, каждый татарин привязал к хвосту своего коня три заводные лошади для перемен в езде при длинных переходах и для навьючивания добычи при возвращении.

В набег из-под Глухова в направлении Севска пошло 10 тысяч татарских всадников. Через 8 дней они возвратились с лошадьми, навьюченными награбленным имуществом, со стадами скота и с 20 тысячами взятых в «ясырь» пленников. О дележе «ясыря» Грамон пишет следующее: «Вот приблизительное употребление из пленных, которое они сделали до момента своего отъезда. Они перерезали горло всем старикам свыше шестидесяти лет, по возрасту не способным к работе. Сорокалетние были сохранены для галер; молодые мальчики — для их наслаждений; девушки и женщины — для продолжения рода и затем продажи. Раздел пленных между ними был произведен поровну, и они бросали жребий, чтобы никто не мог жаловаться, что ему достались старые существа вместо молодых. К их чести, я могу сказать, что они не были скупы в своей добыче и их крайняя вежливость предлагала ее в пользование всем, кто к ним заходил».

Население Украины-Руси множество раз испытало на себе подобные набеги татар, даже когда они появлялись в качестве «союзника» того или другого гетмана. А потому не удивительно, что каждый гетман, который прибегал к помощи татар в междоусобной борьбе на Руси-Украине, кончал тем, что все население от него отворачивалось. Единственным исключением является сотрудничество с татарами Богдана Хмельницкого в начале восстания, и то только потому, что союзные татары были употреблены не на междоусобную борьбу, а на войну с Польшей.

ДОРОШЕНКО. ТУРЕЦКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Поражение поляков и их бегство из-под Глухова укрепили русские позиции на Левобережье. Окрепло также положение избравшего своей резиденцией Гадяч и державшегося русской ориентации левобережного гетмана И. Брюховецкого.

На Правобережье же наоборот, против поляков и их ставленника — гетмана Тетери — начались восстания и бунты в казачьих полках, поддержанные запорожцами, которые всегда поддерживали всех, кто боролся против Польши. В результате, в 1665 г. гетман Тетеря отрекся от булавы и бежал к полякам, а на его место был избран Петр Дорошенко, внук гетмана реестровых казаков начала XVII века.

Учитывая антипольские настроения населения, Дорошенко опасался также и Москвы, т. к. играл в свое время немалую роль в событиях, приведших к разделению Левобережья и Правобережья. Поэтому Дорошенко избрал турецкую ориентацию и отдал под верховную власть турецкого султана подвластную ему часть территории Украины-Руси. Эту территорию составляли Брацлавщина и южная часть Киевщины (которые были очищены от поляков в результате народных восстаний 1665 года), а также Подолия.

Султан охотно принял предложение Дорошенка и подтвердил его в звании гетмана. Султан объявил, что считает в составе своей империи не только территорию, контролируемую Дорошенком, но и всю Украину-Русь, т. е. те ее части, которые фактически находились под Польшей и в составе Русского государства (Левобережье, Северщина). Турки заняли Подолию и начали там вводить турецкую администрацию.

Естественно, что ни Москва, ни Польша не признали передачу Турции Дорошенко территорий Украины-Руси. Но в это время Москва и Польша еще находились в состоянии

войны, и потому им не приходилось думать о войне с Турцией. Турция же пока что не спешила с занятием территорий, над которыми провозгласила свою власть.

Новая ориентация Дорошенко (несмотря на то, что он ее тщательно скрывал и открыто о ней не объявлял) стала известна народу и вызвала острое недовольство во всех слоях населения.

Среди старшины, преимущественно высшей, были сторонники польской ориентации. Эти люди хотели бы построить будущее Украины-Руси в совместном с Польшей государстве, на условиях неосуществленного «Гадяцкого договора» Выговского, а потому они интриговали и поддерживали контакт с поляками. Другие, как, например, легендарный герой и сподвижник Б. Хмельницкого — полковник Иван Богун, твердо стояли на позициях Переяславского акта. Широкие народные массы стихийно тянулись к воссоединению с единоверным и единокровным Русским государством, они мыслили свое будущее только в его составе. Популярность Дорошенко стала быстро падать. Его внутренняя политика также вызвала недовольство, т. к. она, в основном, проводилась в интересах казачества, особенно — его старшины, в ущерб интересам остального населения. В результате началось всеобщее переселение на Левобережье, где жизнь была значительно легче, а к тому же и безопаснее, дальше от поляков, турок и татар.

МОСКОВСКИЕ СТАТЬИ» БРЮХОВЕЦКОГО

На Левобережье после 1664 года жизнь протекала сравнительно мирно, и русские воеводы совместно с гетманом Брюховецким выработали план административных реформ, утвержденный в 1665 г. во время пребывания Брюховецкого в Москве, и известный под именем «Московских статей». Согласно этому плану должна была быть проведена в жизнь, до сих пор не осуществленная одна из статей «Переяслав-

ского акта» о поступлении всех доходов в государственную казну Русского государства, которое производило все выплаты военному и административному аппарату Левобережья. До сих пор вследствие неурядиц и военных действий это не было проведено в жизнь, хотя Москва посылала жалованье казакам.

Для определения доходов и установления источников и размера повинностей надо было иметь точные данные о населении и о его платежных способностях. Для этого начала проводиться перепись людей, земель, угодий, источников доходов. Проводилась она под контролем присланных из Москвы людей и была очень недоброжелательно встречена всем населением. Массы населения боялись непомерно высоких налогов, а у казачьей администрации отнимались возможности произвольного и бесконтрольного обложения населения и личного обогащения, к чему старшина всеми правдами и неправдами стремилась.

В архивах сохранилось много документов, свидетельствующих об этих стремлениях старшины. Так, например, еще в 1654 г. полковник Тетеря во время своего пребывания в Москве выпросил у царя жалованную грамоту на большое имение с крестьянами, бывшее раньше собственностью бежавшего польского магната. Три года спустя Тетеря снова обратился с просьбой о грамоте на то же самое имение. Когда его спросили, зачем ему вторая грамота на то же имение, он объяснил, что первая истлела, т. к. была закопана в земле. А закопал он ее и никому, даже Б. Хмельницкому, не показывал потому, что это могло вызвать недовольство населения, только что, явочным порядком во время восстания ликвидировавшего помещичьи владения.

Тетеря не был исключением. Вся старшина стремилась заручиться царскими или королевскими грамотами на имения, хотя фактически эта старшина не могла вступить во владение ими, т. к. боялась возмущения населения. Делала это она в надежде позднее осуществить свои права, когда все «успокоится». Некоторые, как уже упоминалось, напри-

мер, Выговский, умудрились получать жалованные грамоты на одно и то же имение и от царя, и от короля.

Не был исключением Брюховецкий и его старшина, хотя при выборах в гетманы он именно потому и победил, что выступил против личного обогащения старшины. Но как только, после изгнания поляков в 1664 г., на Левобережье наступило относительное спокойствие, страшина начала захватывать земли с живущими на них крестьянами и закреплять их за собою или царскими грамотами, или универсалами гетмана. Население роптало, авторитет и популярность И. Брюховецкого начали падать.

В то же время Дорошенко, правобережный гетман, завязал сношения с Брюховецким и уговаривал его порвать с Московской Русью, объединить всю Украину-Русь, создать между Москвой, Польшей и Турцией, под покровительством последней автономное государство. При этом намекалось, что гетманом объединенной под властью Турции, Украины-Руси будет Брюховецкий.

ИЗМЕНА БРЮХОВЕЦКОГО

Видя растущее недовольство населения и желая вину за непопулярные мероприятия свалить на Москву и ее представителей, а себя обелить, Брюховецкий решил последовать советам Дорошенка. Он объявил универсалом о разрыве с Русским государством и призвал население избивать и изгонять находившихся на Левобережье московских людей, как виновников всех «притеснений».

Кроме того, минуя Дорошенка, Брюховецкий направил посольство непосредственно к турецкому султану с просьбой принять Украину-Русь в состав Турецкой империи и защищать ее от Москвы и Польши.

Султан охотно на это согласился и приказал крымским татарам оказать помощь Брюховецкому. Таким образом, бла-

годаря предательству Брюховецкого, формально Турция продвинула свои границы к пределам Русского государства и получила основание претендовать на территорию всего Левобережья и Правобережья, подвластных гетманам Брюховецкому и Дорошенку. Из этой территории исключалась Галиция и Волынь, остававшиеся под властью Польши, и северная Киевщина и Северщина, на которые власть Дорошенка не распространялась.

Описывая эти события, необходимо подчеркнуть, что ни Дорошенко, ни Брюховецкий не решились осведомить население о том, что оно отдано под власть Турции. Грушевский в своей «Истории Украины» (Киев, 1917 г., с. 317) пишет: «Мысль о подданстве бусурманам была народу ненавистна, а потому Дорошенко должен был скрывать перед ними свои отношения с султаном». В этом случае Грушевский не искажает историческую правду, ибо действительно, сношения и принятые по отношению к Турции обязательства и Дорошенко, и Брюховецкий от народа тщательно скрывали и нигде ни в каких архивах не найдено следов того, что население об этом было поставлено в известность.

Но этот правильно подмеченный Грушевским, исторический факт разбивает и всю теорию Грушевского и его «школы» о существовании «казацкой державы» с демократическим порядком и «международными дипломатическими сношениями»; разбивается также и миф о Дорошенко как о «человеке великого духа, душой и телом преданного делу Украины». Если бы действительно была «незалежна козацька держава», к тому же демократическая, то зачем ей было проситься «под высокую руку» султана да еще скрывать это от своего народа?

Историческая правда — кто хочет ее знать — говорит другое: что все это были мелкие комбинации мелких людей, без широких государственных горизонтов, руководимых сословными интересами, личными честолюбием и тщеславием.

~~Грушевский~~ желая опорочить Богдана Хмельницкого за его тяготение к воссоединению всей Руси, написал, что «народ для него был только средством для достижения своих казацких желаний, а через казачество он мог надеяться на облегчение и для себя» («История Украины», с. 302). Объективное же изучение вопроса приводит к выводу, что не к Б. Хмельницкому, великому сыну Украины-Руси и подлинному деятелю государственного масштаба, надо отнести эту фразу, а к разным выговским, дорошенкам, брюховецким, удовлетворившим свое корыстолюбие и тщеславие на несчастьях и кровавой междоусобице своего народа.

Пока Брюховецкий, при помощи подоспевших к нему из Крыма татар, занимался изгнанием русских гарнизонов с Левобережья, что ему и удалось (кроме Киева и Чернигова), а также расправой со сторонниками верности Переяславскому акту, Дорошенко с большими силами переправился через Днепр и весной 1668 г. двинулся в глубь Левобережья.

ГИБЕЛЬ БРЮХОВЕЦКОГО

Ничего не подозревавший Брюховецкий по просьбе Дорошенка выехал к нему навстречу в местечко Опишня (восточнее Полтавы). Там, в лагере Дорошенка, Брюховецкий был буквально растерзан сторонниками Дорошенка и его голое тело долго валялось непогребенным, пока не было отвезено в Гадяч и погребено в построенной им соборной церкви. Из бывших сторонников Брюховецкого никто не вступился в его защиту; все признали Дорошенка гетманом всей Украины-Руси, на территории которой у Дорошенка не было соперников и противников, кроме русских гарнизонов в Киеве и Чернигове. Терроризированные расправами Брюховецкого, татар, затем Дорошенка, население и старшина, тяготевшие к России, не смели поднять свой голос. Находившаяся на Левобережье русская армия Ромодановского отошла за русский рубеж.

Но Дорошенко долго не задержался на Левобережье и ничего не предпринял для укрепления там своей власти. Внезапно он двинулся обратно, за Днепр, оставив на Левобережье наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Многогрешного.

Причину этого внезапного и непонятного возвращения Дорошенка за Днепр Грушевский объясняет тем, что Дорошенко поспешил к своей молодой любимой жене, получив известие, что она ему изменяет. Насколько это исторически точно — значения не имеет. Но если верить Грушевскому, превозносящему «великого человека» — Дорошенко, не без основания можно поставить под сомнение «величие» человека, бросившего народное дело из за дел семейных.

После ухода Дорошенка и татар (конечно, с ясырем) сторонники Переяславского акта начали поднимать голову. Татарские насилия и слухи о какой-то связи Дорошенка с Турцией (правду, как упомянуто, он скрывал) еще раз доказали народу, что единственное спасение — в осуществлении Переяславского акта и в укреплении связей с Русским государством.

ДЕМЬЯН МНОГОГРЕШНЫЙ

При активном участии Черниговского архиепископа Лазаря Барановича, управлявшего всеми левобережными епархиями, были быстро консолидированы силы сторонников Переяславского акта, восстановлены дружественные отношения с Русским государством и произведены выборы гетмана на Левобережье. На раде в Новгороде-Северском гетманом был избран тот самый Демьян Многогрешный, которого Дорошенко оставил наказным гетманом на Левобережье. Но теперь Многогрешный уже открыто держался русской ориентации и власти Дорошенка над Левобережьем не признавал.

«ГЛУХОВСКИЕ СТАТЬИ»

На раде в Глухове, в марте 1669 г., представители Русского государства еще раз в письменной форме уточнили с гетманом и старшиной взаимоотношения Украины-Руси (Левобережья) с Россией. В основном это было повторение статей Переяславского акта с некоторыми малозначительными изменениями и дополнениями. В истории они известны, как «Глуховские статьи 1669 года».

Отпадание Д. Многогрешного и поддержавшего его Левобережья было тяжелым ударом для Дорошенко. Но он никак на это не реагировал и не сделал никаких попыток для восстановления на Левобережье своей власти. Объясняется это неустойчивостью положения самого Дорошенко. Турецкий султан был далеко и с помощью своему новому вассалу не спешил; близкие союзники — татары, благодаря своим грабежам и насилиям во время непрошенных посещений Правобережья, лишь углубляли среди населения начинавшую расти всеобщую ненависть к Дорошенко; на Запорожье, которое вначале благосклонно относилось к Дорошенко, тоже росло и крепло острое им недовольство; население, стихийно тяготевшее к России, начало массами уходить за Днепр. Учитывая все это, Дорошенко ничего не оставалось, как внешне примириться с Многогрешным, ограничиваясь ироническими замечаниями, по его адресу.

Ко всему этому в Запорожье начали появляться новые «гетманы» — конкуренты Дорошенко и претенденты на булаву. Появился сначала Суховенко-Вдовиченко, которого Дорошенко удалось разгромить в 1669 г., а затем Михаил Ханенко. Последний вступил в непосредственные сношения с Польшей и пообещал ей быть более уступчивым, чем Дорошенко, который препятствовал введению польской админи-

страции на своей территории. Польша продолжала считать ее своей, основываясь как на своих «исторических правах», так и на условиях Андрусовского перемирия (1667 г.), по которому Правобережье осталось за Польшей.

ГЕТМАН ХАНЕНКО

Польша, несомненно, осведомленная о комбинациях Дорошенко с Турцией, в 1670 году признала Ханенко гетманом Правобережья. Хотя Ханенко больших военных сил не имел и помощи от Польши не получил, он все же беспокоил Дорошенко и ослаблял его и без того поколебленную власть и авторитет.

Понятно, что у Дорошенко при таких обстоятельствах оставалась единственная надежда на Турцию. Только в случае решительной ее победы мог Дорошенко рассчитывать сохранить булаву и свою власть над народам. И Дорошенко начал торонить султана с осуществлением его власти над Украиной-Русью, отданной Турции им самим и Брюховецким.

НАШЕСТВИЕ ТУРОК

В 1671 г. султан решает начать войну и направляет крупные военные силы для захвата у Польши «своего» Правобережья, а потом у Москвы «своего» Левобережья.

Дорошенко по-прежнему скрывает от народа сущность своих взаимоотношений с султаном и мобилизует свои силы якобы «для борьбы с Польшей». Эта борьба всегда была популярна на Украине-Руси.

Султан Магомет IV в конце 1671 г. официально уведомил Польшу, что идет на нее войной за то, что та беспокоит владения присягнувшего Турции ее вассала Дорошенко. Грушевский, описывая этот эпизод, называет Дорошенко «присяжником султанским».

Предварительно султан послал в помощь Дорошенко крымских татар, которые с помощью казаков изгнали с Правобережья польские гарнизоны и казачьи отряды гетмана Ханенко. А затем главные турецкие силы, к которым присоединился и Дорошенко, нанесли полякам ряд крупных поражений, взяли польскую крепость Каменец-Подольск и подошли ко Львову. В Польше наступила паника, и она просила мира, который и был заключен 7 октября 1672 г. в г. Бучаче. Условия «Бучачского мира» были крайне унижительно и тяжелы для Речи Посполитой. Польша признала себя данником Турции и обязалась ежегодно платить огромную сумму. Она обязалась немедленно вывести свои гарнизоны со всей территории Украины-Руси «в давних границах». Таким образом, Польша отказалась от своих прав на Правобережье, незадолго до того (1667 г.) признанных за нею Андрусовским перемирием, по которому она потеряла Левобережье.

Поражение Польши и отказ ее от Правобережья освободил Москву от обязательства считать Правобережье польским и поставил вопрос перед Русским государством об освобождении Правобережья, теперь уже не от Польши, а от Турции. На это усиленно подговаривал Москву вступивший с нею в контакт Дорошенко, готовившийся таким образом к очередной измене — теперь султану.

Слухи о готовящемся вторжении турок на Левобережье встревожили Москву. Она ускорила переговоры с Дорошенко, надеясь в случае вторжения иметь его на своей стороне. О настроениях казачества и населения Украины-Руси Москва хорошо была осведомлена и знала, что против России, в союзе с турками и татарами, оно воевать не будет.

Созванный специально для решения этого вопроса Земский собор стал на формальную точку зрения, что Дорошен-

ко с Правобережьем можно принять в состав Русского государства, не нарушая Андрусовского перемирия, т. к. Польша сама от него отказалась по Бучачскому миру, а с Турцией у Москвы никаких договоров относительно принадлежности Правобережья не было. Желание Дорошенко о покровительстве Москвы было удовлетворено.

Но кроме этого желания, Дорошенко имел еще другие: чтобы на всей территории Украины-Руси и в Запорожье был только один гетман, разумеется, Дорошенко; чтобы были уведены все русские гарнизоны; чтобы вся администрация на Украине-Руси была исключительно казацкая, без права вмешательства Москвы; чтобы он (Дорошенко) мог беспрепятственно сноситься с другими государствами; чтобы Русское государство защищало Украину-Русь от Турции и от Польши. Об этом сообщает Грушевский, называя эти желания «требованиями» и приводя их в доказательство, как существования «казацкой державы», так и «государственной мудрости» Дорошенко. Однако в Московской Руси взглянули на вопрос иначе.

Отдавать под бесконтрольную власть Дорошенко Левобережье и Запорожье и обязаться защищать эту власть, пожертвовав при этом верным Москве Левобережьем и ее гетманом, там не рискнули, зная склонность Дорошенка к переменам ориентаций.

ГЕТМАН ИВАН САМОЙЛОВИЧ

К этому времени на Левобережье был сменен и сослан в Сибирь Многогрешный за его попытки двурушничества. Гетманом тут стал лояльный к Москве Иван Самойлович (1672 г.). Москва Самойловичу доверяла, и он сотрудничал с находившимися на Левобережье русскими войсками. Москва понимала всю несерьезность «требований» турецкого вассала — Дорошенко, не смевшего сказать народу правду

о данных от имени народа Турции обязательствах. Хорошо также знала Москва настроение населения и была осведомлена о полном падении популярности Дорошенко даже среди окружавшей его казацкой старшины. С Запорожьем Дорошенко был в открытой вражде. А потому Москва решила действовать через голову Дорошенка, связавшись непосредственно с населением и казачеством Правобережья.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1674 ГОДА

По договоренности с левобережным гетманом Самойловичем, в марте 1674 года в город Переяслав съехались на раду полковники десяти Правобережных полков, не извещая даже об этом своего гетмана Дорошенко. На этой раде было объявлено о присоединении десяти правобережных полков к Левобережью и Русскому государству «со всеми тех десяти полков городами и местечками и со всем посполитством». Самойлович был провозглашен гетманом этих полков. Это были следующие полки: Каневский, Белоцерковский, Черкасский, Корсунский, Паволоцкий, Кальницкий, Уманский, Брацлавский, Подольский и Могилевский.

На эту раду в Переяслав прибыл и конкурировавший с Дорошенко правобережный гетман польской ориентации Михаил Ханенко. Он сложил перед Самойловичем и русским воеводой кн. Ромодановским свою булаву и объявил о личном подчинении и о подчинении подвластных ему войск и территорий царю.

После Переяславской рады 1674 года положение Дорошенко стало безнадежным. Перекинуться к Польше, против которой он только что воевал, было невозможно ввиду ненависти населения к полякам и огромного риска быть наказанным поляками за измену и сотрудничество с Турцией. В Запорожье были заклятые враги Дорошенко. Турция была далеко, да и там был риск наказания за утрату власти над территорией, которую султан доверил его управлению.

Расчитывать на Москву тоже нельзя было, т. к. там хорошо знали безнадежность положения Дорошенко и всю обстановку.

Всеми покинутый, кроме небольшого отряда ненадежных казаков, Дорошенко слал отчаянные просьбы туркам и татарам о помощи. Турки и татары отозвались и прислали войска, с помощью которых Дорошенко начал «усмирять» те свои территории, которые высказались за Самойловича и Россию, жестоко расправляясь с населением и отдавая его в «ясырь». Эта карательная экспедиция окончательно оторвала от Дорошенка и последних его сторонников. Возросло массовое бегство населения на Левобережье.

КОНЕЦ ДОРОШЕНКО

В сентябре 1676 года к Чигирину, где сидел Дорошенко с кучкой своих сторонников и, по словам Грушевского, «хотел сесть на бочку с порохом и, зажегши ее, покончить с собой», подошли казачьи полки Самойловича и русский отряд кн. Ромодановского. Дорошенко не покончил с собой, а добровольно передал Самойловичу свою булаву и просил его и кн. Ромодановского разрешить ему спокойно дожить свой век.

Ромодановский и Самойлович поступили с Дорошенко не так, как тот поступил с доверившимся ему Брюховецким. Они оставили ему личное оружие, все имущество и назначили местом его постоянного жительства город Сосницу, недалеко от гетманской столицы — Батурина. В Соснице для него был построен особый дом со всеми службами и назначено жалованье из гетманской казны. Туда же переехал и его брат с семьей, которого казаки Сосницкой сотни выбрали своим сотником. Впоследствии потомки этого сотника Дорошенко превратились в потомственных дворян Российской империи и во владельцев сел с крепостными крестьянами.

Сам бывший гетман недолго задержался в Соснице. Вскоре он был вызван в Москву и переехал туда с семьей. Москва готовилась к войне с Турцией и, надо полагать, из предосторожности решено было удалить с Украины-Руси бывшего турецкого вассала. По официальной же версии, причиной вызова Дорошенко в Москву было участие его в совещаниях в связи с возможной войной с Турцией.

Томясь от безделья в Москве, Дорошенко просил дать ему должность, и царь назначил его на большой и ответственный пост Вятского воеводы. Дорошенко в Вятке прожил несколько лет, а после этого ему было пожаловано большое имение Ярополки недалеко от Москвы с крепостными крестьянами. Тут Дорошенко, московским помещиком, в 1698 г. мирно закончил свою бурную жизнь. Правнучка Дорошенко, Наталия Гончарова, вышла замуж за А. С. Пушкина и сыграла известную трагическую роль в жизни поэта.

И вот, отлично зная всю жизнь и деятельность Дорошенко, начиная с его измены присяге на верность Переяславскому акту, его перемены «ориентации», беспощадную расправу с политическими противниками, многократный привод татар и турок, отдачу им непокорного населения в «ясырь» и затем двадцатилетнюю жизнь на положении московского воеводы и помещика, Грушевский свое повествование о Дорошенко заканчивает так: (История Украины. Киев, 1917): «Занемиг славный Дорошенко, сидячи в неволи, та й умер з нудьш ~~остило волочить кайданы и забули на Вкраини славного гетьмана...~~»

Этот исключительный по убедительности пример извращения истории настолько очевиден, что ни в каких комментариях не нуждается. Украинские экстремисты стараются исказить историю и искаженные исторические факты подогнать к их теории, нужной для создания и разжигания русско-украинской вражды. Для этого проф. Грушевский, вождь и идеолог украинского сепаратизма, не стесняется прибегать ко лжи, и на вятского воеводу и московского помещика — Дорошенко надевает несуществовавшие «кайданы»-оковы.

«КНЯЗЬ МАЛОРОССИЙСКИЙ» ЮРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

С падением гетмана Дорошенко «Руина» на Украине-Руси не кончилась. Затеянное им дело отдачи края под власть султана Турция не прекратила и приступила к его осуществлению. Был разыскан пребывавший в монастыре Юрий Хмельницкий. По принуждению султана, Константинопольский патриарх снял с Ю. Хмельницкого монашеский постриг, и он был назначен султаном на место Дорошенко гетманом с титулом «князя Малороссийской Украины» (1677 г.).

Новый «князь», от имени султана и своего, заявил претензии не только на Правобережье, но и на Левобережье и пытался добыть их силой оружия. Турки для поддержки своего вассала предприняли два похода на Правобережье. Первый поход стотысячной турецкой армии и татарской орды в 1677 г. кончился неудачно: русские войска Ромодановского и казачьи полки Самойловича отбили турок и татар от Чигирина и заставили их вернуться назад.

В следующем году турки в поход послали уже 200 тысяч и, совместно с татарами, им удалось овладеть Чигирином, укрепления которого были взорваны защищавшими его русско-казацкими войсками. Создалась угроза Киеву и Левобережью. Но дружными усилиями восставшего на Правобережье (еще уцелевшего) населения, казацких полков Самойловича и русских войск Ромодановского неприятель был отбит, турецкая армия ушла в Турцию, а Юрий Хмельницкий обосновался в своей резиденции — ^{Виннице} ~~Немирове~~. Через год он из Немирова сделал набег на Левобережье, но был легко отбит. Вскоре турки убили Ю. Хмельницкого и назначили другого «малороссийского князя» — Дуку.

Не одни турки и татары разоряли и опустошали Правобережье. Польша тоже предъявила на него свои права и пыталась силой оружия их осуществить.

Вскоре после Бучачского мира поляки нанесли туркам поражение под Хотинном, а с избранием королем талантливо-

го полководца Яна Собесского (в 1674 г.) Польша прекратила платежи дани Турции и перестала считать для себя обязательными статьи Бучачского мира, по которому она уступила Турции все Правобережье.

В результате постоянных набегов, разорений и опустошений, на Правобережье жизнь стала невыносимой. Население бежало за Днепр, на Левобережье. Правобережье же быстро превращалось в почти лишенную населения пустыню.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ МИР

В то время Турция начала готовиться к походу на Центральную Европу, а потому она не только не предприняла дальнейших попыток к захвату всей Украины-Руси, но и согласилась на заключение мира с Россией. Мир был заключен в Бахчисарае в 1681 г. Турция отказалась от претензий на Киев с окрестностями и на все Левобережье, а Россия отказалась от претензий на Правобережье, территорию «князя» Ю. Хмельницкого. В результате этого мира Россия обеспечивала себя, хоть на некоторое время от нападений Турции, перед которой тогда дрожала вся Европа.

Но не прошло и нескольких лет, как Турция потерпела от Польши сильное поражение (под Веной в 1683 г.) и об Украине-Руси, вообще, о Правобережье, в частности, России пришлось договариваться с Польшей, предъявившей снова на них свои права.

«ВЕЧНЫЙ МИР»

После длительных переговоров во Львове, в 1686 г., был заключен между Россией и Польшей т. н. «вечный мир». Условия, в основном, были те же, что и условия Андрусовского перемирия, с той только разницей, что по «вечному миру» Киев навсегда отходил России (за что было Польше заплаче-

но 200 000 злотых), к России также навсегда отходило Запорожье с его землями (по Андрусовокому перемирию Россия и Польша совместно владели Запорожьем). Кроме того, было зафиксировано, что Подолье остается за Турцией, а южная Киевщина и Брацлавщина должны остаться нейтральной, незаселенной зоной.

Не сразу после «вечного мира» наступило успокоение. Условиями этого мира на долгие годы не только было отрезано от остальной Украины-Руси Левобережье, но также разрезано по линии Днепра даже то Приднепровье, которое было освобождено от польской власти в первые годы восстания Богдана Хмельницкого.

Водворение польской администрации на Правобережье сопровождалось жесточайшими расправами над уцелевшим населением, взбунтовавшимися «хлопами», которые теперь опять подпали под власть своих угнетателей-поляков. Терроризированное население бросало все и бежало или на Левобережье, или в Запорожье. Богатейшие области от Днепра до Буга, южная Киевщина и Брацлавщина, превратились в почти обезлюдившие пустыни. Таковы были результаты деятельности П. Дорошенко, которого сепаратисты делают народным героем.

Только к концу 1687 г. наступило известное успокоение и жизнь начала входить в обычные рамки.

Тридцатилетний период «Руины» закончился, оставив после себя на Руси разорения и опустошения не меньшие, чем Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) в Центральной Европе, если не большие. Там хоть татары не уводили десятки тысяч «ясыря», а на Украине-Руси редко какой из прославляемых сепаратистами гетманов не приводил татар и (как Дорошенко и Выговский) не отдавал татарам в «ясырь» непокоренные села, города и районы.

В монастыре под Батурином сохранялась интересная запись одного из архимандритов XVII столетия. Озаглавлена она была «Руина» и содержала описание «деяний и злодеяний гетманов и прочих вождей народа малороссийско-

го». Она содержала следующую запись — сводку этих «деяний и злодеяний»:

«Выговский Иван — клятвонарушение, братоубийство, привод татар на уничтожение народа малороссийского, продажа Руси католикам и ляхам, сребролюбец велий.

Хмельницкий Юрий — клятвопреступник трижды, христомошатель веры и народа ляхам и бусурманам, привод татар.

Дорошенко Петр — клятвопреступник многожды и переметчик, слуга бусурман — врагов Христовых, славолюбец и сребролюбец велий, привод татар и турок.

Брюховецкий Иван — мздоимец, лихоимец, клятвопреступник, виновник братоубийства и мук народных, от татар претерпленных, слуга бусурманский.

Тетеря Павел — сребролюбец, клятвопреступник и холоп добровольный ляхский. Подстрекатель Ю. Хмельницкого на измену.

Многогрешный Дамиан — раб лукавый, двоедушный, к предательству склонный, благовременно разоблаченный и кару возмездия понесший.

Самойлович Иван — муж благочестивый, веры греческой православной и народу русскому привержен».

Эта запись всех «деяний и злодеяний» полностью совпадает с совершенно неоспоримыми фактами, установленными исторической наукой и подкрепленными многочисленными документами, сохраняющимися в исторических архивах.

Можно себе представить, что должно было претерпеть население Украины-Руси за время «Руины».

ИТОГИ СТОЛЕТНЕЙ БОРЬБЫ

Так называемым «вечным миром» между Россией и Польшей (1680 г.) закончился кровавый период борьбы Украины-Руси за свое освобождение от социально-национально-религиозного угнетения со стороны Речи Посполитой.

Больше столетия тянулась эта борьба, сопровождаемая разорением богатого края и неисчислимыми жертвами и страданиями населения. Началась она непосредственно после Люблинской Унии (1569), объединившей в одно государство Польшу и Литву, точнее, литовско-русское великое княжество, и открывшей путь католическо-польской агрессии; она усилилась и обострилась после религиозной Брестской унии (1596 г.), положившей начало униатству; закончилась же разделом Украины-Руси по линии Днепра, по которому только Левобережье воссоединилось с Россией, а вся территория на запад от Днепра осталась под властью Польши.

Только в конце XVIII века, то есть больше столетия спустя, при разделе Польши (в 1793 г.), была воссоединена с Россией еще одна часть Украины-Руси, так называемое Правобережье (Киевщина, Волынь, Подолия). Галиция же, Карпатская Русь и Буковина попали под Австрию. И только почти через полтора столетия было окончательно завершено дело воссоединения земель когда-то единого русского государства Киевского периода: в 1939 г. была воссоединена Галиция, а в 1945 году Карпатская Русь и Буковина.

Начавшийся при московских царях (1654—1686 гг.) процесс воссоединения продолжен был императорской Россией и завершен уже при коммунистической власти.

Процесс этот отвечал чаяниям населения Украины-Руси, видевшего в воссоединении с Россией свое спасение от социально-национально-религиозного угнетения под властью Польши и Австрии, а потому неуклонно продолжался до своего завершения, независимо от режимов России и вопреки усилиям иностранных держав и их агентов из среды населения Украины-Руси, стремившихся этому процессу воспрепятствовать и сделать врагами братские, единокровные и единоверные русский и украинский народы.

Историческая обстановка сложилась так, что процесс воссоединения был осуществлен не сразу, а отдельными этапами с многолетними промежутками между этими этапа-

ми, что привело к долголетней раздельной жизни отдельных частей Украины-Руси: Правобережье — больше ста лет, Галиция, Закарпатье и Буковина — почти триста лет (или 600 лет со дня их захвата поляками и венграми). Поэтому в дальнейшем изложении будет целесообразно рассматривать отдельно Левобережье, воссоединенное в 1654 г., Правобережье, воссоединенное в 1793 году и всю Западную Украину, воссоединившуюся с Россией только после Второй мировой войны.

Но прежде чем приступить к этому, необходимо уяснить себе, что же, собственно, представляла собой воссоединенная часть Украины-Руси при завершении более чем столетней борьбы за освобождение и подписании Россией «вечного мира» с Польшей (1686). Установить ее территорию, численность населения, его национальное лицо, социальную структуру.

ТЕРРИТОРИЯ

Освободительная борьба Украины-Руси происходила не на всей ее территории, а в основном на Приднепровье. Галиция, Карпатская Русь и западные области Волыни, граничащие с Польшей, активного участия в ней почти не принимали, хотя и там было немало случаев вооруженных восстаний против польской администрации и помещиков. Триста лет польского владычества сказались. Забитый, бесправный народ покорно тянул лямку крепостного права, а высшие сословия были полностью окатоличены, ополячены и оторвались от народа, который о свободе только мечтал, но не имел сил за нее бороться.

Другие были настроения в Приднепровье, где население еще помнило сравнительно вольную жизнь и способно было к борьбе. И чем дальше от польских границ и чем ближе к очагу свободы — Запорожью, тем эти настроения были крепче и сильнее.

Это были воеводства Брацлавское, Киевское и Черниговское. То есть территория приблизительно 200—250 километров как по правому, так и по левому берегу Днепра, начиная километров около ста севернее Киева и кончая линией реки Ворсклы, с востока на запад. Южнее шли степи, мало заселенные и открытые для набегов крымских татар, которые тогда были большой силой.

Территория эта была территорией центральной и юго-восточной Киевской Руси времен Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Кроме Киева на ней находились древнейшие города, как, например, Чернигов, Новгород-Северский, Любечь, Переяслав, Ромны и другие. Она соответствовала территориям дореволюционных российских губерний Черниговской и Полтавской (Левобережье), Киевской, Волынской и Подольской (Правобережье), то есть, составляла только сравнительно незначительную часть нынешней Украины.

Формально эта территория до Люблинской унии (1569) входила в состав Великого княжества Литовского, а после этой унии была частью Речи Посполитой.

По существу же, после Люблинской унии она была польской колонией, в которой Польша вела чисто колониальную политику, угнетая и эксплуатируя ее население.

Галиция, попавшая под власть Польши значительно раньше (в XIV веке), входила в состав Короны Польской, называлась «Воеводство Русское» и еще до Люблинской унии там был полностью введен польский крепостнический порядок, а магнаты и шляхта окатоличены и ополячены. Бесправное же крестьянство было фактически отдано на милость и немилость своих помещиков — магнатов, шляхты и высшего духовенства (католического и православного). Никакого казачества Галиция не знала и галичане в рядах казачества почти не встречались, за редкими исключениями, к которым принадлежит галичанин родом, гетман Конашевич-Сагайдачный.

В освободительной столетней борьбе населения Украины-Руси против Польши Галиция участия почти не прини-

мала, хотя ее население этой борьбе сочувствовало и даже кое-где делало попытки поднять восстания, которые были в корне кроваво подавлены польской администрацией и помещиками.

Карпатская Русь, находившаяся под властью Венгрии, была в таком же положении, как и Галиция, и также не принимала участия в освободительной борьбе.

Всю тяжесть этой борьбы испытало и вынесло на себе Приднепровье, на территории которого в течение столетия, начиная с первых казацких восстаний конца XVI века, велись войны и совершались разорения городов и сел и уничтожение населения.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Всенародное восстание Хмельницкого было реакцией на социально-религиозно-национальную агрессию Польши и, по существу, это была революция, одновременно политическо-социальная, религиозная и национальная.

Как буря смела она установленный поляками порядок, не оставив от него камня на камне. Помещики и арендаторы-евреи были вырезаны или бежали. Такая же участь постигла польскую администрацию и представителей католической церкви.

Своеобразный и самобытный административный порядок казачества, который раньше распространялся только на казаков, распространился теперь на все население. Строгая грань между казаками и не-казаками в процессе борьбы совершенно исчезла. Фактически все стали казаками и были свободны от обязательств по отношению к помещикам.

Этот «новый порядок» возник самоотечком, в процессе непрерывной борьбы, и возглавлению восстания ничего другого не оставалось делать, как его санкционировать. Казацкая старшина, особенно ее верхушка, воспитанные в духе

польского социального порядка и даже ему сочувствовавшие, далеко не полностью воспринимала «достижения революции». Если в секторе религиозном и национальном она была этими «достижениями» удовлетворена, то этого нельзя сказать о социальном секторе

Полное освобождение «посполитых» было ударом по материальным интересам той части старшины, которая имела или своих «посполитых», или по отношению к которой «посполитые» должны были выполнять известные повинности.

Непрерывные войны требовали максимального напряжения народных сил и вызывали требования от народа разных повинностей. Народ же, только что освободившийся, не был склонен принимать на себя новые обязательства или выполнять старые, хотя бы по отношению к казачьей старшине.

Учитывая все это, Богдан Хмельницкий и последующие гетманы очень осторожно шли по пути накладывания каких-либо обязательств на население, кроме обязательств, непосредственно связанных с ведением освободительной борьбы.

Сначала гетманы этого периода требовали «послушенства» (выполнения натуральных повинностей) по отношению к православным монастырям от их бывших «посполитых». Затем начали предъявляться требования «послушенства» по отношению к старшине, но не персонально, а «на ранг», то есть, население должно было выполнять известные повинности по отношению к полковникам, сотникам, есаулам (пока они занимали эти должности, которые были выборными). Провести строгую грань между «послушенством на ранг» и «послушенством» чисто персональным было нелегко, и на этой почве сразу же начались злоупотребления. Сохранилось немало жалоб на то, что отдельные старшины «послушенство на ранг» превращают в «послушенство» персональное.

И окончательно стабилизировать социальные взаимоотношения на освобожденных территориях так и не удалось за все время освободительной борьбы.

Сделано это было только после ее окончания и совершенно по-разному в воссоединившемся с Россией Левобережье и в оставшемся за Польшей Правобережье. На Правобережье поляки попросту восстановили социальный порядок, бывший до восстания, ликвидировав совершенно казачество. На Левобережье процесс стабилизации социальных взаимоотношений проходил очень медленно и был закончен только к концу XVIII столетия.

К моменту же окончания освободительной войны вся Украина-Русь представляла собой еще далеко не устоявшееся взбалмученное море с социальным порядком, не установившимся и резко отличавшимся от социального порядка и Польши, и России, между которыми она была поделена по условиям «вечного мира».

Демократическое начало организации всего аппарата власти, как военной, так и гражданской, путем непосредственных всенародных выборов, начиная от гетмана и кончая сотниками и атаманами в селах, можно считать характерным для этого периода истории Украины-Руси. Выбирали за личные качества, а не по признаку происхождения или богатства (хотя, конечно, и первое и второе играли известную роль при выборах).

Выбирали людей для замещения разных должностей, и, естественно, считались с образованием и подготовленностью к занятию этих должностей, а потому, практически, круг лиц, из которых пополнялся аппарат власти, не был особенно велик, ибо людей не только образованных, но и вообще грамотных в то время было немного.

Люди же образованные, во-первых, происходили из более зажиточных классов населения, а, во-вторых, были воспитаны под сильным влиянием польских взглядов на социальные взаимоотношения (нередко это были ученики иезуи-

тов) и сами были не прочь занять положение всевластной шляхты и магнатов.

В результате получался парадокс: после социальной революции, при демократических выборах на командные посты и ключевые позиции выбирались противники этой социальной революции, ждавшие момента, чтобы можно было восстановить только что разрушенную социальную систему, но, конечно, с заменой польско-католической социальной верхушки своей, православно-казацкой.

Приведенный выше случай с полковником Тетерей, загодя обеспечивавшем себя царскими грамотами на имения, не был единичным. Привести их можно множество, как неопровержимое доказательство того, что сама казацко-старшинская верхушка времен освободительной борьбы вовсе не верила в стабильность установившегося социального порядка.

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОССОЕДИНЕННОГО В 1654 г. НАСЕЛЕНИЯ

Точных данных о численности населения Украины-Руси на территории, воссоединенной с Россией и оставшейся за ней (Левобережье), не имеется. В 1654 г. после Переяславского акта велась регистрация всех принявших присягу (всех взрослых мужчин). Согласно данным этой регистрации, учитывая средний процент взрослых мужчин, мы приблизительно приходим к цифре в один миллион. Такую же цифру дает в своей «Истории Украины», вышедшей в Мюнхене в 1947 г. галичанин-сепаратист Холмский.

Цифра эта относится не только к Левобережью, оставшемуся за Россией, но ко всей территории, находившейся под властью Богдана Хмельницкого в январе — феврале 1654 г. Впоследствии, как уже упомянуто, Правобережье отошло к Польше и численность воссоединенного населения, естественно уменьшилась. Но она была быстро пополнена

волной беженцев, спасавшихся на Левобережье от польско-католических притеснений на Правобережье. Поэтому, несмотря на потерю Правобережья, численность населения Украины-Руси, воссоединенного с Россией, с большей степенью вероятности можно определить в один миллион.

Сюда не входит Слободская Украина, которая никакой присяги не приносила, прямого участия в освободительной борьбе не принимала и под властью Богдана Хмельницкого никогда не находилась. Создалась она, как указано выше, в результате бегства населения Украины-Руси с объятой восстанием территории за рубежи Московского государства.

Население Приднепровья было до крайности истощено и разорено непрерывными войнами и набегами, города опустели и начали приходить в упадок. Селиться стали подалее и от городов, и от больших дорог, выбирая балки (овраги) для поселений, чтобы возможно меньше быть заметными при прохождении каких-либо военных отрядов.

Но, несмотря на все тяжести жизни, население Приднепровья не потеряло веры в себя и в свое лучшее будущее, и было тем ядром украинского народа, которое сохранило и свою прадедовскую православную веру, и свои народные особенности от окатоличивания и ополячивания. Впоследствии с этим ядром (и теснейшим образом связанной с ней Слободской Украиной) постепенно воссоединились и остальные земли Украины-Руси.

СПОР О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Рассмотрев территорию, численность народонаселения и социальный порядок борющейся целое столетие за свое освобождение Украины-Руси, необходимо сказать также и о том, что представляло собой это народонаселение.

Мнения историков по этому вопросу весьма различны, и потому, чтобы установить правду, необходимо остановиться на нем несколько подробнее.

Сепаратисты во главе с Грушевским и его последователями утверждают, что народонаселение Украины-Руси совершенно особый народ, ничего общего не имеющий с великороссами. Народ этот, по их утверждению, является наследником государственности Киевской Руси, непосредственным и прямым потомком того населения, которое жило в Приднестровье во времена Владимира Святого и Ярослава Мудрого, Поэтому, желая подчеркнуть эту преемственность, сепаратисты ведут свою «историю» от Олега и Владимира Мономаха, называя их князьями «украинскими», даже «Русскую Правду» они переименовали в «Украинскую Правду».

Великороссы же, по толкованию сепаратистов, это результат скрещивания разных тюркских племен, этнически ничего общего с украинцами не имеющие. Самое имя свое «русь» они попросту «украли» и присвоили себе от настоящей Украины-Руси. Весь же длительный и кровавый процесс воссоединения сепаратисты изображают как «завоевание», «покорение» Украины-Руси чуждыми, враждебными и агрессивными «москалями»-великороссами.

Совершенно иначе изображают это российские дореволюционные историки, не только великороссы по происхождению (Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский, Платонов), но и историки украинского происхождения: Бантыш-Каменский и Костомаров.

Население Украины-Руси они называют «малороссами», как сами гетманы времен борьбы за освобождение называли свое войско и народ. Во множестве исторических актов того времени в титулах гетманов мы находим это слово «малороссийский» и нигде не сохранилось ни одного документа в котором население Украины-Руси называлось бы «украинцами» или «украинским» народом.

В вопросы этнических, бытовых и культурных особенностей этих «малороссов», равно как и в то, существовали ли эти особенности вообще, российские историки не углубляются. Или их вообще не затрагивали, или касались только вскольз.

Поэтому легко может создаться впечатление, что слово «малоросс» есть понятие чисто географическое, обозначающее жителя «Малороссии» или «Малой России». Такое толкование соответствовало бы существовавшему в Греции слову «малый», употребляемому в смысле «центральный», «основной». Например, «Малая Греция» — это центральная Греция, а «Великая Греция» — это области периферийные. Образованные люди того времени воспитывались на древнегреческой культуре, а потому с большей долей вероятности можно допустить, что с ростом и расширением древнего Русского государства, по аналогии с Грецией, они начали называть территории, где это государство создавалось и откуда пошло расширение, Малой Русью, а периферию — Великой Русью. Отсюда слова «малоросс» и «великоросс».

Но русские дореволюционные историки вопросу происхождения этих слов значения не придавали.

В результате создавалось мнение, что однородная масса населения, которая в XIV веке ходом исторических событий была разделена и попала под власть Литвы, а потом Польши, оставалась такой же однородной и 300 лет спустя, когда началась борьба за освобождение и воссоединение.

Такое мнение, в основном, было официальной установкой в дореволюционной России.

В действительности же, всестороннее и объективное изучение вопроса «воссоединения» (а не «присоединения», как ошибочно говорилось в дореволюционной России), приводит к выводам весьма далеким и от утверждения сепаратистской «исторической науки», и от несколько упрощенного толкования дореволюционных историков.

Корень разногласия установок сепаратистской «исторической школы» и российских дореволюционных историков лежит в двух основных вопросах: в вопросе преемственности государственности Киевской Руси и в вопросе однородности или разнородности воссоединенного населения.

Историческая истина лежит где-то посредине: Попробуем ее установить.

И великоруссы, и украинские и белорусские сепаратисты считают себя наследниками и продолжателями Киевской Руси. Владимира Святого, Ярослава Мудрого украинцы считают князьями «украинскими», белорусы — князьями «белорусскими», великороссы — князьями «русскими».

Как уже упоминалось, признание тремя «наследниками» одних и тех же лиц своими предками должно привести к выводу о единстве происхождения, то есть, родстве всех трех наследников. Но с этим выводом соглашаются только великороссы и украинские и белорусские федералисты. Белорусские сепаратисты его оспаривают, а украинские категорически отрицают. Ибо признание такого вывода находилось бы в противоречии с утверждением сепаратистов о том, что великороссы и украинцы «чуждые и враждебные» друг другу народы, не имевшие ничего общего в прошлом и не желающие иметь в будущем.

В подкрепление же своего утверждения о праве считать себя преемниками государственности Киевской Руси украинские сепаратисты приводят тот факт, что колыбель Киевской Руси — Приднепровье — населена украинцами. Факт, несомненно, неоспоримый. С другой стороны, великороссы приводят факты тоже неоспоримые.

Во-первых, летописи, из которых видно единство территории Великороссии и Украины-Руси в период Киевского государства. Киевские князья давали в уделы и посылали на княжение своих сыновей в области, лежащие в Великороссии, например Суздаль, Владимир и другие. Туда же вместе с князьями и их дружинами, как передают летописи, направлялись и переселенцы из приднепровских областей Киевской Руси.

Во-вторых, массовое бегство населения Приднепровья на территорию нынешней Великороссии, где оно спасалось от татар в непроходимых лесах. Почти полное опустение Приднепровья к концу XIII века можно считать фактом неоспоримым, против которого не возражают даже сепара-

тисты и о чем свидетельствуют многочисленные исторические документы.

В-третьих былины и народные сказания, сохранившиеся в народных массах Великороссии и Украины-Руси. В то время как в Великороссии, даже на крайнем ее севере, мы встречаем былины и предания о киевских князьях и богатырях, на территории нынешней Украины нигде и никогда в народном эпосе не было обнаружено преданий, которые бы шли дальше эпохи борьбы казачества с татарами и поляками. Не свидетельствуют ли эти факты, которые сепаратисты старательно замалчивают, о том, что наследниками и потомками Киевской Руси великороссы считают себя не без основания?

Население же нынешнего Приднепровья — в основном выходцы с запада и северо-запада, а потому у него в народном эпосе и не сохранилось ничего из эпохи Киевской Руси.

Вопрос о том, как происходило заселение опустевшего в результате татарского нашествия Приднепровья, исторической наукой разрешен уже давно и никаких сомнений не вызывает.

Со второй половины XIV века непрерывно шло ослабление татар, а, следовательно, и их давление на Приднепровье, ничем не защищенное от их набегов. С другой стороны, шло усиление крепостнического гнета и католической агрессии со стороны Польши. Началось бегство с запада и с северо-запада на вольное и уже относительно спокойное Приднепровье. За отдельными беглецами и семьями, создавшими там поселения, потянулись магнаты, получившие от короля грамоты на земли и старавшиеся их заселить новыми переселенцами, привлекая их обещаниями разных льгот и привилегий.

В результате, уже к началу XVI столетия Приднепровье из полупустынной области с редкими и малочисленными городами превратилось в богатый населенный край.

Населен же он был, как видно из вышеизложенного, не ростом уцелевших малочисленных остатков прежнего населения киевской эпохи, а главным образом за счет новых переселенцев, предки которых хотя и входили в состав Киевского государства, но жили на его западной и северо-западной периферии. Поэтому-то они и не имели в своем народном эпосе никаких воспоминаний о киевской эпохе, которая так ярко отражена в народном эпосе великороссов.

ВОПРОС ОДНОРОДНОСТИ С РУССКИМ НАРОДОМ

Так же различно, как вопрос преемственности государственности Киевской Руси, освещается сепаратистами и российскими историками и вопрос об однородности с русским народом народонаселения воссоединенной части Украины-Руси.

В освещении сепаратистских историков, население это ничего общего с русскими (великороссами) не имело, восстание подняло с целью создания независимого государства, которое бы было продолжением Киевской Руси. Для успеха восстания оно пошло на союз с Москвой, но Москва, использовав внутренние несогласия и неуспехи в войне с Польшей, обманным путем захватила и поработила «Украинскую державу» и поделили ее с Польшей.

Русские историки эти события описывают иначе. По их утверждениям, это было возвращение Москве ее исконных областей, населенных однородным с великороссами народом, единой с ними веры и единого происхождения, с небольшой разницей только в «наречии» — диалекте.

При внимательном же и объективном изучении этого вопроса мы, как и в первом случае, приходим к выводу, что истина лежит где-то посередине.

Утверждения сепаратистов, что народы русский и украинский «чужды» друг другу, «ничего общего не имеют» и отношения между ними всегда были, есть и будут враж-

дебны, настолько несерьезны и необоснованны, что поверить им могут или мало осведомленные иностранцы, или малокультурные шовинисты-сепаратисты, которые ничего не знают, кроме того, что им вбивает в голову шовинистическо-сепаратистская пропаганда.

На всем протяжении своей отдельной от России жизни под Литвой, Польшей и Австрией в глубинах народного сознания Украины-Руси, как драгоценная святыня, сохранялась память о своем единстве со всей Русью. Единокровным и единоверным считал себя народ Украины-Руси с народом Московского русского государства.

Уже с конца XV века отдельные удельные князья Украины-Руси рвали с Великим княжеством Литовским и со своими областями, переходили «под высокую руку единоверного и единокровного московского Великого князя». Как уже упоминалось, всю Украину-Русь пытался оторвать от Литвы и присоединить к Москве князь Глинский. Хотя попытка и кончилась неудачей, но она свидетельствует о существовавших настроениях, которые, конечно, не были бы возможны по отношению к «чуждому и враждебному» народу.

Наконец, вся более чем столетняя борьба за освобождение шла под лозунгом воссоединения с «единокровными и единоверными» русскими. Чего как не воссоединения просили от Москвы все вожди освободительного периода, начиная с Наливайко и Иова Борецкого и кончая Богданом Хмельницким? Куда как не за московские рубежи спасалось бегством население и разбитые поляками повстанцы?

Как согласовать эти многочисленные факты, подтвержденные бесчисленными документами, с утверждениями сепаратистов об украинско-русских враждебных отношениях? Совершенно очевидно, что измышления сепаратистов не соответствуют исторической правде, являются не историей, а ее фальсификатом, созданным для обоснования их брато-ненавистнической пропаганды.

Но если историческая правда в вопросе об однородности населения воссоединенной Украины-Руси так резко

Почему автор не рассуждает о сути этих особенностей? Сказал мало! Когда докажет!!

расходится с утверждениями сепаратистов, то не совпадает она и с установками русских историков, видящих в воссоединенном населении части одного и того же народа и не углубляющихся в языковые, бытовые и культурные особенности воссоединенного населения Украины-Руси. А между тем, они настолько значительны, что не будет ошибкой сказать, что к моменту воссоединения население Украины-Руси представляло собой уже не часть однородного целого, а отдельную народность. Правда, близкую и сходную с народом русским (великороссами), объединенную общей религией, что сильно их сближало. Но все же отдельную. Будущая жизнь и

Население
мешало?

Эта парижка sempre берет только шпатель на зрение Зандриной и воглаживает в ушко!

Многолетняя раздельная жизнь не могла не иметь своего влияния на культурное развитие великорусского народа и населения Украины-Руси.

Изолированная от Запада, Великороссия жила традициями Киевской Руси и византийской культуры, самобытно строила свою централизованную государственность и развивала свой язык и культуру. Украина-Русь была обращена к Западу и развивалась под значительным влиянием западной «латинской» культуры. → Это не так! Царь у нас не сшил в башке!

Новые слова с развитием языка, бытовые и культурные особенности заимствовались от западной культуры. От нее же заимствовался (или принудительно вводился) социальный порядок, политические концепции. К этому надо еще прибавить долготлетнюю и планомерную польско-католическую агрессию, имевшую целью окончательное окатоличивание и ополячивание Украины-Руси. Народные массы могли этому противопоставить только пассивное сопротивление. Высшие же сословия этой агрессии если и оказывали сопротивление, то весьма вялое и сравнительно легко воспринимали польский социальный порядок, который давал им материальные выгоды. А вслед затем шло окатоличивание и ополячивание. Через унию или непосредственно принятием католичества.

В результате, к половине XVII века, то есть к началу процесса воссоединения, все высшие сословия, даже и сохранив-

Польша - это не Запад до 1314 и культура! Это вообще Польша!!!

шие православие, были в значительной степени полонизированы. Это относится в одинаковой мере к малочисленной православной шляхте и магнатам, к высшему духовенству и к верхушке старшины реестровых казаков.

В архивах сохранилась переписка между собою православных епископов на польском языке, из чего можно заключить, как далеко зашла полонизация. А так как эти высшие сословия были и носителями культуры Украины-Руси, то это ополячивание сильно отразилось на их языке, нравах, обычаях, всем быте, частично, конечно, оказывая свое влияние и на широкие народные массы.

Только православие удерживало от окончательной потери своего национального лица и русского имени. Кроме отдельных отщепенцев (исключительно из высших сословий), население Украины-Руси не превратилось в поляков. В этом лежит несомненная и огромная заслуга православия. Но в то же время в языковом, бытовом и в культурном отношении население за эти века раздельной жизни приобрело настолько сильные различия от народа великорусского, что утверждение об однородности к моменту воссоединения с полным основанием нужно поставить под сомнение. И, наоборот, с полным основанием можно утверждать о создании к этому времени из населения Украины-Руси своей народности, «украинской» ли, как говорят сепаратисты, или «малороссийской», как говорилось в императорской России — это значения не имеет. Существенно то, что это была отличная от великороссов культурно-бытовая группа, хотя и тесно связанная с великороссами «единокровностью» и единством православной веры. Отличие это вовсе не предполагало враждебности, как пытаются представить сепаратисты.

История знает примеры, когда длительная раздельная жизнь отдельных частей одного и того же народа в различных бытовых и культурных условиях приводила к очень далеко идущим различиям. Например, сербы, жившие в бывшей Австро-Венгрии до ее распада, и сербы, жившие под Турцией. Когда всего после двух столетий раздельной жиз-

ни они соединились в одном государстве — Югославии — то разница между ними была огромная, как в бытовом, так и в культурном отношении.

Еще более разительный пример представляют евреи, отдельные группы которых даже утратили свой язык. Евреи йеменские или северно-африканские с евреями немецкими настолько различны во всем, что трудно поверить, что когда-то это были части однородного во всех отношениях еврейского народа.

Однако, как в первом, так и во втором случае, в народном сознании сохранилось ощущение единства.

Не подлежит никакому сомнению, что за все время раздельной жизни сохранилось оно только и исключительно благодаря единству религии. Православия у сербов, иудаизма у евреев.

Православная вера — единая для всей Руси — была тем главнейшим связывающим звеном между ее разрозненными частями, которое воспрепятствовало денационализации и, в конечном результате, привело к воссоединению. Отклонение от нее, хотя бы замаскированное униатством или «национализацией» церкви — автокефалией, или полный отход от всякой религии вообще, (социалистическое, атеистическое мировоззрение) разрушало это связывающее звено и создавало предпосылки для русско-украинской розни, вражды и сепаратизма.

Запад отлично это понимал, а потому свою агрессию против идеи единства провел по линии религии. Начиная с унии Литвы с Польшей, пошло наступление на православие; продолжалось оно и под властью католической Австрии и, позднее, «демократической» Польши, которая, несмотря на свой «демократизм», занималась разрушением православных храмов, активной поддержкой униатства и «автокефалии» украинской церкви, создающей предпосылки для украинско-русского отчуждения.

Не случайность, что среди вождей и идеологов сепаратизма нет последователей прадедовской православной веры

Вместо религии — идеология 20 века не заботится о сохранении культуры и традиций. 316 бой! Это же все не что-то иное, а это же то же самое, что и в Европе! И это же то же самое!

и ее векового церковного обихода. Все это или католики (униаты или «автокефалисты»), или атеисты-марксисты (для которых атеизм обязателен).

Сознавая это, с самого начала агрессии против православия население тянулось к России и стремилось к воссоединению с ней. Тяготение это было тем сильнее, чем сильнее было давление этой агрессии, тяжесть которой не одинаково испытывали на себе разные слои населения. Крестьянство, казачья и городская беднота и низшее духовенство терпели от агрессии значительно больше, чем зажиточные горожане и казацкая старшина. Еще меньше — старшинская верхушка, шляхта и магнаты. Соответственно этому было и стремление к освобождению (которое мыслилось в воссоединении с Россией) и непримиримость к Польше.

Вся история освободительной войны показывает, что магнаты и высшее духовенство, несмотря на свое православие, были склонны к сосуществованию с Польшей в ее государственных границах; казачья верхушка была неустойчива и легко шла на компромиссы с поляками; только крестьянство, казачья и городская беднота и низшее духовенство жертвенно и бескомпромиссно вели борьбу за освобождение-воссоединение. Это различие настроений и недостаточная устойчивость и целеустремленность высших слоев населения в значительной степени содействовали тому, что так успешно начатое в 1648 году, восстание закончилось половинчатым «вечным миром» 1686 года, который разрезал Приднепровье на русское и польское.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ СТОЛЕТНЕГО ПЕРИОДА ОСВОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ УКРАИНЫ-РУСИ (1592—1686 ГОДЫ)

1592 г. — Восстание Косинского. Поражение при Петке.

1595 г. — Восстание Наливайко и Лободы. Разгром в урочище Слоница.

1597 г. — Казнь Наливайко. Объявление казаков «вне закона».

1617 г. — Ольшанское соглашение.

1619 г. — Росавицкое соглашение.

1622 г. — Смерть Сагайдачного.

1625 г. — Куруковская битва и соглашение.

1630 г. — Восстание Трясило.

1635 г. — Восстание Сулимы и Павлюка.

1637 г. — Разгром казаков под Кумейками.

1638 г. — Восстание Острияницы.

1648 г. — Восстание Хмельницкого. Корсунь, Желтые Воды, Пилява.

1648 г. — Просьба Хмельницкого о воссоединении с Россией.

1649 г. — Збораж. Зборовский договор.

1651 г. — Брестечко. Белоцерковский договор.

1652 г. — Разгром поляков под Батогом.

1653 г. — Жванец.

1654 г. — Переяславская Рада.

1657 г. — Смерть Хмельницкого и начало «Руины».

1658 г. — Разгром русских под Конотопом.

1660 г. — Фактическое разделение на Лето- и Правобережье. Отдельные гетманы.

1667 г. — Андрусовское перемирие.

1686 г. — «Вечный мир» и окончательное разделение Приднепровья.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

ОТ «РУИНЫ» ДО ПОЛТАВЫ (САМОЙЛОВИЧ — ПАЗЕПА)

После Бахчисарайского мира с Турцией (1681 г.) и «вечного мира» с Польшей (1686 г.), Левобережье с Киевом осталось окончательно в составе Русского государства. Население Левобережья стало жить спокойной жизнью, не опасаясь постоянных набегов поляков, татар и турок; разрушенные города и села начали отстраиваться и расти численно, благодаря многотысячной волне беженцев с Правобережья, спасавшихся от ужасов польско-католической реакции.

ГЕТМАНСТВО САМОЙЛОВИЧА

Гетман Иван Самойлович поддерживал с Москвой хорошие отношения и пользовался ее полным доверием. Дочь свою он выдал за видного боярина Шереметьева и на ее свадьбе, как передает семейное предание Самойловичей (дочери революции помещиков Черниговской губернии), он сказал: «Да будет мир и согласие в вашей, Господом Богом благословенной, жизни так же свято и нерушимо, как совместная жизнь Великой и Малой Руси под высокой рукой его царского величества, царя Московского и всея Руси». За эти слова он удостоился особой царской благодарности (Шереметьев был воеводой в Киеве и всецело поддерживал своего тестя).

У себя, на Украине-Руси, Самойлович показал себя неплохим администратором и быстро налаживал расстроенную военными событиями эпохи «Руины» жизнь.

Но при этом он проявлял излишний непотизм (покровительство родственникам). Все высшие должности были заняты его близкими и дальними родственниками, начиная с генерального судьи Черныша и кончая полковниками (три сына и зять).

Кроме того, «Летописец» обвиняет Самойловича в том, что он «сначала был очень склонен и ласков к людям; когда же разбогател, чрезмерно возгордился не только против казаков, но и против духовного чина. Старшины казацкие и знатнейшее духовенство принуждены были стоять в его присутствии. Когда выезжал гетман из дому, вменял себе в несчастье, если сам встречался с духовною особою, несмотря на то, что сам был попович. Не только за город, но даже перед войском выезжал в карете, что делали и сыновья его. Ни один сенатор не имел столько гордости. Для собственного обогащения вымышлял он налоги, разоряя народ...»

Если не все, о чем пишет «Летописец», было правдой, то все-таки многое соответствовало действительности и вызывало недовольство обиженной или обойденной в чем-нибудь старшины, которая его единогласно выбрала гетманом после устранения, по проискам той же старшины, не поладившего с ней гетмана Демьяна Многогрешного (17 июля 1672 г, в Казацкой Дуброве под Конотопом).

Интересно отметить, что одним из первых подписавшихся на доносе на Многогрешного царю был Иван Самойлович. В этом доносе, сохранившемся в архиве, Многогрешный обвиняется во всем том, в чем впоследствии обвинялся гетман Самойлович, с добавлением только, что Многогрешный намеревается «податься турецкому султану». Уместно будет здесь отметить и то, что Многогрешного арестовали и препроводили в Москву вовсе не «москаля» как, извращая факты, утверждают сепаратисты, а сами украинцы: недовольная им старшинская верхушка совершила переворот, арестовала гетмана и с доносом на него препроводила его в Москву с просьбой «карать Многогрешного смертною казнью, как изменника и клятвопреступника».

Москва оказалась гуманнее казацкой старшины и не казнила Многогрешного, а сослала с семьей в Селенчинск (Сибирь), где он с сыном своим Петром «исправлял всякую городовую и уездную службу наряду с детьми боярскими и принимал участие в усмирении табунтутов и мунгалов, а дочь его вышла замуж за сибирского дворянина Ивана Бейтина» (Бантыш-Каменский. История Малой России, ч. II).

Грушевский же в своей «Истории Украины» пишет, что Многогрешного «московски бояре взяли на суд и муку» и что в Сибири он жил «в великой беде» («История Украины», с. 249). Бантыш-Каменский свое описание судьбы Многогрешного подкрепляет ссылками на сохранившиеся в архивах документы, Грушевский же пишет голословно.

15 лет удержался у власти Самойлович, сделав за это время очень много для умиротворения Левобережья.

Без кровополития был приведен к капитуляции турецкий ставленник гетман Дорошенко; так же мирно был ликвидирован польский ставленник — правобережный гетман Ханенко, сдавший полученные от польского короля булаву и бунчук. Первый из них, как уже упомянуто, после этого воеводствовал в Вятке, второй стал киевским полковником. А потомки обоих — российскими помещиками.

Самойлович удачно положил конец претензиям Турции на Украину-Русь, которые она обосновывала присягой Дорошенко за себя и всю Украину-Русь на верность султану. Попытки султанского ставленника Юрия Хмельницкого с помощью турок захватить Украину были отбиты вооруженной силой.

Во внутреннем управлении постепенно был установлен мир, порядок и известная законность.

Правление Самойловича омрачилось только его корыстолюбием, высокомерием, nepотизмом и раздачами сел и деревень в потомственное владение представителям казацкой старшины, конечно, прежде всего, своим родственникам и сторонникам.

Это-то и послужило причиной недовольства Самойловичем некоторых из старшины, которые начали под него подкапываться и ждать случая, чтобы с ним расправиться, как в свое время расправились с Многогрешным.

ПАДЕНИЕ САМОЙЛОВИЧА

Случай этот скоро представился. В 1687 году Россия, в согласии с Польшей, Австрией и Венецией, стремившимися ослабить Турцию, предприняла поход на Крым. Во главе войска был фаворит тогдашней правительницы России — Софии, князь Голицын. Казачьи войска возглавлял гетман Самойлович. С началом похода Голицын опоздал и двинулся, когда в степях трава уже высохла. Татары учли это и подожгли степь, сделав невозможным дальнейшее продвижение русских войск. Голицын был вынужден бесславно отступить. Воспользовавшись этой неудачей и желанием Голицына оправдать себя за неуспех, генеральный есаул Иван Мазепа пустил слух, что степь подожгли не татары, а посланные Самойловичем люди. Сделал же это Самойлович потому, что вообще был он против этого похода, и против «вечного мира» с Польшей, разделившего Украину. Голицын этому легко и охотно поверил. С другой стороны, Мазепа склонил ряд высших старшин подписать донос на Самойловича и требовать его смены и наказания.

Под этим доносом подписались генеральные старшины: обозный, судья, писарь, есаул (Иван Мазепа), а также ряд полковников: Гамалея, Солонина, Забела, Думитрашко, Лизогуб и (внизу) В. Кочубей.

Голицын немедленно дал доносу ход (ибо тем оправдывал самого себя); царевна София его полностью поддержала, и уже в начале августа 1687 г. из Москвы была получено предписание Голицыну отрешить Самойловича от должности и присутствовать при выборе нового гетмана.

Голицын приказал арестовать Самойловича и доставить к себе в палатку, где его осыпали бранью уже поджидавшие доносчики, а некоторые из них посягали и на его жизнь... Отобравши от Самойловича знаки его гетманского достоинства, Голицын отправил его в ссылку. Сначала в Орел и Нижний Новгород, а позднее в Тобольск, где он и умер два года спустя. Туда же были отправлены его сын Яков, полковник Стародубский и некоторые родственники. Другой его сын, полковник Черниговский за оказанное при аресте сопротивление был судим и казнен в Севске.

Так кончилось 15-летнее гетманство Самойловича и встал вопрос о выборе нового гетмана. Временно же был назначен наказным гетманом генеральный обозный Василий Борковский, один из подписавших донос на Самойловича.

Сейчас есть все основания утверждать, что Самойлович пострадал невинно. Москве он был вполне верен и ни о какой измене не помышлял. Никаких документов, подтверждающих его измену, нигде и никогда не было обнаружено, кроме сохранившегося в архивах уже упомянутого доноса, вдохновителем которого был Мазепа. Вина или ошибка Самойловича, приведшая его к гибели, состояла в том, что он своим поведением и поступками восстановил против себя влиятельную старшину, сумевшую его свергнуть путем клеветы и интриги.

МАЗЕПА

Выборы нового гетмана на место Самойловича Голицын не стал откладывать до окончания похода. Собрав старшину, он провел выборы, настоятельно советуя выбрать генерального есаула Ивана Мазепу. (По преданию, он получил за это от Мазепы 10 000 червонцев.) Сторонники Самойловича от участия в выборах были искусно отстранены; старшина, не принимавшая участия в походе, естественно, в выборах принять участия не могла. Мазепа был единогласно

выбран гетманом 7 августа 1687 года. Выборы немедленно^и подтвердил Голицын, а вскоре и Москва.

Так началось длившееся 21 год управление Левобережьем гетманом Мазепой.

БИОГРАФИЯ МАЗЕПЫ

Точной биографии Мазепы и данных о его происхождении не имеется.

Одни историки считают его природным поляком (Вольтер, Леклерк, Голиков, Симоновский, Лэсюр) и называют «польским шляхтичем»; другие (Город, Шафронский), а также его современник, знаменитый церковный деятель Феофан Прокопович, утверждают, что он происходит из шляхты Правобережья и родился около 1640 года в селе Мазепицах, около Белой Церкви. Вопрос о том, была ли вся его семья православной, униатской или католической, не выяснен, хотя мать его была православной. Образование он по тому времени получил очень хорошее: в совершенстве владел не только польским, но и латинским, и немецким языками. С юности находился при дворе польского короля, где воспринял манеры, обычаи и взгляды польских придворных кругов и делал карьеру в польском высшем свете. Неожиданно карьера эта была прервана. В результате неосторожного романа с одной замужней женщиной, Мазепа очутился далеко от Варшавы, в той части Приднепровья, которая тогда находилась под властью Дорошенко. Предание говорит, что обманутый Мазепой муж наказал его плетями и приказал привязать его к лошади, которая и принесла его на Украину.

В начале 1674 года мы встречаем Мазепу уже в роли казачьего старшины в окружении гетмана Дорошенко. Последним он был послан в Крым просить у татар помощи, но по дороге его поймали запорожцы и, по приказанию кошевого Серка, он, как агент враждебного к Москве и запорожцам

Дорошенко был доставлен к Самойловичу, а потом в Москву. По ходатайству гетмана Самойловича Мазепа не был сослан или наказан и ему было разрешено вернуться и поселиться на Левобережье.

Мазепе быстро удалось завоевать доверие Самойловича, у которого он был учителем и воспитателем его сыновей.

Через несколько лет Мазепа уже Генеральный есаул, то есть один из высших сановников и ближайших сотрудников гетмана. Своим быстрым выдвижением Мазепа был обязан своему хорошему образованию, незаурядным способностям и большому дипломатическому опыту, приобретенному при дворе польского короля. О его же моральных качествах, отношении к религии, любви к Украине-Руси, бескорыстию — мнения историков расходятся.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАЗЕПЫ

Грушевский и все сепаратистские историки воздвигают Мазепу на пьедестал и приписывают ему всевозможные гражданские и человеческие добродетели. В их изложении он не только высокообразованный и очень умный человек (чего никто не оспаривает), но и идеалист, отдавший все свои силы и способности делу свободы, блага и процветания Украины-Руси и прадедовской православной веры. Строитель и покровитель православных церквей и монастырей, попечитель наук и искусств, борец за свободу и благоденствие своего народа.

Совсем другой портрет Мазепы дают его противники. Известный историк Бантыш-Каменский в своей «Истории Малой России» (часть III, 1830 год) приводит такую характеристику Мазепы, данную одним украинским летописцем, современником Мазепы: «Одаренный от природы умом необыкновенным, получив у иезуитов отличное образование, Мазепа кроме малороссийского языка знал латинский, польский и немецкий; имел дар слова и искусство убеждать. Но

с хитростью и осторожностью Выговского он соединял в себе злобу, мстительность и любостяжение Брюховецкого, превосходил Дорошенко в славолюбии; всех же их — в благодарности».

Характеристика диаметрально противоположная утверждениями сепаратистов.

Истина же лежит где-то посередине, скорее даже ближе к последней характеристике, чем к тому идеальному портрету Мазепы, который дают сепаратисты.

Несомненно, Мазепа был образованнее и умнее большинства своих современников. Но ум его с юных лет был отравлен понятиями той шляхетской среды, откуда он вышел, и извращен в придворной атмосфере польского королевского двора, полной лести, притворства и искательства. Для народа он был чужой, и благо народа для него вовсе не было целью жизни. О Мазепе можно с полным основанием сказать то, что без всякого основания сказал Грушевский о Богдане Хмельницком: «Народ для него был средством для достижения своих целей». Цели же эти были — власть и богатство.

Не имея от предков ни богатства, ни особенной знатности происхождения, при помощи которых многие приходят к власти, Мазепа пошел по пути приобретения сначала власти, а через власть и богатства, и неуклонно шел по этому пути в течение всей своей жизни. Он легко входил в доверие к власти имущим, и через них сам приобщался к власти, а когда представлялась к тому возможность, ловкой интригой свергал или предавал своих благодетелей и иногда занимал их место. Верный придворный польского короля, особо доверенный посол Дорошенко к татарам, правая рука гетмана Самойловича, инициатор его свержения и заместитель, любимец временщика Голицына, доверенное лицо Петра и его сподвижник во многих походах — вот основные этапы жизни Мазепы. Каждый этот этап имеет многочисленные документальные подтверждения, и оспаривать их нет никакой возможности. Их можно только представлять в лож-

ном свете, чем и занимаются фальсификаторы истории — украинские шовинисты-сепаратисты.

Последний этап — ставка на шведов — был единственный ошибочный расчет, сделанный тонким дипломатом, умным и беспринципным человеком, каковым был Мазепа.

В свете исторических событий и учета обстановки того времени нельзя не признать, что расчет Мазепы имел очень большие шансы на успех. Одержав Карл XII под Полтавой победу, расчет Мазепы несомненно был бы оправдан. Как предполагалось, из Украины-Руси было бы создано особое княжество с Мазепой во главе. Конечно, не независимое, как утверждают, замалчивая правду, сепаратисты, а в составе Речи Посполитой, при благосклонном покровительстве Швеции. Совместными усилиями Польши и Швеции, народ Украины-Руси, не пошедший за Мазепой, был бы приведен в повиновение, иезуиты продолжали бы свою агрессию, прерванную восстанием Хмельницкого, и Украина-Русь была бы в значительной степени окатоличена и ополячена, а ее народ был бы воспитан во вражде и ненависти к братскому русскому народу.

Но последняя ставка Мазепы оказалась битой, расчет ошибочным — и история всей России пошла иными путями.

Предпоследняя же ставка — на Россию и Петра — себя оправдала и дала Левобережью 21 год относительно спокойной жизни, без всяких вражеских вторжений, а Мазепе 21 год власти (1687—1708).

ПРАВЛЕНИЕ МАЗЕПЫ

В начале своего правления Мазепа, не имея на политическом горизонте никаких возможностей для других комбинаций, и учитывая как настроение народа, так и усиление России и ослабление Польши, пошел по пути сближения и слияния с Россией.

Весьма интересным для уяснения настроения Мазепы являются «Статьи», которые были подписаны Мазепой и старшиной, с одной стороны, и князем Голицыным — с другой, при вступлении Мазепы в должность 7 августа 1687 года. Параграф 12-й этих «Статей» гласит следующее: «Гетман и старшины обязаны стараться о соединении малороссийского народа с великороссийским посредством супружеств и другими способами, для чего дозволяется малороссийским жителям вольный переход в города великороссийские».

Еще интереснее то, что предложение внести этот параграф в «Статьи» исходило от Мазепы, как это видно из донесения князя Голицына. Эти оба документа сохранились и находятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Достойно внимания напомнить и то, что при подписании «Статей» Мазепа настаивал на том, чтобы в гетманской резиденции — Батурине был на постое московский стрелецкий полк, и получил на это согласие Голицына. Документы об этом сохранились в том же архиве.

Приведенные выше совершенно неоспоримые исторические факты старательно замалчиваются шовинистами-сепаратистами, ибо они находятся в противоречии с их фальсифицированной для нужд сепаратистской пропаганды «Историей Украины». Только в одном месте, в своей «Краткой истории Украины», издания 1917-го года, Грушевский упоминает о содержании параграфа 12-го «Статей», но не как о принятом параграфе, а как о том, что «решено» при их составлении. О том же, что это было выдвинуто именно самим Мазепой, умалчивается, равно как и о просьбе Мазепы о постоянном расквартировании стрелецкого полка в Батурине.

Начало правления Мазепы не обошлось без волнений на Украине. При первом известии о свержении Самойловича, недовольные его ставленниками казаки и население произвели насилия над приятелями бывшего гетмана, а в При-

луцком полку дело дошло до того, что казаки «бросили в огонь и засыпали землей своего полковника и судью», как об этом сообщает Грушевский. Кроме того, в разных полках при беспорядках пострадало лично и имущественно немало старшины и арендаторов. При помощи российских полков и верных ему казаков Мазепа быстро ликвидировал беспорядки и произвел чистку всего административного аппарата, удалив из него всех сторонников Самойловича, заменив их верными себе людьми. Со многими он расправился очень жестоко, отправав их в ссылку в Сибирь при помощи безгранично верившей ему Москвы. Не пощадил при этом даже и многих тех, кто содействовал его избранию и подписал донос на Самойловича; так, например, были смещены и лишены званий полковники Думитрашко и Гамалея.

Находясь в Москве в момент свержения царевны Софии (в 1689 году), Мазепа сумел войти в доверие к Петру, представив ему донос на Голицына с подробным перечислением всего, что, по словам Мазепы, Голицын от него получил в виде взяток, вымогая последние. С тех пор, почти 20 лет, Мазепа пользовался исключительным доверием и расположением Петра.

Во внутреннем управлении Мазепа продолжал политику своего предшественника Самойловича, щедро раздавал универсалы на потомственное владение землями, селами и деревнями, а крестьян обременял все новыми и новыми повинностями, до барщины включительно. Универсалом 1701 года он обязал всех крестьян, даже живущих на собственных землях, еженедельной двухдневной барщиной (панщиной) в пользу старшин-помещиков. Казачьи же полки старался держать подальше и охотно посылал их в разные походы, которые предпринимало русское правительство. Взамен их заботливо формировал наемные полки «сердюков» и «компаненцев» и постоянно настаивал на присутствии на Украине русского войска.

О том, как к этому относился народ, скажем словами Грушевского, которого нельзя заподозрить в пристрастно-отрицательном отношении к Мазепе. В своей «Истории Украины» (с. 366) Грушевский пишет: «Разумеется, эта новая барщина страшно возбуждала крестьянство, у которого еще были свежи в памяти времена беспомещичьи, когда оно хозяйничало на вольной земле. Горькая злоба поднималась в нем на старшину, которая так ловко и быстро сумела взять его в свое подчинение. Особенным гневом дышали люди на гетмана Мазепу, подозревая, что это он, как шляхтич и «поляк», как его называли, старался завести на Украине польские панские порядки. С большим подозрением относился народ ко всем начинаниям его и старшины».

Далее, Грушевский тенденциозно, желая свалить всю вину на Москву, пишет, что крестьяне «не подозревали в этом руки московского правительства и даже готовы были верить, что все это делается против его воли». Но никаких доказательств, что это была «рука московского правительства», конечно, не приводит, ибо их не существует, и во все действия Мазепы в деле раздачи своим сторонникам имений Москва не вмешивалась. Ни в одном историческом документе об этом не сохранилось никаких, даже косвенных, упоминаний. Но зато сохранился другой документ, из которого, видно, кто притеснял, а кто защищал крестьян Украины-Руси. Это приказ царя Петра Мазепе — «надзирать за малороссийскими помещиками, удерживать их от жестокости, поборов, работ излишних» (Архив Кол. Малоросс. цел, 1693 года, №39).

Приведенные выше слова Грушевского заслуживают особенного внимания, ибо они характерны и для него и для всей его «исторической школы». Поставив историче-

скую правду в подчиненное положение сепаратистской пропаганде и внедрению вражды к России, он старается все отрицательное, что было в жизни Украины-Руси, приписать Москве.

Так и в приведенном случае: не имея возможности опровергнуть нелюбовь населения к Мазепе, Грушевский довольно сомнительным приемом, совершенно бездоказательно, утверждает, что причина этой нелюбви лежит в том, что Мазепа проводил непопулярные мероприятия под давлением Москвы. А нежелательные для себя факты замалчивает.

О настроении народа Мазепа, конечно, знал, и особенно его беспокоило обвинение, что он «поляк», то есть униат или католик. Ненависть же против униатов и католиков была всеобщей. В этом вопросе весь народ был единодушен. Если в вопросах социальных Мазепа мог рассчитывать на поддержку некоторых высших классов и наемного войска, то в вопросе религиозном господствовало редкое единодушие. Одного подозрения в униатстве было достаточно для самого жестокого самосуда. В церковных книгах бывшего сотенного местечка Карабугова сохранилось описание расправы с одним родственником сотника, свояком, заподозренном в униатстве. Его били «кьями» (палками), а потом повесили перед церковью. Интересно отметить и то, что это осталось безнаказанным. На следствии, которое производил судья Нежинского полка, выяснилось, что повешенный «намовляв (подговаривал) пидкоритись папи римському». Этого было достаточно для прекращения дела.

Учитывая такое настроение, Мазепа строил церкви и богато одарял монастыри, чтобы доказать свое православие. Свято-Николаевская церковь в Киеве, Вознесенская церковь в Переяславе, «Святые ворота» в Киевской Лавре и много других церквей построено, обновлено или украшено Мазепой. К этому надо еще добавить богатые дары деньгами и именьями монастырям, в том числе и Киевскому женскому, где игуменьей была мать Мазепы, Мария-Магдалина.

Даже в Палестину послал Мазепа свой дар: художественной работы серебрянную доску-антиминс. И сейчас она употребляется вместо антиминса при богослужении в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. На доске этой выгравировано следующее: «Подаянием ясновельможного его милости пана Иоанна Мазепы, российского гетмана». Как видно, сам Мазепа называл себя «гетманом российским». Надо полагать, он лучше знал, как себя назвать, чем его почитатели — сепаратисты, посмертно переименовавшие его в «гетмана Украинского».

Но даже все это не вызвало у народа симпатий и доверия к Мазепе. Для народа он всегда оставался чужим, «паном» и «поляком» и когда он попытался опереться на народ при переходе к шведам — народ за ним не пошел.

Народное недовольство не раз открыто проявлялось во время правления Мазепы, но ему всегда удавалось выходить победителем, нередко прибегая к помощи российских войск.

ПРОТИВНИКИ МАЗЕПЫ

В самом начале правления Мазепы появилась для него опасность с отошедшего к Польше Правобережья. Новый польский король Ян Собесский, желая использовать казаков в своих войнах, разрешил формирование нескольких казачьих полков и утвердил в звании гетмана над правобережными казаками выбранного в г. Немирове Мигулу. Мигула не удовлетворялся защитой польских рубежей от турок и татар, а вступил в сношения с запорожцами, намереваясь с их помощью распространить свою власть и на Левобережье. Мазепа перехватил гонца Мигулы с письмом к кошевому Григорию Сагайдачному, донес обо всем в Москву, которая немедленно послала к границам Сечи войско и предупредила, таким образом, возможность совместного выступления запорожцев с Мигулой, который вскоре был убит в одном сражении с татарами.

В 1692 г. от Мазепы бежал его канцелярист Петрик, сначала на Запорожье, а потом к татарам и начал выпускать и распространять универсалы с призывом к свержению власти гетмана и старшины, «превратившихся в панов и вводящих польские порядки». Универсалы эти имели немалый успех среди крестьян и низшего казачества и вызвали глухое брожение, с которым Мазепа боролся путем строгих репрессий. С помощью части запорожцев и отряда татар, Петрик вторгся в пределы южных полков (Полтавского и Миргородского), но был отбит верными Мазепе войсками. Четыре года беспокоил Петрик Мазепу, интригуя против него в Сечи и среди татар и подвергая нападениям подвластную Мазепе территорию. Только в февраля 1696 г. эта опасность для Мазепы была окончательно ликвидирована. Крымский хан с белгородскими татарами и Петриком неожиданно ворвались в Полтавский и Миргородский полки, и только совместными усилиями полковников этих полков — Апостола и Боруховича, казаков Мазепы и русских войск Шереметьева они были разбиты и почти полностью изрублены или потоплены в Ворскле и в Днепре. Погиб при этом и Петрик, зарубленный казаком Вечоркою.

Не успел Мазепа справиться с Петриком, как с Правобережья появилась для него новая неприятность: заменивший убитого гетмана Мигулу гетман Самусь и его сподвижник полковник фастовский Палий своими успешными действиями против татар и защитой населения от польско-католических притеснений снискали необыкновенную популярность не только на Правобережье, но и на подвластном Мазепе Левобережье. Особенно Палий, которого народная молва делала легендарным героем.

Ликвидировать Палия вооруженной силой было не так просто. Мазепа использовал для этого донос и в результате длительной и тонкой интриги ему удалось добиться того, что Палий (как уроженец г. Борзны на Левобережье) очутился в 1705 году в ссылке в Сибири.

Так, удачно и ловко выходя из всех затруднений, неизменно подчеркивая свою преданность России, Мазепа правил Левобережьем, принимая участие в походах, предпринимаемых Петром, как на юге, так и на западе и в Прибалтике. Петр осыпал Мазепу подарками и наградами, дал ему в потомственное владение целую волость в Великороссии, а когда учредил орден Андрея Первозданного, то Мазепа получил этот орден раньше самого Петра.

Кроме того, Петр неоднократно награждал Мазепу деньгами, соболями, атласами, бархатом, парчой, драгоценностями (о чем сохранились подробные списки в Московском архиве Малороссийской Коллегии). А кроме того посылал ему из дворцовых запасов вино и другие продукты. В деле № 36 за 1699 год перечислены посылаемые Мазепе продукты: две бочки рейнского вина, 10 ведер орехового масла, 500 лимонов, бочка новгородского уксуса, белуга большая и двадцать малых, десять семг, сто стерлядей. Все это посылалось регулярно ежегодно до самой измены Мазепы.

Так продолжались, ничем не омрачаемые, дружба и доверие Петра к Мазепе и верная служба Мазепы Петру до появления в северо-восточной Европе Карла XII и его блистательных побед над всеми противниками.

СТАВКА НА КАРЛА XII

Когда же Карл XII вмешался в польские дела, в которых была заинтересована Россия, перед Мазепой появилась возможность принять участие в политической игре, в надежде выиграть для себя более независимое положение. Несмотря на все расположение к себе Петра, Мазепа всегда чувствовал крутую волю и твердую руку Петра, которые в корне пресекали всякое своеволие, столь обычное в польских шляхет-

ско-магнатских кругах, в которых Мазепа получил свое политическое воспитание, находясь при дворе короля.

Утверждения сепаратистских украинских историков о том, что Мазепа, изменяя России, делал это для блага Украины, за что они его и превозносят, голословно, и не выдерживает никакой критики. Ни в одном из архивов нигде не сохранилось никаких документов, подтверждающих это. Зато, зная всю жизнь и деятельность Мазепы, можно утверждать, что, получи он возможность распоряжаться по своему усмотрению, без сдерживающей тяжелой руки Петра, население Левобережья быстро бы увидело у себя польский социальный порядок с его самовластием «панов» и полным бесправием «хлопов». Надо полагать, что народ это инстинктивно, подсознательно ощущал, а потому и относился к Мазепе настороженно-недоверчиво и враждебно, что признает и сам Грушевский.

С ростом военных успехов Карла XII росли и крепились планы Мазепы сделать на него ставку и выиграть в результате неизбежной смертельной схватки между Россией и Швецией. Мазепа понимал, что выигравшая сторона станет диктовать свою волю, и хотел сыграть игру так, чтобы оказаться в стане победителя.

В Польше в то время шла ожесточенная борьба между двумя претендентами на престол: Августом Саксонским, союзником Петра, и Станиславом Лещинским, союзником Карла. С победами Карла и его вторжением в Польшу росли и шансы Лещинского, а война постепенно приближалась к границам Левобережья. Мазепа устанавливает контакт с возможными победителями. В строжайшем секрете ведет он переговоры со Станиславом Лещинским, который обещает сделать Мазепу наследственным «князем русским» и отдать под его власть всю Украину-Русь, которая бы, подобно Великому княжеству Литовскому, входила в состав Речи Посполитой. Был даже уже изготовлен для Мазепы княжеский герб, изображение которого приводит Грушевский в своей

✓ «Истории Украины», подтверждая тем самым существование плана о создании «княжества русского».

Сношения с врагами России Мазепа вел сначала через княгиню Дульскую, с которой, по преданию, у него был роман во время одного его похода (с Петром) в Польшу. Позднее появляется иезуит Заленский, ректор иезуитской коллегии в Виннице. Он поселяется в имении Парасючка около Бахмача, недалеко от Батурина и имеет частые тайные свидания с Мазепой в одном из его пригородных домов под Батурином.

Когда же Карл XII приближается к границам Украины, то Мазепа вступает с ним в непосредственные сношения, предпочитая иметь дело с «хозяином», а не с его пешкой — Лещинским.

Мазепа обещает выступить на стороне Карла с 20-тысячным войском, как только он перейдет границу и появится на подвластной Мазепе территории. Все переговоры он ведет настолько секретно, что о них ничего не знают даже большинство его сотрудников. Только некоторые из них заподозрили нечто сомнительное в действиях Мазепы. Генеральный судья Кочубей и полтавский полковник Искра послали Петру донос. Донос этот сохранился. Он содержит 26 пунктов, но ни один из них не подтвержден какими-либо доказательствами и при чтении производит впечатление не обоснованного обвинения, а бездоказательного навета. Как таковой он и был воспринят Петром, Голковкиным и Шафировым, которым Петр поручил произвести дознание. Головкин и Шафаров были личные друзья Мазепы, а кроме того, они знали, что Кочубей питает злобу против Мазепы за то, что он соблазнил влюбившуюся в него дочь Матрену (Мотрю) и не женился на ней, чем кровно оскорбил Кочубея. В результате доносчики были выданы Мазепе и казнены им, а все их имущество конфисковано.

В это время (1707 год) Петр усиленно готовился к столкновению с Карлом, требовал того же от Мазепы и призвал его подготовить и возглавить войско.

Не желая раньше времени выявлять свои планы, Мазепа притворился больным, как пишет «Летописец», «облепился пластырями, обмазался мазями и тяжело стонал», а Петру писал о том, что как только оправится, то сейчас же выступит в поход, хотя бы, как писал Мазепа, «в походе сем душа моя оставила мое брненное тело». Обеспокоенный болезнью своего любимца, Петр непрестанно справлялся о его здоровье и даже послал к нему своего лекаря-итальянца. Но Мазепа все не поправлялся. Как умирающий, он попросил митрополита приехать к нему и совершить над ним соборование, о чем был уведомлен немедленно Петр.

Так больше года длилась эта «болезнь» Мазепы, которая дала ему возможность откладывать открытый разрыв с Петром. Но в то же время «болезнь» эта помешала Мазепе сосредоточить войска, ибо Петр, не ожидая выздоровления Мазепы, требовал немедленную присылку отдельных отрядов в 2—3 тысячи казаков для совместных действий с отрядами русских войск, а Мазепа, понятно, не мог не исполнить приказаний Петра, чтобы не вызвать у него подозрений.

В результате осенью 1708 года, когда Карл занял Могилев и переправился через Днепр, у Мазепы в Батурине было всего около 5 тысяч войска, преимущественно не реестровых казаков, а наемных «компанейцев» и «сердюков».

ПЕРЕХОД К КАРЛУ XII

Оставив сильный гарнизон в Батурине, Мазепа с группой старшины и отрядом около 3—4 тысяч войска (точных данных нет), отправился через г. Короп навстречу Карлу, который уже вошел в пределы Стародубского полка и имел квартиру в селе Горки, южнее Новгорода-Северского. Откладывать и медлить было нельзя, ибо с севера приближался с большим отрядом Меньшиков и, если бы он успел застать Мазепу еще в Батурине, весь план Мазепы пропал бы. «Даже в походе из Батурина в Горки, к Карлу, войско Мазепы не знало, куда и зачем его ведет Мазепа, предпола-

гая, что их ведут против шведов» — так рассказывал Петру перебежавший от шведов компанейский полковник Игнатий Галаган.

Узнав об измене Мазепы, Петр немедленно принял решительные меры: приказал Меньшикову взять Батурин, обратился к старшине и всему населению с манифестом, призывающим не идти за Мазепой, а тех, кто пошел, — вернуться; созвал старшину в Глухов для выбора нового гетмана.

Меньшиков 3 ноября взял Батурин приступом, жестоко расправился со всеми его жителями, а город сжег и разрушил. Бантыш-Каменский в своей «Истории Малой России» (ч. III, с. 98) говорит, что Меньшиков «предал острию меча всех тамошних жителей, не исключая младенцев».

Комендант Батурина полковник Чечель был ранен, взят в плен и впоследствии казнен, как изменник, в Глухове, а начальник артиллерии Кенигсек (пруссак) был убит. Огромные запасы продовольствия и военных припасов достались победителям. Только незначительному числу защитников Батурина удалось бежать и скрыться в лесах. По преданию, успешному штурму Батурина содействовал полковник Нос, который указал Меньшикову тайные ходы в Батурин.

Население Мазепу не поддержало и отдельные старшины начали прибывать к Петру с изъявлением верности. Одними из первых были полковники стародубский Иван Скоропадский, черниговский — Полуботок и много других. Некоторые полковники, например, Галаган, Апостол и другие, вначале пошедшие было за Мазепой, возвращались к Петру, который их не только не наказывал, но еще и щедро награждал.

ВЫБОРЫ НОВОГО ГЕТМАНА

6 ноября в Глухове был торжественно выбран гетманом стародубский полковник Иван Скоропадский. При этом находившимся в Глухове Петром была подписана и оглашена

царская грамота, подтверждающая «сохранение вольностей и преимуществ Малороссийских».

А 12 ноября, когда в Глухов прибыл Киевский митрополит Иосиф Кроковский и съехались архиепископы и епископы, в особой церемонии был предан вечному проклятию Мазепа и его помощники. Вот как описывает эту церемонию «История Русов»: «Государь со всею свитою слушал в соборной Троицкой церкви божественную литургию и молебен, по окончании которого собравшееся в Глухове первейшее малороссийское духовенство предало вечному проклятию Мазепу и его приверженцев. На площадь вынесли набитое чучело Мазепы. Был прочитан приговор о преступлении и казни его, разорваны князем Меншиковым и графом Головкиным жалованные ему грамоты на гетманский уряд, чин действительного тайного советника и орден святого апостола Андрея Первозванного и снята с чучела орденская лента. Потом бросили палачу сие изображение изменника; все попирали оное ногами, а палач тащил чучелу на веревке по улицам и площадям городским до места казни, где и повесил».

Мазепа же в это время находился в походе со шведским войском, которое двигалось к городам Ромнам и Гадячу на зимние квартиры, где для шведов Мазепой было заранее заготовлено продовольствие и возведены укрепления.

Не будучи уверенным в победе Карла и зная настроение и поведение народа, Мазепа попытался через полковника Апостола вступить в сношения с Петром, обещая ему содействовать поражению и даже пленению Карла. Петр обнадежил Мазепу и обещал даже возвращение прежнего положения, но предложению Мазепы не поверил и продолжал усиленно готовиться к решительному столкновению с Карлом. Кроме того, он назначил особые денежные награды за взятие в плен шведов: две тысячи рублей за генерала, тысячу за полковника, пять рублей за солдата и три рубля за мертвого шведа. Многие казаки и крестьяне ловили шведов, особенно, когда они небольшими отрядами отдалялись

для поисков фуража. Сохранилось немало расписок о выплате за это наград, но все мелких. По-видимому, ни один генерал или полковник изловлен не был.

Так прошла зима 1708 года без особенно крупных столкновений, если не считать взятие шведами местечка Веприк, в котором вынужден был сдаться в плен русский отряд в тысячу человек. Шведы, в основном, сидели в Ромнах и Гадяче, а русская ставка была в Лебедине. Силы русских росли благодаря прибывавшим подкреплениям; силы же и запасы шведов таяли. 16-тысячный отряд генерала Левенгаупта, шедший к Карлу с подкреплениями и большими обозами запасов, был разбит и уничтожен при деревне Лесной (в Белоруссии), и Карлу приходилось рассчитывать только на свои силы да на пришедших с Мазарой 3—4 тысячи казаков.

К маю 1709 года, после длительных уговоров, переговоров и обещаний Мазепе и Карлу удалось склонить запорожцев выступить на стороне шведов и они, под предводительством кошевого Гордиенка двинулись на помощь Карлу.

РАЗОРЕНИЕ СЕЧИ

Узнав это, Петр молниеносно, смешанным русско-казачьим отрядом, захватил Сечь и уничтожил ее до основания. Командовали этой экспедицией полковники Галаган (сам бывший запорожец) и Яковлев. Спасшиеся запорожцы бежали на турецкую территорию и основали новую сечь на месте нынешнего города Алешки.

ПОЛТАВА

Карл же двинулся на юг на соединение с запорожцами и по пути хотел взять Полтаву. Когда это ему сразу не удалось, он начал (в начале мая) осаду этого города, которая продолжалась безуспешно полтора месяца и закончилась известной Полтавской битвой (27 июня) с подоспев-

шими войсками Петра, состоявшими как из русских, так и из верных казацких полков, с которыми был и возвращенный из ссылки полковник Палий.

Шведы были разбиты наголову. Карл XII и Мазепа с остатками войска бежали на запад к Днепру, бросив все обозы и артиллерию. Но у Переволочни их настиг Меншиков и казаки и принудили все оставшееся войско к капитуляции. Спаслись только Карл и Мазепа, переправившиеся через Днепр первыми, да небольшой шведско-казачий отряд. Дальше бежали они на территорию Турции, в Бендеры, где и задержались продолжительное время.

СМЕРТЬ МАЗЕПЫ

Здесь вскоре Мазепа умер и был торжественно похоронен в соседнем монастыре. «Гроб его, поставленный на сани, везли 6 пар белых лошадей, а за гробом шли опечаленные его единомышленники», — описывает его похороны «Летописец».

ОРЛИК

После смерти Мазепы находившаяся в Бендерах группа старшин выбрала гетманом его ближайшего сотрудника Филипа Орлика, который совместно с Карлом начали усиленно уговаривать Турцию нарушить мир с Россией и начать войну.

В 1710 году Орлик с группой казаков, запорожцев и татар предпринял набег на Правобережье, но был разбит и отогнан обратно.

В 1711 году Турция начала войну, на которую подстрекали ее Карл XII и Орлик, обещая помощь и запорожцев, и всего населения Украины-Руси, и верных Станиславу Лещинскому поляков. Для России война эта была неудачна. Турки окружили зарвавшегося Петра, и ему со всей армией

V угрожало уничтожение или плен. Положение было спасено взяткой турецкому главнокомандующему, который выпустил всю армию из окружения. По преданию, Петра спасла его будущая жена Екатерина, находившаяся с ним в походе и отдавшая великому визирю все свои драгоценности. Документов об этом, понятно, нет, но этот факт приводится всеми историками.

После этой неудачной попытки путем иностранной интервенции отторгнуть от России воссоединенную часть Украины-Руси, Орлик уехал в Швецию, а его единомышленники постепенно начали возвращаться на родину. В дальнейшем жизнь и деятельность этого заграничного «гетмана» (без территории, народа и войска) протекала приблизительно так, как теперь, в половине XX века, протекает жизнь его идейных наследников — разных сепаратистских «президентов» и «вождей»: в интригах среди иностранцев за расчленение России и в выполнении разных заданий тех государств, на средства которых они живут.

Только тогда европейские государства не продолжали помощь бесконечно, а, убедившись в безнадежности попыток оторвать от России Украину благодаря отсутствию сепаратистских настроений у ее населения, прекратили выдачу подачек «гетману» Орлику, на которые он существовал в начале своей эмигрантской деятельности.

Католическая церковь, верным сыном которой был Орлик, по-видимому, ему тоже не помогла, ибо, по свидетельству новейших биографов Орлика (Б. Крупницкого и И. Борщака), он умер в нищете в Молдавии в 1742 году и, как бедняк, был похоронен на средства Молдавского господаря.

Зато теперь католики-галичане проявляют особую заботу о памяти Орлика. Как сообщает сепаратистский украинский журнал «Украина» (№8, 1952 г.) духовный вождь галицийских католиков «Апостольский Визитатор, Владыка, Кир Иван Бучко» официальным письмом, адресованным всему галицийскому католическому духовенству в Западной Европе, напоминает, что Филипп Орлик был католик и приказыва-

вает ежегодно в первое воскресенье после дня св. Филиппа служить по Орлику торжественные панихиды.

Пользуясь предлогом, журнал «Украина» в том же номере не упустил случая сказать о преимуществах «Руси веры римской» над «Русью веры греческой» и пренебрежительно отозваться об украинцах не-католиках. По мнению редакции журала, католики (т. е. часть галичан) «более сознательные украинские государственники, чем православные украинцы».

В нашу задачу не входит вступать в полемику по этому вопросу, но нельзя было и обойти его молчанием. Не исключена возможность, что его решением придется заняться украинскому народу, если будет сделана попытка превратить нашу Украину-Русь в «Русь веры римской», как это огнем, мечом, золотом и кнутом пытались сделать поляки в прошлом.

Не входит также в нашу задачу вопрос о том, готовит ли история судьбу Орлика его нынешним подражателям в эмиграции. Это дело будущего, а мы изучаем прошлое.

Поэтому переходим к подведению итогов кровавого полувековья в жизни Левобережной Украины, воссоединенной в 1654 году с Россией.

За этот период (от смерти Хмельницкого до бегства Мазепы) сменилось семь гетманов, из которых пять (Ю. Хмельницкий, Выговский, Брюховецкий, Дорошенко и Мазепа) изменили присяге и пытались при помощи иностранных интервентов отторгнуть от России воссоединенную часть Украины-Руси. А два остальных (Многогрешный и Самойлович) за подготовку к измене были сосланы. (Самойлович, как упомянуто выше, по-видимому, пострадал невинно.) Народ же ни за кем из них не пошел и тем обрек на неудачу все их попытки.

Тот неоспоримый факт, что народ неизменно отмежевался от своих возглавителей, как только они становились на путь отделения от России, заслуживает особого внима-

ния, ибо: 1) он свидетельствует о тяготении народа к России и отталкивании от Польши, Турции и Швеции, на которых делали ставку «вожди»; 2) показывает, насколько чужды народу были эти «вожди», выступавшие от его имени.

Это было как бы пятикратное в течение полувека голосование «за» или «против» России. И народ все пять раз проголосовал «за».

Через двести с лишним лет, когда сепаратисты с помощью иностранцев трижды пытались отделить Украину от России, народ опять не пошел за ними и опять проголосовал «за», а сепаратисты принуждены были бежать от своего народа.

С бегством Мазепы для Левобережья закончились бурные времена, и оно вступило в двухсотлетний период мирного существования в границах Российской империи. Сначала ^а сохраняя свои административные и социальные особенности, а впоследствии воспринимая общероссийский уклад жизни.

ГЕТМАНЫ ПОСЛЕ МАЗЕПЫ

(Скоропадский, Полуботок, Апостол, Разумовский)

ГЕТМАНСТВО СКОРОПАДСКОГО

После измены Мазепы и Полтавской победы отношение России к воссоединенному Левобережью-Гетманщине меняется.

Почти сорокалетний период правления Самойловича и Мазепы был период совместной борьбы против попыток общих врагов (Польша и Турция) и России, и Украины-Руси вернуть воссоединенные части когда-то общего Киевского государства.

В процессе этой борьбы и старшина (кроме ее верхушки), и население в основном вели себя вполне лояльно и никаких оснований для подозрений, а тем более обвинений в измене общему делу не давали. Эпизод со сменой Мазепой Самойловича и ссылкой последнего был только эпизодом и на русско-украинских (как тогда говорили — «русско-малороссийских») отношениях не отразился. За двадцать же лет правления Мазепы, пользовавшегося особым благоволением и доверием Петра, отношения эти и лояльность всей Украины-Руси не вызывали никаких сомнений.

Измена Мазепы и присоединение к нему известного числа старшины и казаков, а также выступление на стороне Карла запорожцев вызвали взрыв негодования по всей России и о прежнем доверии не могло быть и речи.

Поэтому новый гетман — Скоропадский — сразу же после избрания, несмотря на подтверждение Петром «прежних прав и вольностей», получает комиссара в лице стольника Измайлова, с которым он должен был согласовывать все свои мероприятия и который был «оком и ухом царским». Столицей становится город Глухов, где приказано жить и Измайлову. Через год (в 1710 году) Измайлов был отозван, а на его место прибыли Виниус и Протасьев.

Добронамеренный, но безвольный, не блещущий особенным умом Скоропадский находился под башмаком и в полном подчинении своей жены, гетманши Насти, урожденной Маркевич. Население это знало и пело песни, что «Иван носит очинок (женск. головной убор), а Настя булаву»... Неудивительно поэтому, что его 14-летнее гетманство ни в каком отношении достижениями похвалиться не может.

Находясь под неусыпным надзором представителей Петра, ему не доверявших и проявлявших нередко самоуправство и даже самодурство, Скоропадский, с другой стороны, находился под давлением своей жены и алчной старшины, буквально вырывавшей у него универсалы на потомственное владение разными имениями, бывшими раньше «ранговыми» (связанными с занимаемыми должностями).

Когда же он пытался проявлять свою инициативу, то кроме конфуза и неприятных последствий ничего не получалось. Так, при свидании с Петром в Решетилове вскоре после Полтавской битвы он поднес Петру «Просительные статьи», в § 6 которых выражается просьба «не занимать под построй войска дворы казацкие, ибо этим нарушается вольность казацкая, за которую только они и служат России». Петр был взбешен последней фразой и сделал ему такое внушение и «объяснение, за что служат России», что навсегда отбил охоту вступаться за «вольности казацкие». По преданию, в «объяснении» участвовала и дубинка Петра, которой он нередко вразумлял своих подданных, невзирая на чин и положение.

Тогда Скоропадский проявил инициативу в другом направлении: выдал универсал на огромные имения любимцу Петра Меньшикову и отказался от денег, которые из Москвы были присланы в Гетманскую казну за построй и содержание русского войска за один год.

В результате Москва вообще перестала присылать деньги за построй войск, а Меньшиков, которому полученные имения очень понравились, пошел их «округлять», увеличив в несколько раз, и самовольно захватил то, что хотел. Скоропадский пожаловался Петру, который, разобрав дело, расправился с Меньшиковым дубинкой, а захваченные земли приказал вернуть в распоряжение гетмана. Но за это Скоропадский в лице всемогущего Меньшикова нажил лютого врага, который старался при каждом возможном случае причинить неприятность и Скоропадскому лично, и управляемому им краю.

Тотчас же после ссоры с Меньшиковым из Петербурга начали поступать приказы о посылке казаков на работы и в походы. В 1716 г. несколько тысяч казаков под командой Генерального хорунжего Сулимы были отправлены на рытье канала Волга—Дон; в 1720 г. 12 тысяч — на работы на Ладожский канал и 5000 — на постройку Киевской крепости; в 1721 г. 10 000 — в поход на Персию и Индию; в 1722 еще

10 000 — в Ладогу. Работы эти были очень тяжелы и изнурительны; казаков косили болезни, и значительная часть их погибла на этих работах. Сохранились сведения, что только в 1721 г. на работах Ладожского канала умерло 2461 человек. За остальные годы сведений нет.

Были ли эти посылки результатом интриг Меншикова или общей политики Петра, утверждать нельзя. Вернее всего, и то, и другое. Население же от этого страдало и изнемогало под тяжестью этих «натуральных повинностей», от которых, разумеется, не были избавлены и другие территории Российской империи. Только там они имели другие формы, ибо там не было территориального войска, как на Украине, а население давало солдат в регулярную армию, неся при этом немало и других повинностей, в том числе, выполняя и такие работы, на которые посылались казаки.

С другой стороны, население немало терпело и от старшины, быстро превращавшейся в строгих помещиков, с которыми не мог совладать безвольный гетман. Находившийся при гетмане Протасьев в своем рапорте за 1720 год пишет: «В Малороссии самые последние чиновники добывают себе богатство от налогов, грабежа и винной торговли. Если кого определит гетман сотником, хотя из самых беднейших и слуг своих, то через один или два года явится у него двор, шинки, мельницы и всякие стада и домовые пожитки». Надо полагать, что подобные рапорты Протасьев подавал и раньше, ибо в архивах еще за 1715 год сохранился приказ ему Петра «строго смотреть за полковниками, чтобы они не обременяли народ взятками и разными налогами». А в 1722 году в инструкции Вельяминову, сменившему Протасьева, Петр (в § 4) пишет: «Препятствовать, с гетманского совета, Генеральной Старшине и полковникам изнурять работой казаков и посполитых людей».

Как видно из приведенных выше документов, оспаривать достоверность которых невозможно, защитником народа от притеснения его высших классов являлся Петр.

Этот неоспоримый исторический факт находится в противоречии с утверждениями сепаратистской «исторической школы» о том, что Россия вообще угнетала весь украинский народ, а Петр был его «катом» (палачом). На самом же деле «катами», как говорят документы, были, или пытались быть, свои же украинцы — старшина, а защитником от них был «москаль» — Петр.

Это не значит вовсе, что жизнь населения Левобережья в эпоху Петра была легкой и она не ощущала на себе его тяжелой руки. Но если ту глубокую ломку всех сторон жизни, которую вызвали Петровские реформы, сравнить на Левобережье и в остальной России, то нельзя не признать, что в Великороссии она была гораздо глубже, резче и болезненнее, чем на Украине.

Бесчисленные казни стрельцов, жестокие расправы со староверами, изменение летоисчисления (не от сотворения мира, а от Рождества Христова), введение гражданского алфавита вместо церковно-славянского, насильственная ломка семейного быта, изменение древней одежды на «немецкую», принудительное бритье бород, лишение боярства и дворянства прежнего влияния и значения и их пожизненная принудительная служба государству и много других насильственных мероприятий Петра испытала на себе Великороссия.

На Украине же за этот самый период ломки жизни и быта почти не было. Веками установившиеся обычаи никто насильственно не менял: усы, чубы с «оселедцем» остались в неприкосновенности и никто на них не посягал, как на великорусские бороды; пышные одежды старшин никто не перекраивал на «немецкий» лад; детей старшины не забирали принудительно для обучения и на царскую службу, а их чванливых жен и дочерей не заставляли проводить время на «ассамблеях» с пьяными иностранными матросами. Администрация оставалась такой же, какой она установилась во времена Хмельницкого, когда старшина, имевшая при поляках юрисдикцию только над весьма ограниченным

числом реестровых казаков, распространила ее на все население, заменив собою и гражданские суды, и всех остальных представителей власти.

Полковники и сотники совмещали в себе всю власть, подобно военным комендантам нынешнего времени на территориях военных действий. Совмещение это давало возможность к разным злоупотреблениям, с которыми Петр повел борьбу со свойственной ему твердостью, имея в виду интересы государства и самого населения и не считаясь с немалыми ограничениями самоволия и самоуправства старшины, называвшей это своеволие «вольностью козацкой».

Он назначил к гетману комиссара, который, не стесняясь, вмешивался во все дела, вызывая этим неудовольствие старшины, с одной стороны, и частые выговоры гетману из Петербурга, с другой.

В архивах сохранилось немало любопытных документов, относящихся к этому вопросу. Так, в 1719 году, Петр делает строгий выговор Скоропадскому за самовольную раздачу земель; в 1720 г. — за медлительность в исполнении распоряжений; в 1721 г. за беспорядки в гетманской канцелярии, где его канцеляристы все решают сами, не спросив гетмана и даже «прикладывают гетманскую печать»; в том же 1721 г. — за попустительство старшине, несправедливо накладывающей разные повинности на казаков и «посполитых».

Но в то же время Петр строго оберегал авторитет гетмана и безжалостно наказывал всякие проявления к нему или его приятелям неуважения, не только украинцами, но и великороссами.

Так, например, сохранилось дело о том, как в 1712 году воевода калужский Зыбин при проезде через Калугу посланца Скоропадского Константина Геваровского не дал ему подвод и «непристойно говорил о гетмане». За это Петр приказал сместить Зыбина, лишить его всего имущества и послать его к Скоропадскому «головой» (т. е. «выдать головой» — на милость или немилость Скоропадского). Как ре-

шил Скоропадский, сведений об этом нет. (Кол. Архив. Малоросс. дел. 1712 год, № 26).

Когда же гетман приезжал в Москву или Петербург, ему оказывали знаки особого внимания. В сохранившемся дневнике сопровождавшего гетмана в поездках канцеляриста Ханенко описывается, как в 1722 г. во время торжеств по случаю заключения Ништадтского мира и провозглашения Российской империи «карете Гетмана было дозволено подъезжать к придворному крыльцу. Гетманше Императрица пожаловала свой портрет; в Сенате Гетман сидел между Канцлером и Генерал-Адмиралом; а за столом рядом с Государем».

Но одновременно с этим Петр неуклонно проводил мероприятия в духе создаваемой им централизованной Российской империи. Находя недостаточной деятельность комиссаров (Протасьева, Виниуса и Измайлова), 29 апреля 1722 г. он издает указ: «Для прекращения возникших в малороссийских судах и в войске беспорядков быть при Гетмане бригадиру Вельяминову и шести штаб-офицерам из украинских гарнизонов». 7 мая того же года было приказано: «Малой России вместо Коллегии Иностранных дел находиться в ведении Правительствующего Сената». При этом Вельяминову была дана длинная и подробная инструкция, которая определяла его деятельность. Общее направление этой инструкции — упорядочение всех сторон жизни и администрации Левобережья, строгая регламентация прав и обязанностей как населения в целом, так и отдельных его классов и групп и их взаимоотношений и проведение во всем принципов централизованного государства. В одном из параграфов этой инструкции говорится о недопущении эксплуатации («изнурять») казаков и «посполитых» со стороны старшины; в другом — «препятствовать писарям гетманским подписывать вместо него универсалы» (по-видимому, при Скоропадском это практиковалось).

Так постепенно за 14-летнее правление Скоропадского вводился новый порядок и ограничивалась власть гетма-

на и старшины. «Упадком Гетьманщины» называет Грушевский этот период и говорит, что это было время ликвидации «вольности, прав и привилегий Украины». Как видно из вышеизложенного, правильнее бы было этот период назвать периодом «обуздания своеволия и самовластия старшинской верхушки». Немалую роль при этом сыграла и безвольная, бесцветная личность Скоропадского. При умном и волевом Мазепе, умевшем поддерживать порядок, российское правительство почти не вмешивалось во внутренние дела «Малой России».

Хаотическое ведение дел Скоропадским требовало или замены его другим лицом, более твердым и способным, или непосредственного вмешательства правительства. Опасаясь возможности повторения измены, по примеру многих гетманов — предшественников Скоропадского, Петр выбрал второе решение, оставляя Скоропадского гетманствовать и оказывая ему всяческие знаки внимания и почета (но не доверия).

Еще при выборе Скоропадского была кроме него выдвинута кандидатура умного и волевого черниговского полковника Павла Полуботка, но Петр, зная одного и другого, поддержал Скоропадского и тем предопределил исход выборов. Надо полагать, уже тогда у него был план «подобрать Малую Россию к рукам», а это было легче сделать при Скоропадском.

Покорность же Скоропадского шла так далеко, что он запросил Петра, за кого ему выдать единственную дочь Ульяну. Петр посоветовал выдать за одного из великорусских начальников, пребывающих на Украине, — и Ульяна была выдана за Петра Толстого который вскоре после этого сделался полковником Нежинского полка. Это был первый случай возглавления полка великороссом. Впоследствии таких случаев было немало.

При Скоропадском же появились и первые помещики-великороссы. Кроме Меншикова, о котором уже упоминалось, гетманские универсалы на потомственное владение

имениями получили Шафиров, Головкин и ряд других влиятельных вельмож Петра.

Кроме людей, которых Россия посылала для занятия разных должностей в Малой России, очень много представителей наиболее культурной части населения — высшего духовенства в этот период заняли в Великороссии руководящие посты. Известный проповедник, архиепископ Феофан Прокопович, местоблюститель Патриаршего Престола Стефан Яворский и целый ряд архиепископов и епископов, как, например: Димитрий Ростовский, Гавриил Бужинский, Василий Григорович, Сильвестр Кулябка, Амвросий Зертис и много других, происходили из Малой России и получили свое образование в Киеве. Начиная с первой четверти XVIII века Православной Церковью Российской империи руководили главным образом украинцы. А так как церковь в ту эпоху имела огромное влияние на всю культурную жизнь, то можно утверждать, что культурное развитие России начала XVIII века в значительной степени направлялось и определялось церковно-культурными деятелями киевского образования.

Петр этому всячески содействовал, понимая все значение образования среди духовенства, каковое в России Малой было значительно выше, чем у духовенства Великороссии.

Так за все время гетманства Скоропадского шел своего рода обмен деятелями Великой и Малой России. Первая давала администраторов с твердыми традициями централизованного государства, вторая — культурно-церковных деятелей. Процесс этот, несомненно, вел к сближению и слиянию воссоединенных частей Руси, а потому на него так яростно нападают сепаратисты, обвиняя Великороссию в насильственном «обрусении Украины» и умалчивая о происходившем параллельно «обукраинизировании» общероссийской православной церкви. Внешне же, при поверхностном взгляде на события, все правление Скоропадского выглядит как период утраты прежних «вольностей» и потери той известной независимости администрации Украины, ко-

тору она имела при прежних гетманах. И, надо полагать, по этой причине Скоропадский большой популярностью не пользовался, а когда он умер (3 июля 1722 г.), то «Летописец», описывая его правление, написал: «Доброта сердца без других украшений не составляет истинного достоинства правителя народа».

ПОЛУБОТОК. МАЛОРОССИЙСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

После смерти Скоропадского, по соглашению старшины и председателя Малороссийской Коллегии Вельяминова, впредь до избрания нового гетмана был назначен наказным гетманом черниговский полковник Павел Полуботок, человек умный, энергичный, но мало выдержанный, горячий. И сразу же начались трения и недоразумения между старшиной и Вельяминовым, который вел себя диктаторски, распоряжаясь самовластно и к тому же всячески выпячивая и подчеркивая свою власть над старшиной.

К Петру полетели доносы и с одной, и с другой стороны. Старшина обвиняла Вельяминова в «грубом обхождении», в «перемене слога в письме малороссийском, к которому Генеральная Канцелярия издревле при всех гетманах привыкла», и во взяточничестве и в самовольном решении всех вопросов без согласия и ведома старшины.

Вельяминов обвинял старшину в самоволии, присвоении казенных земель, отягощении населения несправедливыми повинностями и поборами. Одновременно старшина хлопотала о разрешении произвести выборы «вольными голосами» нового гетмана. Но Петр с выборами нового гетмана не торопился и в ответ на просьбы старшины 23 июля 1723 г. издал Малороссийской старшине следующий указ: «Как всем известно, что со времен первого гетмана Богдана Хмельницкого, даже до Скоропадского, все гетманы явились изменниками и какое бедствие от того терпело Наше Государство, особливо Малая Россия, то подлежит приискать в гет-

маны весьма верного и известного человека, о чем и имеем Мы непрестанное старание; а пока оный найдется для пользы вашего края, определено правительство, которому велено действовать по данной инструкции; так до гетманского избрания не будет в делах остановки, почему о сем деле докучать не надлежит. Петр».

А вслед затем Петр вызвал Полуботка и его ближайших сотрудников в Петербург. Много недель Полуботок и старшины безуспешно обивали пороги вельмож и добивались аудиенции у Петра (о чем сохранился подробный дневник канцеляриста Ханенко). Только в начале ноября Полуботок получил возможность говорить с императором. Разговор закончился тем, что Петр посадил в Петропавловскую крепость Полуботка и сопровождавших его старшин. По преданию, Полуботок открыто и резко обвинял Петра в «угнетении Малой России, нарушении древних вольностей, подтвержденных его предшественниками — московскими царями и им самим при выборе Скоропадского».

В крепости Полуботок вскоре разболелся, а когда Петр послал к нему врача, он отказался лечиться. Тогда Петр посетил его лично и (опять по преданию) хотел с ним помириться. Но Полуботок отказался и сказал: «Скоро я предстану перед Вечным Судьей; он рассудит Петра и Павла».

Причиной гнева Петра, как установили позднейшие историки, в том числе и Грушевский, были не только резкие слова Полуботка, но и еще одно обстоятельство. Во время пребывания Полуботка в Петербурге от Стародубского полка поступила Петру просьба на выборы гетмана не соглашаться, а управлять всеми десятью полками Левобережья так, как управлялась тогда Слободская Украина, т. е. путем назначения администрации из центра. В просьбе утверждалось, что таково желание населения.

Одновременно не прекращались как доносы Вельяминава на старшину, так и старшины на Вельяминова. Для выяснения дела на месте Петр послал Румянцева с приказанием произвести расследование и выяснить, чего хочет народ.

Расследование это, как выяснилось впоследствии, установило ряд злоупотреблений, как Полуботка и старшины, так и Вельяминова, за что от последнего при его смещении были отобраны все имения.

Узнавши об этом, Полуботок послал на Украину гонцов с инструкциями, как себя вести и что говорить при расследовании. Петру это стало известно и притом в искаженном виде: будто Полуботок дал инструкции возбуждать народ против России. Это и вызвало негодование Петра и подозрения, что Полуботок пошел путем Мазепы. Пока шло расследование Румянцева, Полуботок умер (в 1724 г.). Старшинская верхушка или сидела в Петропавловской крепости, или была запугана событиями и беспрекословно подчинялась Вельяминову, который все управление полностью взял в свои руки.

Генеральная старшина была вообще упразднена (в 1723 году), а в полковники начали назначаться «коменданты»-великороссы, «впредь до выбора полковника». В 1724 году в десяти полках было только три полковника-невеликоросса: Апостол, Галаган и Маркевич. Да и то Апостола держали в Петербурге. Из 50 000 казаков половина была распущена по домам «на отдых»; 12 000 находились в походе в Коломаке, а 10 000 в Сулаке. От прежнего широкого самоуправления осталась только жалкая тень.

Так продолжалось до смерти Петра (январь 1725 г.) Его преемница Екатерина I начала свое правление с освобождения старшины из Петропавловской крепости и разрешения многим из них вернуться домой. Строгий режим Малороссийской Коллегии начал смягчаться. А вскоре затем при преемнике Екатерины (умершей в 1727 г.) — Петре II (внуке Петра) одно за другим начали отменяться решения Петра и Малороссийской Коллегии. Была восстановлена Генеральная старшина; управление Малой Россией возвращено из ведения Сената в ведение Коллегии Иностранных дел; упразднена сама Малороссийская Коллегия и отозван Вель-

яминов; наконец, было разрешено произвести выборы нового гетмана.

Все эти облегчения Грушевский объясняет тем, что тогда Россия готовилась к войне с Турцией и не хотела чрезмерно озлоблять старшину, чтобы не толкнуть на измену или бунт.

Против этой либеральной политики было много возражений, сводившихся к тому, что «попущениями» старшина опять приобретет силу и влияние, которое было подорвано политикой Петра и деятельностью Малороссийской Коллегии, стремившейся отделить и отдалить старшину от народа. В результате этой деятельности и подчеркивания царем и Вельяминовым, что они выступают в защиту народа от старшины, «полковники и старшина с подданными пришли в немалую ссору», писал в своей записке в связи с этим вопросом граф Толстой, противник всяких уступок и сторонник продолжения политики Петра.

Однако, с приходом к власти Долгорукого, сменившего Меншикова и ставшего ближайшим советником Петра II, победили сторонники либеральной по отношению к Украине политики, и был издан указ о назначении выборов нового гетмана. Вельяминов же был не только отозван, но и отдан под суд за злоупотребления, в свое время установленные расследованием Румянцева.

АПОСТОЛ. РЕШИТЕЛЬНЫЕ ПУНКТЫ

Летом 1727 года тайный советник Наумов получил указ выехать в Малую Россию и организовать выборы нового гетмана. Предварительно на эту должность был намечен полковник Даниил Апостол. Кандидатура эта была очень сочувственно принята старшиной, т. к. Апостол пользовался всеобщим уважением и за свою храбрость в боях, и за свою честность в общественных делах.

1 октября 1727 года он был единогласно выбран гетманом съехавшейся для этого в Глухов старшиной и Наумов торжественно вручил ему знаки гетманского достоинства. И в тот же день Апостол был приведен к присяге, как пишет «Летописец»: «При громе пушек и неумолкаемых восклицаниях народа».

Наумов остался при гетмане в качестве «министра дел государственных и советов». Сразу же при новом правителе начало возрождаться автономное управление, установленное Хмельницким; вмешательство же великороссийских чиновников в дела было сведено до минимума. Только в Высшем (Генеральном) Суде наряду с тремя судьями-старшинами заседали и три судьи-великоросса (чего не было при Хмельницком) да была установлена должность «подскарбия» и его помощника, ведавших финансами. «Подскарбий» — из рядов старшины, а его помощник — великоросс. Все остальные должности всего военного и административного аппарата были замещены старшинами.

Во время коронации Петра II Апостол с пышной свитой принимал в ней участие, а после коронации, в результате длительных совещаний с Верховным Тайным Советом, который тогда ведал всеми делами, было вынесено решение, нечто вроде «Конституции Малой России», известное под именем «Решительных Пунктов» (от слова «решать»).

«Пункты» эти касаются всех сторон жизни и предоставляют «Малой России» широчайшее самоуправление. Центральная власть (император) оставляла за собой только право утверждать выбранного «вольными голосами» гетмана, а также и смещать его. Таким образом, старшина не могла уже сменить выбранного и утвержденного гетмана. Кроме того, центральная власть (Коллегия иностранных дел) выносила решения по жалобам на Генеральный Суд. Военные силы (казачество) в оперативном отношении подчинены были российскому фельдмаршалу.

Все остальные вопросы (кроме смертной казни) решал гетман со старшиной, сохраняя принцип выборности пол-

ковников, сотников и другой старшины. Только в двух параграфах «Решительных пунктов» не было удовлетворено желание Апостола и старшины: о запрещении пребывания в Малой России евреев (даже временно) и о выселении раскольников.

По первому вопросу «пункты» говорят: «Еврейам не возбранено торговать в Украине на ярмарках, но только оптом и не велено им увозить серебра, золота и меди, но закупать на сии деньги товары; жительствовать же им в Малороссии запрещено».

По вопросу о раскольниках решено: «Отказать гетману в просьбе его, чтобы выведены были из полков Стародубского и Черниговского поселившиеся в оных раскольники, но положено казнить смертью тех, кои будут привлекать к своей ереси малороссиян или великороссиян, об обращении же к православной вере сих раскольников велено всячески стараться».

Говоря о «пунктах», их духе и содержании, уместно будет упомянуть, как некоторые параграфы этих «пунктов» извращают сепаратисты, искажая историческую правду.

Со времен литовско-польского владычества многие города Украины имели от королей привилегию управляться по нормам так называемого «Магдебургского права», заимствованного с Запада. Кроме того, в административно-судебной практике применялись иногда и нормы так называемого «Саксонского права», тоже (через Польшу) заимствованного с Запада и нередко расходящегося с «Магдебургским правом».

Чтобы их согласовать и облегчить пользование ими казацкой старшиной, которая кроме военно-административных функций исполняла и судебные, в «Решительных пунктах» был введен § 20, который гласил: «Многоразличные и часто противоречащие Магдебургские и Саксонские права перевести на русский язык и, посредством сведущих людей, составить из них целое». Так говорят факты, подтвержденные сохранившимися документами. Грушевский же в своей

«Истории Украины» (с. 442) об этом пишет так: «Выбрать особую комиссию из украинских юристов, которая имела собрать в одно законы и права украинские и выработать таким образом, Украинский свод законов».

У читателя создается впечатление, что существовали и «украинские права» и «украинские законы», как это обычно существовало в отдельных государствах. На самом же деле не существовало ни «украинских юристов», ни «украинских законов», что Грушевский отлично знал.

~~До восстания Хмельницкого на Украине-Руси, являвшейся польской колонией, существовали коронные суды, но не украинские, а польские. Казаки же судились своими гетманами, полковниками и генеральными и полковыми судьями, состоявшими из выборной старшины, нередко полуграмотной, назвать которую «украинскими юристами», конечно, нельзя. После восстания казачьи суды распространили свою юрисдикцию на все население и больше ста лет (до упразднения гетманства) никаких других судов на Левобережье не было. Не было и «юристов», кроме писарей и канцеляристов в этих казачьих судах. По этому вопросу существуют серьезные научные работы известных историков А. М. Лазаревского (украинца) и проф. Мякотина (великоросса) и никаких расхождений в описании судов того времени у них нет.~~

Из богатого же семейного архива Кандыб (потомков Генерального судьи Андрея Кандыбы), которым пользовался Лазаревский, видно, что действительно, делались попытки согласовать законодательство, причем комиссия, которая этим занималась, как базу имела не «украинские законы» (которых не существовало), а кроме Магдебургского и Саксонского прав еще и «Литовский статут» и «Уложение» царя Алексея Михайловича 1648 года.

Несмотря на преклонный возраст (ему было за 70 лет) Апостол с исключительной быстротой использовал полити-

ческую конъюнктуру и в течение нескольких лет исправил все вольные и невольные ошибки Скоропадского и Вельяминова, вернув почти все прежние «права и привилегии».

Была проведена строгая проверка всех неправильно розданных или самовольно захваченных земель; упорядочены финансы и администрация; уменьшено число наемных, дорого стоящих «компанейских» полков (оставлено всего три по 500 чел.); получено согласие Петербурга на вывод всех находившихся на постое войск, кроме шести драгунских полков. Постой эти были чрезвычайно обременительны для населения, а потому удовлетворение просьбы гетмана об ограничении гарнизонов всего шестью полками было всеми радостно встречено. По словам Бантыш-Каменского, «монаршая сия милость чрезвычайно обрадовала Малороссию и Гетмана, который возвестив об оной пушечной пальбой, велел молебствовать во всех церквах».

При Апостоле же, по его ходатайству, императрица Анна Иоанновна (сменившая умершего 18 января 1730 года Петра II) разрешила ушедшим в 1709 году и жившим во владениях Турции запорожцам вернуться на их старые места. Сделано это было несмотря на протесты султана, считавшего их своими подданными.

Запорожцы под предводительством кошевого Ивана Белецкого, вопреки запрещению крымского хана, прибыли в Белую Церковь и присягнули на верность России, причем им роздали на обзаведение 5000 рублей. После этого некоторые отправились в Сечь, а женатые были расселены в Старом Кодаке, Новом Кодаке и по реке Самаре.

Возвращением запорожцев была окончательно ликвидирована мазепинская эпопея, и за границей остался только Орлик, перекочевавший из Швеции во Францию.

Некоторое число старшин, бежавших с Мазепой, вернулись еще раньше, в разные сроки. Одни из них были полностью прощены, а другие (например, племянник Мазепы, Войнаровский) сосланы в Сибирь.

Параллельно с мероприятиями по упорядочению внутренних дел, Апостол активно участвовал в мероприятиях общероссийского правительства характера военно-политического. Так в 1733 году около 30 000 казаков и «посполитых» были направлены на юг для создания укрепленной линии для защиты от набегов татар. Линия эта шла от Днепра до Донца, начинаясь несколько южнее Изюма (на Донце) и упираясь в Днепр между устьями рек Псел и Орел. Работы эти не носили характера тяжелых изнурительных работ на Ладожском канале, на котором погибло много тысяч казаков, а кроме того, они служили непосредственно защите самой Украины от непрекращающихся татарских набегов. Велись они под руководством своей старшины, и рабочие команды часто сменялись новыми силами. А потому в памяти народной о них не сохранилось таких тяжелых воспоминаний, как о работах на Ладожском канале, в тяжелых условиях, далеко от родного края.

При Апостоле отбито нападение калмыков, которые вторглись в районе Изюма в Слободскую Украину и намеревались продолжить свой набег на запад, но были разбиты казаками под командой полковника Капниста.

Почти одновременно с калмыцким набегом пришлось казачьим полкам воевать и в пределах Польши. В 1733 году после смерти польского короля Августа — союзника России, была сделана попытка провозгласить королем не его сына, которого поддерживала Россия, а ставленника французов — Станислава Лещинского. Чтобы поддержать своего кандидата, Россия ввела в Польшу войска, в том числе и крупный казачий отряд наказного гетмана Лизогуба и полковника Галагана. Казаки с особым воодушевлением боролись с конфедератами — сторонниками Лещинского. Как когда-то польские паны усмиряли их предков, так теперь они усмиряли поляков, проявляя особую непримиримость к униатам, еще недавно бывших православными. Поход этот был очень популярен, и казаки победителями вернулись за Днепр, после того, как на польском престоле был водворен кандидат

России. Действия казаков в пределах Польши ободрили угнетаемое поляками православное население и укрепили его сопротивление католическо-польской агрессии и подали надежду на воссоединение с Россией.

СМЕРТЬ АПОСТОЛА. МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Шестилетняя деятельность Апостола была прервана его смертью в январе 1734 г. Снова встал вопрос о выборе нового гетмана, и снова с этим выбором Петербург не спешил. К этому времени фактическим самодержцем России был немец Бирон, который не особенно одобрительно относился к автономии Малой России и потому, вместо согласия на выбор гетмана, из Петербурга пришел указ о создании «Малороссийского Правления» — коллегии из 6 членов: три великоросса и три малоросса. Два из них, один великоросс и один малоросс, назывались «первенствующими членами». Это были кн. Шаховской и генеральный обозный Лизогуб.

Указ предписывал «Малороссийскому Правлению» во всей строгости придерживаться «Решительных пунктов» и соблюдать полное равенство между членами малороссиянами и великороссами.

Так в 1734 г. в жизни Левобережья начался новый период — без гетмана под управлением «Малороссийского Правления», который тянулся 16 лет, до выбора нового гетмана — Кирилла Разумовского в 1750 г.

УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ С ТУРЦИЕЙ

Первые шесть лет этого периода были очень тяжелы, т. к. совпали с длительной войной с Турцией (1735—1740 гг.), в которой казаки и запорожцы принимали участие. В 1735 г. 6000 казаков и 2000 запорожцев участвовали в неудачном походе ген. Леонтьева на Крым. В 1736 г. 4000 казаков и 3000 запорожцев в армии Миниха участвуют во взятии

Перекопа, Кинбурна и Бахчисарая, столицы Крымского ханства. В 1737 г. казаки участвуют в штурме Очакова. В 1738—1739 гг. 18 000 казаков и 4000 запорожцев участвуют в победоносном молдавском походе Миниха, решившем участь войны и навсегда устранившем возможность татарско-турецких набегов, от которых столетиями страдала Украина.

Недешево обошлась эта победа и всей России, и в особенности России Малой — Украине. Кроме больших потерь убитыми и ранеными, главную тяжесть снабжения воюющей армии продовольствием, как ближайший тыл, несла Украина, где в это время к тому же все было терроризировано бироновщиной. Начиная от Генеральной старшины и кончая последним казаком или крестьянином, все могли быть в любую минуту арестованы и подвергнуты пытке по любому бездоказательному доносу.

Только после смерти императрицы Анны Иоанновны (1740 г.) и падения Бирона все вздохнули легче, особенно, когда Шаховского сменил англичанин ген.-лейт. Кейт, человек справедливый, оставивший у населения самые лучшие о себе воспоминания.

ПЕРЕМНЫ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ

Когда же на престол вступила дочь Петра — Елизавета (после краткого царствования императора-младенца Иоанна VI), Малая Россия постепенно начала получать утраченные после смерти Апостола права на самоуправление.

Надо полагать, этому способствовало то обстоятельство, что любимец новой императрицы (и ее тайный муж) был простой украинский казак Алексей Разумовский.

Благодаря своему красивому голосу он попал в число придворных певчих, где его увидела и полюбила княжна Елизавета. Когда же она стала императрицей, то не только осыпала милостями своего любимца, но распространила эти

милости и на всю его родину. В 1743 г. она посетила Киев и пообещала представлявшейся ей старшине избрать нового гетмана. Однако от обещания до избрания пришлось ждать еще шесть лет. В гетманы Елизавета наметила младшего брата Разумовского — Кирила, который был еще молод и находился в Европе, где получил образование.

ГЕТМАН РАЗУМОВСКИЙ И ЕГО ПРАВЛЕНИЕ

Только в 1750 г. через 16 лет после смерти Апостола, состоялись в Глухове, в присутствии дяди царицы графа Гендрикова, выборы нового гетмана, причем единогласно был выбран рекомендованный императрицей Кирилл Разумовский. Сам он на выборах даже не присутствовал.

Только летом следующего, 1751 г. новый гетман прибыл в Глухов, где в необычайно пышной и торжественной обстановке вступил в исполнение своих гетманских обязанностей.

С детства увезенный с родины, воспитанный за границей, женатый на родственнице императрицы — Нарышкиной, Разумовский был больше европейцем, царедворцем, чем казаком, каковы были все предшествующие гетманы. Всесторонне образованный, неглупый и доброжелательный по натуре, он понимал свое гетманство как роль владетельного князя или герцога Европы XVIII столетия. Непосредственная же близость к императрице (через брата) делала его положение особенно устойчивым и независимым от чиновников-великороссов, бывших как бы комиссарами при последних гетманах.

Столица была перенесена из Глухова в Батурин, где начал строиться роскошный гетманский дворец; чиновники-великороссы отозваны; гетман правил единолично, но в полном согласии как с Петербургом, так и с «Генеральной Канцелярией», состоявшей из старшинской верхушки. Во время частых и долгих отлучек Разумовского в Петербург

вся власть передавалась этой «Генеральной Канцелярии», душой которой был Генеральный писарь А. Безбородко.

В начавшейся вскоре Семилетней войне (1753—1760 гг.) с Пруссией украинские казачьи полки почти не участвовали, кроме небольшого отряда, принимавшего участие в битве при Эгерсдорфе, да 8000 обозных, из которых большинство погибло от болезней.

Гуманное для той эпохи царствование Елизаветы было гуманным и для Малой России, которая за этот период без войн и татарских набегов экономически крепла, отстраивала города, упорядочивала свою хозяйственную и административную жизнь.

При Разумовском (в 1760 г.) был реорганизован Генеральный Суд, который со времен Хмельницкого несколько раз менял свой состав: сначала все Генер. старшины были членами этого суда; после Апостола — Ген. Судья и два члена; после реформ Разумовского — 2 Генер. Судьи и 10 представителей от полков.

Наконец, в 1763 г. суд был отделен от властей военной и административной. После 109 лет совмещения сотниками и полковниками функций судебных, военных и полицейских были восстановлены «земские, подкоморские и городские» суды, по типу польских судов, существовавших до восстания Хмельницкого. Судьи были выборные от «шляхетства» (как тогда начали себя называть старшины и их потомство), а не от всего населения, т. е. казаков, мещан и «посполитых». Как база для организации судов, в основном был взят «Литовский Статут». Все Левобережье было поделено на «поветы» — судебно-административные округа, по два «повета» в каждом из 10 полков. За полковниками и сотниками остались только функции военные и полицейские. Впоследствии, после упразднения гетманства, «поветы» с некоторыми изменениями были превращены в «уезды», на которые в дореволюционное время делились губернии Российской империи.

УПРАЗДНЕНИЕ ГЕТМАНСТВА

Со смертью императрицы Елизаветы (ноябрь 1761 г.) отношение Петербурга к самоуправлению Малой России начало меняться. Уже ее преемник Петр III начал назначать полковников помимо гетмана и старшины, а сменившая Петра III Екатерина II (1762 г.) и вовсе упразднила гетманство (в 1764 г.), назначивши «Наместника Малороссии».

Непосредственным поводом к упразднению гетманства послужило ходатайство старшины сделать гетманское звание наследственным в роде Разумовских. В этом было усмотрено стремление старшины к обособлению Украины, которое могло бы в дальнейшем повести к измене России и возможному сотрудничеству с Польшей или Турцией. А Россия тогда уже имела планы раздела Польши и вытеснения с берегов Черного моря Турции, что и было осуществлено в течение следующих трех десятилетий. Кроме нескольких голословных доносов, никаких указаний на сепаратистские намерения старшины не существует, а потому можно утверждать, что их и не существовало. Вернее всего, что подозрительными чиновниками-великороссами было сочтено за сепаратизм несомненно существовавшее желание старшины сохранить автономию и приобретенные во времена этой автономии свои привилегии. Вспомним, что идеалом казачьей старшины всегда было создание из Украины-Руси автономии по типу Великого княжества Литовского, при которой они были бы магнатами и шляхтой (о народе в те времена не думали).

Россия же в XVIII веке создавала централизованную абсолютную монархию, а потому, естественно, была противницей всяких автономий. По этой, надо полагать, причине Петербург и использовал ходатайство старшины, как предлог для ликвидации украинской автономии вообще и полного уравнения «малороссийских губерний» с остальными губерниями России.

В 1764 г. гетман Разумовский был вызван в Петербург и уволен в отставку с огромной пенсией и оставлением в его потомственном владении многочисленных имений, которыми он раньше пользовался как гетман. Он прожил еще 40 лет и умер в богатстве и почете как сановник Российской империи.

Больше гетманская должность не замещалась. Управлять Украиной стал наместник, а впоследствии — назначаемые из Петербурга генерал-губернаторы и губернаторы. Так закончился 110-летний период пребывания Украины-Руси (Левобережья) в составе Российского государства в качестве автономной единицы.

Начался новый, 150-летний период — в качестве Черниговской и Полтавской губерний Российской империи.

Заканчивая этот бурный, богатый событиями гетманский период (1654—1764 гг.) уместно будет сделать краткий обзор всего, что за этот период произошло, как в области политическо-административной, так и в культурной жизни и социальном строе этой бывшей польской колонии, воссоединенной с Россией после многих столетий раздельной жизни.

ПЕРЕМЕНЫ ЗА 110 ЛЕТ ЖИЗНИ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В СОСТАВЕ РОССИИ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Удавшаяся революция Богдана Хмельницкого камня на камне не оставила от существовавшего под Польшей порядка. Все стали свободны и равны. Рухнули все сословные, классовые, национальные и религиозные перегородки. Вчерашний крепостной мог стать полковником, а уцелевший и примкнувший к восстанию шляхтич шел в казаки.

К моменту воссоединения с Россией (1654 г.) Украина-Русь представляла собой территорию с населением, но без организованного и твердо установленного административного аппарата и социального порядка. Ходом событий вся власть оказалась в руках тех, кто во время восстания попал в страшины. Как умели и могли, они ее и организовали, применительно к обстановке войны. Центральное русское правительство, само занятое войной, вызванной воссоединением Украины-Руси, в ее внутренние дела вначале почти не вмешивалось, предоставив самому населению, точнее, старшине, налаживать жизнь освобожденной территории. Так продолжалось первое время до заключения «вечного мира» с Польшей и прекращения войн за сохранение Украины-Руси в составе России, а также все двадцатилетнее правление Мазепы, вплоть до его измены, то есть больше 50 лет (1654—1708 гг.). Петр был занят своими войнами и большего, чем активного участия в них, от Мазепы не требовал, предоставляя ему быть полновластным хозяином Украины-Руси.

Измена Мазепы положила этому предел. Центральное правительство перестало доверять и гетманам, и старшине и начало не только зорко следить за внутренней жизнью Малой России, но и активно принимать участие в работе ее административного аппарата.

Весь второй период гетманщины (1708—1764 гг.) характерен постоянным участием чиновников центрального русского правительства во внутреннем управлении Малой Россией. Участие это иногда носило характер прямого подчинения, как во времена Вельяминова и «Малороссийской Коллегии». Иногда оно выражалось в форме «советников», как во время гетманов Апостола и Разумовского.

Блудя интересы общегосударственные, великорусские чиновники приходили в постоянные конфликты со старшиной, которая блюла интересы свои собственные, клас-

сово-сословные и стремилась эксплуатировать все остальное население.

Сепаратистские историки изображают эти конфликты как борьбу за «вольность» Украины и сохранение ее самостоятельности от ущемления со стороны «москалей». На самом же деле, как видно из многочисленных документов (например, приведенных выше указов Петра) вопрос шел об обуздании своеволия и алчности старшины. Вторым мотивом, толкавшим центральное правительство на вмешательство и руководство административным аппаратом Малой России, было естественное стремление централизованного государства, каковым была Россия, проводить идею централизма на всей своей территории. Это было в духе того времени. Насколько это было целесообразно — вопрос другой. Но что это вытекало из тогдашнего понимания целей и задач государства, а не из желания «ущемить» украинцев (как утверждают сепаратисты), об этом не может быть двух мнений. Уже сам факт, что централизация проводилась преимущественно местными силами (старшинной-«шляхетством»), когда Петербург мог быть уверен в их лояльности, достаточно убедительно свидетельствует, что при проведении этих мероприятий никакого «ущемления» не имелось в виду. Наоборот, можно удивляться, что процесс политическо-административной унификации Украины с остальной Россией протекал так медленно. Потребовалось почти 150 лет, чтобы губернии «малороссийские» (Черниговская и Полтавская) были, в основном, уравнены с остальными губерниями России в смысле политическо-административном.

В первой половине Гетманщины (до измены Мазепы) процесс унификации шел очень медленно, почти незаметно. Ускорился и усилился он во второй половине Гетманщины (1708—1764 гг.). Закончен же был только после упразднения и гетманов и всех особенностей управления «Малой России» на рубеже XVIII—XIX столетий.

Значительно скорее шел процесс создания нового социального порядка в освобожденной восстанием и воссоединенной с Россией части Украины-Руси (Левобережье). Во время восстания «казачьей саблей» были ликвидированы все права и привилегии польского короля (Короны), магнатов и шляхты, между которыми была распределена вся земля с живущим на ней населением (кроме незначительных земель малочисленного реестрового казачества). В процессе борьбы с общим врагом — поляками грань между привилегированными реестровыми казаками и остальным населением («посполитыми» — крестьянами и мещанами) совершенно стерлась. На какой-то короткий период установился бесклассовый социальный порядок с демократическим самоуправлением и широкими возможностями выдвиженчества. Но удержался он недолго. Выдвинутая на гребень революционной волны старшина мечтала о другом: она старалась занять место и положение уничтоженных или бежавших магнатов и шляхты. Единомысленно с ней было и высшее духовенство, которое само до восстания имело крупные феодальные владения.

В результате таких настроений старшины, как только наступило некоторое успокоение после воссоединения с Россией, сразу же начались попытки изменить установленный восстанием социальный порядок. В своих универсалах уже Богдан Хмельницкий призывает бывших «посполитых» к так называемому «послушенству», то есть, выполнению некоторых натуральных повинностей по отношению к православным монастырям и епископам, а также к старшине, занимающей известную должность («ранг»). С другой стороны, отдельные представители старшинской верхушки начинают выпрашивать у царя грамоты на имения, хотя в тогдашней обстановке они и не могли их реализовать и вступить в фак-

тическое владение пожалованным именем. Расчет делался на будущее в твердой уверенности, что революционно-демократический социальный строй долго не продержится.

В предыдущем изложении приведены случаи Тетери и Выговского, заблаговременно выпросивших от царя жалованные грамоты на имения, причем Выговский умудрился получить на одни и те же имения грамоты и от царя Московского, и от короля Польского. Кто бы ни победил, Выговский, по его расчетам, был с имением. Такие случаи во все не единичны, а типичны. В архивах Москвы сохранилось много копий таких грамот.

Кроме того, при переходе (в период «Руины») отдельных старшин с Правобережья на Левобережье они получали от гетманов универсалы на земли, «соответствующие их рангу», хотя «ранга» никакого на Левобережье они и не занимали. Население этих земель было обязано «послушенством». В гетманство Самойловича было роздано немало таких универсалов, на основании которых потомки этих старшин владели имениями до самой революции 1917 года.

Наследник Самойловича — Мазепа не только продолжал раздачу универсалов на имения и требования «послушенства», но (после более чем полувекового перерыва) ввел барщину («панщину») — обязательство бесплатно работать на владельца имения. Вот что пишет о введении Мазепой барщины его поклонник сепаратист Грушевский: «В Мазепиных универсалах первых лет XVIII столетия (1701 г.) признается законной барщина — два дня в неделю, а кроме того налог овсом даже для крестьян, которые жили на своих собственных грунтах (землях)». («История Украины», 1917 г., с. 366). Как видно, начало закрепощению украинцев положено вовсе не «москалями» и Екатериной II, как утверждают сепаратисты, а украинским гетманом в пользу украинской же старшины. До 1708 года ни одного помещика великоросса на Украине не было. Только при Скоропадском несколько сподвижников Петра (Меньшиков, Шафиров, Головкин) получили имения на Украине. Так постепенно, уже

в первый период гетманства, начали создаваться помещики из своей же старшины. Русское правительство, вмешательство которого во внутренние дела Малой России в тот период было минимальным, этому явлению не препятствовало, но и не содействовало. Нигде в архивах не сохранилось данных о том, что оно к этому вопросу вообще проявляло какой-либо интерес.

Во второй период гетманства (1708—1764 гг.), особенно при Скоропадском, процесс превращения старшины в «малороссийских помещиков» и ускорился, и расширился. В этот период старшина приобрела особенную силу и влияние, которые она использовывала для укрепления своих социальных позиций и закрепления их за потомством. Еще при Мазепе было установлено почетное звание «бунчуковых товарищей», не связанное ни с получением жалованья, ни с исполнением каких-либо должностей, кроме присутствия, да и то необязательного, при гетманском бунчуке (знак гетманского достоинства) во время разных торжеств. Звание это давалось потомкам выдвинувшихся старшин, как бы причисляя их к высшему, правящему и владеющему «маетностями» (имениями) сословию. Количество этих «бунчуковых товарищей» во весь второй период неуклонно и быстро росло, и к концу гетманства Разумовского было уже множество этих «бунчуковых товарищей» и их потомков, то есть, помещичьих семейств. Кроме того, аналогично «бунчуковым товарищам», в полках было установлено также щедро раздаваемое звание «значкового товарища».

Создавшееся таким образом высшее сословие строило свое материальное благополучие на обширности своих маетностей и числе обязанных им «послушенством» крестьян «посполитых». Больше на числе «посполитых», чем на количестве земли, которая тогда особой ценности без рабочих рук не представляла.

В связи с этим старшина всеми мерами препятствовала переходу «посполитых» в казаки, что было обычным яв-

лением в первый период гетманства, а кроме того, старалась перечислять казаков в «посполитые» и требовать от них «послушества».

Спротивление населения этому постепенному затягиванию на его шею петли крепостного права жестоко подавлялось старшиной, в руках которой находилась власть. На этой почве в широких народных массах росло и крепло недовольство против старшины, которая постепенно возвращала ненавистный социальный порядок времен польского владычества.

Русское правительство эти настроения хорошо знало и нередко одергивало чересчур рьяных новых помещиков, выступая в защиту их «посполитых» (указы и инструкции Петра, директивы «решительных пунктов»). Во время восстания Мазепы настроения эти сыграли немалую роль и население не захотело поддержать своего гетмана, введившего «панщину», а стало на сторону России, защищавшей их от новых помещиков-старшины. Даже сепаратистские историки не отрицают того, что народные симпатии были не на стороне Мазепы, объясняя это недостаточно развитым сознанием «украинской обособленности» от «москалей».

В результате этих социальных расслоений, к концу гетманского периода (1764 г.) все Левобережье было густо покрыто наследственными «маетностями» старшины и ее потомков, исчислявшимися иногда десятками тысяч десятин земли и тысячами дворов «посполитых». Произведенным при Екатерине II «Генеральным размежеванием» земли эти были закреплены за новыми помещиками.

Но, кроме помещиков и их «посполитых» оформились и другие, весьма значительные группы земледельческого населения. Это были казаки и бывшие «ранговые посполитые», позднее «государственные крестьяне».

Первые — казаки, как до, так и после упразднения «малороссийского казачества» (конец XVIII века), были свободные земледельцы-собственники, никогда никому ника-

ким «послушеством», а тем более «панщиной» обязаны не были и до самой революции 1917 года имели свое казачье самоуправление и свои казачьи земли и угодья. Иногда они жили своими отдельными селами и хуторами, а очень часто, в больших селах, в особенности, в одном и том же селе жили и казаки и крестьяне. В таком случае в одном и том же селе были как бы две самоуправляющиеся единицы-«общества»: казачье и крестьянское. Каждое «общество» выбирало своего «старосту» и сельскую полицию — «десятских» и «сотских» и отдельно сносилось с представителями государственной власти. Как правило, казаки были более зажиточны, чем крестьяне, хотя в бытовом отношении между казаками и крестьянами никакой разницы не было.

Во многих уездах Черниговской и Полтавской губерний (Гетманщины) казаки составляли большинство земледельческого населения.

Наконец, третья часть земледельческого населения — это «государственные крестьяне». Как и казаки, они жили или в отдельных селах, или смешанно с казаками и так называемыми «частновладельческими» крестьянами, образуя с последними «общество крестьян» данного села.

«Государственные крестьяне» — это бывшие «посполитые», не захваченные старшиной в свое частное владение. При Польше они принадлежали «Короне» или крупным магнатам; во время гетманщины — гетманскому и другим «рангам»; после упразднения гетманства — Российскому государству, по отношению к которому и несли разные повинности, причем барщина заменялась денежным налогом.

Таким образом, социальная структура Левобережья к концу XVIII столетия приобретает следующий вид: высшее сословие — старшина и их потомки, фактические помещики; крестьянско-земледельческая масса (люди физического труда) — три перечисленные выше группы: казаки, государственные крестьяне и частновладельческие («посполитые») крестьяне; городское население — мещане-ремеслен-

ники и торговцы; живущее и в городах и в селах духовенство. Пролетариата, людей, живущих продажей своего труда, почти не было. Помещики в наемной рабочей силе не нуждались, так как имели даровую; фабрик и заводов почти не было; ремесленники в большинстве были кустари-одиночки; только торговцы нуждались в наемной рабочей силе, да и то в ограниченных количествах.

Формальным завершением этого сложившегося социального порядка была «жалованная грамота» Екатерины II (1781 г.), превратившая старшину и их потомков в «потомственных дворян Российской империи». Согласно этой грамоте вся бывшая старшина была уравнена в правах с дворянами остальной части России, получила свое сословное, дворянское самоуправление (выборы губернских и уездных предводителей дворянства) и роды их были записаны в дворянские «родословные книги» соответствующих губерний (Черниговской и Полтавской). Зависевшие же от них крестьяне-«посполитые» одновременно с этим превращены в их крепостных крестьян.

Так произошло то «закрепощение украинцев», которое сепаратисты приписывают Екатерине II, исходя только из последнего этапа этого длительного процесса, осуществленного самими же украинцами — украинской старшиной. Екатерина II только подтвердила и оформила уже сложившиеся отношения, начатые Мазепой и продолженные последующими гетманами.

Процесс превращения бесклассовой и бессословной массы, каковой являлось население Гетманщины в годы восстания, в строго сословный, крепостнический строй конца Гетманщины, представляет собой исключительно интересное, не имеющее прецедентов, социальное явление. Тем более, что это превращение произошло без давления извне, своими внутренними силами и почти без сопротивления страдающей от этого превращения части населения: ни крупных восстаний, ни больших бунтов, принуждаемых к «послушеству» крестьян-«посполитых» не было. Но зато отдель-

ных мелких случаев сопротивления, не выходящих из границы одного села, было множество. Обычно дело начиналось с суда, перед которым надо было доказать свое казачье происхождение и тем освободиться от крепостного права. Благодаря отсутствию документов и вследствие пристрастия судей («шляхты») дело редко кончалось успехом. Тогда обиженные несправедливостью поднимали бунты, которые жестоко подавлялись.

Историки А. М. Лазеревский в своих «Очерках старой Малороссии» и В. А. Мякотин в своей капитальной «Социальной истории Малороссии» дают исчерпывающую и строго документированную картину этого превращения, построенную в результате долголетних изучений архивных документов того периода.

Не имея возможности задерживаться на многочисленных подробностях «закрепощения украинцев», можно рекомендовать интересующимся вопросом, кто и как провел это закрепощение, поближе ознакомиться с трудами названных историков.

Здесь же мы вынуждены ограничиться изложением этапов социальных изменений, приведших к тому строю, который весьма подробно изложен в «Описании Малороссии» на основании данных, собранных Румянцевым (наместником Малороссии) в 1767—1768 гг.

НАСЕЛЕНИЕ

Заканчивая краткий обзор «социальной истории» 110-летнего периода Гетманщины, небезынтересно упомянуть, что ее население за этот период увеличилось почти втрое. Согласно данным Румянцева в 1768 г. в Малороссии было 1 119 000 населения мужского пола, то есть около $2\frac{1}{4}$ миллиона всего, в то время как в момент воссоединения, как упомянуто выше, всего населения на воссоединенной территории было около 1 000 000.

КУЛЬТУРНОЕ СЛИЯНИЕ

За 110-летний период гетманства Левобережье претерпело изменения не только в административно-политическом устройстве и в социальном порядке, о чем сказано выше, но значительно изменилась и культурная сторона жизни и пути ее дальнейшего развития.

После Люблинской (политической) и Брестской (религиозной) уний, католическо-польская агрессия на Украине-Руси пошла быстрыми темпами, накладывая яркий отпечаток на всю ее культурную жизнь, в особенности на жизнь ее высших сословий, как наиболее образованных.

Ополячивание этих высших классов шло быстрее и воспринималось легче, чем переход в унию или католичество. Не было исключением и высшее духовенство, стоявшее на страже православия, но незаметно все больше и больше полонизировавшееся.

До какой степени далеко зашла полонизация — свидетельствуют многочисленные документы XVII столетия, сохранившиеся в разных архивах и до наших дней. Так, например, в 1637 г. митрополит Киевский пишет частное письмо архиепископу Луцкому на польском языке; по-польски же пишет архимандрит Киево-Печерской Лавры епископу Черниговскому в 1653 г. Таких документов можно найти немало в архивах Киева, Луцка и Чернигова.

Еще дальше зашла полонизация среди магнатов и шляхты того времени, даже оставшихся в православии. Православный магнат Кисель пишет православному магнату Четвертинскому тоже по-польски. Магнатам подражает шляхта, а шляхте берущая с нее пример, стремящаяся сама превратиться в шляхту казачья старшинская верхушка.

Разговорный язык тоже быстро начинает засоряться полонизмами, в первую очередь, конечно, разговорный язык высших классов, соприкасавшихся с поляками, принимав-

1976 в полонизации 377

ших от них слова, недостающие в языке простонародья, который у всех народов беднее языка более культурных классов.

Говоря о языке, надо иметь в виду, что в эту эпоху, не только на Украине-Руси и в России, но и по всей Европе разговорный, народный язык, на котором говорили, сильно отличался от языка «книжного», на котором писали и печатали немногочисленные тогда книги.

Только на рубеже XVIII—XIX столетий книжный и разговорный языки пошли по пути быстрого слияния.

Карамзин и Пушкин положили начало этому слиянию в языке русском, Котляревский — в языке украинском.

Еще в XVIII веке русские писатели — Кантемир, Ломоносов, Сумароков, писали на языке «книжном», равно как на «книжном» же языке писал и украинский философ Григорий Сковорода.

В эпоху же воссоединения и непосредственно предшествующую ей на Украине-Руси книжный язык, по словам Грушевского, представлял собой смесь «украинско-церковнославянского и польского». Говоря это, Грушевский забыл упомянуть и обилие слов и целых выражений на средневековом латинском языке, знанием которого щеголяли образованные люди того времени и любили уснащать латинизмами свои письма и речи, подобно тому, как русское высшее общество XIX века уснащало свою речь французскими словами. В письмах высших классов Украины-Руси первой половины XVII века нередко можно найти десять-двадцать процентов, а то и больше, латинских слов. Все это делало книжный язык Украины-Руси малопонятным для простого народа. Отличался сильно книжный язык от народного и в Великороссии, но все же в меньшей степени, ибо в нем не было ни полонизмов, ни латинизмов.

Основной же базой книжного языка и Киева, и Москвы был язык церковнославянский, богослужебный язык православной церкви. Это установлено многочисленными фило-

логическими исследованиями и не вызывает никаких возражений сепаратистов.

Вот почему оказались «без надобности» два переводчика, включенные в многочисленную свиту Бутурлина, ехавшего в 1653 году оформлять воссоединение Великой и Малой Руси. Московские бояре и казачья старшина понимали друг друга без всяких переводчиков и в дальнейшем в архивах нет никаких сведений о наличии переводчиков при сношениях представителей России с казачьей старшиной. Не было их и в дальнейшем до самого 1917 года. Хотя в остальных частях России с нерусским населением переводчики были обязательны, как при органах администрации, так и при судах, ибо там население, действительно, часто не понимало русского языка, на котором велось все делопроизводство.

Только в июле 1918 г. украинцы перестали понимать русских, и во время мирных переговоров Украинской самостоятельной державы с Россией украинский делегат Шелухин вел переговоры с делегатом России, Раковским, через переводчика, хотя оба отлично владели обоими языками. Переговоры велись публично и доставили немало веселых минут киевлянам, присутствовавшим в качестве публики при этих переговорах.

Еще на рубеже XVIII—XIX столетий один из исследователей украинского языка писал: «Несправедливо думать, что наречие, коим говорят теперь малороссияне, обязано своим происхождением единственно влиянию языка польского. Местное удаление киевлян от новгородцев и других славянских племен, еще в глубокой древности положило зародыш таковому изменению языка славянского, и наблюдательный филолог в Летописи Несторовой, в Путешествии к святым местам черниговского игумена Даниила и в Песни Игоровой, письменных памятниках XI и XII столетий, приметит уже сии отмены в некоторых словах и в самом их составе.

Неоспоримо, что соседство с Польшей и Литвою, а потом долгое господство сей державы над Малороссией, изменив в ее духе, правилах, обычаях и частью в вере, много подействовало и на язык, показывая в теперешнем его составе смесь древних славянских слов с польскими, литовскими немецкими, которым особенный выговор дал собственную совершенно отличную от других наречий, форму.

Сведующие люди находят нынешнее малороссийское наречие сходным с тем, коим говорят венгерские россияне известные под именем карпатороссов. В малороссийском наречии скрыто происхождение многих славянских слов, которых тщетно будем искать в нынешнем языке русском» (Бантыш-Каменский. «История Малой России», т. III, с.220).

Приведенная цитата является ответом французскому путешественнику и писателю Шевалье, проведенному в XVII веке несколько лет в Польше и писавшему, что язык населения Украины-Руси есть «наречие языка польского».

Не надо забывать, что культурная жизнь Руси-Украины, как и везде в ту эпоху, ограничивалась только высшими классами, почти не затрагивая широких народных масс. Соприкасаясь постоянно с высшим классом польско-литовским, получая образование в иезуитских школах Запада, представители высших классов Украины-Руси легко воспринимали западную культуру и постепенно, но довольно быстро, полонизировались, как, например, князья Вишневецкие, Сангушки, Острожские, Четвертинские и др., а за ними и шляхта. Обычно с полонизацией приходило и окатоличивание без каких либо принудительных мер. Так шло до Брестской унии (1596 г.) и наступившей непосредственно за ней католической агрессии, сопровождавшейся жестокими насилиями и издевательством над прадедовской православной верой. Насилия эти вызвали сопротивление и ожесточенную борьбу, в первую очередь, в области религиозной жизни, которая в ту эпоху была и центром культурной жизни вообще.

Для оснащения необходимыми знаниями для борьбы с хорошо образованными противниками-униатами и католиками начали создаваться «русские» (так тогда называли) учебные заведения, готовившие не только кадры образованного православного духовенства, но выпускавшие и светских борцов против окатоличивания и ополячивания. Это были преимущественно сыновья православной шляхты и казацкой старшины, как видно из сохранившихся списков учеников. Из этих учебных заведений особенную известность приобрела Киевская Академия при Братском монастыре, основанная митрополитом Петром Могилой в начале XVII века, бывшая полтора столетия, культурно-духовным центром Украины-Руси и давшая много культурных сил Великодержавии, как об этом уже упоминалось выше.

Кроме научной подготовки, преимущественно церковно-схоластической, окончившие Академию выносили из нее и хорошую антипольскую и антикатолическую зарядку, что сказалось впоследствии, когда они заняли руководящие должности на Украине-Руси во время и после освободительной борьбы.

С Москвой и московской культурой они, находясь в пределах Польши, почти не соприкасались и ее не знали, кроме сектора религиозного. В то время Москва уже была и центром, и оплотом православия и все православные к ней тянулись.

Так было до окончания освободительной борьбы, закончившейся, как известно, разделом Украины-Руси на польское Правобережье и русское Левобережье.

Хотя формально эта борьба и закончилась «вечным миром» с Польшей в 1686 г., но, фактически она завершена только Полтавской победой 1709 г., т. е. заполняет собою весь первый полувековой период Гетманщины (1654—1709 гг.).

После окончательного включения в Российское государство, культурная жизнь Гетманщины-Левобережья во весь второй период (1709—1764 гг.) сильно меняется. Борьба религиозная отходит в область тяжелых воспоминаний.

Православие торжествует победу; из гонимой при Польше делается религией господствующей.

Во всем Левобережье не остается ни одного католика или униата. Их костелы и монастыри навсегда исчезают из городов, и в 1917 г. из 42 городов Гетманщины (Черниговская и Полтавская губернии) ни в одном городе не было польско-католического монастыря или костела (католические и протестантские храмы были только в немецких «колониях» Черниговской губернии).

Вместо Варшавы политическим и культурным центром становится Петербург, и притом центром государства строго централизованного, не в пример полуанархической Польше.

Бывшая раньше почти исключительно религиозной, культура Москвы заменяется европеизированной светской культурой Петербурга, где открываются светские учебные заведения (Шляхетский корпус), учреждается Академия Наук, начинает выходить газета, печатаются книги.

Одновременно с этим Петербург становится местом, где можно делать блестящие карьеры, приобретать, как тогда говорилось, «чины, звания и имения».

Никаких ограничений для достижения всего этого уроженцам Гетманщины не ставилось. И культурные слои Украины-Руси потянулись на север без всякого принуждения. А свою, «киевскую» культуру, начали синхронизировать с культурой общероссийской, освобождаясь в то же время от всего польско-латинского и в языке, и в культуре.

Сыгравшая такую огромную роль во время борьбы с католицизмом Киевская Академия начинает терять свое значение и уступает первенство центральным, общероссийским культурным учреждениям и учебным заведениям чисто светского характера.

Причиной этого было то обстоятельство, что Академия не реформировалась и застыла в своем чисто схоластическом богословском направлении, которое было так важно во время католической агрессии и потеряло значение по-

сле того, как эта агрессия была ликвидирована. К половине XVIII века она превращается в чисто духовное специальное учебное заведение, каковым, под именем Киевской Духовной Академии, остается до революции 1917 г.

В своей «Истории Украины» (с. 427) Грушевский об этом пишет так: «Академия имела характер богословский в своей науке; притом ее наука основывалась на старых схоластических методах, для того времени не своевременных и не интересных, и не шла за успехами современной европейской науки. Реального знания она не давала, литературная подготовка, основанная на устаревших образцах, тоже все меньше была пригодна для тогдашнего времени. И, когда появляются в России, в Петербурге и в Москве, первые светские школы, Киевская Академия и основанные по ее образцу провинциальные коллегии не выдерживают конкуренции с ними. Зажиточные украинские граждане, казацкая старшина, начинают посылать своих детей в столичные школы».

В другом месте той же книги (с. 423—424), Грушевский пишет: «В украинских школах заботились главным образом о том, чтобы научить своих учеников правильно писать славянским языком, а не заботились совсем о языке народном, его чистоте и правильности. Украинские писатели XVII и XVIII веков кичатся и гордятся церковнославянщиной».

И в первом, и во втором случае возразить Грушевскому нечего, ибо он говорит правду. Но для полноты картины необходимо прибавить то, о чем Грушевский счел нужным умолчать:

1. Что в ту эпоху о языке народном, его чистоте и правильности не заботились не только в школах украинских, но и в великороссийских, французских, немецких и других народов.

2. Что украинские культурные круги не проявляли никогда инициативы для создания светских школ украинских, хотя для этого была полная возможность во время царствования императрицы Елизаветы.

3. Что вместо этого они, совершенно добровольно, послали своих детей в столичные, общероссийские школы, демонстрируя этим свое желание слиться с общероссийской культурной жизнью.

Результатом же всего этого было быстрое и безболезненное слияние двух культур — киевской и московской, в одну культуру — российскую, которое можно считать законченным к концу XVIII столетия. Писатели и мемуаристы Украины XVIII столетия писали уже на книжном языке общероссийском, очищенном от польских и латинских слов, чем отличался книжный язык Украины-Руси до воссоединения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать, например, дневник Генерального подскарбия Марковича (20-е годы XVIII века), произведения Григория Полетики, Капниста, Конисского (вторая половина XVIII века), многочисленные письма и дневники старшины XVIII века, печатавшиеся регулярно в известном журнале «Киевская Старина», посвященном истории Малой Руси-Украины.

Произошло ли это слияние добровольно и без принуждения, или это, как утверждают украинские шовинисты-сепаратисты, вовсе не слияние, а принудительное поглощение высшей, украинской культуры, низшей культурой поработивших Украину великороссов?

Вот что писал по этому вопросу отец украинского сепаратизма проф. М. С. Грушевский: «Новое украинское панство с готовностью и поспешностью шло навстречу желаниям российского правительства: не только приспособлялось к новым порядкам, но и принимало культуру новой державы, русский язык, официальный и литературный, невзирая на то, что культура русская стояла еще очень низко.

Несколько десятилетий тому назад, во времена Дорошенко и Мазепы, украинцы были первыми учителями в Московщине, которые пересаживали туда достижения украинской культурной жизни. А во времена Петра почти все высшие духовные должности в Московщине позанимали ки-

евские воспитанники, украинцы, и даже в московских школах вводили вначале украинский выговор, перемалывая московских парней на украинский язык» (История Украины, с. 429).

Правда, в другом месте Грушевский пишет о «давлении московской цензуры на украинскую литературу» и приводит два случая этого «давления»: запрещение печатать акафист св. Варваре «по причине неправильного языка» и требование Петербурга применения введенного для всего государства гражданского шрифта.

Но так как, по признанию самого Грушевского, «книгопечатание на Украине находилось в руках духовенства», а высшие духовные посты общегосударственного значения, как приведено выше, были замещены украинцами киевскими, то выходит, что и «давление» происходило не от великороссов, а от своих же украинцев, которые очищали книжный язык (на котором тогда только и печаталось) от полонизмов и латинизмов — наследия польского владычества.

Печатать же тогда что-либо на народном языке нигде никому не приходило и в голову, как об этом упомянуто выше.

Приведенных примеров и цитат из произведений идеолога сепаратизма и творца мифа о «порабощении и угнетении» украинцев великороссами, полагаю, достаточно, чтобы вынести решение о том, было ли слияние русско-украинских культур в период Гетманщины добровольным или принудительным — результатом «порабощения и угнетения». Совершенно очевидно, что оно было добровольным и соответствовало настроениям и Великой и Малой Руси-Украины.

Наши предки XVII—XVIII веков понимали обстановку и не пытались навязывать особенностей, сложившихся под Польшей, на территории двух губерний, «киевской культуры», всей огромной России, как это делают теперь галичане-сепаратисты, навязывая особенности быта и культуры далекой, полонизированной и окатоличинной маленькой окраины Галиции всей Украине.

Заканчивая гетманский период Левобережья, приведший к превращению Гетманщины в две «малороссийские губернии» (Черниговскую и Полтавскую), необходимо отметить, что именно этот период украинские сепаратисты изображают в своей, приспособленной для политических целей «истории», как период насильственной ломки быта и культуры Украины «поработившей» ее Россией:

В области культурной — принудительная русификация и уничтожение «украинской культуры».

В области социальной — закрепощение крестьян и создание феодально-сословного строя.

В области политическо-административной — ликвидация всех «вольностей казацких».

Мы рассмотрели выше достаточно подробно и объективно все изменения, происшедшие в этот период, и с полным основанием можем эти утверждения сепаратистов назвать извращением истории, не выдерживающими никакой объективной критики.

На самом же деле, в области культурной произошло добровольное слияние; в области социальной — все изменения произошли по инициативе украинской старшины — Россия их только подтвердила; в области административно-политической — инициатива изменений, нередко принудительных, действительно, исходила от России и действительно, «вольности» выборной старшины были, в той форме, в которой они существовали в момент воссоединения, ликвидированы.

Но зато старшина приобрела другие «вольности» — вольность потомственного дворянства Российской империи, а вместо права «послушенства» «посполитых» — право владения крепостными крестьянами. То есть, от изменений не проиграла, а выиграла.

Что же касается местного административного аппарата, то (кроме назначаемых из Петербурга губернатора и высших губернских чиновников), он полностью остался в руках старшины, превратившейся в потомственных дворян:

они выбирали суд и полицию из своей среды, а предводитель дворянства являлся, как бы хозяином уезда.

Не проиграли и казаки, не попавшие в число потомственных дворян. Они превратились в свободных земледельцев.

Оба врага Украины-Руси: крымские татары и Польша, с которыми раньше велись непрерывные кровавые войны, были обезврежены общероссийскими силами. Крым завоеван, а Польша низведена на положение третьестепенного, к тому же разлагающегося государства и не могла угрожать Украине. Потребность борьбы на границах отпала. Поэтому, вместо постоянной, весьма обременительной военной службы, казаки постепенно были уравнены в несении воинской повинности с остальным населением России.

Проиграли только «посполитые», попавшие, в качестве крепостных крестьян, во владение к своей бывшей старшине и ее потомкам. Их положение действительно было очень тяжелое и бесправное и мало чем отличалось от положения «посполитых» времен польского владычества. Только что не было религиозного и национального преследования, характерного для польской эпохи. Для полноты картины необходимо напомнить, что положение крепостных-украинцев ни чем не отличалось от положения крепостных в остальной России.

Перемены за столетний период Гетманщины во всех областях жизни действительно произошли огромные. Но нельзя рассматривать Гетманщину отдельно от остальной России, в состав которой она входила. И если за этот столетний период сравнить перемены в России и на Гетманщине, то нельзя не признать, что перемены в России, как уже упомянуто раньше, были неизмеримо больше, чем на Украине. Не нужно забывать, что рубеж XVII—XVIII столетий был эпохой огромной ломки и создания централизованной Российской империи. Нельзя также не признать, что только общероссийскими силами Левобережье из арены постоянных татарских набегов и объекта польско-католической агрес-

сии превратилось в мирный и спокойный край. Как показало прошлое, Украина-Русь одна не могла справиться ни с Крымом, ни с Польшей.

И, если бы не активное вмешательство России в ответ на просьбу Хмельницкого и старшины о воссоединении, то, несомненно, восстание было бы утоплено в крови, а уцелевшее население обращено в бесправных холопов, подобно населению Галиции, и, в значительной степени ополячено и окатоличено.

Могли бы
уговорить

Ошибочно и исторически неверно этапы политическо-административного слияния Украины-Руси с остальной Россией изображать как этапы «порабощения» или постепенного «лишения вольностей и привилегий», как это делают сепаратисты.

Постепенные сокращения этих «вольностей» во весь первый период Гетманства, следовали всегда за очередной изменой очередного гетмана. Напомним их:

1657 г. — «Переяславские Статьи» Юрия Хмельницкого — после попытки его и старшины односторонне изменить «Мартовские статьи» — результат «Переяславского акта» Богдана Хмельницкого 1654 г.

1663 г. — «Глуховские статьи» Брюховецкого — после измены Выготского и гетманской междоусобицы.

1672 г. — «Конотопские статьи» Самойловича — после измены Брюхавецкого.

1708 г. — «II Глуховские статьи» Скоропадского — после измены Мазепы.

Каждые новые «статьи» усиливали участие представителей России в военно-административном аппарате Украины-Руси, в который Россия вначале почти не вмешивалась.

Вряд ли можно возражать, что эти мероприятия были необходимы в интересах ведения совместной борьбы, во время которой большинство гетманов воссоединенной Украины-Руси заканчивало свою деятельность изменой, за которые Россия расплачивалась кровью.

Вкрапливание представителей России в военно-административный аппарат было поэтому необходимою, вызываемой действиями самой украинской старшинской гетманщины.

России оставалось или аннулировать Переяславский акт и уйти за свои рубежи, т. е. отказаться от своей исторической задачи — объединения исконно-русских земель Киевской Руси, или стараться обезвредить высшую старшину, не считавшуюся ни с историческими задачами, ни со стихийным стремлением широчайших народных масс к воссоединению. Россия выбрала последнее и пошла по пути защиты этих масс от расправы польских карателей, которая бы неизбежно наступила, если бы Россия вышла из борьбы.

Таков смысл «лишения вольностей» в первый период Гетманщины.

Мотивы сокращения этих «вольностей», приведшие к упразднению Гетманщины во втором ее периоде, надо искать в другом. Лежали они, как было уже указано, в стремлении строго централизованной абсолютной монархии, каковою была Россия XVIII века, иметь единообразный военно-политическо-административный аппарат на всей своей территории.

Это совпало с потерей значения казачества как пограничной военной силы: с победами над Турцией и разложением Польши отпала необходимость держать многие десятки тысяч казаков как военные соединения. И они были постепенно переключены на мирное положение свободных земледельцев, что, естественно, повлекло за собою и ликвидацию старшинского класса.

Описание гетманского периода было бы не полным, если бы не коснуться вопроса, как этот период представляют сепаратисты, ставя историю на службу политике.

В их изложении или отсутствует всякое упоминание, или упоминается только вскользь третий партнер в русско-украинских взаимоотношениях — Польша.

Взаимоотношения эти изображаются, как борьба «киевской культуры» — «украинской» с низшей, «московской культурой» — великорусской, а результат этой борьбы — как «порабощение» к концу XVIII века последнею первой.

Тот же факт, что украинская «киевская культура» уже к моменту воссоединения была в значительной степени полонизирована и быстро шла по пути полного поглощения культурой польско-католической, не оттеняется в достаточной степени, а то и просто замалчивается. Благодаря этому создается впечатление, что если бы не воссоединение и центростремительная политика России, украинская «киевская культура» свободно бы развивалась и пышно расцветала.

На самом же деле, беспристрастное изучение той эпохи дает основание утверждать, что в Речи Посполитой эта «киевская культура» была обречена, и, не приди воссоединение, она бы была без остатка поглощена и переварена чуждой, польско-католической культурой.

В XVIII столетии православная «киевская культура» Украины-Руси стояла перед дилеммой: или быть полностью уничтоженной польско-католической агрессией, или пойти по пути очищения от польско-латинского влияния и слияния (не «порабощения») с православной же культурой Великороссии. Историческая обстановка сложилась так, что она пошла по этому второму пути.

Третий путь — путь самобытного развития «киевской украинской культуры», как указано выше, был объективно невозможен в той обстановке и при тогдашней расстановке сил.

Этого никак нельзя забывать при изучении той эпохи, а надо четко и ясно ставить вопрос, что было бы лучше для украинского народа, его быта и культуры: продолжение того пути, по которому он шел до 1654 г. (поглощение Польшей) или путь слияния с Россией и совместное создание культуры общероссийской.

Исторические судьбы разделили Украину-Русь на две части — Российскую и Польскую до конца XVIII века. Объективное изучение культурной жизни населения в этих разделенных частях дает неопровержимые доказательства, какие возможности для населения и его культуры были у каждой из этих частей.

Жизнь и изменения в части Российской изложены выше — повторять их нет надобности.

Следует только добавить, что на рубеже XVIII—XIX веков, с пробуждением национальных сознаний разных народов Европы, именно в российской, а не в польской части Украины-Руси возродилась, точнее, возникла литература на украинском, уже не книжном, а народном языке (Котляревский, Артемовский, Квитка).

В польской же части Украины-Руси к концу XVIII века все население в религиозной жизни было окатоличено (уния); в социальном положении превращено в крепостных «хлопов» польских помещиков, а национальная культура приведена в безмолвие.

СЛОБОДСКАЯ УКРАИНА

ЗАСЕЛЕНИЕ

Как уже было упомянуто раньше, со второй половины XVI века началось движение беженцев с Украины-Руси, находившейся тогда под Польшей, на восток, в местности, считавшиеся территорией России.

Уходили, спасаясь от польско-католической агрессии, не только единицы или отдельные семьи, а целые группы, нередко в несколько сот человек или даже несколько сот семейств. Москва их охотно принимала и всячески помогала устроиться на новом месте, выдавая помощь и натурой, и деньгами и отводя хорошие земли для поселения.

Селились они на тогда пустынных, богатейших землях, в пределах дореволюционной Харьковской губернии и смежных уездах Воронежской и Курской губерний.

Земли эти были к югу от созданных Москвой против набегов татар ряда пограничных крепостей, так называемой «белгородской черты», которая тянулась (с запада на восток) от Ахтырки, через Корочу и Новый Оскол до Острогожска и упиралась в верховья Дона.

Возможность и вероятность набегов татар, которые при своих нападениях на Москву обычно проходили именно через эти земли, заставила новых поселенцев организоваться военно для отражения этих набегов, создав, по образцу Гетманщины, казачьи полки и сотни.

Москва за несение этой военной службы и охрану границ освободила новых поселенцев от всяких налогов и повинностей и помогала им оружием и боеприпасами. Так как их села были свободны, назывались они «слободами», откуда и пошло название — «Слободская Украина» или «Слободщина».

Слободщина быстро заселялась, особенно в первой половине XVII века, когда на Приднепровье, с переменным успехом велась борьба с Польшей. После каждого неуспеха или поражения повстанцев прибывали новые партии беженцев. Иногда, эти партии были так многочисленны, что сразу же по прибытии основывали новые города или большие слободы и создавали казачьи сотни и полки. Так, в 1638 г. остатки войска гетмана Остряницы после польской победы перешли на Слободщину, основали город Чугуев и создали Чугуевский полк. В 1652 г. больше тысячи казаков, не считая их семей и «посполитых» с семьями, возглавляемые полковником Дзинковским, уйдя с Приднепровья, основали город Острогожск и полк того же имени. Приблизительно около того же времени заселены земли в районах Сум и Харькова и созданы одноименные казачьи полки. Несколькими годами позднее, к югу от Харькова основан город Изюм и создан Изюмский полк.

В результате уже во второй половине XVII века вся Слободщина была заселена, хотя и не так густо, как Приднепровье. Заселена она была почти исключительно выходцами из Украины-Руси, с незначительным числом вкрапленных на этой территории великорусских сел.

ОРГАНИЗАЦИЯ

В воено-административном отношении Слободщина была поделена на 5 казацких полков: Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогожский, с выборной, как и на Гетманщине, старшиной. Но, в отличие от Гетманщины, Слободщина не имела центрального административного аппарата, т. е. гетмана и генеральной старшины.

По линии военной полковники и полки (каждый отдельно) подчинялись общероссийским военным властям, а по линии гражданской — соответствующим российским воеводам и губернаторам. Суд был сразу введен на основании существовавших в России законов и согласно общероссийской практике.

В остальном Слободщина была копией Гетманщины, как в смысле быта и культуры, так и в области административной (кроме суда).

Находясь в пределах России, Слободщина спокойно жила и развивалась, в то время как соседнее Приднепровье было ареной длительной борьбы населения за освобождение от польского владычества. Ее участие в этой освободительной борьбе ограничивалось тем, что иногда со Слободщины уходили группами и в одиночку на помощь тем, кто боролся на Приднепровье, а после неудач и польских репрессий новые волны беженцев находили себе приют в Слободской Украине.

Находясь в границах Московского царства, найдя в них возможность мирной жизни и несомненно ощущая благодарность Москве за предоставление этой возможности, на-

селение Слободской Украины легко и безболезненно воспринимало условия жизни на новых местах. Наличие же кое-где вкрапленных великорусских поселений и, нередко, назначение Москвой на старшинские должности великороссов содействовало постоянному общению украинцев с великороссами, их взаимопониманию и ощущению общности государственных интересов и народного единства.

ВОПРОС СОЕДИНЕНИЯ С ГЕТМАНЩИНОЙ

Начиная с 1654 г. гетманы желали соединить Слободщину с подвластными им территориями, но ни Москва, ни само население к этому не стремились.

Грушевский и сепаратисты, замалчивая о нежелании населения, объясняют все происками Москвы, которая-де имела намерение «обрусить» поскорее новых переселенцев, а поэтому и изолировала их от «украинского влияния», неизбежного при административном объединении этих областей.

Однако существуют и другое объяснение. С одной стороны, Москва хотела сохранить Слободщину формально своей территорией, чтобы на ней, в случае неудач в борьбе, могли укрыться те, кто боролся на Приднепровье, и в этом случае Москва могла считать их просто переселенцами. Соображения эти высказаны в письме Ромодановского, сохранившемся в архиве Посольского Приказа.

С другой стороны, население, зная обо всем происходящем на Левобережье и ценя мирную жизнь, к административному слиянию с ним относилось определенно отрицательно.

Сохранились документы (до революции в Чернигове — музей Тарновского), письма Генерального обозного Борковского об обсуждении вопроса о слиянии Слободщины с Левобережьем после «вечного мира» и уступки Правобережья Польше. На слиянии настаивал гетман Самойлович и Генеральная Старшина. Были опрошены полковники и ряд сот-

ников слободских казачьих полков, которые все высказались против слияния, ибо де народ желает «мирного жития». В возможность его на богатом бурными и кровавыми событиями Левобережье, повидимому, не особенно верили.

Как видно из изложенного, есть все основания считать соответствующим истине это документированное объяснение, а не версию Грушевского, ничем не обоснованную.

Полки Слободской Украины (территории) быстро заселялись, а вместе с тем росла и их военная сила. В богатый войнами, период конца XVII — начала XVIII веков эти полки, по выражению одного мемуариста Слободской Украины, «во всех походах и делах российской армии неизменно доблестно принимали участие».

В 1732 г. полки эти были переименованы в драгунские, но эта реформа вызвала недовольство слободских казаков, дороживших старыми традициями казачества, а потому, с воцарением императрицы Елизаветы, благоволившей к украинцам, в 1743 г. эти полки опять превращены в казачьи.

Только в 1764 г., после упразднения гетманства на Левобережье, слободские казачьи полки были окончательно превращены в гусарские полки регулярной кавалерии российской армии.

Старшины же этих полков превратились в потомственных дворян Российской империи, подобно казацкой старшине Левобережья.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ СЛОБОДЩИНЫ

Социальная структура Слободской Украины, в основном, изменялась так же, как и на Левобережье. Прибывшая из Украины-Руси беженская масса была однородной и свободной. С организацией воинских подразделений (для охраны южных границ) из этой массы выделяется старшина — привилегированная группа. Остальная масса, в процессе дальнейшего административного и военного устройства

Слободщины, делится на казаков и вольных поселян. Постепенно на вольных поселян накладывается ряд обязательств. Сначала по отношению к старшине, аналогично с «послушеством» Приднепровья, а потом и по отношению к государству, с превращением их в так называемых государственных крестьян.

Эти последние в течение XVIII столетия в значительной части или были закреплены как собственность старшины и ее потомков, или «пожалованы» российскими императрицами отдельным лицам. Так создались на Слободской Украине помещики.

Городское население Слободщины было чрезвычайно малочисленно, ибо малочисленны были и молодые, недавно основанные города. Состояло оно из лиц, причастных к административному аппарату (военных, чиновников), духовенства, купечества и мещан-ремесленников. В отличие от Левобережья, где городское население было исключительно из местного населения, в городах Слободской Украины было немало и великороссов. Евреев в Слободской Украине тогда не было.

В области культурной жизни населения Слободская Украина, занятая вначале устройством жизни на новых местах, ничем особенным себя не проявила и никаких культурных центров, монастырей или известных школ не создала. Довольствовались тем, что шло или с Приднепровья, или из Великороссии, конструктивно соединяя оба влияния и постепенно сливаясь с общероссийской культурной жизнью. Сепаратисты этот процесс называют «насилованным обрусением». Но никаких доказательств «насилий» не приводят и замалчивают, что вопрос идет о культурной жизни беженцев, переселившихся в Великороссию (Московское царство), т. е. в другое в те времена государство. И естественно, что московские воеводы и служилые люди, находившиеся на территории, на которой осели беженцы, не спешили воспринять от беженцев их язык и быт.

В бытовую же сторону жизни, нравы, обычаи переселенцев «московские люди» не вмешивались вообще, не препятствуя им сохранять свой быт, покрой одежды, чубы, усы и «оселедцы», не заставляя отпустить на московский лад бороды, но и своих бород не брили и чубов не отпускали в угоду переселенцам.

В культурной области также нет никаких свидетельств о «насилиях» или о насильственном употреблении «московского» (великорусского) языка. Объяснялись с переселенцами каждый на своем языке и, к общей радости, убеждались, что отлично понимают друг друга.

Суд же (без всяких переводчиков) осуществлялся на основании московских законов, обязательных на всей территории Московского царства, в том числе и на землях, предоставленных для поселения беженцам с Приднепровья.

Сепаратисты и в этом усматривают «насильственное обрусение», совершенно забывая тот факт, что нигде и никогда переселенцы в другую страну не организуют свой суд по своим законам, а подчиняются законам страны, их принявшей.

В результате всех социальных процессов, административных мероприятий и совместной жизни с великороссами к концу XVIII столетия Слободская Украина прочно срастается с остальной Россией, сохраняя в то же время свои украинские бытовые и национальные особенности.

ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ПОД ПОЛЬШЕЙ (1686—1793 гг.).

Судьба Правобережья (Киевщина без Киева, Волынь, Подолия) были predeterminedены «вечным миром» (1686 г.), по которому Россия отказалась от притязаний на эти территории, уступив все Правобережье Речи Посполитой.

Религиозно-социально-национальная агрессия, вдохновляемая и руководимая католичеством, снова подняла голо-

вну и перешла в решительное наступление с целью окатоличивания и ополячения этой части Украины-Руси.

ПРАВОБЕРЕЖНОЕ КАЗАЧЕСТВО

Вначале польский король Ян Собесский сделал попытку организовать на Правобережье казачество, которое ему было нужно как военная сила в борьбе с Турцией.

В районах южной Киевщины и восточной Брацлавщины было сформировано несколько казацких полков, которые возглавил утвержденный королем в гетманском звании Самусь. Его ближайшим сотрудником был прославленный за свою храбрость и защиту «благочестивой веры» (т. е., православия) полковник фастовский Палий.

Но скоро потребность в казаках как военной силе при внешних столкновениях, для Польши миновала. Война с Турцией была победоносно закончена, а во внутренней жизни Польши, после смерти короля Яна Собесского (1696 г.), наступила борьба за польскую корону между двумя претендентами: Станиславом Лещинским и курфюрстом Саксонским Августом. Первого из них поддерживала всемогущая тогда Франция, второго — Россия.

Во внутренней партийной борьбе в Польше казаки были ненадежной силой; они определенно тяготели к России и православию и стремились освободиться из-под власти любого польского короля и католической церкви и воссоединиться с Левобережьем.

В это время там полновластно правил Мазепа, не было ни одного польского помещика, ни одного католического храма или монастыря, а только за подозрение в симпатии, даже терпимости, к униатам население с подозреваемым расправлялось самосудом.

Ведь в те времена, по словам Грушевского, «благочестивая вера была единственным признаком национальной жизни» («История Украины», с. 449). И когда Россия совершила вооруженную интервенцию в Польшу с целью под-

держатъ Августа, то правобережное (малочисленное) казачество охотно приняло в этой интервенции участие, надеясь, что она закончится воссоединением с Левобережьем. Однако надеждам казаков и всего населения Правобережья не суждено было осуществиться.

После Полтавской победы и водворения на польском престоле своего кандидата — Августа, занятый войной со Швецией, ослабленный неудачей Прутского похода 1711 г. Петр не решился предъявить претензии на Правобережье, которое поляки считали исконно своим. Требование его воссоединения с Россией неизбежно бы объединило все польские партии против России и могло толкнуть ее на союз со Швецией.

Поэтому к 1714 году с Правобережья были выведены все русские и левобережные казачьи войска, принимавшие участие в интервенции.

Правобережное казачество тогда уже не представляло собой реальной силы, как вследствие своей несплоченности, так и отсутствия популярных волевых вождей. Самусь и Палий были уже мертвы, на смену им никто не выдвинулся.

ОПУСТЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Очувтившись перед непосредственной опасностью возвращения польских порядков, правобережные казаки и население предпочли бросить насиженные места и уйти за Днепр.

Этот стихийный, массовый, совершенно добровольный уход сепаратисты изображают как насильственный увод, искажая и фальсифицируя этим историю. Они не приводят никаких доказательств насильственности этого переселения и замалчивают сохранившиеся многочисленные свидетельства в пользу того, что переселение было добровольным — «бегством от ксендзов, униатов и панов», как пишет в своих воспоминаниях один из участников этого бегства — сотник Мокриевич.

Правобережный Белоцерковский полковник Танский (зять Палия), когда Белая Церковь оставлялась и передавалась Польше, организовал эвакуацию всей территории полка, помогая переселению не только казаков и их семейств, но и всего населения. Впоследствии Танский был полковником Киевского полка (Киев и прилегающие Левобережные области). Эвакуированные области поляки получили почти совершенно безлюдными. Но это безлюдье было недолговечным, т. к. Польша начала заселять эти богатые земли.

ЗАСЕЛЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

Вот как описывает это заселение Грушевский: «Сюда двинулись потомки панских фамилий, которые поудирали из этих краев во времена Хмельниччины, а также другие паны, которые за бесценок покупали у этих потомков права на здешние земли. Они сами или их служащие и факторы начали основывать слободы в этих киевских, брацлавских и подольских пустынях и привлекать сюда людей, обещая долголетнее освобождение от всяких налогов и повинностей: на пятнадцать, двадцать и больше лет. Высылали также своих людей в более густо заселенные края, чтобы они агитировали людей бежать на вольность в слободы, и такие посланцы действительно многих людей увлекли украинскими льготами и свободой. Как полтора столетия тому назад, массы людей бежали с Волыни, Полесья и более удаленных краев — так и теперь, за несколько десятков лет правобережные пустыни снова густо покрылись селами и хуторами, среди которых воздвигались панские дворцы, замки и католические монастыри. Начали устраиваться панские фольварки, а когда начал подходить конец обещанным свободам, стали поселенцев принуждать к несению барщины, разных работ и повинностей».

Картина, нарисованная Грушевским, исторически точная, только нуждается в одном добавлении: с заселением стремительно продвигался и католицизм.

Большинство новых переселенцев шло с северо-запада, где католичество успело уже обратить в унию все население, а потому вслед за переселявшимися крестьянами двигались и их духовные пастыри, подчиненные Риму священники. И, когда они встречали еще кое-где сохранившиеся остатки православия, немедленно его ликвидировали, не стесняясь в выборе средств для обращения в католическую веру. Новые помещики были исключительно поляки-католики. Все это вызывало острое недовольство населения и порождало тяготение на восток — к воссоединению с Россией, Левобережьем.

Киев и прилегающая к нему небольшая территория Правобережья, как мыс, вклинились в польское Правобережье и сделались центром организации сил сопротивления этой польско-католической агрессии на Правобережье. На этом мысе было много церковных и монастырских сел и имений, в которых находили себе помощь, защиту и содействие активные элементы населения Правобережья, которые небольшими отрядами вели своего рода партизанскую войну, направленную, по словам Грушевского, «против панов и жидов, которые въедались в народ, как панские помощники и факторы, арендаторы разных панских доходов и монополий» («История Украины», с. 445). Не только монахи и население, но, как говорит Грушевский, «даже московские военные» всячески помогали этим партизанам, считая их борцами против польской неволи.

ГАЙДАМАКИ

Эти партизаны, называвшиеся «гайдамаками», уже в 30-х годах XVIII столетия сделались бытовым явлением польского Правобережья, с которым слабеющая Польша не могла совладать. Кроме Киева и окрестностей, их моральными и материальными базами были также Запорожье и все прилегающее к Днепру Левобережье. Немало было случаев

✓ проникновения партизанских небольших «ватаг» (отрядов) и из-за молдавской границы. Иногда их называли «дейнеками», но больше они были известны под общим именем «гайдамаков». Волна гайдамацких действий то поднималась, то спадала, но никогда не прекращалась совершенно до самого раздела Польши. Особенно она усилилась в 1733—1734 гг. во время бескоролья в Польше и борьбы за престол между Лещинским и Августом Саксонским, сыном умершего короля Августа.

Польские магнаты и шляхта Правобережья — сторонники Лещинского, нападали и разоряли имения магнатов и шляхты — сторонников Августа. Для поддержки последних Россия ввела на Правобережье свои войска и большой отряд левобережного казачества, которые нападали и разоряли имения конфедератов — сторонников Лещинского.

Репрессии со стороны русских по отношению к ненавистным польским помещикам были восторженно встречены их крепостными, не разбиравшимися в причинах этих репрессий, и породили надежды и слухи, что целью введения русских войск было освобождение от польского владычества. Волна гайдамацкого движения резко поднялась, причем гайдамаки одинаково громили не только сторонников Лещинского, но и сторонников союзника России — Августа. Особенно сильно было это движение на Брацлавщине, где его возглавлял начальник придворных «казаков» польского магната князя Любомирского Верлан (каждый магнат и богатый шляхтич имел свою вооруженную челядь, называвшуюся «казаками»).

Вот как описывает этот эпизод Грушевский: «Русский полковник, занявши Умань, разослал письма к помещикам саксонской партии, чтобы они присоединились к нему, присылали своих придворных казаков и иных людей, нападали на сторонников Станислава. Получившие такое письмо, начальник казаков кн. Любомирского, по имени Верлан, пустил в народе слух, что царица Анна прислала указ, чтобы все лица «восставали, убивали ляхив и жидив и ста-

новились казаками — для этого московское войско с казаками идет на Украину; а как вычистят Украину и введут в ней козацкий порядок, тогда их со всем краем заберут от Польши» («История Украины», с. 446). Народ откликнулся на призыв Верлана и стал массами к нему присоединяться. Верлан провозгласил себя полковником, произвел выборы старшин и стал громить евреев, католиков и поляков, не разбираясь, кто сторонник, а кто противник двух кандидатов в польские короли и приводя население к присяге царице Анне. Разгромивши почти всю Брацлавщину, Верлан со своими войсками двинулся на Волынь, захватил Жванец и Броды и оперировал в окрестностях Львова и Каменца, нападая и разбивая отдельные довольно крупные польские отряды. Население было всецело на его стороне и всячески его поддерживало, стремясь к освобождению от Польши, которое оно видело только в воссоединении с Левобережьем, т. е., с Россией.

Но в это время (летом 1734 г.) борьба за польский престол кончилась. Российские войска взяли Данциг, Станислав бежал во Францию, а его сторонники изъявили покорность Августу и просили русское правительство «усмирить крестьян».

Это и было сделано путем жестоких репрессий над тем самым крестьянством, которое так горячо откликнулось на призыв российских военачальников и вызвало огромное огорчение и недовольство всего населения. Одна часть покорилась, но очень многие ушли на Запорожье или в Валахию, образовали там шайки и в течение ряда лет делали оттуда набеги не только на панские усадьбы и замки, но и на местечки и города, особенно жестоко расправлялись со своими изменниками, которые не только покорились, но и активно помогали панам в борьбе с этими гайдамацкими отрядами. Отряды Гривы, Медведя, Харька, Гната Голого навели панику на польскую администрацию, которая не могла с ними справиться благодаря поддержке и укрывательству населения.

Широко распространенная на всей Украине до нынешнего дня «Дума про Саву Чалого» рассказывает о жестокой расправе Гната Голого над изменником народному делу — Савой Чалым. Чалый, в прошлом сподвижник Верлана, покался перед панами и стал гонителем своих вчерашних товарищей-гайдамаков, за что получил от поляков звание полковника и богатые имения. Гайдамаки за это разорили его имение, истребили семью, а его самого предали мучительной казни.

Грозой для насадителей католичества были эти гайдамацкие отряды. Они немедленно вмешивались в спор между крестьянами и униатским ксендзом, старавшимся обратить их в католичество, и жестоко расправлялись с этими представителями польской агрессии.

В своей деятельности гайдамаки имели всемерную поддержку не только населения и еще кое-где уцелевших представителей православного духовенства польского Правобережья, но и всех православных в местностях, воссоединенных с Россией, особенно Киева и его окрестностей. В гайдамаках прежде всего видели защитников «благочестивой» (т. е., православной) веры и на их грабежи не обращали внимания, тем более, что грабили они ненавистных поляков, евреев и католиков.

Поляки же считали гайдамаков обыкновенными разбойниками и, когда они попадали им в руки, жестоко с ними расправлялись.

Не надо забывать, что в те времена православие было неразрывно связано с национальностью и подчинение папе римскому (хотя бы и замаскированное униатством) народом рассматривалось как измена своему народу. Как уже упомянуто, Грушевский в своей «Истории Украины» (с. 449) пишет, что тогда «благочестива вира — була єдина ознака тодішнього національного життя».

Гайдамаччина, вообще характерная для Правобережья в течение всего XVIII века, к концу 30-х гг. начала ослабевать, но как только католическая агрессия усиливалась — гайдамаччина вспыхивала с новой силой.

БОРЬБА ПРОТИВ КАТОЛИЦИЗМА

Около 60-х годов католики основали в Радомысле свою консисторию, подобрали кадры священников-униатов и повели, с помощью польского правительства, наступление на православие. Вот как описывает это наступление Грушевский: «Униатское духовенство с помощью польского войска насильно обращало в унию духовных и граждан. Но громады не хотели принимать униатских священников, принуждали их самих переходить в православие или изгоняли и находили православных. Униатские власти прибегали к насилиям и наказаниям; непослушных сажали в тюрьмы или карали разными наказаниями и назначали от себя униатских священников» («История Украины», с. 450).

Говоря об отпоре населения, Грушевский говорит о принуждении народом униатских священников к переходу в православие, но не приводит способов, как это достигалось. Любопытные подробности об этом сохранялись до 1917 года в богатом собрании рукописей фундаментальной библиотеки Коллегии Павла Галагана в Киеве. Иеромонах Антоний в своем донесении игумену Матронинского монастыря Мелхиседеку описывает несколько случаев такого принудительного обращения униатских священников в православие. Православные крестьяне не прибегали к прямому насилию, а действовали измором: дом униатского священника окружали и держали его в осаде до капитуляции. Ни продовольствия, ни воды туда не пропускали, а униата не только не подпускали к церкви, но вообще не выпускали со двора. Капитулировавшего униата заставляли публично отречься от папы римского, поцеловать крест и Евангелие и провозгласить папе анафему. После этого священника допускали в церковь и в присутствии всего села служили молебен по православному обряду.

Гайдамаки действовали иначе: они просто убивали униатов и католиков, обычно, с издевательствами и истязаниями.

О том, как действовали униаты, сохранилось немало не только преданий, но и записей современников. Так, например, в 1766 г. в селе Милиево громада не хотела допустить в церковь униата-священника. Когда польские войска отбили замок от церкви и ввели туда униата, ктитор церкви Данило Кушнир спрятал церковную дароносицу и закопал в землю. Сделал он это по поручению громады, не желавшей, чтобы церковная утварь попала в «поганые» католические руки. Узнавши об этом, католики в присутствии всего села сожгли ему обе руки, обмотавши их паклей и поливши смолой, а потом отрубили голову и водрузили ее на высоком шесте в середине села. Это зверство описал Шевченко в своем стихотворении «Убийство ктитора в Милиево». Милиевский случай был не единичным, а типичным для действий католицизма в его проникновении на Украину.

Все эти события волновали народ и порождали новые отряды мстителей-гайдамаков. Население же могло надеяться на помощь только от православной России. И действительно, Россия через своих дипломатических представителей в Варшаве неоднократно обращалась к королю с просьбами и требованиями прекратить преследования православных. Но результатов не было никаких, несмотря на обещания короля и его строгие приказы. Догнивающий государственный организм Польши не был в состоянии бороться со всемогущими католическими организациями и своевольными магнатами, которые им покровительствовали. Католическая агрессия продолжалась, вызывая озлобление населения, которое в 1768 г. вылилось в страшный бунт.

Непосредственным поводом, как и в 1734 г., послужило появление на Правобережье русских войск, которые пришли туда по просьбе польского короля для усмирения недовольных его политикой магнатов и шляхты, создавших так называемую «Барскую конфедерацию».

Население истолковало появление русских войск как желание России освободить их от польского гнета и защитить от униатов православную веру. Грушевский об этом пишет:

«Пошли снова слухи про царицыны указы, даже показывали копии такой «Золотой грамоты», в которой и приказывалось уничтожать поляков и евреев за кривды, которые ими делаются православной вере. Эти копии были выдуманы, но им верили и люди, и сами главари восстания».

ЗАЛИЗНЯК И ГОНТА

Начал и возглавил восстание запорожец Максим Зализняк весной 1768 года. Сформировав отряд в Матронином лесу, он двинулся на юг, громя помещичьи имения и поголовно уничтожая поляков и евреев. Смела, Черкассы, Корсунь, Богуслав и другие города и местечки южной Киевщины были захвачены повстанцами, число которых росло с каждым днем, т.к. крестьяне с воодушевлением шли в гайдамаки.

Когда же Зализняк подошел к Умани, где сосредоточилось много бежавших из сел и местечек католиков и евреев, на сторону гайдамаков перешли сотник Иван Гонта, начальник казаков Потоцкого, которому было поручено поляками руководить обороной Умани.

В результате этот центр польско-католической агрессии на южной Киевщине без сопротивления попал в руки повстанцев и началась страшная резня, известная в истории ~~людей и началась страшная резня~~ «Уманская резня». Сколько при этом погибло католиков и евреев, точно неизвестно, но что они были уничтожены почти поголовно, не исключая женщин, детей и стариков, можно считать фактом установленным. В этом вопросе сходятся и польские, и русские, и сепаратистские историки и мемуары современников событий, написанных по свежей памяти со слов очевидцев. Народное предание прибавляет к этому и подробности, характеризующие настроения повстанцев. В Умани была сооружена виселица, на которой были повешены: поляк, ксендз, еврей, собака и каким то грамотеем-гайдамаком была сделана надпись: «Лях, жид та собака — вира однака»...

Кроме главного отряда гайдамаков Гонты — Зализняка на Правобережье летом 1768 г. действовало еще немало и других их групп, например Семен Неживый в районе Черкасс, Иван Бондаренко в районе Радомысля и северной Киевщины, Яков Швачка около Белой Церкви и Василькова. Особенно энергично действовал Швачка, имевший свой штаб в Фастове, куда ему приводили пойманных поляков и евреев для суда и расправы. По данным польской комиссии, производившей расследование деятельности Швачки, в Фастове было уничтожено больше 700 поляков и евреев. Народный же эпос Украины в своих «думах» эту деятельность описывает так:

Ходить яків Швачка та по Хвастови
Та у жовтих ходити у чоботях.
Ой вивишав жидив, ой вивишав ляхив
Та на панських на воротах...

Восстание все больше и больше разрасталось. Киевщина и прилегающие районы Брацлавщины и Волыни были полностью оставлены поляками и евреями. Народ ждал окончательного освобождения и воссоединения с Гетманщиной и Россией, твердо веря, что именно для этого русские войска и пришли на Правобережье.

Но, как и в 1734 г., был горько разочарован. Усмирив «Барских конфедератов» русские войска начали усмирять и отдавать на расправу полякам своих верных союзников — гайдамаков, нередко прибегая к неблагоприятным способам для захвата их руководителей. Так, например, Гонта и Зализняк были приглашены к русскому полковнику под Умагью, к которому и явились, считая его своим покровителем и союзником. Полковник же их арестовал и выдал на мучения тем самым полякам, против которых совместно действовали русские и гайдамаки. Так же поступили и с другими вождями гайдамаков. Этими мероприятиями русское правительство помогло «усмирить» их православных крепостных и восстановить свою власть над ними и дало воз-

возможность католикам продолжать свою прерванную гайдамаччиной агрессию.

Но оно убило в народе веру в справедливость русского царского правительства и его желание защищать своих единокровных и единоверных людей от поляков и католиков.

И в народных преданиях Правобережья до начала нынешнего столетия из поколения в поколение передавались горечь и обида за то, что как говорит «дума», «русски цари не схотили нас вызвольты вид ляхив за часив гайдамаччины».

И не только «не захотели», но, что гораздо хуже, выдали на милость и немилость поляков поверивших русским командирам гайдамаков.

С усмирением «гайдамаччины» Правобережье уже не проявляло никаких признаков сопротивления польско-католической агрессии, которая быстрыми шагами вела край к полному национальному, социальному и религиозно-культурному порабощению.

И, как уже сказано выше, в конце XVIII века все помещики Правобережья были католики-поляки, а все крестьянское население бесправными крепостными этих помещиков или католического и униатского духовенства.

Православие — основной национальный признак — уже в течение первых десятилетий после «вечного мира» формально почти совершенно исчезло, хотя народные массы в душе и остались ему верны. Но они ничего не могли сделать против высших иерархов православной церкви, один за другим переходивших в унию и вынуждавших к этому свою православную паству, а очень часто переводили в унию целые приходы, не спрашивая мнения прихожан.

ИСКОРЕНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

Искоренение православия Польша проводила планомерно и быстро. Когда в 1667 г. она по Андрусовскому договору вынуждена была отказаться от Левобережья, прежде всего,

был спущен «железный занавес» между православным населением Левосторонней и Правобережной Украины. Никакого контакта между православными епископами и духовенством разделенных частей Украины не допускалось. В 1676 году польский сейм вынес закон, запрещавший православным под страхом смертной казни и конфискации имущества выезд за границу и проезд из-за границы, а также сношения с патриархами и отдавание им на решение вопросов веры.

Таким образом, все православные Речи Посполитой оказались в юрисдикции Львовского митрополита, решения которого в спорных вопросах веры не подлежали обжалованию.

Вторым шагом Польши было замещение высших православных должностей сторонниками унии. Несколько православных епископов, во главе с Иосифом Шумлянским и Валаамом Шептицким, приняв тайно католичество, начали планомерно выживать всех православных епископов и священников, отбирать при помощи правительства их имения, всячески притеснять всех врагов унии. Но на стороне унии они открыто не выступали, считаясь и называясь православными. Шумлянским сделался митрополитом, а Шептицкий архиепископом Холмским.

Оплот православия — Львовское братство разными притеснениями было деморализовано и лишено возможности продолжать свою культурную деятельность. Даже право печатания книг было от них отобрано и передано агентам Шумлянскому. А члены братства — жители Львова, были лишены права принимать участие в жизни города, т. к. согласно решению сейма (1699 г.) православные не могли занимать никаких должностей. В некоторых же городах (например, в Каменце) жить православным было вообще запрещено. Основная масса населения — крестьянство, слабо разбиралось в церковных канонических разногласиях между православием и униатством, а униаты старались внешнюю сторону униатского богослужения возможно больше приблизить к православному. Этот обман имел успех и множество при-

ходов официально числились униатскими, совершенно этого не подозревая. Уния была настолько ненавистна крестьянам, что даже униатское духовенство сознательно избегало произносить это слово.

ОТНОШЕНИЕ К УНИИ

Сохранилось письмо одного униатского епископа, посвященное этому вопросу, выдержки из которого приводит Грушевский в своей «Истории Украины». Вот что пишет епископ: «Имя унии им ненавистно — хуже змеи. Они думают, что за ней скрывается Бог знает что. Следуя за своим владыкой, они бессознательно верят в то, во что верят униаты, но самое имя унии отбрасывают с отвращением».

Это отвращение настолько глубоко вкоренилось в народное сознание, что слово «униат» стало ругательным. Характерный случай в связи с этим имел место перед Первой мировой войной в одном из «волостных» судов (все судьи — выборные из крестьян) Нежинского уезда. Один казак обвинял другого в оскорблении словами, которые заключались в том, что обвиняемый назвал обвинителя «униатом». Судьи факт оскорбления словами признали доказанным и приговорили обвиняемого к соответствующему наказанию. Решение суда было обжаловано в высшую инстанцию (Съезд мировых судей), которая и должна была заняться решением вопроса о том, есть ли слово «униат» ругательное. Когда обвинителю было сообщено решение Съезда об отмене решения волостного суда, потому что слово «униат» не является ругательным, он заявил, что решение Съезда считает неправильным и будет жаловаться дальше.

Наступившая вскоре война прекратила это дело. Приведенный выше случай свидетельствует, насколько крепко и глубоко было отрицательное отношение народа к той унии, которую старалось ввести высшее духовенство, возглавляемое митрополитом Иосифом Шумлянским.

Однако это отрицательное отношение народа не оставляло Шумлянського и его единомышленников, и они быстро и неуклонно шли к своей цели — подчинить Риму православное население Украины.

В 1700 г. Шумлянський, Шептицкий и другие высшие иерархи, уже давно тайно перешедшие в католичество (униатство), сбросили свои маски, выступили открыто, публично присягнули на верность папе римскому и начали вводить унию в своих епархиях. Деморализованное многолетними репрессиями и проникновением в его ряды тайных униатов, православное духовенство не было в состоянии оказать униии сколько-нибудь значительное сопротивление. Там же, где были попытки сопротивления, униаты действовали насильем. Так, например, когда оплот православия — Львовское братство отказалось перейти в унию, митрополит Шумлянський явился к братской церкви с польскими солдатами, приказал вырубить дверь и совершил в этой православной церкви богослужение по униатскому обряду. Жалобы Братства к королю остались без результата. В конце концов, Братство покорилось и в 1708 году официально признало унию. Кроме Львовской епархии (Галиция и Подолия) еще раньше (1691 г.) униа была официально введена в Перемышльской епархии, а несколько лет спустя (в 1711 г.) и в Луцкой епархии (Воынь). На Киевщине затруднений со введением униии было значительно больше благодаря близости православного Левобережья и сопротивлению населения, но и там сопротивление было сломлено и к концу первой четверти XVIII века католики могли сообщить, что все Правобережье перешло в унию.

Формально, если считать, что с переходом в унию епископов переходит и их паства, католики были правы, ибо все епископы перешли в унию. Но в действительности дело обстояло иначе. Широкие народные массы в душе остались к униии не только чуждыми, но и враждебными. И когда после воссоединения с Россией Правобережья, встал вопрос о возвращении в православие того населения, которое офи-

циально считалось униатами, народ этому возвращению не только не противился, но встретил его радостно, как возвращение к старой прадедовской вере.

Этим настроениям народа и сохранению чувства единства с православием немало содействовала деятельность православных иерархов, находившихся на Левобережье.

ЗНАЧКО-ЯВОРСКИЙ, КОНИССКИЙ. ЗАЩИТА ПРАВОСЛАВИЯ

По соглашению с Польшей после перехода всех епископов Правобережья в унию, заботу о сохранившихся на Правобережье православных приходах Киевщины имел левобережный епископ Переяславский. Но осуществлять эту заботу и руководить жизнью этих приходов было очень трудно благодаря противодействию польской администрации. Приходилось действовать или тайно, или окольными путями — через посредство единственного православного епископа в Польше, каковым долгие годы был известный борец за православие, писатель, оратор и лидер всех православных — епископ Могилевский (Белоруссия) Георгий Конисский.

Конисский выступал перед польским королем в защиту православия, поддерживал связи с императрицей Екатериной II, которая со своей стороны неоднократно указывала Польше на недопустимость гонений на православие. Польский король и правительство обещало^и улучшить положение православных, но все оставалось по-прежнему, ибо местные власти в разлагавшейся Польше ни с королем, ни с правительством не считались и действовали по собственному усмотрению или, точнее, по указаниям и желаниям всемогущих магнатов и католической церкви.

Более успешной для поддержания духа сопротивления среди православных была деятельность на местах, в значительной части законспирированная и не поддававшаяся контролю польской администрации. Руководил ею по пору-

чению епископа Переяславского игумен Матрониного монастыря (около Жаботина) Мелхиседек Значко-Яворский. Имея официальное поручение Переяславского епископа наблюдать за приходами южной Киевщины, игумен Мелхиседек был душой и организатором отпора православных против католической агрессии.

И его несомненной заслугой является сохранение на Правобережье до самого его воссоединения (1793 г.) как отдельных немногочисленных очагов организованного православия (монастыри, приходы), так и сознания в широких народных массах (формально переведенных в унию) своего единства с православной церковью.

Только с освобождением от Польши пришел конец религиозным и национальным преследованиям и ограничениям для населения Правобережья, которое никогда не забывало своего единства с Левобережьем и Россией. Оно стало в религиозном и национальном отношении равноправным с остальным населением России.

Но в вопросе социальных взаимоотношений воссоединение никакого облегчения не принесло. Все сельское население, как было, так и осталось бесправными крепостными рабами своих помещиков поляков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ

В то время — на рубеже XVIII—XIX столетий — в России крепостничество было в расцвете, а на Левобережье только что закончился процесс превращения большинства сельского населения (кроме казаков) в крепостных крестьян. И об облегчении положения бесправных крестьян Правобережья; на которое они надеялись, никто не подумал.

Как уже было упомянуто, в результате польской агрессии конца XVII — первой половины XVIII столетия богатейшие области Правобережья оказались собственностью польских магнатов, шляхты и духовенства, а жившее там население — их крепостными. Только незначительная часть сел

и деревень считались собственностью «короля Польши», т. е. были в распоряжении государства. При разделе Польши и воссоединении Правобережья эти владения короля стали собственностью Российского государства, а жившее на них население превратилось в так называемых «государственных крестьян» т. е., крестьян, не имевших своего помещика и выполнявших налагаемые на него денежные и другие повинности непосредственно в пользу государства.

Позднее за почти 70-летний период от воссоединения до освобождения крестьян (1793—1861 гг.) некоторая часть этих «государственных крестьян» были российскими императорами «пожалованы» (т. е., подарены) в частное потомственное владение отдельным лицам.

Кроме того, некоторые села и деревни, населенные «государственными крестьянами», владевшее ими русское правительство начало сдавать в аренду частным лицам. Арендаторы, в большинстве поляки или евреи, старались выколлотить из арендованных имений и отданных в их подчинение крестьян все, что только возможно, не считаясь ни с истощением земель и уничтожением лесов, ни с изнурением крестьян и разорением их убогих хозяйств.

Жизнь под властью арендатора — «поссесора», для крестьян была неизмеримо тяжелее, чем под властью даже самого строгого помещика. Помещики, считая и земли, и людей своей «собственностью», об этой «собственности» все же заботились, ибо верили, что это всегда останется источником их доходов.

Поссесор-арендатор рассчитывал только на срок аренды, а то, что будет после истечения этого срока, его не интересовало.

Немногочисленные русские помещики Правобережья, сохранившиеся до революции 1917 года, — это потомки тех, которым или были дарованы имения, конфискованные у польских помещиков за участие в восстаниях, или пожалованные «государственные крестьяне».

Подавляющее же большинство помещиков Правобережья до самой революции были поляки, в отличие от Ливо-

бережья, где в помещиков превратились потомки казацкой старшины.

Так, на рубеже XVIII—XIX веков Правобережье закончило свою отдельную жизнь под Польшей и вступило на путь совместной жизни в пределах России с остальными частями освобожденной раньше Украины-Руси.

Как известно, Правобережье только в 1793 году, по третьему разделу Польши, было воссоединено с Россией.

Почти полтора столетия отдельной жизни под гнетом польско-католической агрессии не осталось без последствий. Весь высший, культурный слой народа, носитель национальных традиций и культуры, в результате окатоличивания и ополячивания исчез совершенно.

Осталось только крепкое в своей вере и тяготении к единству всей Руси крестьянство да кое-где низшее духовенство.

И когда в XIX веке началось возрождение украинской национальной мысли, культуры и литературного украинского языка — началось оно не на Правобережье и не в Галиции, а на том самом Левобережье, которое свободно жило и развивалось в составе государства Российского.

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ В XVIII ВЕКЕ (НОВАЯ СЕЧЬ)

Ушедшим в пределы Турции после уничтожения Сечи и поражения Мазепы запорожцам (выступившим на стороне Мазепы) после многих просьб только в 1734 г. было разрешено вернуться и снова поселиться на прежних местах. Получив щедрую помощь от русского правительства, запорожцы основали Новую Сечь в нескольких километрах от места, где была прежняя Сечь, а семейные поселились в селах-слободах, расположенных вокруг Сечи по обоим берегам Днепра.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЧИ

В административно-территориальном отношении весь район Войска Запорожского, был разделен на «паланки» (области); сначала их было 5, а впоследствии — 8.

Центром «паланки» была слобода — местопребывание всего административно-военного аппарата: полковник, писарь, его помощник — «подписарий» и атаман «паланки».

Этот аппарат сосредоточивал в себе всю власть: административную, судебную, финансовую, военную.

Благодаря наплыву переселенцев с севера, вскоре в слободах, кроме казаков, появляются и крестьяне-«посполитые», которые в «паланке» были организованы в «громады» и имели, по примеру казаков, своего атамана. Все должности — выборные, а выборы производились ежегодно (1 января) на казацких радах, причем право участия в выборах на «посполитых» не распространялось. Они выбирали только своего атамана. Переход же из «посполитых» в казаки и обратно был свободным, как на Гетманщине в первые десятилетия после воссоединения.

В остальном вся организация власти на территории Сечи была копией организации власти Левобережья.

Административным и военным центром являлась Сечь, состоявшая из крепости и предместья. В крепости, вокруг площади, на которой собиралась рада, кроме церкви, войсковой канцелярии, пушкарни, складов, мастерских, старшинских домов и школы, находилось 38 «курней» — длинных бревенчатых зданий-казарм. В предместье — лавки, шинки, частные мастерские. Каждый, желающий стать запорожцем, должен был явиться к куренному атаману, который его спрашивал, верит ли он в Бога и православной ли веры. После утвердительного ответа и крестного знамения, это подтверждающего, его заносили в кошевой «компут» — список. Обычно при этом менялась фамилия, т. к. и для Сечи, и для поступающего (в большинстве случаев — беглого крепост-

ного) не было желательно, чтобы была известна его биография и подлинная фамилия.

На этом все формальности заканчивались, и человек становился формально равноправным сечевиком. Ему предоставлялось или остаться в курене и нести гарнизонную службу и исполнять разные хозяйственные работы, или найти занятие в любой из «паланок» по собственному выбору, являясь в Сечь только для отбывания «очереди», к чему были обязаны все казаки.

Высшая войсковая или «кошевая» старшина состояла из атамана, судьи, писаря и есаула. Каждый курень имел своего атамана, а также свою «куренную» старшину.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Формально все казаки были равноправны, но в действительности это равноправие было только на бумаге и на словах. Социальное расслоение и создание групп богатых запорожцев фактически всю власть отдали в руки этих «знатных» или «старых» казаков, которые, пользуясь своим богатством и влиянием, вершили на радах все дела.

Твердо укоренившийся миф, идиллически рисующий Сечь как бесклассовое братство, находится в полном противоречии с исторической правдой.

Если для первого периода существования Сечи это еще и можно принять, да и то с большими оговорками, то сохранившиеся многочисленные документы из эпохи Новой Сечи (1734—1775 гг.) неопровержимо и категорически опровергают этот сентиментально-идиллический миф.

На территориях, подвластных Сечи, население которых в 60-х гг. XVIII века доходило до 100 000, как и во всем мире в те времена, были и бедные, и богатые, были социальные противоречия интересов отдельных групп населения, было стремление богатых групп использовать власть в своих корыстных интересах и противодействие групп бедных этим

стремлениям. И никакого ни социального, ни политического «братства», о котором так часто говорят и дореволюционные историки, и сепаратистская «историческая школа», в действительности не было.

Наоборот, беглые попадали в Сечи в чрезвычайно тяжелое положение, нередко более тяжелое, чем было там, откуда они бежали. Если они решали остаться в курене, то должны были жить в казармах, нести тяжелую гарнизонную службу и исполнять разные хозяйственные работы, не получая за это никакого вознаграждения, кроме более чем скудного пропитания, состоящего, в основном, из «саламахи», которая «варилась густо из ржаной муки на квасе или рыбной ухе», как описывает очевидец С. Мышецкий. Все остальное добавлялось на «собственные деньги», добыть которые было нелегко. Деньги добывались только в результате походов и связанных с ними грабежей или путем найма за деньги к зажиточным казакам и старшине, которые, на правах собственности владели хуторами-зимовниками, нередко несколькими.

Как видно из многочисленных документов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве УССР, были зимовники с табунами в несколько сот лошадей и рогатого скота, тысячами овец и обширной собственной запашкой, дававшей тысячи пудов зерна. Обслуживались они «молодиками» или «наймитами», число которых на некоторых зимовниках доходило до 30.

Заработная плата была минимальной: от 2 р. 50 коп. до 5 рублей в год на хозяйских кормах. (Лошадь в то время стоила 10—20 рублей, вол или корова 5—8 руб.; рубаха 40 коп., сапоги — от 50 коп. до 1 рубля.)

Кроме платных работников, на зимовниках было немало работников «без найму» — так назывались работавшие без денег, только за кров и пищу, преимущественно, слабые, старики, подростки. Из многочисленных сохранившихся «описей» зимовников видно, что таковых было до 7% общего числа рабочих зимовников.

Заработать можно было также на рыбных промыслах и в «чумацких» обозах. Как первые, так и вторые вовсе не были артелями равноправных участников, как это утверждают многие историки. Сохранившиеся «расчеты» неопровержимо доказывают, что среди чумаков были и собственники десятков пар телег с наемными «молодиками», и чумаки-одиночки с одной-двумя воловьими запряжками. Такое же смешение было и на рыбных промыслах, где наряду с собственниками сетей (невод стоил тогда до 100 рублей) работали за деньги и «наймиты» или, очень часто, «с половины» т. е. половина всего улова шла собственнику сетей, а вторая половина делилась между рабочими, которые в этом случае, не получали никакой денежной платы. *Как сегодня в Шри-Ланке*

Положение живших от продажи своего труда было не легкое, но они имели свободу и могли свободно менять работодателя, чего тогда уже не было в остальной России, в том числе и на Гетманщине и Слободщине. Были также формально ничем не ограниченные возможности выбиться в более зажиточные группы, быть выбранными в старшины, организовать свой зимовник или какое-то другое собственное предприятие.

И это привлекало все новых и новых беглецов с севера, а нередко и дезертиров из армии. Сохранился документ о прибытии в Сечь в 1735 г. пяти солдат Ревельского драгунского полка, на конях и с вооружением. Сечь их проглотила и «не нашла», когда этого потребовало русское правительство, так же, как «не находила» она и многочисленных крепостных.

БУНТЫ «СЕРОМЫ»

К середине XVIII века социальные противоречия в этом, по утверждению сепаратистов, «равноправном братстве», настолько обострились, что дело дошло до бунта. 1 января 1749 г. при выборе должностных лиц «серома» (бедняки) изгнали из Сечи зажиточных казаков, которые разбежа-

лись по своим зимовникам, и выбрали свою старшину, из бедняков, с И. Водолагой во главе. Есаулом, по свидетельству производившего расследование секунд-майора Никифорова, был избран казак «не имевший на себе одежды». Бунт был скоро усмирён и засевшая в Сечи «серома» (бедняки) капитулировала.

Гораздо большие размеры имел бунт в 1768 г., во время которого взбунтовавшаяся «серома» несколько дней была господином положения и разграбила дома и имущество старшины и зажиточных казаков, бежавших за помощью в «паланки» и к русским, соседним с Запорожьем, гарнизонам. Сам кошевой атаман, как он описывает в своем показании, спасся только благодаря тому, что спрятался на чердак и бежал через дыру в крыше.

Казаками из «паланок» и организовавшейся старшиной и этот бунт был подавлен, а его зачинщики жестоко наказаны. Посланные для усмирения киевским генерал-губернатором Румянцевым 4 полка не понадобились. В архивах сохранились «описи» разграбленного имущества, поданные пострадавшей старшиной и казаками. «Опись» одного из высших старшин занимает несколько страниц перечислением разграбленного, например, 12 пар сапог новых, кожаных, 11 пар сапог сафьяновых, три шубы, серебряная посуда, 600 локтей полотна, 300 локтей сукна, 20 пудов риса, 10 пудов маслин, 4 пуда фиников, 2 бочки водки и т. д.

«Опись» не занимавшего никакой должности «заможного» (зажиточного) казака значительно скромнее: одна шуба, два тулупа, 4 кафтана, разное оружие и наличными деньгами (которые не успел унести) 2500 руб. крупной монетой, 75 червонцев и 12 руб. 88 коп. медной монетой. Сумма огромная по тому времени.

Кроме этих двух бунтов немало было и более мелких возмущений в «паланках» и слободах, о чем сохранилось множество документов. Например: в Калмиусской «паланке» в 1754 г., в Великом Луге в 1764 г., в Кодаче в 1761 г. и во многих других местах.

То, что бунты были — факт неоспоримый. То, что это были бунты «серомы» против старшины и «знатных», «старых» казаков доказывают сохранившиеся документы. Как же согласовать эти факты с версией украинских историков о Запорожье как о «равноправном братстве»?

Ясно, что согласовать их невозможно, а нужно признать, что все написанное об «аскетизме», «братстве» и «равноправии», будто бы господствовавших в Запорожской Сечи, надо отнести в разряд вымыслов или мифов.

Не исключено, что на заре Сечи, когда там обосновалась небольшая группа идейных борцов, мстителей за поруганную веру и национальное достоинство, окруженная врагами и непрестанно с ними воюющая, нечто подобное и было. Но с ростом Сечи, ослаблением ее врагов, сравнительной безопасностью жизни и социальным расслоением состава Войска Запорожского — все это если и было, то отошло в область преданий.

Рассказы же некоторых историков о жизни запорожцев звучат просто как поэтический вымысел — плод сентиментально-идеалистических настроений авторов и весьма далеки от действительности. Так, например, в своей «Истории Запорожских казаков» (т. 1. с. 291) историк XIX века Эварницкий так описывает жизнь в куренях: «Войдя в курень, казаки находили кушанья уже налитыми в «ваганки» или небольшие деревянные корыта и раставленные по краям стола, а около «ваганков» разные напитки — горилку, мед, пиво, брагу, наливку — в больших деревянных «кановках». При этом чарки запорожцев, по словам Эварницкого, были такие, «що и собака не перескоче»....

А о жизни в зимовниках Эварницкий пишет так: «Большую часть продукции собственник зимовника, из присущего ему чувства товарищества, отправлял в Сечь, на potrzeby сечевых казаков и лишь незначительную долю оставлял себе. Всех проезжающих людей хозяин зимовника приглашал садиться и предлагал разные угощения — напитки и кушанья. Погуляв весело и довольно несколько дней, гости

благодарили ласкового хозяина за угощение, хлопцы подавали им накормленных лошадей, и сечевики, вскочив на коней, уносились от зимовника» (там же, с. 295).

Такую идиллическую картину жизни запорожцев рисует Эварницкий, не считая нужным даже попытаться доказать ее реальность. Другой историк XIX века, А. Скальковский, написавший объемистый труд о «Новой Сечи», хотя и упоминает о бунтах, но не углубляется в исследование причин, их вызывавших. Сепаратистская, «историческая школа» также деликатно обходит молчанием наличие острых социальных противоречий в Запорожье, а бунты приписывает косности и консерватизму масс, державшихся слепо прежних обычаев Старой Сечи (почему они к ним стремились, теперь мы знаем).

В результате у самого широкого круга читателей со словом «Запорожская Сечь» связана ее картина, данная Эварницким.

Но совершенно другую картину дают бесчисленные документы, сохранившиеся в архивах. «Описи» имущества старшины и зажиточных казаков; записки о заработной плате «молодиков» и «наймитов»; жалобы куренных атаманов на полуголодный паек в куренях; запрещения зажиточным казакам отправлять вместо себя на войну «наймитов», да к тому же и плохо вооруженных и снабженных; жалоба на чрезмерные поборы за пользование мостами, перевозами и мельницами — все это неопровержимо свидетельствует, что социальные взаимоотношения в Запорожье, в XVIII веке мало отличались от таковых в уже ставших или быстро делавшихся крепостническими Гетманщине и Слободщине. Не было только формального закрепощения и больше было возможностей для личного выдвигенчества.

Эти обстоятельства привлекали с севера все новых и новых беглецов, с которыми безуспешно боролось русское правительство. Безуспешно потому, что Сечь их не хотела выдавать. И не из каких-либо идеалистических побуждений, как утверждают сепаратисты, а по той простой причи-

не, что в интересах старшины и зажиточных казаков было иметь постоянный приток как дешевой рабочей силы, так и возможных заместителей при требовании явки для несения военной службы. Это последнее (заместительство) приняло хронический характер и всю тяжесть участия в войнах перекладывало на бедняков. Русское правительство также обратило внимание на это явление и боролось с ним, как по мотивам справедливости, так и потому что казак, посылая вместо себя «наймита», норовил дать ему и коня и оружие похуже.

УЧАСТИЕ В ВОЙНАХ

Здесь, уместно будет упомянуть, что военачальники российской армии, в рядах которой воевали запорожцы в войнах 1736—1739 и 1768—1774 гг., были необычно высокого мнения о боевых качествах запорожцев и считали для себя честью быть зачисленными в списки войска Запорожского. В делах Коша Запорожского сохранилось несколько десятков копий «аттестатов», выданных разным лицам о зачислении их в списки войска. Один из них, — на имя подполковника М. И. Кутузова будущего главнокомандующего в Отечественной войне. Аттестат этот гласит: «По его, подполковника Михаила Илларионовича Кутузова желанию, войска Запорожского низового, в курень Крыловский принять и для всегдашнего его при сем войске исчисления в компуты войсковые вписать, а для верности в том и сей аттестат ему, № 127, при подписи нашей и войсковой печати выдать повелели. Из Коша 1773 года генваря 30 дня».

По всей России, с одной стороны, распространялось и укоренялось мнение о необычайной отваге запорожцев (что соответствует действительности), с другой стороны, ложное мнение о бесклассовом, равноправном характере запорожского товарищества.

И только в последнее время, благодаря исследованиям социальной структуры Запорожья на основании изучения

многочисленных подлинных документов той эпохи, создалась подлинная картина того, что представляло собою Запорожье XVIII века. *Бригады — все грое — малые*

Картина весьма далекая от описаний и Эварниного Скальковского, и всей сепаратистской «исторической школы».

Не аскетическим рыцарским равноправным братством борцов за правду было Запорожье XVIII века, а вкрапленной в территорию России обширной областью с своеобразным бытовым укладом, острыми социальными расслоениями и противоречиями и подчинением распоряжениям центральной власти только постольку, поскольку эти распоряжения нравились.

К этому времени (середина XVIII века) вековые враги запорожцев — татары, турки и католики-поляки, в результате побед Российской империи были настолько ослаблены, что не могли и помышлять о какой-нибудь агрессии, а думали только о сохранении прежних территорий, которые шаг за шагом неуклонно попадали в подчинение России.

ПОТЕРЯ ЗНАЧЕНИЯ СЕЧИ. ЗАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ

Бывшая раньше центром и оплотом борьбы против этих некогда могущественных врагов, Сечь потеряла свое и военное, национальное и политическое значение.

Богатейшие земли на юг, юго-запад и юго-восток от областей, которые запорожцы считали своими, вошли в состав России и начали быстро заселяться, преимущественно выходцами с Левобережья и Слободщины, обзаводившимися семьями запорожцами, а также выходцами из Великороссии и спасавшимися от турецких зверств сербами, греками и болгарами. Сербы переселились большими группами (в 1732 и 1751—1752 гг.), поселились все вместе и были организованы по-военному: в полки и роты, как конные (гусарские), так и пешие.

В конце XVIII века, здесь (в северной Таврии) обосновалось немало немцев, создавших свои села, называвшиеся

«колониями». Так создалось этнически разнообразное население Новороссии.

Запорожцам фактически нечего было делать, а существование по-военному организованной, никому не подчинявшейся Сечи стало не только не нужным, но и опасным.

С одной стороны, Сечь была надежным убежищем для беспокойного элемента, бежавшего туда от стабилизировавшегося к тому времени крепостнического строя Левобережья и Слободщины, к чему российское правительство не могло быть равнодушным.

С другой стороны, запорожцы всячески препятствовали заселению пустых земель, считая их «своими» и нередко с оружием в руках изгоняли новых поселенцев и разрушали их села, что нарушало планы правительства.

С третьей стороны, наконец, своеволие запорожцев и проявление ими своей собственной инициативы приводили к постоянным недоразумениям с Польшей и Турцией.

Запорожцы не только принимали к себе беглецов с Правобережья, т. е. польских подданных, но и активно участвовали в сопротивлении, которое население Правобережья оказывало польско-католической агрессии. Общеизвестна, например, активная, если не руководящая, роль запорожцев в «Колиивщине» — восстании 1768 г. и «Уманской резне». Разумеется, Польша протестовала, а Россия вынуждена была предпринимать репрессивные меры против запорожцев, которые тогда считались ее подданными.

Кроме Польши избыток своей энергии, в поисках военной добычи, запорожцы направляли и против турок, почти непрерывно совершая набеги на ее территорию, вопреки прямым запрещениям русского правительства, находившегося в мире с Турцией. Как известно, непосредственным поводом для возникновения войны России с Турцией в 1768 г., было нападение и разграбление запорожцами города Голты.

Значительно изменился в XVIII веке и состав Сечи, бывшей в XVII веке «школой рыцарства» и центром национально-освободительной борьбы, куда стремилась и молодежь

лучших фамилий Украины-Руси, и непреклонные идейные борцы за народ из старшего поколения. Молодежь высших классов и культурного слоя Правобережья была ополячена и окатоличена, а молодежь Левобережья и Слободщины быстро входила в общероссийскую жизнь и делала карьеру в рядах общероссийской армии и администрации.

Цели, к которым стремилось население Украины-Руси в эпоху освободительной борьбы и противостояния польско-турецко-татарской агрессии, были, в основном, достигнуты, а потому и у старшего поколения не было причин стремиться в Запорожскую Сечь, как это было раньше.

Пополнение в Сечь теперь шло, главным образом, за счет беглых от крепостного режима и все меньше и меньше становилось среди запорожцев хоть относительно образованных людей, способных занять командные должности. Сильно упала и железная когда-то дисциплина. Отдельные отряды запорожцев («ватаги») часто действовали на свой риск и страх, не только без одобрения кошевого атамана, но вопреки его прямому запрещению. «Ватаги» эти проникали на турецкую территорию или польско-турецкую (южное Правобережье), грабили и вызывали неприятные для русского правительства объяснения.

Правда, во время продолжительных войн с Турцией, которые вела Россия в третьей четверти XVIII века, запорожцы неизменно принимали в них участие, действуя или в составе регулярной армии, или как партизаны; но в мирные периоды русское правительство кроме неприятностей от них ничего не имело.

ЛИКВИДАЦИЯ СЕЧИ

Поэтому постепенно созрело решение Запорожскую Сечь ликвидировать, что и было приведено в исполнение.

5 июня 1774 г. русские войска, возвращаясь после победоносной войны с Турцией, окружили Сечь и предъявили требование расселиться и либо служить в армии, в так

называемых «пикинерских» полках, либо выortar себе профессию и стать земледельцами или ремесленниками-мещанами. После недолгого совещания запорожцы покорились, сдали оружие и сечевую казну, а укрепления Сечи были за ненадобностью срыты.

Так закончила свое более чем 200-летнее существование Запорожская Сечь, которая сыграла в свое время огромную роль в борьбе Украины-Руси с польской и татарско-турецкой агрессией.

Часть запорожцев образовала два «пикинерских» полка, вошедших в состав российской армии, часть расселилась и занялась мирным трудом, а часть (которым было не по душе ни первое, ни второе занятие) небольшими группами под видом ухода на рыбные промыслы, пробралась на турецкую территорию и основала около Очакова новую Сечь. По российским источникам, этих новых сечевиков было около 4000, по сепаратистским утверждениям — до 7000. (Зная социальную структуру Запорожья, надо полагать, что эти ушедшие в основном были «серома» (бедняки), не связанные никаким имуществом.)

Узнавши об этом, российское правительство, выселило на север и заточило в монастыри бывших вождей запорожцев: кошевого Кальнишевского, судью Головатого и писаря Глобу, т. к. не было в них уверено и опасалось, что и остальные запорожцы последуют за бежавшими в Турцию. Кальнишевский долго находился в Соловецком монастыре и умер там в 1803 г., 112 лет от роду. В ссылке, в северных монастырях, закончили свои дни и Глоба и Головатый.

Причина ссылки этих вождей Запорожья до сих пор остается невыясненной и, возможно, это было ошибкой правительства. Трудно предположить, чтобы лично очень богатые люди, Кальнишевский, Головатый и Глоба, могли решиться на уход в Турцию, при этом теряя все свое имущество.

От Турции же Россия потребовала вернуть запорожцев, но ни турки, ни запорожцы на это не соглашались. Тогда Турция, не желая иметь этот беспокойный элемент вблизи

русской границы, уступая желаниям России, приказала им перебраться в устье Дуная, признала их официально своими подданными (1778 г.) и позволила основать Сечь и жить и промышлять свободно, а за это служить султану «пеше и конно».

Распоряжением султана запорожцы не были довольны, и среди них началось брожение. Одна часть двинулась в Россию и вступила во вновь сформированное в 1783 г. «Черноморское казачье войско», которое, по поручению Потемкина, возглавили бывшие запорожские старшины Антон Головатый, Захар (Харько) Чепига и другие, которые собрали около 17 000 казаков.

Впоследствии эта войско, особенно отличившееся в войне России с Турцией в 1793 г. было переселено на устье Кубани и положило начало Кубанскому казачьему войску, существовавшему до революции 1917 г.

Вторая часть, получив разрешение австрийского императора, переселилась в Австро-Венгрию и осела на нижнем течении реки Тиссы. Эта группа (которая, по словам Грушевского, состояла из 8000) задержалась в Австрии не долго, и вскоре рассыпалась и разбрелась. Одни вернулись в Россию, другие направились в назначенные султаном для поселения места за Дунаем.

«ЗАДУНАЙСКАЯ СЕЧЬ»

Третья часть, исполняя повеление султана, переселилась в гирла Дуная и около города Дунайца основала Сечь, выгнав живших там донских казаков «некрасовцев», которые в свое время, не желая подчиниться правительству, бежали из России.

«Задунайская Сечь» просуществовала до 1828 г. Жилось, казакам там, по словам Грушевского, хорошо, только «мучила совесть запорожцев, что приходится помогать бусурманам воевать против христиан». Поэтому «Сечь Задунайская» по-

степенно таяла, благодаря уходу больших или меньших «ва-таг» в Россию, где их принимали, как своих.

Учитывая эти настроения запорожцев, тогдашний Кошевой Осип Гладкий, когда в 1828 г. началась война с Турцией, решил вернуться с войсками на Родину.

КОНЕЦ ЗАДУНАЙСКОЙ СЕЧИ

В составе турецкой армии он выступил в поход против России, но вместо того, чтобы воевать против российской армии, передался ей со всем войском и в дальнейшей войне запорожцы воевали уже на стороне России. После же войны из бывших казаков «Задунайской Сечи» было сформировано «Азовское казачье войско» и поселено между Мариуполем и Бердянском, где оно и просуществовало до 1860 г. когда было переселено на Кубань и влилось в Кубанское казачье войско.

В ответ на переход Гладкого с войском на русскую сторону турки уничтожили Задунайскую Сечь, упразднив войско, и жестоко расправились с не ушедшими с Гладким казаками.

Этой расправой турок с остатками запорожцев в 1829 г. и переселением ушедших в Россию казаков на вольное житье на Кубань в 1860 г. история ставшей анахронизмом Запорожской Сечи и ее остатков заканчивается.

Как видно из всего сказанного, ликвидация Сечи была исторической необходимостью и логическим выводом из сложившейся политической обстановки. Совершенно естественно, что с исчезновением тех опасностей, для борьбы с которыми была создана Сечь, должна была исчезнуть и сама Сечь.

И точно так, как поступило с Сечью российское правительство, поступило бы и всякое другое на его месте, в том числе и правительство Самостийной Украины. Пока Сечь была вне пределов государства или на его рубежах и боролась с внешними врагами, еще можно, а возможно, и нужно

было терпеть этого переменчивого полусоюзника-полуподданного. Но когда Сечь оказалась внутри государственной территории, не имея даже внешних границ с врагами, терпеть дальше это своеобразное «государство в государстве» не было никакой надобности.

Понимают это все, конечно, и сепаратистские историки, но объясняют события по-своему, ибо всей своей «исторической наукой» они стремятся не к установлению истины, а к созданию базы русско-украинской вражды и обоснования сепаратизма.

Поэтому и ликвидацию Сечи они представляют не как историческую необходимость, а как акт русской (великорусской) агрессии.

Грушевский «не понимает» причин ликвидации Сечи и видит «противоречия» мотивов, которыми объяснялась эта ликвидация. По его словам («Иллюстрированная история Украины», с. 463), с одной стороны, запорожцам ставилось в вину нежелание приобщить к сельскохозяйственной культуре плодородные степи, которые, благодаря этому пустовали; с другой, будто бы они обвинялись именно в культивировании этих степей и создании своего сельского хозяйства, чем, по словам Грушевского, «разрывали свою зависимость от российского государства, ибо могли прокормиться собственным хозяйством и быть независимым». О подлиных же причинах, сделавших ликвидацию Сечи неизбежной (о них сказано выше), Грушевский вообще не упоминает по той простой причине, что этим бы был разбит один из пропагандных мифов о «разрушении Сечи — акте русской агрессии».

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ЗАПОРОЖЦЕВ

В описании дальнейшей судьбы запорожцев после ликвидации Сечи, сепаратистские историки уже не ограничиваются только намеками и умолчаниями, а прибегают к

совершенно очевидному извращению фактов и данных, не считаясь даже с арифметикой.

Так, на с. 464 своей «Иллюстрированной истории Украины» (Киев, 1917 г.) Грушевский, описывая ликвидацию Сечи, говорит: «Преобладающее большинство запорожцев не хотело делаться гречкосеями и решило пойти тем же путем, как после первого разрушения Сечи — под турком жить». На следующей странице, он это «большинство» определяет в 7000 человек. Следовательно, оставшееся меньшинство было менее 7000.

Еще страницей дальше (с. 466), описывая раскол этого 7-тысячного «большинства» и уход части его в Австрию, Грушевский говорит: «восемь тысяч запорожцев перешло туда». А еще одной страницей дальше тот же Грушевский сообщает, что из оставшихся в России запорожцев было сформировано Черноморское казачье войско «численностью в 17 000». Не нужно прибегать к карандашу, чтобы удостовериться в степени достоверности фактов и данных, приведенных сепаратистской «исторической наукой».

В описании же событий не связанных с цифрами, «наука» эта оперирует еще свободнее и преподносит невзыскательному читателю «желаемое за бывшее». Все же факты, опровергающие это «желаемое», — попросту замалчиваются.

Так, например, сообщая о факте возвращения в 1828 г. Задунайских казаков в Россию (вовсе замолчать его нельзя), Грушевский говорит, что кошевой Осип Гладкий перевел их на русскую сторону «обманом», следовательно, казаки итти к русским не хотели. О том же общеизвестном факте (его можно найти в любой истории войны 1828—1829 гг. с Турцией), что эти «обманутые казаки» всю войну доблестно сражались в составе российской армии против турок, вообще не упоминает. Ибо упоминанием опровергалось бы утверждение об «обмане».

О дальнейшей судьбе этих «обманутых» казаков Грушевский говорит, что из них было сформировано «Азовское казачье войско», но о том, что это было сделано «в воз-

даяние за их доблестное участие в войне 1828 г.», конечно, тоже ни слова.

Вышеизложенное сепаратистское освещение вопроса ликвидации Сечи приводится в интересах читателя, желающего знать историческую правду, а не оставаться в заблуждении в результате сепаратистско-шовинистической пропаганды, облеченной в форму «исторической науки», которая так тесно переплетается с пропагандой, что нелегко установить, где кончается наука, а где начинается пропаганда. Это переплетение пропаганды с наукой, к сожалению, является характерным для всех «Историй Украины», авторами которых являются шовинисты-сепаратисты. Ведет же оно, благодаря извращению прошлого, к ошибочным установкам на будущее. Поэтому большим достижением в области исторической науки и установления исторической правды о Запорожье надо признать капитальный, обильно документированный труд В. Голобуцкого «Запорожское казачество» (1957 г.), посвященный главным образом социальной структуре и взаимоотношениям Запорожья.

Бесчисленные документы, приводимые Голобуцким, неопровержимо разбивают миф о «бесклассовом, равноправном братстве» запорожцев и являются неоспоримыми данными для составления точной картины существовавших между запорожцами взаимоотношений.

Не имея возможности приводить здесь все документы, опровергающие миф о Запорожской Сечи, можно рекомендовать всем, интересующимся структурой Запорожья, подробно ознакомиться с таковой в упомянутой книге В. Голобуцкого «Запорожское казачество».

17

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

I

1648 Г. ИЮНЬ 8. ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО
ИЗ ЧЕРКАСС ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ С СООБЩЕНИЕМ
О ПОБЕДАХ НАД ВОЛЬСКО-ШЛЯХЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ
И ЖЕЛАНИИ УКРАИНСКОГО НАРОДА ВОССОЕДИНИТЬСЯ
С РУССКИМ НАРОДОМ

Найяснейший, велможный і преславный цару московский а нам велце милостивый пане і добродею.

Подобно с презрєня Божого тое ся стало, чого мы самы себе зычили і старалися о тое, абыхмо часу теперешного могли през посланцов своих доброго здоровья вашей царской велможности наведити і найнижший поклун свой отдати. Ажио Бог всемогущий здарив нам от твоего царского величества посланцув, хоч не до нас, до пана Киселя посланих в потребах его, которых товарище наше козаки в дорозе натрафивши, до нас до войска завернули. Чрез которых радостно пришло нам твою царскую велможность ведомым учинити оповоженю веры наше старожитной греческой, за которую з давних часов і за волности свои криваве заслужение, от коралей давних надание помира[ем] і до тых час от безбожных ариян покою не маем.

[Тв]орець избавитель наш Ісус Христос, ужаловавши кривд убогих людей і кривавых слезь сирот бедных, ласкою і милосердем Своим святим оглянувшись на нас, подобно, пославши слово Свое святое, ратовати нас рачил. Которую яму под нами были викопали, сами в ню ся обвалили, же

Pa = xp

две войска з великими таборами их помог нам Господь Бог опановати і трох гетманов живцем взяти з иншими их сенаторами: перший на Жолтой Воде, в полю посеред дороги Запорозкой, комисар Шемберк и сын пана краковского не з одною душею не втекли. Потом сам гетман великий пан краковский из невинним добрим человеком паном Мартином Калиновским, гетманом полным коронним, под Корсуном городом попали оба два в неволю і войско все их кварганное до щадку ест розбито; мы их не брали, але тие люди брали их, которые нам служили [в той ме]ре от царя крымского. Здалося теж нам и о том вашому [царскому] величеству ознаймити, же певная нас ведомость зайш[ла от]¹ князя Доменика Заславского, который до нас присылал, о мир просячи; и от пана Киселя, воеводи браславского, же певне короля, пана нашего, смерть взяла, так розумеем, же с причини тих же незбожних неприятелей его и наших, которых ест много королями в земли нашей, за чим земля тепер власне пуста. Зычили быхмо себе самодержця господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможность православный хрестиянский цар, азали бы предвечное пророчество от Христа Бога нашего исполнилося, што все в руках его святое милости. В чом упевняем ваше царское величество, если бы была на то воля Божая, а послах твуй царский зараз, не бавячися, на панство тое наступати, а мы зо всем Войском Запорозким услужить вашей царской велможности готовисмо, до которогосмо з найнижшими услугами своими, яко найпилне ся отдаемо. А меновите будет то вашому царскому величеству слышно, если ляхи знову на нас сходят наступати, в тот же час чим боржей поспешайся і з своей стороны на их наступати, а мы их за Божего помощь отсул возмем. И да исправит Бог з давних веков ознаймленное пророчество, которому мы сами себе полецевши, до милостивых нуг вашему царскому величеству, яко найуниженей, покорне отдаемо.

Дат с Черкас, июня 8, 1648 року.

~~Ш~~шому царскому величеству найнизши слуги. Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его королевской милости Запорозким.

(ЦГАДА, ф. Посольский приказ, Малороссийские грамоты, д. 28, л. подлинник, опубликован: Памятники Киевской Комиссии..., изд. 2, т. I, стр. 219—221; Акты ЮЗР, т. III, стр. 207—208; Історія України в документах і матеріалах, т. III, стор. 129—130).

II

1654 Г. ЯВВАРЯ 8. ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ИЗ ПЕРЕПИСАВА ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Список с листа белоруского письма, каков писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руссии Богдан Хмельницкой, гетман с Войском Запорожским, с головою московских стрельцов с Артемоном Матвеевым в нынешнем во 162-м году генваря в 17-й день.

Божиею милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя Русии самодержцу (п. т.)... и иных многих государств государю и обладателю вашему царскому величеству, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского и все Войско Запорожское низко до лица земли челом бьют.

Богу милостивому и вашему царскому величеству велико благодарим, получивше ныне, что от веку жаждали есмо, промыслом Божиим и милостию неизчетною вашего царского величества: что ваше царское величество пожаловати под крепкую и высокую руку свою государскую нас, верных слуг своих, принять изволил, мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем.

А по словеси евангельскому веру вашему царскому величеству, учинили есмо. И та дело совершили есмя перед ближним боярином вашего царского величества и наместником тверским Васильем Васильевичем Бутурлиным, окольным и наместником муромским Иваном Васильевичем Олферьевым да думным дьяком Ларионом Дмитриевичем Лопухиным. И просим: изволь, ваше царское величество, нас, верных слуг и подданных своих имети и от всех неприятелей боронити. А что есмя с ближним боярином вашего царского величества и с товарищи его разговаривали о всяких делах, они про то, про все пространнее вашему царскому величеству скажут. Потом, дабы ваше царское величество на великих престолах великого царства Российского долголетние царствовал и нас милостию и великими щедротами своими государскими прямым и верных слуг и подданных своих жалотати и миловати изволил просим, паки и паки просим, и себе самих в милость премногую вашего царского величества усердно вручаем.

Дан с Переясловля, дня 8-го генваря лета Божияго 1654-го года. Вашему царскому величеству верные подданные и найнижайшие слуги Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества Запорожским.

(ЦГАДА, ф. Посольский приказ, Малороссийские дела, 1654, д. 1, лл. 35—38, Копия опубл.: Акты ЮЗР, т. X, №4/11, стр. 261—262, сноска).

Приведенные выше два письма Богдана Хмельницкого, подлинность которых неоспорима, являются драгоценным и совершенно неопровержимым свидетельством о взаимоотношениях между восставшей против Польши Русью-Украиной и Московским государством.

В первом письме Богдан Хмельницкий подписывается, как «гетман его королевской милости» т. е. короля Польши. Не значит ли это, что Хмельницкий считал себя и свое войско польскими подданными? И не значит ли это, что ника-

кой «Казацкой державы», о которой говорят сепаратисты, тогда, т. е. в 1648 году, не было?

Ведь нельзя же предположить, чтобы глава государства, если он сам себя таковым считал, подписывался, как «гетман его королевской милости».

Заслуживает внимания в этом письме и то, что Хмельницкий говорит от имени «войска» (подразумевая, повидимому, под «войском» весь восставший народ), но нигде не упоминает ни названия территории, ни названия народа. Он не пишет ни «Украина», ни «Малая Россия».

Во втором письме, написанном после воссоединения, Хмельницкий подписывается так: «Вашему царскому величеству верные подданные и найнижайшие слуги Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества запорожским».

Эта подпись свидетельствует, что сам Богдан Хмельницкий вовсе не считал Переяславский акт договором между двумя государствами — «Казацкой державой» и Московским царством, как это утверждают сепаратистские украинские историки, а понимал его как воссоединение, в результате которого и он сам, и население подвластной ему территории стали подданными Московского государства.

Как видно из этих двух писем, первое из них выражало стремление населения Украины-Руси к воссоединению, а второе — благодарность и удовлетворение тем, что это воссоединение осуществилось.

БИБЛИОГРАФИЯ

«АКТЫ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ»

- Акты исторические, тт. 1—5 (русск.).
- Андрусак М. К истории правобережных казаков (укр.).
- Антонович В. Очерки истории Вел. кн. Литовского и др. печати. труды (русск. и укр.).
- Багалея Д. История Слободской Украины (русск.).
- Бойко И. К воссоединению Украины с Россией (русск.).
- Боплан. Описание Украины (русск.).
- Боярский А. Демографическая статистика (русск.).
- Булаховский. Вопрос происхождения укр. языка (укр.).
- Былины. Изд. Акад. Наук (русск.).
- Василенко Н. Очерки по ист. Зап. Руси и Украины и др. печатны труды (русск., укр.).
- Василенко-Полонская. Заселение южной Украины и др. печатн. труды (укр.).
- Величко Г. Взаимоотношения Руси и Византии в X—XI веках (укр.).
- Величко С. Сказание о войне казацкой с поляками (русск.).
- Вергун Д. Истор.-политич. статьи и исследования (в разн. изданиях) (русск.).
- Винтер Е. Византия и Рим в борьбе за Украину (укр.).
- Винниченко В. Возрождение нации и др. печатн. труды (укр.).
- Витезевекий С. Историческая правда (русск.).
- Владимирский-Буданов Передвижение южнорусск. населения в XVII веке (русск.).
- Возник М. История украинской литературы и др. печатн. труды (укр.).

- Волконский А. Историческая правда и украинофильская пропаганда (русск.).
- Воссоединение Украины с Россией. Документы в 3 тт. (русск. укр.).
- Галицкая Русь и Голуховский (русск.).
- Гермайзе О. Колювщина и др. печатн. труды (укр.).
- Гнатюк В. Национальное возрождение австро-венгерских украинцев (укр.).
- Голобуцкий В. Запорожское казачество и др. печатн. труды (русск.).
- Голубев С. Материалы для истории Западной Русской церкви и др. печ. труды (русск.).
- Голубинский Е. История русской церкви (русск.).
- Гончаренко И. Украина в споре с Россией (укр.).
- Горбань М. Гайдамаччина 1750 г. (укр.).
- Греков Б. Киевская Русь и др. печатн. труды (русск.).
- Грондский С. История казацко-польской войны (польск.).
- Грушевский М. История Украины-Руси и все другие печатн. труды (укр.).
- Гуслистый К. Очерки по истории Украины (русск.).
- Дедицкий Б. Своежитъевы Записки.
- Джиджора И. Украина в первой половине XVIII столетия (укр.).
- Доманицкий В. Казачество на рубеже XVI—XVII веков (укр.).
- Донцов Д. Украинская государственная идея и др. печатн. труды (немецк., укр.).
- Дорошенко Д. История Украины и др. истор. печатн. труды (укр.).
- Дорошенко В. Украинство в России (укр.).
- Драгоманов М. Об украинских казаках и друг. печатн. труды (укр.).
- Ефремов С. Около начала украинства и друг. печатн. труды (русск., укр.).
- Жукович П. Сеймовая борьба с церковной унией (русск.).
- Записки Научн. товарищества имени Шевченко (укр.).

Записки Историко-филологического отдела Украинской Академии наук (укр.).

Зубрицкий Д. История Галицко-русского княжества (русск.).

История Руси. Львов, 1895 (русск.).

История Руссов. Конец XVIII века (русск.).

Каманин Н. Очерк гетманства Сагайдачного (русск.).

Киевская Старина. Комплект за все годы издания (русск.).

Ключевский В. Курс русской истории в 8 тт. (русск.).

Клименко П. Цехи на Украине (укр.).

Коваленский Н. Русская история (русск.).

Копытнянский А. История Руси в 3 тт. (русск.).

Кордуба М. Связи Антоновича с Галичиной (укр.).

Костомаров Н. Собрание сочинений (русск.).

Коханик П. Украинская провокация (русск.).

Коханик П. Русь и православие (русск.).

Краткая Летопись Малой России. Изд. 1777 г. (русск.).

Крупницкий Б. История Укр. (на немецк. яз.) и друг. печатн. труды (немецк., укр.).

Кубийович В. География Украины и соседних краев (укр.).

Кулиш П. Материалы для истории воссоединения Руси и др. печатн. труды (русск., укр.).

Лапто И. Разные труды по истории юго-западной Руси (русск.).

Лазаревский А. Описание старой Малороссии и друг. печатн. труды (русск.).

Левицкий К. Разные печатн. труды по истории Украины (в разн. изд.) (укр., немецк.).

Любавский М. Очерк истории Русско-литовского государства (русск.).

Манинг К. Очерк об Украине (англ.).

Максимович М. Сборник «Киевлянин» и др. печатн. труды (русск.).

Маркевич Н. История Малороссии. Изд. 1842 г. (русск.).

Мемуары, относящиеся к Южной России. Изд. 1890 г. (русск.).

Мицюк О. Очерк социально-экономической истории Подкарпатской Руси (укр.).

Модест (епископ). История Холмской епархии (русск.).

Науменко В. Статьи и исследования по истории украинской культуры (русск.).

Огиенко И. Украинская культура (укр.).

Окиншевич Л. Лекции по истории украинского права (укр.).

Ольховский Г. Исторические судьбы Холмской Руси (русск.).

Освободительная война 1643—1654 гг. (русск.).

Павлищев Н. Польская анархия и война за Украину (русск.).

Пархоменко В. Начала историческо-государственной жизни на Украине (укр.).

Пастернак Я. Княжий Галич (укр.).

Пачовский В. История Закарпатья (укр.)

Пашуто В. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и др. печатн. труды (русск.).

Пелеш Г. История унии. изд. 1881 г. (немецк.).

Перфецкий Е. Венгерская Русь-Украина в XVIII столетии (укр.).

Пичета В. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в литовско-русском государстве (русск.)

Платонов С. Лекции по русской истории (русск.).

Похилевич Д. Крестьяне Литвы и Белоруссии в XVI—XVIII веках (русск.).

Пресняков А. Княжье право в Киевской Руси (русск.).

Рязановский В. Обзор истории русской культуры (русск.).

Скальковский А. История Новой Сечи (русск.).

Слабченко М. Социально-правовая организация Сечи Запорожской (укр.).

Соловьев С. История России с древнейших времен (русск.).

Срезневский И. Запорожская старина (русск.).

Твардовский С. Домашняя война с казаками и татарами (польск.).

Тиктор И. Большая история Украины (укр.).

Титов Ф. Старое высшее образование в Киевской Украине (русск.).

- Томашевский С. История Украины (укр.).
Харламович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь (русск.).
Цертелев Н. Опыт собирания старинных малороссийских песен (русск.).
Чижевский Д. История украинской литературы (укр.).
Чубатый М. Обзор истории украинского права (укр.).
Шараневич И. История Галицко-Волынской Руси (русск.).
Шутай В. Борьба народных масс против Карла XII (русск.).
Эварницкий Д. История Запорожских казаков (русск.).
Яковлев А. История Украины и др. печатн. труды (немецк., укр.).

В целях экономии места, мы ограничиваемся списком наиболее известных авторов и их главнейших трудов. Из тех же соображений мы лишены возможности перечислять многочисленные периодические издания, в которых помещался материал, связанный с затронутыми в книге вопросами. Авторы расположены в алфавитном порядке с обозначением, на каком языке напечатан труд.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛОВ О КНИГЕ

Цель «Неизвращенной истории Украины-Руси» изложена в начале книги: дать правдивую историю Украины-Руси и тем опровергнуть все извращения этой истории, которыми изобилует украинская сепаратистская историография.

Поэтому было неизбежно, параллельно с изложением неоспоримых исторических фактов, делать отступления для изложения тех извращений или умолчаний, к которым прибегает сепаратистская историография. Отступления эти вносят в книгу элемент полемический. Но зато они дают всякому объективному читателю ясную картину, насколько далеко зашло извращение истории Украины, которое является фундаментом для всего построения русоненавистнической сепаратистской пропаганды.

Причина издания книги не на украинском или английском языке, а по-русски объясняется желанием расширить возможный круг читателей.

Иностранцы, изучающие «русский вопрос» (сюда входит и вопрос «украинский») или им интересующиеся, в большинстве владеют русским языком или имеют возможность ознакомиться с содержанием книги через переводчиков. Знающих же украинский язык среди иностранцев очень мало и, как правило, они его не изучают.

Все культурные украинцы по-русски отлично понимают и чтение книги для них не будет затруднительным. Изданная же по-английски, эта книга для большинства из них была бы недоступной.

Недоступной была бы книга и для широкого круга русских читателей, если бы она была издана по-английски или по-украински. А между тем, знать правду о русско-украинских отношениях сейчас особенно важно, ибо вся пропаганда расчленения России имеет своим фундаментом извращенную историю Руси-Украины.

Если книга вызовет интерес и дальнейшие исследования, или будет полностью или частично переведена на иностранные языки — это докажет наличие понимания всей важности объективного освещения прошлого той Руси-Украины, которую враги России изображают как жертву агрессии чужих и чуждых украинцам великороссов.

Андрей Дикий

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	5
-------------------	---

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

Предыстория Руси (до образования Киевского государства) ...	8
Киевское государство	19
Расцвет и падение Киевской Руси	25
Галицко-Волынское княжество	50
Северо-восточный центр	67
Литовско-русское государство	85

ВТОРОЙ ПЕРИОД

Украина-Русь под Литвой и Польшей и борьба за освобождение (половина XIV до конца XVII столетия)	94
---	----

ТРЕТИЙ ПЕРИОД

Борьба за освобождение. Казацкие восстания конца XVI века	151
Восстания 30-х годов XVII века	172
Канун великого народного восстания 1648 года	185
Восстание Богдана Хмельницкого	202
Руина	268

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

От Руины до Полтавы (Самойлович — Мазепа)	319
Гетманы после Мазепы	344
Перемены за 110 лет жизни Левобережья в составе России ..	367
Слободская Украина	391
Правобережье под Польшей (1686—1793 годы)	397
Запорожская Сечь в XVIII веке (Новая Сечь)	416

Приложения. Письма Богдана Хмельницкого

царю Алексею Михайловичу	434
Библиография. «Акты по истории Западной России»	439
<i>Андрей Дикий. Несколько заключительных слов о книге</i>	444

Андрей Дикий

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Неизвращенная история Украины-Руси

Редактор *В. Г. Манягин*
Художественный редактор *А. Р. Стариков*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *В. Л. Авдеева*

В оформлении переплета использован фрагмент картины
В. Васнецова «Крещение Руси»

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Подписано в печать 24.12.2007. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 23,52.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 13.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

$кочух$ (кучух) - $кр.$ - $кo + ку (x) + вь (y)$
 - $кo + ко + с$ - $кo + ко (эбл)$ - $кoткo$
 - $кo + ко + и$

дзятэм - $дз + рa (1/3) + тeм$

результатр - $рe + ку (у) + рa (e) + тop$

тop - тот, который действует (дзятэм) - тол(р)катель

еврей - $рe (йэ) + в (ь) + рe$ в ребро т.е. погони
 или $евь$

иудея (юда/йуда) - $рy + да \approx рудей/рукий$

хид - $кч (x/и/х/г/к) + в \approx удийца$

лариса - лариса - La Risa (исп) улариса -

- риса (укр.) ларта - $рa (лa) риса$ - улариса
 ка Бориса

Область - $об + (р)рств$ т.е. обратное

$ста + (р)рств$ - $ста + (р)рств$ - $ста + (р)рств$

$ра + ств$ (рост) - становление, ра

$ра \neq ар$; $ра \Leftrightarrow ар$ ($ра \Leftrightarrow ар$ или)

(ра)нительно - ста(р)тельно

ме(ра)

триллер

Исторический

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Неизвращенная история Украины - Руси

АНДРЕЙ ДИКИЙ

Цель этой книги — дать правдивую историю Руси-Украины и тем опровергнуть все извращения этой истории, которыми обилует украинская сепаратистическая историография.

Поэтому было неизбежно, параллельно с изложением неоспоримых исторических фактов, делать отступления для изложения тех извращений или умолчаний, к которым прибегает сепаратистическая историография. Отступления эти вносят в книгу элемент полемический. Но зато они дают всякому объективному читателю ясную картину, насколько далеко зашло извращение истории Украины, которая является фундаментом для всего построения руссоненавистнической пропаганды на Украине.

Книга максимально сжато рассказывает об истории Украины, начиная с древнейших времен и заканчивая гибелью Запорожской Сечи.

ISBN 978-5-9265-0449-8

9 785926 504498 >